

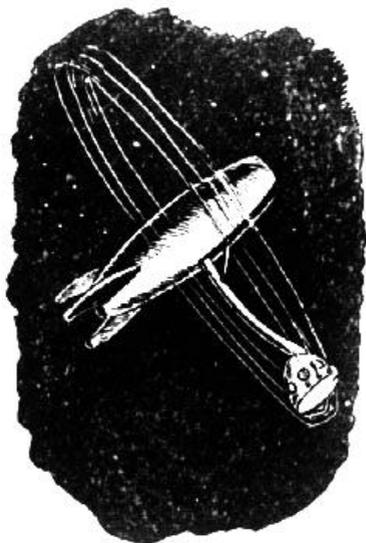

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ НА МАРСЕ

*Журнальная фантастика
50-х — 60-х годов XX века*

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «СПУТНИК™»
2020**

© Состав: Издательство «Спутник™», 2020 г.

Янка МАВР

**ФАНТОМОБИЛЬ
ПРОФЕССОРА
ЦИЛЯКОВСКОГО**

Фантастическая повесть

Перевод с белорусского

А. В. Левчика

*Впервые опубликовано в журнале «Малодосць»
(Минск) №№ 9-12 1954 г., №№ 1-2 1955 г.*

I.

ТАИНСТВЕННЫЕ ПРИШЕЛЬЦЫ

День и ночь свирепствует пурга. Небо смешалось с землей. Хотя в это время года на далеком Севере солнце вовсе не уходит с неба, но здесь, на зимовке, четвертый день продолжалась ночь. Здания зимовки на своем веку много раз видели пургу, но такой, как эта, наверное, и не видели. Вся зимовка была занесена снегом. Даже главный двухэтажный дом был засыпан с обеих сторон. Зимовщики, как видно, за эти дни не раз прочищали выход из него и проход к рабочим постройкам, но снег все равно засыпал их снова. Только мачта радиостанции поднимался вверх. И с этой мачты летели на Большую землю радиоволны:

«Третий день у нас пурга, гидролог Кузьменко при смерти. Спасти может только переливание крови. Группа первая. Ее у нас нет ...»

Было часов шесть вечера. В большой комнате нижнего этажа сидели два человека: метеоролог Юшкевич

и заведующий хозяйством, он же охотник, чукча Чардун. Они сидели молча, поглядывая то на занесенное снегом окно, то на немного приоткрытую дверь одной из комнат. Оттуда слышалось тяжелое дыхание, хрип, а временами и стон больного человека.

— Если бы не эта проклятая пурга, то сегодня мог бы прилететь самолет ... — тихо сказал Чардун — А когда пурга прекратится, то, может... будет и поздно.

— Все может быть, — Вздохнул метеоролог.

Послышался скрип лестницы, ведущей в верхнее помещение. Оттуда спускался радист Тимохин, самый молодой и самый высокий сиз зимовщиков.

— Радиограмму посылал раз десять, — сказал он и, взглянув на дверь в комнату больного, спросил:

— Как там?..

— То же самое, — ответил Юшкевич.

Тимохин на цыпочках подошел к двери, просунул голову, постоял несколько минут, и также на цыпочках вернулся назад и сел за стол.

Снова наступила тишина, если не считать завывания пурги. Но люди, казалось, совсем не слышали ее. Тиканье стенных часов было для них более слышным, так как они часто смотрели на них.

А стрелки двигались так медленно, что казалось, они стоят на месте. Проклятая пурга остановила не только жизнь зимовки, но и время. Время сейчас измерялось не часами, а ревом метели. Если остановится она — прилетит самолет, и человек будет жив, а если нет, то придется вот так сидеть и ждать его смерти.

Из комнаты больного вышла молодая женщина в белом халате, с усталым лицом, с припухшими глазами. Все внимательно посмотрели на нее, а она в ответ лишь сказала:

— То же самое...

Врач Людмила Антоновна была женой больного. Сцепив пальцы рук, она начала ходить взад и вперед по комнате.

Такое ожидание было мукой. Метеоролог сказал своим товарищам:

— Пойдем, проделаем еще раз проход.

И мужчины вышли в тамбур. Осторожно открыли дверь, и прямо с крыльца к ним влетел сугроб снега. Они взялись за работу, а Людмила Антоновна снова пошла к больному.

Когда мужчины вернулись назад, часы показывали половину восьмого. Из комнаты больного доносились хрип и стоны... На дворе, как и раньше, свирепствовала метель. Вдруг Чардуну показалось, что за окном через белый слой снега мелькнуло что-то темное, словно птица пролетела. Чардун вздрогнул, присмотрелся, но ничего не сказал: мало ли что могло ему показаться?

Прошла еще минута и... на дворе словно послышались голоса! Да еще детские?!

Здесь уже все трое подскочили и стали прислушиваться. И тогда отчетливо донесся до них мальчишеский голос:

— Эй! Откройте дверь!..

Зимовщики взглянули друг на друга почти бешеными глазами и некоторое время не могли сдвинуться с места, не произнося ни слова. Тогда снаружи послышались уже два голоса:

— Открой-т-е две-е-ри!

Мужчины бросились в тамбур, открыли дверь на крыльцо и стали разгребать снег. А за этим снегом снова слышалось:

— Не беспокойтесь, мы сами заедем. Мы небольшие.

Зимовщики, совершенно онемевшие от удивления, смогли выжать из горла лишь какие-то неясные звуки: а!.. э!.. о!..

Тем временем через дверь мягко и легко проехала какая-то красная машина. Она оказалась в прихожей, совсем не нанеся с собой снега.

— Закрывайте двери! — скомандовал из машины тот же мальчишеский голос.

В тамбур прибежала Людмила Антоновна. И все увидели перед собой какую-то совсем небольшую машинку с маленькими пропеллерами спереди и сзади, и маленькими крыльями, скорее похожими на птичьи, чем на самолетные. По бокам можно было заметить буквы: «ФЦ-2». Из кабины вылезли мальчик лет пятнадцати и девочка лет тринадцати. Одеты они были в

легкие школьные одежды. На девочке было платье с черным фартучком и пионерский галстук на шее, а на парне — брюки и ковбойка. На головах ничего надето не было, как летом.

Увидев это, Людмила Антоновна совсем забыла необычность самого факта и сразу закричала:

— Вы же замерзли! Скорее в дом!

Она схватила их за руки и потащила в центр комнаты. А мужчины все еще стояли и боялись прикоснуться к своим необычным гостям.

У девочки в руках был какой-то сверток. Мальчик взял из ее рук сверток и подал Людмиле Антоновне:

— Вот вам кровь, которую вы просили, — сказал мальчик.

У всех зимовщиков вырвался крик удивления, а Людмила Антоновна схватилась за сердце и пошатнулась. Радист подхватил ее и усадил в кресло. Через мгновение она подскочила, схватила сверток и побежала к больному.

— Петр Иванович, прошу вас помочь мне! — крикнула она по дороге.

Радист пошел за ней. По всему было видно, что ему очень не хочется оставлять гостей, которые «упали» с неба и появления которых никакой разум не мог бы объяснить.

— Мы свое дело сделали и можем отправляться домой, — сказал мальчик и повернулся к двери; за ним повернулась и девочка.

Этого уже никто не ожидал! Каждый из зимовщиков был уверен, что дети должны в них побывать, погреться, отдохнуть, что можно будет поговорить с ними, расспросить, кто они, откуда, как сюда попали и что это за машина такая. А они сейчас же отправляются обратно!

Не только метеоролог, но и Чардун, и радист, и Людмила Антоновна, которая, услышав разговор, убежала из комнаты больного, начали просить детей, чтобы они хоть немного побыли с ними.

Но таинственные пришельцы не согласились. Они сели в свою машину, почему-то надели на головы какие-то колпаки и попросили открыть дверь тамбура. С большой неохотой открыл Чардун дверь, и необычная машинка, словно тень, проскользнула через нее и исчезла. Никакого шума и звука не было слышно. Исчезла бесследно.

Несколько минут стояли растерянные зимовщики у раскрытой двери, пока снег, холод и ветер не заставили их закрыть дверь и вернуться в дом.

— Что же это такое? — прошептала Людмила Антоновна и даже провела ладонью по глазам.

— Наверное, сон ... — пробормотал Чардун.

— Какой же это сон, если препарат крови в наших руках! — воскликнул радист. — Посмотрите хорошенько, Людмила Антоновна, настоящий ли он?

— Я уже посмотрела, — ответила она. — Самый настоящий. Не будем сейчас ломать голову над загадкой, а скорее сделаем переливание.

И она с радистом снова пошла к больному. После переливания крови больной заснул спокойнее. И Людмила Антоновна вздохнула легче. Зимовщики смогли наконец поговорить о том, что произошло на их глазах.

Только о чем было разговаривать, когда ни один ум не смог бы понять такого чуда!

— Они же оказались здесь не позднее, чем через два часа после моей радиограммы, — задумчиво проговорил радист. — Как можно было добраться сюда за такое время, да еще в метель? Мы сами не смогли бы найти

даже свой дом, если бы оказались в сотни метров от него... И что это за невиданная машина? Одним словом, ничего не поймешь...

— Это, наверное, какая-то таинственная сила напустила нам в глаза тумана, — опасливо сказал Чардун.

— Хороший туман, когда от него остался в руках конкретный препарат, — сказал метеоролог. — Людмила Антоновна, подумайте, может, вы ничего не переливали больному?

— Наука знает, — сказала она, глядя куда-то в темный угол, — случаи, когда галлюцинацией бывали охвачены группы людей. Такие случаи бывали. Может, и с нами это случилось? Может, мы через некоторое время придем в себя?.. Ничего не понимаю...

Но они не пришли в себя ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра. А больному стало значительно лучше.

— Не рассказать ли об этом кому-нибудь? Не порасспрашивать ли?.. — рассуждали они.

— Я попробую спросить, — сказал радист.

— Нет, нет! Не нужно! — замахала руками Людмила Антоновна.

— Такой вопрос посылать по радио... официально... Да нас на смех поднимут во всем мире...

Вместо этого каждый из них написал своим близким на Большую Землю письмо с описанием необычного происшествия. Но большинство ответов сводилась к словам:

— Не советуем пить слишком много.

А когда прошли недели и месяцы, то и самим им начало казаться, что ничего такого не было...

II. ДЕДУШКА И ВНУКИ

В глухом переулке небольшого городка Н. за высокой оградой стоит старый деревянный дом на полтора этажа: нижний этаж из четырех больших комнат с верандой, над ним помещение под крышей, также с верандой. Вокруг всей усадьбы, как часовые, стоят высокие тополя, липы, клены, а в середине сада растут старые кривые яблони. Весь дом прячется в деревьях; тихо, уютно в этом углу, и прохожих мало, и проезжего редко увидишь. В этом доме более пятидесяти лет живет старый ученый Петр Трофимович Цыляковский. В нижних комнатах располагается его семья, а сам он весь свой век проводит наверху, где у него то ли лаборатория, то ли мастерская, то ли музей, а точнее — все вместе. Особенно много моделей разных удивительных машин: каких-то необычных самолетов, дирижаблей, ракет и таких устройств, которым и наименования-то не подберешь. Над крышей поднимается вышка, где находится телескоп: Петр Трофимович всегда дружил с небесными светилами. Нет в городе жителя, который не знал бы этого симпатичного старика с седой бородой и зонтиком в руках. Старожилы помнят Петра Трофимовича еще со времен царизма как учителя гимназии, который весь свое заработок тратил на научные опыты, не имея ни от кого никакой помощи. Молодые знают дедушку Цыля-

ковского как известного всему миру советского ученого, у которого есть все возможности заниматься своей любимой наукой. Ходили слухи, что он изобрел разные удивительные машины, на которых можно было летать на Луну или на Марс. Многие в городе просто считали его чудачком, фантазером, но говорили об этом без насмешки, с любовью.

Те, кто с ним знакомился ближе, больше всего восхищались его добротой и чистотой души. Казалось, ничто плохое, что существует на свете, ни разу не коснулось этого восьмидесятилетнего человека. И еще одна особенность удивляла каждого — это внутренняя молодость Петра Трофимовича. Не только взрослые, но и молодежь, даже дети чувствовали себя с ним как равный с равным, как со своим близким товарищем. Шли годы, полысела голова, поседела борода, морщинки покрыли лицо, а сам он словно и не изменился: такими же живыми оставались его глаза, также близко к сердцу принимал он все явления жизни — волновался за революцию в Китае, увлекался большим планом преобразования природы, возмущался неполадками в городском транспорте и интригами американских капиталистов, переживал чужое горе и чужие радости, радовался успехам социалистического строительства и говорил о будущем так, словно ему еще оставалось жить как минимум лет сто.

Одна только беда была: такой энергии ему хватало на два-три часа, а потом ощущалась потребность отдохнуть, подремать. Но через полчаса или даже менее он уже снова был молодым на несколько часов.

У Петра Трофимовича была большая семья, но дети давно выросли и разошлись своими путями. Они только приезжали с семьями в свой родной дом во время отпуска. Жена Петра Трофимовича давно умерла. Теперь

жила с ним младшая дочь Нина Петровна с двумя детьми — тринадцатилетней дочерью Светланой и пятнадцатилетним сыном Светозаром. Отец их, военный инженер, погиб во время Великой Отечественной войны, и они переселились к деду.

Дед сильно любил своих внуков, тешился ими. Учились дети очень хорошо, девочка в шестом классе, а мальчик в восьмом. Ни у кого не было от них никаких неприятностей. Они были любопытны и читали много книг. Поэтому и учиться им было легко. Даже можно сказать, что они слишком много читали книг. Живя обособленно, они как-то отделились от своих товарищей, и все свободное время проводили в своем укромном уголке вместе с дедом. Дед нежно называл их «Светлячки», охотно занимался с ними и старался передать им свои знания и мечты. А знаний и мечтаний у него было столько, что хватило бы на тысячу человек!

Прижавшись друг к другу, затаив дыхание, Светозар и Светлана слушали его как замороженные. Рассказы деда переносили их то в прекрасный город будущего, то в сибирскую тайгу, то на Луну, то в историческое прошлое, то на Южный полюс...

— Фантазия, — говорил дед, — великая сила! Без фантазии самый светлый ум был бы слепой. Чело-

век видел бы только то, что у него перед глазами, к чему он может прикоснуться рукой, а фантазия освещает путь вперед на такое расстояние, на которое не достигнет свет никакого прожектора. Она дает возможность видеть то, чего еще нет. Изобретатель, создавая новую машину, уже заранее видит, как она выглядит и как работает. Архитектор может показать нам дом, который еще не начали строить. Ученый, исследуя свет далеких звезд и планет, может рассказать о них так точно, словно он сам там побывал. Советский народ еще начинает превращать степи и пустыни в богатые, плодородные земли, сажает леса, прорывает каналы, а вы уже можете видеть на картинках, какой вид они будут иметь. Все это возможно только благодаря фантазии. Никакие знания не могут быть знаниями без воображения, то есть, без той же самой фантазии.

В раскрытые двери, виляя хвостом, вбежал пес и стал ласкаться к деду.

— Не мешай! — строго сказал ему дед. Собака легла на пол, положила голову на лапы и затихла, словно поняла, что ей сказали. Дети засмеялись.

— Вот видите, — сказал им дед. — Собака, а какой-то разум имеет. Слон, конечно, еще умнее. А вот фантазии ни у кого из животных нет. Фантазия — есть высшая свойство, которое по всей природе имеет только человек. Мы должны этим гордиться.

Видимо, эта тема для ученого была самой любимой, так как он часто к ней возвращался и пользовался каждым случаем, чтобы подчеркнуть значение фантазии.

— Фантазия, — говорил он в следующий раз, — не только дает возможность видеть то, что человек предполагает сделать. Она вообще неограниченна. «На крыльях фантазии», как издавна говорят, можно пере-

нестись и туда, куда совсем уж нельзя попасть, — в самую середину Земли, на Солнце, а то и просто в будущее или прошлое. Есть очень много книг, где говорится о таких путешествиях. Там описываются самые разнообразные и самые неправдоподобные способы: то машина-крот для путешествия под Землей, то какие-то стеклянные пузыри для жизни на дне океана, то вообще машина для путешествия в прошлое. А в одном случае путешественники умудрились выехать из центра Земли на деревянном плоту, да еще через вулкан во время его действия.

— Эта книга Жюль Верна «Путешествие к центру Земли», — сказала Светлана. — Мы читали.

— А еще мы читали книгу Герберта Уэллса «Машина времени», — добавил Светозар.

— Ну и что, вы поверили, что так было в действительности? — спросил дед.

— Нет, — ответили внуки. — Но читать все равно было интересно. Очень интересно.

— Сказки вообще более интересны для детей, так как у детей фантазия большая. А если сказки хотя бы немного базируются на научных данных, то это еще лучше. К сожалению, те книги, о которых мы говорим, писались очень давно, когда наука и думать не могла о том, что сегодня знаете хотя бы вы сами. Например, никому тогда не могло бы прийти в голову, что для так называемых фантастических путешествий можно использовать энергию самой фантазии. И не в сказке, а на деле.

— Взаправду?! — вырвалось у детей.

— Да, взаправду, — улыбнулся дед. — Даже у вас хватит знаний, чтобы понять это. Слушайте. Все явления природы — материальные. Русский ученый Лебедев давно показал, что свет давит на то место, куда оно

падает. Радиоволны, которые никто не видит и не чувствует и которые, между прочим, тоже открыл русский ученый Попов, — настолько материальные, что вы сами слышите их работу. Все то, что мы называем энергией, также материальная вещь. А энергия выделяется везде, где происходит какой-либо процесс. Если человек думает или фантазирует, в мозгу его тоже происходит процесс, значит — и выделяется энергия. Хотя и чрезвычайно слабая, но все равно материальная. А если материальная, то ею можно и воспользоваться. Вы знаете, как мы используем радиоволны. Радиоволны не только кричат и шумят в наших приемниках, но еще управляют самолетами без летчика и огромными кораблями без экипажа. А знаете ли вы, сколько энергии несут приемнику радиоволны за год? Подчеркиваю — за целый год. Столько, сколько тратит муха, чтобы подняться вверх по стене на один сантиметр. Вот какая сила может заставлять приемник греметь целый год. Конечно, не сами эти слабенькие радиоволны делают такую работу, а с помощью электричества, которое превращает энергию их в те звуки, слова, музыку, передаваемые человеком через, как мы видели, чрезвычайно слабые волны.

Энергия, выделяющаяся в процессе работы нашего мозга, конечно, несравнимо меньше энергии радиоволн, но зато мы теперь имеем силу несравненно большую, чем электричество — атомную энергию. Эта энергия может сделать то же самое с импульсом нашего мозга, что делает электричество с импульсами радиостанции. То есть, выполнять все то, чего хочет наш мозг, иначе говоря, наши фантазии. Ну, светлячки, поняли ли вы что-нибудь?

— Чуть-чуть поняли, — произнес Светозар, глядя на деда широко раскрытыми глазами.

— А разве можно это сделать? — тихо спросила Светлана.

— Теперь все можно, — серьезно ответил дед. — Нынешнее состояние нашей науки, особенно атомной, позволяет это. Я уже давно занимаюсь этим вопросом и надеюсь сделать вам такую машину.

Такие авторитетные и серьезные слова ученого заставили детей поверить в подлинность всего дела. Они тут же начали мечтать.

— Я полетел бы на Луну или на Солнце, — сказал Светозар.

— А я сначала объехала бы весь наш Союз, — сказала Светлана.

Они даже начали спорить, куда ехать, и выдумывали все новые и новые маршруты. А дед смотрел на них и, посмеиваясь, кивал головой.

— Да, да. Хорошо, хорошо. Вижу я, фантазировать вы умеете. Теперь посмотрим, какую энергию имеет ваша фантазия.

Он встал с кресла, подошел к шкафу, где блестяли различные сложные устройства, и взял одну штучку с циферблатом, который был прикреплен к широкой круглой подставке с выемкой внизу, как перевернутая миска.

Подойдя к внукам, дед приложил устройство к голове сначала одному, а потом другому, наблюдая за стрелкой. Потом весело сказал:

— Очень хорошо! Горючего хватит на путешествия, какие пожелаете.

Вдруг он посерьезнел, глаза его погасли и, сдаётся, уже не видели внуков. Он сел в свое кресло и опустил голову. Светозар и Светлана поняли, что деду нужно отдохнуть, и тихонько вышли из комнаты.

Когда первое впечатление от разговора с дедушкой прошло, Светозар и Светлана начали думать, что он шутил, рассказывал им одну из тех научных сказок, которые дети слышали от него уже не раз. И раньше часто бывало, что не разберешь, где кончается наука и где начинается сказка.

— Научные сказки, — говорил он, — отличаются от народных тем, что в народных неправдоподобными обычно бывают все факты, а в научной может быть неправдоподобным какой-нибудь один, основной. Возьмем, например, известную сказку «Конек-Горбунок». Там, во-первых, неправдоподобен сам Конек-Горбунок. Иванушка, который едет на нем, встречается дальше и неправдоподобного кита, и ерша, и неправдоподобную Жар-птицу, и вообще все события в сказке неправдоподобны. В научной сказке «Плутония» нашего ученого Обручева неправдоподобно только то, что в наше время человек попал в какое-то царство допотопных зверей. Зато все дальнейшее описание абсолютно правильное: если бы человек действительно мог попасть в такое царство, он увидел бы как раз тех же животных, в том самом царстве, где они были бы в действительности!

Вспоминая эти слова, Светозар и Светлана задавали себе вопрос: наверное, и здесь была научная сказка? Наверное, и здесь есть что-нибудь неправдоподобное? Но что? И почему дед говорил так, словно действительно может сделать машину?

— А зачем нам ломать голову? — наконец решили они. — Если это была сказка, пусть будет сказка, а если это правда, то сами увидим.

После этого внукам долгое время не приходилось сидеть у деда и беседовать с ним.

Он был очень занят, даже выезжал куда-то; потом к нему приходили какие-то люди, что-то приносили, мастирили там наверху. Вниз дед спускался редко и ни на кого не обращал внимания.

Но никто этому не удивлялся: он часто был таким, когда был очень увлечен своей работой.

И вот однажды дед сказал:

— Ну, светлячки, идите, принимайте свою машину.

На веранде у деда стояла маленькая красная машина, похожая одновременно и на автомобиль, и на подводную лодку, и на самолет, так как сбоку были маленькие крылья, как у птицы, которая готовилась взлететь.

Внизу чуть виднелись небольшие колеса. Спереди был маленький пропеллер с немного загнутыми назад лопастями; так он был похож на сверло. Сзади, где в автомобилях часто прикрепляются запасные колеса, тоже был то ли пропеллер, похожий на вентилятор, то ли вентилятор, похожий на пропеллер. На боках было написано «ФЦ-1».

Мама, которая тоже была здесь, сказала своему отцу с укором:

— Стоило ли столько беспокоиться ради такой игрушки? Она ж, наверное, и стоит дорого. Вместо нее лучше было бы велосипеды им купил. А эту штуку и не используешь никак...

— Эх, мать! — сказал старик с укором. — Не используешь! А ты уже забыла, как сама когда-то использовала даже перевернутое кресло для путешествий по всему миру? И, кажется, была уверена, что это реальность.

— Так это была детская фантазия, — ответила дочь.

— Вот мы и воспользуемся эту детскую фантазию. Только не так, как вы когда-то, а по-научному.

— Ну, играйте себе по-научному, — равнодушно сказала мать и пошла вниз.

— А что означают буквы «ФЦ»? — поинтересовалась Светлана.

— Это название, — засмеялся дед. — Читается так: «Фантомобиль Цыляковского», модель первая. А теперь садитесь в свой фантомобиль. На голову наденьте эти шлемы. От них идут провода к этому аппарату (за их спиной было как бы окошко с сеткой). Здесь именно находится, так сказать, сердце машины. Как я уже говорил, двигать машину будет ваша фантазия. Это значит, что можно выполнить каждое ваше желание. Повторяю — каждое. Значит, никакого другого управления не нужно, и вы можете сидеть спокойно и фантазировать. Чтобы пустить машину в ход, нужно нажать вот эту кнопку. Тут еще есть циферблат со стрелкой, так вы его пока не трогайте: я потом скажу вам, как им пользоваться. Скорость вашего «фантомобилia» в принципе должна быть такая же, как скорость фантазии, то есть, неограниченная. Но в природе мы еще не знаем скорости, превышающей скорость света, то есть, триста тысяч километров в секунду. Наука считает, что вообще большей скорости не может быть, как не может быть холода, большего, чем 273 градуса. Ну что ж, если не удастся нам поднять скорость машины до скорости фантазии, то хватит вам и скорости света, с которой вы сможете оказаться, например, на Луне через одну и три десятых секунды, или за одну секунду объехать вокруг Земли семь с половиной раз. Помните только, что перед посадкой нужно заранее уменьшить ход, чтобы вас инерция не расплющила. Это же надо иметь в виду и при ускорении. Но поскольку все зависит от ощущений вашего тела, то я уверен, что оно инстинктивно будет само регулировать скорость, как и регули-

рует равновесие во времени ходьбы. Пока вы находитесь в машине, никакая опасность вам не грозит, так как вы можете в любой момент направить ее обратно. Вот, вроде, и все.

Внуки не знали, что и подумать. Разум подсказывал им, что этого не может быть. Но дед говорил совершенно серьезно, верить ему внуки привыкли с самого рождения. Да и к тому же они знали, что весь мир считает их деда великим ученым. Как было не верить?

Тогда Светлана без всяких обиняков задала ему один вопрос:

— А вы сами, дедуля, ездили на такой машине?

Дед искренне рассмеялся.

— Правильный вопрос, Светланочка! — сказал он сквозь смех. — Или, как говорят, провокационный вопрос. Но на него есть очень простой ответ: у взрослого человека, а тем более у такого старого, как я, фантазия совсем не та, что у детей. Могла бы, скажем, теперь ваша мать, как вы слышали, фантазировать, как вдетстве, ездить по всему миру на перевернутом стуле? Нет, на нашей фантазии далеко не поедешь, а вот на вашей ... Нажимайте кнопку — и в дорогу!

Послышался тихий гул, как при включении радиоприемника. Вздрогнула, приподнялась, мелькнула в воздухе и исчезла машина. Старик посмотрел ей вслед счастливыми глазами и прошептал:

— Да, рассуждения мои оказались правильными...

Потом глаза его погасли. Он опустил на стул и задремал.

Бездержный рейс

Машина сразу оказалась в черноте, где со всех сторон сверкали точки-звезды. Движения не ощущалось, только за спиной тихонько гудело, словно там запуталась в паутине муха. Звезды-точки, в зависимости от приближения или отдаления, то увеличивались, то уменьшались. Вдруг далеко сбоку появился огромный лохматый огненный шар с хвостом.

— Комета!

Летела она наперерез машине и наверняка должна была столкнуться с ней, если можно говорить о столкновении горы с мухой. Но у наших пассажиров не было никакого желания сталкиваться с кометой, значит, и машине передалось это нежелание. Скорость ее уменьшилась, голова кометы пролетела мимо, а машина врезалась в хвост.

— Ай! — вскрикнула Светлана.

— Не бойся, — спокойно сказал Светозар. — Это просто туман. Дед говорил, что в 1911 году наша Земля тоже пролетела через хвост кометы, и никто этого не заметил.

Самым интересным было то, что все это произошло в мертвой тишине, так как в пространстве без воздуха звуки передаваться не могут.

Когда машина пролетела через хвост кометы, Светозар со смехом сказал:

— А знаешь ли ты, что если бы мы летели через этот хвост на самолете со скоростью даже тысячу километров в час, то нам пришлось бы лететь несколько лет. Я сам это читал.

— Ну?! — удивилась Светлана.

Рассуждать больше не было времени. Впереди одна из звезд начала быстро увеличиваться, стала, как солнце, потом начала расти все больше и больше, наконец, превратилась в огненную стену без конца и края.

— Назад!!! — невольно вырвался крик у брата и сестры.

И внезапно машина повернула назад и полетела в противоположную сторону. А там было такое же черное небо, на нем светились такие же звезды-точки, и другая звезда тотчас же стала превращаться в огненную стену без конца во все стороны. Закричали дети в ужасе:

— Назад!

И снова повторилось то же самое ...

Тесно стало нашим героям в мировых пространствах — везде они натыкались на звезды, планеты, кометы. По-видимому, для фантазии и вселенная не такая уж и большая.

— На Землю!!! — со слезами закричали путешественники. И... оказались среди льдов. Поодаль сидел белый медведь и следил над полыньей за тюленем. Холодно, неуютно показалось здесь детям — и они сразу оказались в какой-то горячей пустыне. Вокруг, как морские волны, шли барханы; гребни их словно дымилась от легкого ветерка. Жара страшная...

— Ну и путешествие! — рассердился Светозар. — Прыгаем, как блоха, и ничего хорошего не видим.

— Дед же говорил, что скорость нашей машины такая же, как скорость мысли, — отметила Светлана.

— А зачем нам такая скорость? — закричал Светозар так, словно Светлана была в этом виновата. — Вон куда, невесть чего занесло! Лучше бы уж на море занесло, чем в эти пески.

Тут же подул холодный ветерок — и они увидели, что барханы превратились в настоящие морские волны, а их машину начало бросать, как щепку.

Снова испугались дети. Светозар, дрожа от страха, начал успокаивать сестру:

— Чего боишься? Разве ты забыла, что от нас самих зависит, куда нам деться. Захотим выбраться на землю — и будем там.

И действительно, они уже были на земле. Это был крохотный коралловый островок в Тихом океане. На нем росло несколько кокосовых пальм, а больше ничего и ничего не было.

— Слушай, Света, снимай скорее свой шлем! — крикнул Светозар и снял свой. — Скорее, скорее снимай!

— Что такое? — испугалась Светлана.

— Снимай, снимай! — подгонял Светозар и, когда она сняла, добавил: — Надо нам отдохнуть от этих скачек. Если шлемы будут на голове, то мы без конца будем перепрыгивать. А сейчас мы даже можем вылезти и походить здесь.

Они вышли из кабины и с удовольствием распрямили руки и ноги. Легкий ветерок нежно обдавал их лица. Море было тихое, на горизонте дымился пароход. Он шел мимо, с людьми, а дети оставались здесь,

на другом конце мира, одни. Невольно пришла в голову мысль: «А что, если не удастся выбраться отсюда?»

— Едем скорее на родину! — сказала Светлана. Светозар молча пошел к машине. Сели на свои места, надели шлемы, смотрят — стоит милиционер и с интересом всматривается в них.

А их машина стоит на площади, перед ними кремлевская стена со своими блестящими звездами. Вокруг необычной машины начали собираться люди. Сейчас подойдет милиционер и начнет расспрашивать — кто, что, откуда, как, почему, да еще пристанет, что нет номера настоящего на машине и шоферские прав у них нет.

Тогда у обоих путешественников появилась последняя, самая сильная мысль: «Домой!»

И машина на глазах нескольких сотен человек пропала...

Люди потеряли себе глаза, осторожно поглядели на своих соседей. Видел еще кто? Но никто первый не смел сказать, что он видел такое чудо. Каждый боялся, что над ним начнут смеяться, и каждый сам себя убедил, что ему одному так показалось.

Милиционер также протер свои глаза, а после смел попытаться рассказать своим товарищам, что он видел, но товарищи только посмеялись.

Среди людей, которые наблюдали это событие, был один журналист, но он не мог даже подумать, чтобы написать об этом в газету, но и кому-нибудь рассказать об увиденном. Кому охота выставить себя на посмешище?

Светозар и Светлана были уже на своей веранде. Вышли из машины и пошли в комнату. Было тихо, дед

дремал в своем кресле. Солнце также светило в окно, как и раньше, и лучи его как будто были на том же самом месте.

— Сколько же времени мы отсутствовали? — шепотом спросила Светлана.

— Не знаю, — ответил Светозар, — но помню, что, идя на балкон, я взглянул на часы и заметил, что было двенадцать часов. А теперь, видишь, семь минут после двенадцати.

— Неужели мы только семь минут путешествовали? — воскликнула Светлана.

— Тихо, деда разбудишь! — толкнул ее Светозар. — и ездили мы не семь минут, а менее: в эти семь входит и то время, которое пошло на нашу посадку, на долгое объяснение деда...

— Значит, мы нигде не были — с досадой сказала Светлана.

— Значит, все это нам только показалось!

— А мы сейчас все это проверим, — послышался тихий голос деда. — Расскажите мне сначала о вашем путешествии.

Внуки начали рассказывать, спеша, опережая один другого, поправляя, дополняя то, что другой забыл.

Дед слушал чрезвычайно внимательно, что-то записывал, задавал вопросы, выяснял все подробности. Потом подумал и тихо, словно про себя, сказал:

— Да, да. Правильно. Так оно и должно было быть. Как это я не догадался... — А затем обратился к внукам: — Теперь я могу вам сказать, показалось вам все это, или оно было в действительности. Может ли так быть, чтобы два человека видели во всех подробностях один и тот же сон? Возможно, чтобы они рассказывали его так, как вы сейчас: поправляли, подсказывали, вспоминали, кто что говорил, что делал? Разве может

другой человек точно знать и рассказать сон? Слышали ли вы когда-нибудь о такой случай?

— Значит, ваше путешествие вам не показалось, а было настоящим, — закончил дед.

Светозар и Светлана только посмотрели друг на друга и пожали плечами. Потом Светозар спросил:

— А почему наше путешествие было такое нелепое? Почему нас бросало во все концы Вселенной?

— А вот почему, — ответил дед. — Вы, наверное, не раз слышали, как о том или другом человеке иногда говорят, что у него безудержная фантазия, куда хочет, туда и несет его. Такой человек в своих мыслях и чувствах бросается во все стороны. Он не хочет и не умеет сдерживать себя. Значит, в первую очередь вам нужно научиться сдерживать свою фантазию, как мы часто сдерживаем некоторые свои желания, чувства, например, злость. Нужно приучить себя серьезно думать об одном, а не перескакивать с одной мысли на другую. Конечно, требовать от вас такой выдержки еще нельзя, поэтому я придумаю какое-нибудь усовершенствование в машине, чтобы оно помогло вам сдерживать и правильно направлять вашу фантазию.

— Это я чуть-чуть понять могу, — задумчиво проговорила Светлана, — а так как наше путешествие продолжалось всего несколько минут, то это уже совсем чудо. А вы сами всегда говорите нам, что никаких чудес на свете нет.

— Опять ты меня ловишь! — засмеялся дед. — Ну, так я тебе скажу, что и здесь никакого чуда нет.

— Неужели?! — воскликнули внуки вместе.

— А вот послушайте. Представьте себе, что вы спите и видите сон: ходите ли вы по лесу и собираете грибы; вдруг на вас выходит медведь; вы убегаете, он за вами гонится; бежите вы долго, далеко, наконец увидели

охотника и стали просить, чтобы он спас вас; охотник снимает с плеч ружье и ... выстрел разбудил вас. Но не этот несуществующий выстрел, а второй, настоящий.

— Какой?

— Ну, скажем, кто-то у вашего окна выстрелил в ворону. От этого выстрела вы и проснулись. И что же! Наука говорит, что весь ваш сон произошел в тот момент, когда произошел выстрел. То есть, и грибы, и медведь, и охотник мелькнули в вашем мозгу только тогда, когда раздался настоящий выстрел. От выстрела под окном вы успели увидеть во сне всю эту длинную историю. А сон и фантазия — это брат и сестра, только брат глупый, а сестра — умная.

— Это ты глупый, а я умная, — шепнула Светлана и толкнула брата в сторону.

— Отстань! — сердито буркнул Светозар.

— Светлячки, не ругайте! — словно бы строго сказал дедушка, а у самого глаза были такие ласковые-ласковые. — Ну, теперь вы видите, что и здесь никакого чуда нет.

— В таком случае, нам все это приснилось, — упрямо сказала Светлана.

— То, да не то, — улыбнулся дед. — Я же вам говорил, что про твой сон никто не расскажет, если ты никому не говорила о нем, а о твоём путешествии может рассказать Светозар даже больше, чем ты сама вспомнишь. Так или иначе, вам не стоит сильно ломать голову над этим делом: все понять вы еще не сумеете. Вместо того подумайте о том, как сделать ваши путешествия более организованными и содержательными. А для этого нужно сначала подготовиться, то есть, прочитать как можно больше книг о том месте, которое вы захотите увидеть, и о тех фактах и событиях, которые связаны с этим местом. Если, например, наши

футболисты едут в Норвегию, то они сначала прочитают все, что можно, об этой стране. Имейте в виду, что нет такой фантазия, которая состояла бы из элементов, совершенно незнакомых человеку, как нет здания, которое было бы построено из ничего. Какую бы неправдоподобную, дикую, нелепую фантазию вы не придумали, все равно она будет состоять из частей, которые вы до сих пор знали, видели, о которых слышали, читали. Как и везде, в природе из ничего — ничего не сделаешь. Значит, чтобы ваша фантазия была более интересной и умной, вы сначала должны собрать побольше материала для нее.

Светозар о чем-то напряженно подумал, а затем сказал:

— Если это был не сон, то я не понимаю одного дела.

— Какого?

— Мы знаем, что при большой скорости даже камни, метеоры раскаляются от трения воздуха. А у нас скорость большая, а мы не раскалились.

— Правильный вопрос, разумный вопрос! — удовлетворенно сказал дед. — Дело в том, что ваша машина сделана из фантазии — материала, который сильнее всех металлов на земле. Вы могли сами заметить, что за него ничего не цепляется, все скользит и не трется. Попробуйте ударить по нему молотком, и следа от удара не будет, так как молоток просто соскользнет по поверхности. Не только воздух не будет тереть его, но и твердые предметы. Ваша машина может пробить стену, и куски бетона, соскользнув, не повредят ее.

Что могли ответить внуки своему ученому деду? Приходилось верить ...

«ФЦ-2»

Снова дед занялся работой, снова куда-то ездил, снова приходили к нему неизвестные люди и что-то мастерили ... И снова пришел день, когда дед позвал к себе внуков.

На балконе стояла та самая машина, только по бокам ее было уже написано «ФЦ-2». А в кабинке было рулевое колесо, как в обычном автомобиле. Да внизу еще была педаль.

— Вот вам усовершенствованный «Фантомобиль-2», — сказал дед. — Видите, здесь уже есть руль. Если его держать прямо по этой стрелке, то он не даст вашей фантазии слишком отклоняться в сторону, как было с вами в первый раз. Машина пойдет, так сказать, по средней линии между вашими мыслями. Затем вот тут, как в каждом автомобиле, есть тормоз. Нажимая ногой эту педаль, вы будете задерживать и регулировать скорость по вашему желанию.

— Машиной буду управлять я! — закричал Светозар, испугавшись слова "вы".

— Ты, ты, — успокоил его дед. — Но когда-нибудь дашь и Светлане. На этот раз я вас сразу не пущу в дорогу. Вы сначала подготовьтесь, посоветуйтесь, куда лететь, и почитайте книги. Иначе говоря, вам нужно накопить горючего, или, как говорят шоферы, заправиться. Идите, а если будете готовы, скажете мне.

Но не так просто было им договориться, как казалось деду. У каждого из них нашлось много желаний, и все эти желания перепутались и мешали друг другу.

— Я хочу в Австралию! — говорила Светлана.

— А я хочу в Америку! — говорил Светозар.

— Тогда лучше в Африку!

— На Южный полюс!

— На Марс!

Услышал эти споры дед и позвал их к себе.

— Вот как вы договариваетесь! — сказал он с укором. — Что с вами было бы, если бы вы так начали спорить в машине? Не забывайте, что это будет ваш первый рейс на реконструированной машине. Далеко вы еще успеете поездить, а теперь выбирайте маршрут попроще. Вам нужно сначала попрактиковаться на коротких путешествиях. Для начала попробуйте сделать маленькую экскурсию на десять тысяч километров. Только что мне сказали, что на одной из наших зимовок в Северном Ледовитом океане, возле Чукотки, несколько дней бушует метель, которая не дает возможности доставить туда лекарство. А без него там человек умрет. Я сейчас пойду, принесу это лекарство ...

А что было дальше, мы уже знаем.

Это путешествие «светлячкам» более понравилось, хотя оно было не такое разнообразное, и не было никаких приключений. Только одно их смущало — встреча с нашими людьми.

— Мы не знаем, как себя вести в таких случаях, — говорили они деду. — Люди смотрят на нас, как на чудо, хотят расспросить нас, кто мы такие, откуда, как мы сюда попали, какая у нас машина и прочее. А мы не знаем, что им говорить, как себя держать.

— Действительно, ваше положение трудновато, — согласился дед. — В таких случаях, как этот, вам ничего не остается делать, как бежать. А в других случаях вы старайтесь делать так, чтобы не обращать на себя слишком большого внимания, чтобы ничем не отличаться от других людей. Машину свою вы можете спрятать где-нибудь.

— А если кто ее заберет? — перебила Светлана.

— Вы можете поставить ее, как обычную машину, у каких-нибудь хороших, простых людей. Кроме того, можно в машине включить ток, как это иногда и делают наши шоферы. Тогда уже к вашему фантомобилю никто не притронется.

— А почему, дедуня, вы вообще держите в секрете это великое изобретение? — спросил Светозар. — Почему не сообщите об этом нашим ученым и нашему правительству?

— Не пришло еще время, дорогие мои светлячки, — ответил дед, — Не все еще продумано до конца, не все еще проверено, даже много чего я и сам еще не понимаю. Вы сами, своими путешествиями должны дать мне материал для завершения моей работы. А если я выступлю сейчас, то надо мной будут смеяться.

Я уже говорил вам, что мы, взрослые, летать еще не можем, нашей фантазии для этого недостает. Мы пока что можем посылать только детей. А кто из ученых поверит, что где-либо говорят научную правду? Вот когда я смогу сам сесть в машину и посадить с собой какого-нибудь академика, тогда будет совсем другой разговор.

А пока что Петр Трофимович Циляковский подробно записывал все, что рассказывали его внуки о своих путешествиях. Эти записи позже попали в руки автора этой книги. Автор разобрал их, обработал, выбрал наиболее интересные, напечатал и предлагает сейчас своим читателям.

III. В АМЕРИКЕ

Радиостанция на голове

Через некоторое время дед позвал Светозара и Светлану и сказал:

— Вот вам, мои дорогие светлячки, шапки для общения с людьми на каком хотите языке.

И он показал на две испанские шапки-пилотки с двумя «рожками» — спереди и сзади. На концах этих «рожек» блестели металлические кружочки, соединенные двумя тонкими проволочками, как антенной, а в середине шапок было прикреплено несколько спиралек.

— Для общения?! Шапки?!— удивилась Светлана.

— Называются они шапками, а фактически это соединение приемника и передатчика. Садитесь и слушайте внимательно, что я вам скажу.

Внуки сели напротив деда, и он начал:

— Как мы разговариваем друг с другом? Я вот вам говорю слова, они идут в ваши уши, уши передают эти слова внутрь головы, и там мозг воспринимает их... Что воспринимает мозг? — вдруг спросил дед.

— Слова, — дружно ответили дети.

— А вот и нет! — ответил дед. — Не слова, а смысл их, понимание, представление того, о чем говорится. Ухо только передатчик смысла слов. Глухой слов не слышит, а если мы каким-то образом, мимикой, жестом, передадим смысл, представление, то глухой поймет и без слов. А если он не немой, то сразу же может «перевести» это понимание в слова. Например, вы показываете ему, чтобы он закрыл дверь, и он вам может сказать: «Закреть дверь? Сейчас». Если это будет

иностранец, то он скажет эти слова на своем языке. Значит, если у вас есть передатчик, который мог бы непосредственно передавать в голову другого смысл ваших слов, то вы могли бы таким образом разговаривать со всеми народами Земли. Вы будете говорить на вашем языке, а смысл ваших слов будет передаваться непосредственно другому; тот воспримет не слова ваши, а смысл их, и будет отвечать уже на своем языке. И вы также непосредственно воспримете смысл его слов. Будет приблизительно такой же процесс, как и при телевизионных передачах: на экран без проводов и без слов (звуки и музыка передаются отдельно) передается картинка, которую понимает каждый зритель, какой бы нации он ни был, и смысл этой картинки каждый будет передавать на своем языке. Я нашел способ подобным образом передавать другому непосредственно само представление того, что человек думает. Таким передатчиком и будут вот эти шапки.

Дед надел им на головы шапки и начал разговор. Внуки прислушались:

— Вы сказали, что все свое вы носите с собой. Правда?

— Правильно, мои милые светлячки! — с большим удовольствием ответил дед. — Я сказал по-латински: «Все мое ношу с собой». Непонятные для вас слова до вашего сознания не дошли, а смысл их, который был в моей голове, через ваши шапки дошел до вашего сознания. Значит, все в порядке. А если вы захотите таким же образом передать смысл ваших слов другому, то не забудьте нажать вот эту кнопку, около левого уха. Отойди, Светлана, подальше, к той стене, нажми кнопку и скажи мне что-нибудь тихо, чтобы я не слышал.

Светлана отошла, нажала кнопку и что-то прошептала. И дед ей ответил:

— Ты сказала, что хочешь быстрее ехать. Так?

— Да, да! — закричала Светлана и даже захлопала в ладоши.

— Ну и хорошо, — сказал дед. — А теперь попрактикуйтесь сами. — Он уютно уселся в кресло и задремал.

А брат с сестрой начали практиковаться.

Когда дед проснулся, внуки подошли к нему и сказали, что хотят лететь в Америку.

— В Америку? — удивился дед. — В какую именно Америку?

Теперь уже внуки удивились: разве дед не знает Америки!? Дед, улыбнувшись, снова спросил:

— В какую же Америку?

— Ну, в эту самую, где живут американцы... — смущенно ответила Светлана.

— В Америке около двадцати государств, — ответил дед, — и везде живут американцы. К каким же американцам вы хотите?

— В Соединенные Штаты, — ответил Светозар.

— Так и говорите, — назидательно сказал дед. — А то выходит, что американцы-янки заслонили собой всех других американцев. Так почему же вы захотели именно в Соединенные Штаты? Я не думаю, чтобы это самое лучшее место в Америке.

Дети начали объяснять:

— О Соединенные Штаты мы очень много слышали. И пишут о них больше. Там много интересного... Они везде свой нос суют...

— Ну, хорошо, попробуйте, — согласился дед. — Только подготовьтесь лучше.

— Хотелось бы посмотреть Нью-Йорк, — сказал Светозар.

— Но как к нему добраться? Он на острове, а остров весь застроен небоскребами. Куда спуститься, — прямо на улицу, где много людей и машин, или на крышу небоскреба?

— Это ты правильно говоришь, — похвалил дед. — Хотя я и не был в Нью-Йорке, но могу посоветовать вам хорошее место для спуска. Знаменитую статую Свободы знаете?

— Знаем! — дружно ответили «светлячки».

— Так вот, место возле нее запущенное, грязное, и никого там нет. Вы там и спуститесь. А дальше можете ехать по улицам вместе со всеми машинами. Я думаю, никто вас трогать не будет: мало ли какие машины там могут быть? Помните только одно: не вылезайте из своего фантомобиля, когда вокруг вас беспокойно. И еще вот что: хотя вы там и недолго будете, но, наверняка, придется где-нибудь расплачиваться деньгами, я постараюсь достать для вас долларов пятьдесят.

Возле статуи Свободы

...Через несколько минут они опустились возле статуи Свободы в Нью-Йорке. Действительно, здесь не было людей. Немного дальше стояли пакгаузы, начались закопченные дома. Статуя произвела на детей потрясающее впечатление: высокая, могучая, она казалась какой-то страшной, а поднятая с факелом рука словно грозила каждому, кто подъезжал к Нью-Йорку. У подножия статуи валялись какие-то коробки, бочки, среди которых и оказались Светозар и Светлана.

Они осмотрелись, не видел ли кто, как они опустились. За бочками играли несколько мальчиков, в пакгаузе работали рабочие. Никто из них пока не обращал

внимания на наших путников, а это было самым главным.

Но когда фантомобиль отъехал от берега и выехал на улицу, на него смотрели уже сотни людей, а сзади бежали дети.

— Неприятное дело, — бормотал Светозар. — Если так все будут дивиться на нас, то нам придется убежать.

— А ты поезжай следом вон за тот машиной, — посоветовала Светлана. — Она едет быстро, и нас никто не догонит.

Светозар так и сделал. Машина поехала в центр Нью-Йорка. По бокам начали подниматься знаменитые небоскребы. Стало темновато, как это бывает в коридоре или узком ущелье среди гор. Народу на улице становилось все больше и больше, но — странное дело: здесь мало кто обращал внимание на необычную красную машину. Каждый человек куда-то спешил, был озабочен своими делами, каждый думал только о том, как прожить в этом человеческом котле, что называется Нью-Йорком. А машин на улице было столько, что фантомобиль терялся среди них. Машины шли по сторонам улицы сплошной массой. На перекрестке они останавливались, чтобы пропустить боковые машины и пешеходов, и стояли достаточно долго. Тогда по ним можно было бы идти, как по мосту. И все это ущелье гремело, гудело, шумело так, что у наших путешественников головы закружились. И что интересного они могли видеть? Машины, суетливых людей, витрины роскошных магазинов — и все. Но в одном месте Светлана толкнула брата в бок и сказала:

— Смотри, смотри!

Светозар увидел в витрине спальню: кровать, стул, зеркало и другое соответствующее оформление. На

кровати под шелковым одеялом спала девочка. Вдруг она повернулась и забросила руку за голову.

— Живая?! — вскрикнул Светозар.

Да, девочка была живой. Голод заставил ее «спать» таким образом целый день, чтобы привлечь внимание публики на спальные принадлежности фирмы Дудл и К °.

Через полчаса все это перемешалось в голове и так надоело нашим путешественникам, что они с нетерпением ждали, когда закончится эта «экскурсия по Нью-Йорку».

— Какая тоска тут жить! — вздохнула Светлана, сочувствуя всем этим людям. — Поедем домой.

— Подожди немного, успеешь, — ответил Светозар. — Мы же еще Америки не видели.

Зато их кто-то уже заметил. Во время одной из остановок они увидели на тротуаре молодого человека с большими черными очками, который тщательно фотографировал их машину. Никакого удовольствия от этого наши путешественники не почувствовали, но и не испугались. Когда же, проехав несколько улиц, они снова увидели этого самого человека, то догадались, что он специально следит за ними. Так оно и было. Человек в очках, наконец, подошел к ним, и с самым приветливым, приятельским видом начал что-то говорить, Светозар надел шапку-передатчик и понял его речь.

— Извините, молодые люди, — начал американец, — не согласитесь ли вы ответить мне на некоторые вопросы. Я — корреспондент газеты «Нью-Йорк геральд трибюн». Я думаю, для вас было бы интересно, чтобы в нашей газете появился ваш снимок с машиной и с описанием: кто вы и откуда, какой фирмы ваша машина, какие у нее качества, особенности и так далее.

Светозар взглянул на свою сестру, на которой тоже была надета шапка, и спросил:

— Что ты скажешь на это?

Корреспондент увидел, что они не собираются сразу соглашаться, и добавил более веские доводы:

— Все фирмы и владельцы новых машин платят нам за то, что мы рекламируем их, а вы почему-то задумываетесь. Тогда я вам заплачу двадцать пять долларов за ваши ответы.

Светозар рассмеялся и снова повернулся к сестре.

— Интересно получается, — сказал он. — Даже зарабатывать можно. Боюсь только, что за мои ответы он ничего не даст. Но попробуем.

Светозар повернулся к корреспонденту и сказал:

— Прошу!

Корреспондент вынул из кармана свой блокнот и задал вопрос: — Откуда вы приехали? — затем, указав на пропеллеры, добавил: — Или прилетели ...

Тем временем вокруг них постепенно останавливались любопытные. Они осматривали машину со всех сторон, трогали ее, заглядывали внутрь, приглядывались к пассажирам в странных шапках. Народу собиралось все больше и больше, толпа начала мешать движению, появился полисмен ...

Корреспондент испугался, что не успеет сделать свое дело, и снова спросил:

— Откуда вы?

— С Марса, — был ответ.

Корреспондент смутился, а люди вокруг него рассмеялись.

Корреспондент наклонился к окошку машины и тихо сказал:

— Даю пятьсот долларов, скажите правду.

К кабине подошел полисмен.

— Я и говорю правду. Вот смотрите, как мы полетим домой.

Светозар и Светлана сняли свои шапки и надели шлемы. Теперь они уже не понимали, что говорили корреспондент, а за ним и полисмен. Мальчик запустил ход машины и до конца нажал тормоз. Фантомобиль тихо, плавно стал подниматься вверх ...

Публика остолбенела. Корреспондент с блокнотом в одной руке и авторучкой во второй, разинув рот, смотрел вверх. Полисмен замер, подняв вверх свою резиновую дубинку. Этот знак, который полисмен сделал не-

вольно, остановил на улице все движение. Все живое в этом районе стояло, задрав головы вверх.

А там, поблескивая на солнце, медленно поднималась маленькая красная машина ... Внезапно полисмен замахал дубинкой и закричал:

— Скорее раздвиньтесь в стороны: сейчас сюда свалится человек! Отойдите скорей!..

На противоположной стороне улицы, на семьдесят восьмом этаже небоскреба чуть различалось раскрытое окно, в котором виднелась

фигура человека. Мало кто мог бы заметить на такой высоте и окно, и человека, да еще рассуждать, что тот сейчас сбросится. Но искушенный полисмен знал, что говорил, он не раз видел такие «номера». Через мгновение вверху послышался далекий, но ужасающий крик — и человек полетел вниз.

Корреспондент быстренько нацелил на него свой фотоаппарат, сделал несколько снимков и улыбнулся от удовольствия: ему все-таки повезло — такие потрясающие снимки сделал! За одну такую фотографию с подписью — «Самоубийца в воздухе» можно будет получить сотню долларов, а может и больше. Он даже не взглянул туда, куда шлепнулся человек. Да и другие люди не очень интересовались этим происшествием — все смотрели вверх. Но машина там вдруг исчезла, словно растаяла в воздухе ...

Светозар и Светлана видели, как бросился головой вниз несчастный человек. Они закричали от ужаса ...

Статистическое бюро Нью-Йорка зарегистрировала в этот день четвертого безработного, который покончил жизнь самоубийством. Сколько еще было в этот день таких случаев — мы не знаем.

В гостях у фермера

А наши «марсиане» опустили на дорогу за много сотен километров от Нью-Йорка. Вокруг была необъятная равнина, засеянная пшеницей, кукурузой. В одних местах посевы шли сплошными полями, в других местах они были разделены на небольшие участки и огорожены колючей проволокой. Сплошные поля принадлежали компаниям предпринимателей, а отдельные участки — фермерам, домики которых были разбросаны на значительном расстоянии. Путешествен-

ники заехали на одну из этих ферм, чтобы отдохнуть, как сказала Светлана, от нью-йоркской суеты.

Дом фермера был на полтора этажа: в нижнем, кирпичном, содержались животные, топливо и различные хозяйственные устройства. На втором этаже жили хозяева. Рядом еще был сарай, за которым был небольшой огород. А перед домом сад из нескольких садовых деревьев, старых, наполовину засохших. По всему было видно, что за хозяйством этим когда-то хорошо ухаживали.

Навстречу им выбежали шестеро детей, от четырех до четырнадцати лет. Они забыли обо всем, увидев необычную машину. Подошли и родители — усталая худая женщина и сутулый человек лет сорока пяти. Его длинные сильные руки болтались как-то беспомощно, из-под густых бровей испуганно смотрели глаза, мягкие, добрые, они не соответствовали его мощной фигуре. Хозяева смотрели на приезжих равнодушно, словно часто видели таких путешественников.

Светозар и Светлана почувствовали себя неловко: чего они сюда заехали? И хозяева смотрели на них так, словно задавали этот же вопрос.

— Можно ли будет у вас остановиться? — спросил Светозар, вылезая из машины.

— Пожалуйста, — удивленно ответил хозяин. — Только для вас это будет совсем не интересно. Немного дальше вы найдете стоянку, где лучше, чем у нас, там сможете подкрепиться, и за машиной вашей поухаживают.

— А нам ничего этого не нужно, — ответил Светозар. — Мы просто хотим посмотреть, как хорошие люди живут.

Хозяйка поспешила ответить:

— В таком случае, вы не туда попали, детки. Здесь люди не живут, а прозябают.

А хозяин сурово спросил:

— Откуда вы?

К такому вопросу мальчик не подготовился. Советь не позволяла говорить таким людям, что к ним в гости прилетели «марсиане». Светозар повернулся к сестре.

— Говори правду — и все, — ответила та.

И Светозар сказал:

— Мы приехали из Советского Союза.

Равнодушие и суровость сразу исчезли с лиц хозяев. Вместо того появилась чрезвычайное удивление и интерес.

— Каким образом?.. Одни?.. Куда едете?.. — вырвались у них вопросы.

— Об этом долго говорить, — ответил Светозар. — А пока что позвольте посидеть в вашем саду.

— Пожалуйста, — ответила хозяйка. — Только извините, нечем вас угостить. Каждую минуту ждем, что нас выгонят отсюда.

— Кто?

— Банкиры, хозяева вот этих земель, — хмуро сказал фермер, показывая рукой на необъятные сплошные поля. — Мы все им задолжали так, что наши фермы постепенно переходят к ним. Вот посмотрите: соседний дом уже забит досками. Теперь и мы ожидаем выселения.

— А куда вы денетесь? — спросила Светлана.

— Поедем, куда глаза глядят. Запряжем коня и поедем по миру искать работу. Так где-то едет сейчас наш сосед, так путешествуют на телегах тысячи фермеров. Да что говорить о нас, — махнул фермер рукой, — лучше вы скажите про себя ...

Но закончить им разговор не пришлось: с шоссе на полном ходу к ним въехала машина. Из нее вышел подвижный человек с портфелем и двое полисменов. Увидев их, хозяйка сразу заголосила, за ней начали плакать дети. Хозяин еще больше нахмурился и ждал.

— Сегодня в двенадцать часов закончился ваш срок, — начал человек, вынимая из портфеля какие-то бумаги. — Платежей от вас не поступило. Значит, по закону, вся ваша ферма переходит к банку. Вам разрешается запрячь лошадь и взять с собой необходимые домашние вещи. Вместо коня можете взять машину не доро-

же ста долларов. Теперь проверим ваше описанное хозяйство.

Началась проверка по списку хозяйственных зданий и инвентаря. И тогда они заметили фантомобиль, стоящий под деревом.

— Это что за штука такая? — спросил человек с портфелем.

— Да вот путешественники заехали к нам, — ответил хозяин.

— Эти дети?

— Да.

— Вы их знаете?

— Нет.

Тогда человек обратился к Светозару и Светлане.

— Откуда вы?

— Из дома, — ответил Светозар.

— Из какого города или страны? — настаивал человек.

— А разве я вам обязан отвечать? — сказал Светозар.

— Конечно, если ты не хочешь... но я хотел... — забормотал человек.

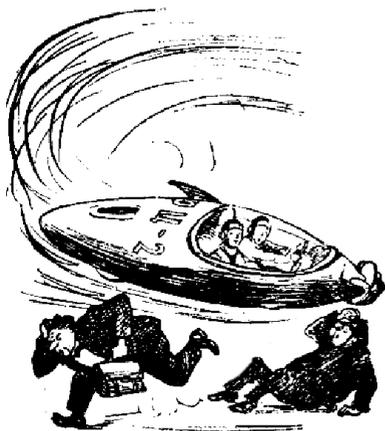
Затем он отошел в сторону и, глядя на путешественников, с волнением начал что-то говорить своим.

Светозар напряженно нацелился в ту сторону своей шапочкой-передатчиком и услышал обрывки разговора.

— Да это, наверное, те самые марсиане, о которых только что передавали по радио ... Почему они сидят на этой ферме?.. Может, задержать их?..

— Едем, Светлана, — сказал Светозар, — не стоит с ними связываться.

Они сели в свою машину, сняли шапки и надели шлемы. Трое американцев быстро подошли к ним и, размахивая руками, начали что-то говорить. Но теперь

путешественники не могли их понимать. Машина рванула вверх, трое американцев с дикими криками покатились на землю; закричала от удивления и вся фермерская семья. Затем приезжие бросились в свою машину и во весь дух поехали обратно.

Йеллоустонский парк

Брат и сестра захотели посмотреть на страну с высоты, и Светозар притормозил ход машины. Под ними была все та же бескрайняя равнина с пшеницей и кукурузой. Везде были разбросаны такие же фермы, как та, где они только что были. Временами фермы соединялись в поселения, напоминающие наши городки. Кое-где были города с фабричными трубами. Через некоторое время впереди засияла широкая река.

— Миссисипи! — уверенно сказала Светлана.

Они направились вверх по реке. По ней вверх и вниз плыло много пароходов. По берегам было много городов с фабриками и заводами.

Обращал ли кто-нибудь внимание на необычный самолет? Кажется, нет. Небольшая точка в воздухе была таким обычным явлением, что никому не приходило в голову присматриваться к ней.

Вот впереди показался большой город с целым лесом фабричных труб. Он стоял на том месте, где в Миссисипи вливался приток Огайо. Спускаться в город путешественники не собирались: куда там денешься, что там будешь делать?

Как только они пролетели через город, то заметили, что им навстречу летит самолет, летит прямо, словно желая столкнуться. Светозар немного отклонился в сторону, но тут заметил, что совсем близко его догоняет другой самолет. Затем упала тень от третьего самолета сверху.

— Заметили, заинтересовались, — проворчал Светозар и отпустил педаль.

Машина тут же скрылась из виду американцев.

Когда Светозар остановился, они были над скалистыми горами. Внизу, среди дикого нагромождения скал, виднелась зеленая долина, а в ней словно дымки от костров.

— Йеллоустонский Национальный парк! — объявил Светозар.

— Знаю и без тебя, — ответила Светлана.

Этот чудесный уголок природы и в правду знает весь мир. Нигде нет столько гейзеров, сколько здесь! Да еще самых необычных и разнообразных. И растительность здесь сохранилась редкая и ценная, а вместе с ней и животные. Недаром этот уголок объявлен Национальным парком, по-нашему, Государственным заповедником.

Но как осмотреть его? Там, наверное, все сохранилось в первобытном состоянии, как создала природа. Разве можно ездить там на своем фантомobile, или нужно спрятать его где-нибудь? А если спрячешь, то можешь потом и не найти, или кто-нибудь другой

найдет. Такие вопросы были у наших «светлячков», пока они присматривались, где бы опуститься.

Наконец, они решили опуститься на дорогу, ведущую в парк, и ехать, пока будет можно. Перед въездом в парк был целый городок: гостиницы, магазины, рестораны, музыка.

— Вот тебе и первобытный заповедник! — сказал Светозар, приостанавливая машину. — Что же будем делать?

— Не знаю, — смущенно ответила сестра.

Вокруг необычной машины сразу собралась толпа людей, как на улицах Нью-Йорка. Удивлялись, трогали машину, высказывали друг другу свои мнения и заглядывали внутрь. Один высокий бородатый дядька стал стучать в окошко и что-то говорить, показывая рукой куда-то в сторону. Светозар надел шапку-передатчик и понял, что дядька приглашает в свой «лучший в мире отель «Марс», где лучший в Америке джаз и красивейшие герлс¹⁾, где можно поужинать устрицами, достать натурального французского вина и так далее.

Бедный Светозар не знал, что делать, что говорить? А тем временем толпа увеличивалась, уже человек шесть фотографов снимали машину со всех сторон, и наконец мальчик услышал знакомые и неприятные слова: «Это же те самые» ...

— А ну вас к черту! — выругался Светозар, надел шлем и...

И снова десятки людей остались стоять с задранными головами, не веря своим глазам. И снова полетели во все стороны телеграммы о таинственных путешественниках...

1) *Девушки-танцовщицы.*

За несколько лет перед этим газеты Соединенных Штатов Америки тревожили население описанием таинственных явлений. Самым серьезным образом говорилось, что над их страной время от времени летают какие-то «тарелки». Что это за тарелки, откуда они появились, какой след оставляют, куда они деваются, кто их видел вблизи — на все это конкретных ответов не было. Не было, например, слышно, чтобы эта тарелка упала кому-нибудь на голову или хоть в поле. Не знали наверняка, какую величину имели эти тарелки или даже «тарелочки», как их еще называли.

Или они были действительно маленькими, или они казались такими с большой высоты — неизвестно. Поскольку сами тарелки летать туда и сюда не могут, высказывались мнения, что кто-то их пускает. Но кто и для чего... Одни, более наивные, люди говорили, что это, наверное, марсиане, а другие, более ехидные, предпочли называть «русскими коммунистами». Хотя и бред, но американские пропагандисты рассчитывали, что найдется еще немало дураков, которые поверят и настроят себя против Советского Союза. Среди тех, кто поверил, был военный министр Соединенных Штатов Америки Форестал. Он так боялся советских самолетов и «тарелочек», что совсем рехнулся и попал в психиатрическую лечебницу. А через некоторое время ему показалось, что советские самолеты уже бомбят Америку, и он в больничной рубашке выбросился из окна третьего этажа. Бедняга, конечно, разбился, но кандидатов на его место в Америке осталось немало.

Вот и сейчас американские газеты подняли шум вокруг таинственных пришельцев то ли с Марса, то ли из Советского Союза. На этот раз дело казалось уже более правдоподобным, так как появились снимки таинственной машины и послов. Вот почему наши путе-

шественники в первую очередь слышали слова: «Это, наверное, те самые ...»

Светозар и Светлана понимали, что значат эти слова, но не представляли истинного положения. Прежде чем возвращаться домой, они захотели погостить у кого-нибудь из негров.

События в Риме

В нижнем течении Миссисипи, на берегу реки, стоял городок Рим (американцы очень любят давать своим городам громкие названия). Мы бы назвали этот Рим захудалом городком. В центре его было несколько учреждений, банк местного богача «Джон Пуд и К°», аптека, почта и десяток магазинов. А рядом были хижины негров. Вся эта местность была занята хлопчатобумажными плантациями, и негры были основными рабочими на них. Как и двести лет назад, работали они на помещичьих плантациях с утра до ночи, получали гроши и жили в хижинах, построенных из досок от ящиков и других подобных материалов.

Во время полуденного перерыва к такому вот городку и подъехала удивительная красная машина. Она остановилась у одной из негритянских хижин. Навстречу вышли пораженные хозяева, и скоро собралось много соседей. Светозар и Светлана были уверены, что люди смотрят на их фантомобиль, а на деле те удивлялись пассажирам.

— Можно у вас остановиться? — спросил Светозар, выйдя из машины вместе с сестрой.

— Остановиться?.. У нас? — озадачились хозяева. — Зачем вам у нас останавливаться? Чуть дальше есть отель.

— А мы хотим с вами познакомиться, — весело сказала Светлана, подходя к пятилетнему мальчику, черному, кудрявому, с белыми глазами и зубами. Но тот отскочил от девочки так, словно она хотела его уку-
сать.

— Очень благодарим, что вы не чураетесь нас, — сказала с поклоном старая негритянка. — Но просим не заходить к нам.

— Почему? — спросили Светозар и Светлана вместе.

— Видно, вы не местные, если не знаете наших законов. Мы не имеем права быть вместе с вами, да и вас будет неприятности, если вы будете с нами по-свойски. Вы же белые, а мы черные, — с горькой улыбкой закончила женщина.

— Нас это не касается, мы — советские! — с гордо-
стью ответил Светозар.

— Советские?! Неужели? — загалдели люди, и чер-
ные лица их, казалось, посветлели от радостного вол-
нения.

Светлана толкнула брата в сторону:

— Зачем ты сказал? Сейчас везде заговорят и не да-
дут нам покоя.

— Ничего! — ответил Светозар, а затем обратился к
хозяевам:

— Может, позвольте зайти в ваш дом?

— Не можем вам запретить, — склонили головы хо-
зяева...

Первый раз в своей жизни видели местные жители
белых гостей в негритянской хижине, поэтому вокруг
быстро собралась толпа зевак. Весть о таком необыч-
ном происшествии дошла и до центра Рима. Первым
заинтересовался лавочник Джэб, здоровенный мужик
в клетчатой жилетке. Он даже не поверил, что на свете
могут быть такие случаи, и пошел проверить. Он изда-

ли заметил красную машину, а когда подошел ближе, то начал ходить вокруг нее, пожимая плечами. Потом направился к избушке. Негры шарахнулись в сторону, пропуская его. Просунув голову в дверь, Джэб крикнул:

— Эй, джентльмены, чего вы забрались в эту нору? Разве для вас в Риме не найдется почетного места? Разве вы не знаете, что позорите нас, янки, своим приятельством с черными?

Хозяева смотрели то на своих гостей, то на Джэба и дрожали от страха.

— Не ваше дело! — раздался в ответ звонкий голос Светозара. Джэб пригляделся в темноте и воскликнул:

— Тысяча чертей! Да это же дети! Белые дети в черной норе! Выходите скорей, ребятки. А вы, — обратился он к хозяевам, — будете отвечать за то, что заволокли сюда белых детей.

Негритянка заголосила, муж ее стал просить своих необычных гостей, чтобы они ушли.

— Пожалуйста, просим вас. Вы нас погубите. Вы не

знаете наших порядков. Милые детки, идите, идите скорее...

— Пойдем! — шепнула Светлана. — Разве ты не читал про здешние порядки?

— Читать — одно, а видеть своими глазами — другое, — ответил Светозар и ушел из дома, опустив голову, чтобы не сделал что-то нехорошее.

Джэб встретил его с радостью, как знакомого. Хлопнув Светозара по плечу, он сказал:

— Ты как сюда попал, парень? Да еще с девочкой. Наверное, они вас затащили к себе? Наверное, собирались с вами сделать что-нибудь плохое?

Светозар отстранился от его приятельских объятий и сурово сказал:

— Мы сами заехали к ним в гости. Вы не имеете права вмешиваться.

— В гости?! — вскрикнул Джэб, даже отшатнувшись от изумления. — Вы, белые, и в гости к черным?..

Возле машины тем временем собралось десятка два таких Джэбов. Заинтересованные, пораженные, взволнованные, они ждали объяснений от своего товарища.

— Слышите? — воскликнул тот. — Эти белые дети приехали «в гости» к черным, да еще говорят, что мы не имеем права вмешиваться в это дело.

— Откуда они взялись, если не знают наших порядков? — крикнул один из Джэбов. — Откуда вы?

— С Луны, — спокойно ответил Светозар, проталкиваясь к своей машине. Напуганная Светлана крепко держалась за его руку. Но Джэбы загородили им дорогу.

— Ты не шути, а говори правду, — сказал один.

— Если вы добровольно дружите с неграми, — сказал другой, — то мы имеем право наказать вас за то, что позорите нашу расу.

— Пропустите, — твердо ответил Светозар. — Мы не на суде, и не обязаны вам отвечать.

Спокойная уверенность мальчика произвело впечатление на Джэбов, и они пропустили детей к машине. Но на свои слова советские дети получили такой ответ, который буквально заледенил их. Ответ был таков:

— Если вы не в суде, то ваши приятели сразу же могут оказаться перед судом Линча.

Услышав страшное слово «Линч», негры засуетились, побежали прочь, женщины и дети заплакали...

Готовы были заплакать и Светозар со Светланой. Они тоже хорошо знали это слово. Они четко представили себе, что может здесь случиться, если они покинут Рим. Эти дикие Джэбы могут повесить любого из здешних негров, и ничего за это им не будет. А брат и сестра будут считать виновными себя за смерть несчастных негров. Можно ли что-нибудь сделать, чтобы не допустить такой беды? Светлана не выдержала и сказала:

— Эти люди совершенно не виноваты, что мы к ним заехали. Почему вы угрожаете им Линчем?

Джэбы расхохотались, и один из них сказал:

— Если вы приедете к нам, покажете машину, расскажете о себе, то мы не будем трогать ваших негров.

— Хорошо, позвольте только сесть, — согласился Светозар. Их пропустили. Они сели, надели свои шлемы, и Светозар весело сказал:

— Ну, теперь мы им покажем!

Машина поднялась на высоту человеческого роста и начала кружить над головами Джэбов. У одного сорвала шляпу, другого зацепила колесом. С криками ужаса рухнули они на землю, а за ними опустилась

машина и кружилась, угрожая перемесить их всех в кашу ... Затем машина рванулась вверх и исчезла.

На берегу Мексиканского залива

Они снова медленно полетели на юг над равнинами Миссисипи. Необъятные пространства были заняты хлопчатобумажными плантациями. Если по дороге им попадался еще один городок, Светозар со смехом говорил:

— Это, наверное, Париж!..

— Это Мексиканский залив, — поспешила похвастаться своими знаниями Светлана.

— Правильно! — похвалил Светозар. — А какой город вон там, где кончается река?

— Новый Орлеан.

Город дымился не столько трубами фабрик и заводов, сколько трубами пароходов.

— В город не полетим, — сказала Светлана.

— Нечего там делать, только одни неприятности будут.

Машина повернулась налево и полетела вдоль берега. А берег был такой прекрасный. Везде зелень, особенно пальмы. Сам берег низкий, песчаный, сквозь растительность белеют красивые дачи. И множество народу на берегу.

— Вот где побыть бы, искупаться, — сказала Светлана.

— Попробуем, — ответил Светозар.

Машина опустилась на одну из дорог, которые шли вдоль берега. Несколько десятков человек были испу-

ганы и удивлены таким явлением, но Светозар быстро поехал вперед, свидетели остались позади, а дальше люди могли обратить внимание только на какой-то «новомодный» автомобильчик — и больше ничего.

Где же остановиться? Два раза они останавливались у простых людей, и каждый раз были неприятности. Может, остановиться сейчас среди господ? Может, их не удивишь оригинальной машиной. И путешественники подъехали к богатому прибрежному отелю.

Их встретили слуги и предложили поставить машину в гараж.

— Что ты делаешь? — зашептала Светлана. — Мы же не выберемся отсюда.

— А ты задерешь нос, как большая дама, и тебе никто не осмелится мешать, — сказал брат. Он попросил, чтобы машину не закрывали, а поставили под навесом. — Чтобы нам легче было бежать, — шепнул он на ухо сестре.

Потом они зашли в какое-то помещение и сели за отдельный столик на веранде, откуда виднелось море и пляж.

— Чтобы не подумали, что мы простыл люди, — сказал Светозар, — давай придумывать самые барские блюда.

— Я хочу мороженого — сказала Светлана.

— Что ты, что ты! — замахал руками Светозар. — Это же самая простая вещь. Если мы будем заказывать такие блюда, то нас посчитают за бедных и прогонят в шею.

— Добрый день, молодые люди! — раздался голос за соседним столиком.

Брат и сестра аж подскочили, словно прикоснулись к электричеству.

Тогда к ним подсел человек лет сорока, с веселым и добродушным, круглым лицом.

— Я так и думал, что вы из Советского Союза, — сказал человек. — Живя на чужбине, сердцем услышишь своего человека.

— А вы ... вы ... — произнесли ошеломленные Светозар и Светлана.

— Я советский консул в Новом Орлеане, — ласково сказал человек. — Напрасно вы не обратились ко мне. Мой долг — помогать своим. А тут вам, я думаю, не

очень удобно. Посмотрите, что делается вокруг вашей машины. — Все трое посмотрели в сторону и увидели около нее целую толпу зевак.

— А машина очень интересная, оригинальная, — продолжал человек, — наверное, такой и в Америке нет. Смотрите, как они рассматривают, фотографируют ее. Вы уверены, что никакого секрета не откроют?

— С внешнего вида не откроют, — ответил Светозар.

— А подумали ли вы, что может быть и хуже? — таинственно прошептал человек, придвинувшись ближе. — Они могут украсть ее, чтобы перенять все секреты. От капиталистов всего можно ожидать, я их хорошо знаю.

— Если они украдут, — засмеялся Светозар, — то им самим хуже будет: машина... может взорваться и погубить целый город.

— Я это знаю, — спокойно ответил консул, — и боюсь не того что, что они откроют наш секрет, а того, что могут уничтожить ценную вещь и загубить тысячи невинных людей. Поэтому я предлагаю вам остановиться в нашем консульстве — спокойнее и выгоднее будет.

Он дал знак официанту и коротко сказал:

— Счет!

— Шестьдесят шесть долларов, — сказал официант, предоставляя билет.

— А у нас только пятьдесят! — воскликнула Светлана и сейчас же увидела грозный взгляд брата, да еще почувствовала толчок ногой. Она поняла, что ее слова были не к месту, и покраснела.

А консул взял счет и вынул из кармана деньги.

— Вы что думаете делать? — спросил Светозар.

— Заплатить, конечно, — ответил консул, отсчитывая деньги.

— Не надо, не надо! — забеспокоился Светозар. — Нам не хватает только шестнадцать долларов. Если вы такой чуткий, то одолжите их. Мы вам сейчас же пошлем.

— Вам не надо беспокоиться, — мягко ответил консул. Мальчик и девочка ощутили благодарность консулу.

— Ну, так поедем в консульство, — сказал человек, встав со стула.

Светозар взглянул на сестру.

— Как ты думаешь?

— Не знаю, — ответила она. — Отдохнуть немного хотелось бы. — Светлана неопределенно посмотрела на брата.

Консул подхватил ее под руку и искренне сказал:

— Едем, едем, в Новом Орлеане интереснее, чем здесь. Я вам покажу город. Вы там встретитесь с нашей колонией. У нас там уголок Советского Союза. Там с женщинами и детьми вы будете, как дома. Оттуда вам удобнее будет делать экскурсии. Вы можете оставить машину дома, а на вас одних никто не будет обращать внимания. Вам не будут мешать, как теперь. Оттуда пошлем приветствие на Родину.

Они пошли к машине.

— А вы можете взять с собой пассажира? — спросил консул, взглянув в кузов.

Там, вместо сидений для пассажиров, были какие-то трубки, щиты, ручки. Но, в крайнем случае, человек неприхотливый кое-как вжаться мог бы. Это сразу заметил консул и сказал:

— Если позволите, я могу и здесь втиснуться. Ехать же долго не придется.

Хозяева машины смущенно посмотрели друг на друга, не зная, что сказать.

— В чем дело? — переспросил консул. Светозар ответил:

— Видите, на третьего пассажира машина не рассчитана.

— Что вы говорите! — засмеялся консул, — Ваша машина может, как молния, носиться по всему миру, а вы говорите, что она не возьмет третьего человека!

Теперь уже удивились Светозар и Светлана.

— Откуда вы знаете? — воскликнули они вместе. Консул положил одну руку на плечо Светозару, а вторую на плечо Светлане и с шутливым упреком сказал:

— Эх вы, недогадливые! Кому же тогда знать государственные секреты, если не официальным представителям государства? Мы здесь должны знать все, чтобы дать отпор капиталистам.

Эти слова еще больше удивили брата и сестру: они хорошо помнили слова деда, что о его изобретении пока что никто, даже само государство, не знает. Откуда же этот консул знает?..

— Извините, — сказал Светозар, — нам с сестрой надо посоветоваться. — Они отошли в сторону и зашептались.

— Что ты скажешь? — спросил Светозар.

— Удивляюсь: никто на свете не знает, а он откуда знает?

— Значит, тут что-то не так.

— Не поедем с ним!

Когда Светозар сказал об этом консулу, тот разозлился и сразу изменил свой вид. Вся любезность, веселье, доброжелательность его исчезли. Он наклонился к ним и прошипел:

— В таком случае, я вас заставлю. Сейчас позову полицию и скажу, что вы у меня взяли деньги и не хотите отдавать... Понимаете, что из этого может получиться?

Глаза Светозара загорелись огнем, Светлана так возмутилась, что даже забыла страх. Она потянула брата за рукав и тихонько шепнула:

— Возьмем его и завезем куда-нибудь.

— Правильно, Светланка, — сказал Светозар и повернулся к «консулу».

— Хорошо. Мы отвезем вас, куда скажете. Садитесь.

Вокруг них в это время собрались, пожалуй, все курортники. Сразу нашлись такие, что уже слышали о таинственных детях, даже видели фотографии. По всему пляжу пошли разговоры что это — «те самые». Как из-под земли выросли десятки фотографов, которые увековечили момент, когда агент американской разведки «поймал» шпионов из Советского Союза и вместе с ними сел в машину...

Красная машина тронулась с места и медленно поехала через пляж к берегу. Люди расступились, давая ей дорогу, и создавая коридор. Только конец этого коридора у моря был неустойчивый, так как там не знали, в какую сторону повернет машина, направо или налево. Но она пока не поворачивала ни налево, ни направо, а шла прямо в море.

Все ближе и ближе подвигалась она к воде. Вот передние колеса уже в воде ... вот уже и задние в воде ... Мертвая тишина стояла на пляже. Народ с недоумением смотрел вслед машине, удивлялся, и все ждал, когда она повернет в сторону. А она все шла и шла вперед. Может, она поплывет? Но вот уже она погрузилась до половины ... вот уже торчит только край кабинки ... И, вот, на поверхности воды остались только волны.

Тысячи людей закричали от изумления и ужаса. Послышались полицейские свистки. Много лодок бросились вслед за машиной. Затрещали моторные катера.

...Когда «консул» увидел, что такое с ним происходит, он стал кричать, стучать в окошко, отделявшее его от кабинки, затем стал пытаться выломать дверь. А вода поднималась все выше и выше. Тогда он выхватил револьвер и стал им бить в стекло. Но никакого

следа на стекле не было. Светозар на мгновение оглянулся, и когда «консул» нацелил револьвер на него, мальчик чуть улыбнулся и спокойно отвернулся. Провокатор в отчаянии хотел было выстрелить ему в голову, но его остановила мысль, что сам он все равно не выберется из машины. Однако, когда он увидел, что уже вся машина в воде и что она идет все глубже и глубже, то потерял способность рассуждать и выстрелил.

Мальчик и девочка повернулись к нему и засмеялись, а пуля, отскочив от стекла, ударила провокатора в ухо. Вслед за тем шпион почувствовал, что что-то теплое течет ему за шиворот. Тогда он потерял весь свой пыл и остался сидеть, разинув рот и вытаращив глаза.

А мимо окна проплывали рыбы, шевелились подводные растения. Заинтересовалась ими акула и некоторое время плыла рядом, примеряя свою зубастую пасть к окошку. А вот лежит корабль, облепленный водорослями и ракушками.

Светозар поехал в море просто так, для интереса, чтобы поразить публику. Теперь он захотел перейти на «обычный ход» — выскочить из воды и перелететь на какой-нибудь остров на океане. Он отпустил тормоз.

Машина поднялась из воды очень медленно, но над водой подняться не смогла. Она только поплыла вперед со скоростью катера. В таком состоянии ее уже могли догнать не только самолеты, но и миноносцы. Хорошо еще, что они были далеко от берега и пока их никто не видел.

— Чего ты ползешь по воде? — говорила Светлана.
— Нас же поймают. Давай полный ход.

— А ты давай больше «горючего»! — сердито сказал Светозар.

— Машина скорее не идет.

— Сломалась?! — с ужасом вскрикнула Светлана.

— Если идет, то еще не сломалась, — ответил Светозар. — А дело в том, что у нас увеличился груз, на который наши силы не рассчитаны. Что теперь делать, не знаю. Выбросить его в море, что ли?

— Как это мы будем топить человека? — возмутилась девочка. — доедешь как-нибудь, и выпустим на берег или на какой корабль.

— Не хотелось бы мне отпускать провокатора без наказания, но ничего не поделаешь, будем ехать, пока можно, — неохотно согласился Светозар.

И они поехали на юго-восток, как обычные пассажиры на обычном катере. Каким медленным и нудным казалось сейчас путешествие!

— Может, нам дни и недели придется ехать, — волновалась Светлана.

Светозар также был недовольный и нахмуренный.

— Впереди должны быть Антильские острова, — сказал он.

— Можно будет высадить на какую-нибудь скалу.

Показался корабль, который шел навстречу.

— А если сдать его на корабль? — предложила Светлана.

— В таком случае, лучше высадить его в воду перед носом у корабля, — уже веселее сказал Светозар и, обернувшись, спросил у пассажира: — Плавать умеете?

— А что?

— Мы хотим вас высадить перед кораблем.

— Почему же не подъехать к самому кораблю? — возмутился провокатор. — А если они не увидят меня, не возьмут ...

— Это не наше дело, — сурово сказал мальчик. — Готовьтесь!

И когда корабль был за метров пятьсот, Светозар нажал кнопку и открыл дверь.

Но вновь беда: провокатор никак не мог решиться сам лезть в воду. Светозар рассердился и крикнул:

— Вылезайте! А то опущусь под воду! — Провокатор, вскрикнув, выполз из машины. Дверь за ним закрылась.

— Жалко, если корабль подберет его! — сказал Светозар и дал полный ход ...

Через минуту они были дома и рассказывали деду о своих приключениях. Дед, как всегда, слушал очень внимательно, расспрашивал все подробности, записывал в свою тетрадь.

— Очень рискованное дело, — задумчиво говорил он. — Могла случиться беда, и я в этом виноват. Если вас отсоединить от машины, то вы остаетесь беспомощными. А это очень рискованно.

— Все равно никто без нас не справится с машиной, — сказал Светозар, — значит, каждый будет вынужден обратиться к нам, чтобы мы показали, как управлять. Ну, а когда мы сядем, то все закончено.

— Да, — сказал старик, — но все это требует от вас чрезвычайной смелости, сообразительности, выдержанности и других подобных качеств, которых требовать от детей мы не имеем права.

— На то мы комсомольцы и пионеры, чтобы уметь побеждать все препятствия! — с гордостью сказал Светозар.

— А я больше не хочу побеждать такие препятствия! — сказала Светлана. — Ничего интересного там нет, одна тоска и неприятности.

— Тогда я поехал бы со Святославом. Можно? — спросил у деда Светозар.

— Если ты уверен, что он не подведет, то я ничего против не имею, — ответил дед. — А Светлане возиться с разными провокаторами действительно не дело.

— А откуда этот провокатор знал о нас и о нашей машине? — спросила Светлана.

— Да вы же сами показывали там свои фокусы, — сказал дед.

— Наверное, через час уже знали все те, кто должен этим интересоваться. Все-таки хорошо выкрутились, молодцы! А из всего вашего путешествия я делаю главный вывод, что самое сложное дело для вас — спрятать свою машину, чтобы она не попала в чужие руки. Правда, ни открыть ее, ни сломать, даже сжечь ее никто не сможет, но все-таки оставлять ее опасно. Придется подумать, нельзя ли попытаться как-либо этого избежать.

IV. НА ЛУНЕ

Некоторые рассуждения о вселенной

— Дедуня, есть ли люди на других планетах?

Петр Трофимович прищурил глаза и лукаво сказал:

— Это называется — вопрос в лоб. Но ответить сразу на этот вопрос нельзя. Наука обычно ставит вопрос так: есть ли на других планетах живые существа? А какие они будут — или похожие на червя, или на человека — этого никто не может сказать. Можно по-разному полагать, и писатели в своей фантазии предполагают, как кто хочет. Вы читали книгу Алексея Толстого «Аэлита» или Герберта Уэллса «Борьба миров»?

— Читали, — дружно ответили «светлячки».

— Вот вы и видите, как по-разному писатели представляют, например, жителей Марса. Вы будете первыми людьми, которые могут увидеть марсиан на самом деле.

— А страшно туда лететь ... — сказала Светлана и даже сжала в плечи, словно ей стало холодно.

— Если не хочешь, можешь и не лететь, — пренебрежительно сказал Светозар. — А все-таки, дедушка, нам нужно знать, как смотрит наука на этот вопрос.

— Конечно, нужно знать, — кивнул головой старик. — Вы сначала должны прочитать как можно больше книг, а пока что я могу вам сделать несколько общих замечаний. Наука узнала, что известные нам планеты, звезды, кометы состоят из той же материи, какая есть и на Земле. Только соединения и пропорции элементов могут быть различными. Также различная бывает и температура, например: на Меркурии четыреста тринадцать градусов жары, а на Нептуне — сто восемь-

десять градусов мороза. Какой же вывод можно отсюда сделать?

Задав этот вопрос, дед не ожидал от своих «светлячков» ответа, поэтому был очень доволен, когда Светозар сказал:

— Я так думаю: где какие будут условия, там такие и будут живые существа. Если на какой планете будут такие же условия, как на Земле, то там могут быть такие же люди, как мы.

— А если условия иные? — задала ему вопрос Светлана.

— То и живые существа будут иными, — уверенно ответил Светозар.

— Очень хорошо говоришь, — похвалил дед. — Наука так и говорит: все живое соответствует той природе, в которой оно живет, и я готов допустить, что среди миллиардов таких солнц, как наша, может найтись и такое, вокруг которого вращается такая же планета, как наша Земля, на таком же расстоянии, такой же величины, с такой же орбитой и движением, с таким же наклоном оси, с таким же воздухом и так далее. Фантазия все это представить может, значит, вы все это можете увидеть наяву. Я вам предлагаю такой маршрут: сначала Луна, потом Марс, а затем уже искать точно такую самую планету, как наша Земля. Хорошо познакомьтесь с нашей Галактикой, я вам дам соответствующие книги.

— На Луну! На Луну! — захлопала в ладоши Светлана.

В мертвом царстве

— Смотри, остановись на границе между Землей и Луной, — несколько раз напоминала Светлана.

— Да знаю! Чего лезешь? — злился Светозар. На двести семьдесят четвертой тысяче километров Светозар приостановил машину. Здесь была та самая граница, где ни Земля, ни Луна не могли перетащить предмет на свою сторону.

Дети сняли шлемы, машина потеряла движущую силу и остановилась на месте, никуда не падая. Светозар взял сестру за руку, приподнял вверх и подтолкнул. По привычке она крикнула «ой», но вниз не упала, и осталась висеть в воздухе. Чтобы сестра на свое место, она должна была цепляться за стенки кабины, а Светозар смеялся. Тогда она его толкнула вверх, и он тоже повис в воздухе. Потом они брали разные вещи и оставляли их висеть в воздухе, шутили, радовались.

Таким образом, они «отпраздновали» переход через «границу», и направились дальше.

А Луна перед ними все быстрее увеличивалась. Уже не лицо человеческое она напоминала, а Землю с горами, тенями, низменностями. Наконец, настал момент, когда они опустились на... приходится сказать, тоже «землю», так как это были обычные скалы, камни, как и на Земле.

Прежде чем вылезти из машины, дети надели кислородные маски, ведь всем известно, что на Луне нет воздуха. И от того, что здесь не было воздуха, с путешественниками начались происходить разные необычные явления. Прежде всего, необычным был вид неба: оно было совершенно черное, на нем белело какое-то «голое» солнце, а рядом с ним виднелись звезды. Звезды не мерцали, как у нас, а казались вырезанными из белой бумаги кружочками, наклеенными на черную бумагу. На той стороне, где путешественники «приземлились», был день, да еще какой: он продолжался четырнадцать наших суток (понятно, что и ночь на Луне такая же). И странно было видеть, что среди бела дня на небе виднелись все звезды и ... «луна», роль которой здесь выполняла наша Земля, даже со всеми фазами: полная, новолуние, серп — все как положено. Она была огромной, раз в пятнадцать больше

той Луны, которую мы видим с Земли, и будто нависла над Луной. Казалось, что она сейчас раздавить ее.

— Смотри, смотри. Кажется, кусок Африки виден! — вскрикнула Светлана.

Светозар тоже закричал:

— Смотри, смотри, Африку видно!

Но никто из них не обратил внимания на слова другого. Потом Светлана спросила:

— А почему это больше ничего другого не видно?

Светозар, присматриваясь к Земле, также спросил:

— Почему это ничего разобрать нельзя?

Тогда девочка дернула брата за руку и укоризненно сказала:

— Ты чего молчишь, ничего не отвечаешь?

Мальчик повернулся к ней и стал что-то говорить. Губы его двигались, а слов не было слышно. Начала говорить девочка — Светозар увидел то же: губы ее шевелятся, а слов не слышно. Тогда мальчик засмеялся и потянул сестру в кабинку машины. Когда они закрыли дверь, Светозар сказал:

— Мы же забыли, что без воздуха звук не может проходить.

Светлана не могла разобрать слов брата, она лишь чуть-чуть слышала далекие звуки его голоса. Начали они слышать друг друга только через минуты две, когда кабинка наполнилась воздухом, который выделяла аппаратура машины. После этого они сняли свои маски и начали разговаривать нормально.

— Я уже знаю, в чем дело, — сказала Светлана. — Там нет воздуха, а без воздуха звуки не могут проходить.

— Все это мы знали, и дед знал, — сказал Светозар, — а вот забыли предусмотреть. Что же теперь делать? Разве руками разговаривать будем, как немые.

— Да мы не умеем — грустно сказала Светлана, а потом, повеселев, воскликнула: — А знаешь, что? Будем разговаривать, как с иностранцами, с помощью наших шапок-передатчиков. Только пойдут ли радиоволны без воздуха?

— Пойдут, пойдут, я знаю, — радостно сказал Светозар.

Через минуту на головах у них появилась новые «украшения» — шапки с рогами. Теперь они уже могли делиться своими впечатлениями. Больше всего интересовало их «Земля-луна». Она была такая большая, а разглядеть ее поверхность было труднее, чем небольшую Луну с Земли. Наконец все-таки они сообразили, что причиной является атмосфера и облака, которые заслоняли поверхность Земли. Только время от времени вырисовывались части знакомых материков, и скоро снова расплывались в тумане.

Через некоторое время они ощутили на себе новую неприятность: нестерпимо припекали солнечные лучи, а ноги ощущали себя как на горячей плите. Да и немудрено: поверхность Луны за долгий двухнедельный день нагревается до ста двадцати градусов. Снова пришлось прятаться в машину, чтобы обсудить положение. Они нашли деревянную коробку, поломали ее и проволокой привязали дощечки к своим подошвам. Потом они вспомнили, что у них лежат специальные плащи, чтобы надевать их на Луне.

Мы знаем, что наше Солнце, кроме животворящих лучей, выделяет еще и вредные, например, ультрафиолетовые. На Земле они нейтрализуются в земной атмосфере, а на Луне ничто им не мешает, и они могут нанести вред живым существам. Поэтому и были взяты плащи, которые не пропускают этих вредных лучей. Таким образом, чтобы высадиться на Луне, потре-

бывалось сложное обмундирование: шапка-передатчик, дыхательный аппарат, плащ и даже дощечки.

— Скоро мы совсем перестанем быть похожими на людей, — ворчал Светозар, неуклюже ступая по Луне, а земля здесь была такая же, как и на Земле, только без следов жизни. И ровные места, и скалы, и низменности — все состояло из голого камня. От жары и холода, который ночью достигает ста шестидесяти градусов, каменная поверхность вся потрескалась, а куски ее так и лежали на своих местах: ни ветер, ни вода не сдвинули их с места; их острые ребра остались такими же,

как и тысячи лет назад. Никогда они не терлись друг о друга, поэтому нигде не было видно песка.

В одном месте попалась им трещина в шаг шириной. Светозар прыгнул через нее и ... пролетел метров пять.

— Прыгай смелее! — весело крикнул он Светлане. Та прыгнула более осторожно и пролетела только три метра.

Вот то самое, о чем читали они дома, и про что дед говорил им! Луна в пятьдесят раз меньше Земли, она меньше и притягивает к себе. Это значит, что вес каждой вещи на Луне значительно меньше, чем на Земле, а именно — в шесть раз.

Дети начали дурачиться, прыгать. Они очень радовались, что их «номера» получаются, как в цирке. Светозар легко запрыгнул на скалу, как на крышу дома. То же самое сделала и Светлана. А когда пришлось прыгнуть назад, то они призадумались: это же не шутки — прыгнуть с крыши на голые камни! Начали присматриваться, где бы можно было спуститься, но такого места не было. Светлана забеспокоилась. Да и Светозар смутился. Потом стали рассуждать:

— Подожди, — мы же сейчас легче в шесть раз, значит, и толчок должен быть в шесть раз слабее. Чего же бояться? Раз... два... три!

Сердце его сжалось от страха, но он мужественно ринулся вниз. Падал он плавно, прыжок был легким, и тогда он уже уверенно крикнул Светлане:

— Прыгай! Не бойся.

Окончив игру, они затихли и снова начали во все глаза смотреть на необычную природу. Она была мертва в полном смысле этого слова. Ни звука, ни ветерка, ни растения — одни только голые скалы. И для Луны — даже очень высокие горы. Мы привыкли, что

на высоких горах бывает снег, лед, трава, деревья, источники, а здесь — сверху донизу одинаковые серые камни, и больше ничего. На равнинах разбросаны так называемые «цирки», которые еще носят старинное название «море». Казалось, что когда-то в жидкую грязь шлепнулся камень, создал сморщенную яму, которая сразу окаменела. Вот такие ямы-цирки и разбросаны по равнинам. А небо! Какое необычное небо! Черное, неподвижное, с множеством всяких светлых кружочков-звезд. И никто никому не мешает, каждая звезда светит, как может. И среди всех этих светил была Земля. Как можно было заметить в просветах земной атмосферы, Африка уже отодвинулась на восток, а из-за Атлантического океана показался оконечность Америки. Жители Луны за двадцать четыре часа могли бы увидеть всю Землю. А жители Земли всегда видели только одну половину Луны, а вторую никогда не видели. Происходит это потому, что, пока Луна обойдет вокруг Земли один раз, она повернется вокруг себя тоже один раз.

Наши путешественники захотели посмотреть на эту таинственную половину. Сели в машину и медленно поехали вокруг Луны. На Земле, благодаря атмосфере, между днем и ночью бывает вечер, сумерки, а тут, как только переступили границу освещенной части, то сразу попали в ночную тьму. Через несколько минут они немного привыкли к темноте, и при свете звезд начали присматриваться к пейзажу. Он, конечно, был такой же, как и на другой стороне: та же потрескавшаяся земля, те же скалы и горы, такие же цирки.

В одном месте путешественники захотели выйти из машины, но, как только открыли дверь, то с криком отшатнулись назад и снова закрылись: их словно огнем обожгло. Это был тот самый шестидесятигра-

дусный мороз, о котором они читали в книжках. После этого они пустили машину быстрее и вернулись на прежнее место.

— Мы — первые люди, которые объехали всю Луну вокруг, — с гордостью сказал Светозар.

— А сколько это будет километров? — спросила Светлана.

— Плохо ты подготовилась в дорогу, если не знаешь, — важно сказал Светозар. — Это будет ... э-э ... Кажется, десять тысяч километров¹⁾.

Светлана начала пристально к чему-то присматриваться.

— Что там такое? — заинтересовался Светозар.

— Посмотри туда, у камня, — с волнением сказала девочка.

— Что там такое белеет? Словно какая-то бумажка...

Глянул туда Светозар — действительно что-то белеет. Подошли ближе, наклонились — лежит словно почтовая карточка, даже буквы на ней видно. Светозар осторожно взял ее, повернул и воскликнул:

— Смотри!.. Фотокарточка!

Они увидели снимок семьи: отец, мать и шестеро детей. За их спиной был дом в полтора этажа, а за ним сарай и сельскохозяйственные пристройки.

— Слушай, — прошептала Светлана, — да это же фермер, тот самый американский фермер, у которого мы были в гостях. Совсем тот же. И дети те же, и жена.

— И дом тот же, и хлев, и сарай. А вот под этим деревом стояла наша машина, — сказал Светозар. — Но что это значит? Может, ты каким-то образом взяла эту карточку?

— Откуда? Как? — ответила Светлана. — Я ничего такого не делала. Наверное, ты сам забрал.

1) Напоминаем, что Земля по экватору 40 000 километров.

Иллюстрация художника Н. Рыжикова из издания 1975 г.

— Я ведь тоже не делал. Мы и в дом-то не заходили, — оправдывался Светозар.—Идем в машину, подумаем.

В машине они сняли с голов свои аппараты и смогли поговорить нормально. Единственное, что могло быть, это только то, что эту карточку каким-то образом принесли сюда они сами. Но как это могло произойти, если они ни разу не видели этой карточки ни там, ни дома, ни здесь? А другого объяснения не могло быть ...

— Чудес на свете не бывает, — смущенно сказал Светозар. — И при чем здесь этот фермер? И какое отношение он имеет к Луне? Что бы там ни было, а нам ничего не остается, как поверить в то, что эту карточку занесли сюда мы сами.

— А ведь мы там даже не были, — ответила Светлана. — Первый раз мы остановились вон там, около той горы, а теперь остановились здесь, и к тому камня не подходили.

Светозар посмотрел на нее широко раскрытыми глазами и прошептал:

— Да... правда... Мы там не были. И ветер не мог донести карточку, так как его здесь нет.

Несколько минут сидели они смущенные, отчетливо чувствуя, что голова отказывается служить. Поверить в чудо, да еще совсем глупое, дети никак не могли. И понять тоже не могли.

Наконец Светозар крикнул:

— Хватит, хватит ломать голову! Фотокарточка у нас настоящая?

— Настоящая, — ответила Светлана.

— Она сама на Луну прилететь не могла?

— Не могла.

— Значит, кто-то ее принес. Значит, здесь должны быть и еще следы людей. Будем искать эти следы.

И они пошли искать ...

На Лунных горах

Через сотню метров от того места, где находились наши путешественники, начинались горы. Начинались они с больших и маленьких камней, которые переходили в огромные скалы, горные хребты и вершины, достигая шести и более километров, то есть, такой же высоты, как и на Земле. Если принять во внимание, что Луна меньше Земли в пятьдесят раз, то горы эти можно считать чрезвычайно высокими. Для жителей Земли вид их от вершины до подножия был самый необычный. Мы привыкли, что камни и скалы внизу покрыты землей, растительностью, что они закруглены, а здесь лежали груды камней, словно только что выломанные в горах и выгруженные на каменную площадку. Выше, там, где на Земле мы видим горные леса и луга, здесь были те же самые серые горные скалы. Еще выше, где мы привыкли видеть снег и лед, здесь были те же самые серые острые пики. И так до самых верхних пиков, что потрясающе выделялись на черном небе. В безвоздушном пространстве все контуры и детали были видны очень четко и казались совсем близкими. Но страшно было и подумать подниматься на эти горы, где острые камни лежали в «свежих» кучах, где, кажется, нет поверхности, где могли бы пройти человеческие ноги.

Путешественники и не собирались туда ступать, но на склоне одного из хребтов они снова увидели что-то белое. Конечно, они не могли не пойти туда.

Дорога оказалась совсем не такой страшной, как им казалось. Началось с того, что Светозар легко прыгнул на скалу высотой с двухэтажный дом. То же самое сделала и Светлана. А потом они весело «поскакали» со скалы на скалу и оказались у белого предмета.

Это была ... газета! Скомканная газета на английском языке. Видимо, в нее было что-то завернуто, и она была брошена или потерялась.

— Вот и еще один след человека, — задумчиво сказал Светозар. — Теперь уже мы должны признать, что человек здесь есть или был. Но сразу понять, почему сюда прилетел как раз наш знакомый фермер, невозможно! О том, что американцы не раз пытались сделать ракеты, которые могли бы долететь до Луны, это мы слышали, но при чем здесь наш знакомый фермер, этого никак не понять. Каким образом он вдруг превратился в небесного летчика?

— Может, это вовсе не он? — неуверенно сказала Светлана. — Может, карточка каким-то образом попала к другому пилоту?

— Все, все может быть, — с улыбкой сказал Светозар. — Теперь я уже не удивился бы, даже увидев, что на этом камне сидит наш дедушка и ласково нам улыбается. Что будем делать дальше? Человек этот шел сверху вниз, или снизу вверх?

Тем временем они начали чувствовать, что лучи солнца жгут их нестерпимо. Особенно страдала голова от надетой «аппаратуры». Правда, другая, обращенная от солнца сторона тела в это время чувствовала холод гораздо больший, чем это было бы на Земле, где нагревается воздух. Но и частые повороты то одним, то другим боком к солнцу мало помогали; пришлось искать спасение от солнечных лучей в тени под скалой. При этом нужно было принять некоторые решения.

Если сесть там, где тень маленькая, то согреться от ближних раскаленных камней можно и без атмосферы. А если выбрать тень под большой скалой, то окружающее тепло без воздуха не достигнет, и таким образом

можно найти не только прохладную местечко, но и совсем холодное, с температурой гораздо ниже нуля.

Разместившись в холодке, выбранном по своему желанию, брат и сестра обсуждали положение и смотрели на горы. Перед ними в небо поднимались две вершины, как острые шпиль. Посреди них, немного ниже, также поднимался шпиль, на котором что-то блестело. Это блеск привлек к себе внимание и брата, и сестры.

— Что там такое? — говорили они. — Что там блестит? Эти серые скалы нигде не блестят, а там вот как сияет.

Действительно, сверкание было совсем непонятное, словно там скала была отполирована. Даже казалось, что цвет там не серый, как везде, а синий. И ребята решили идти туда.

Чем ближе они подходили, тем заметнее было, что блестит на скале какая-то искусственная вещь.

Подошли еще ближе, и тогда смогли уверенно сказать:

— Это и есть та ракета, на которой прилетели люди с Земли.

Можно было уже догадаться, что здесь произошло. Посадка на Луне, разумеется, не могла быть организована так, как на Земле, и ракета упала в горы, зацепилась за острый шпиль, который повредил боковую стенку, и застряла между острых скал. Задняя часть ее совсем отломилась и упала вниз. Передняя часть, где находилась кабина летчика, сохранилась лучше: она наклонилась носом вниз и уперлась в скалу. Полностью повреждена была средняя часть, которая застряла в скале.

Мальчик и девочка добрались до кабины. Ее двери были раскрыты. Заглянули внутрь — кажется, значи-

тельных разрушений нет. Нет и человека. Где он? Может, погиб, упал вниз? Нет, в этих местах, куда он мог упасть, — никого нет. Значит, он сам выбрался из кабины и пошел вниз. Куда? Наверное, туда, где была обнаружена фотография. Надо идти вниз.

Дети выбрали себе уголок в тени и сели отдохнуть. Несмотря на серьезность положения, они не могли не залюбоваться той картиной, которая открывалась перед ними в горах. Абсолютная тишина зачаровывала, не хотелось ни говорить, ни двигаться. Свет был странный, какой-то бледный, призрачный. Четкие контуры серых гор на черном фоне неба казались настоящими. Светлана очень точно сказала:

— Совсем как картинка в стереоскопе.

Солнце оказалось на том же месте, что и раньше. Да и не удивительно: насколько оно могло сдвинуться за считанные часы, если световой день на Луне — целых две недели? Мало сместилась и Земля. Только Америка, как можно было заметить по южному ее окончанию, была на месте, где раньше виднелась Африка.

Спустя некоторое время дети почувствовали, что начали мерзнуть. Они поднялись и стали спускаться вниз. Спустились немного дальше от того места, где начинали восхождение. Здесь они наткнулись на небольшую пещеру, а в ней увидели... человека!

Тот сидел, прислонившись спиной к камню. В правой руке, которая лежала на земле, была дыхательная маска. Видимо, в аппарате закончилась воздуха, и человек, умирая, содрал ее с лица.

— Он! — тихо сказала Светлана.

— Он! — повторил Светозар.

Да, это был он, их знакомый американский фермер, имя которого они даже не знали. И первая мысль в головах детей была все та же: почему именно он, этот

несчастный фермер, попал на Луну? И снова никакого объяснения они придумать не могли.

— Что будем делать с ним? — прошептала Светлана.

— Похоронить нельзя, — ответил Светозар, — так замуруем его, как в склепе. Просто обложим камнями. Он будет целым тысячи и миллионы лет.

— Почему? — удивилась Светлана.

— А разве ты не знаешь, что без воздуха и без воды никакой червь, никакой микроб, никакая вода не испортит тело?

— Знаю, знаю, — спохватилась Светлана.

Они начали носить камни и обкладывать пещеру.

Человек с Земли очень удивился бы, если бы увидел, что подростки таскают такие большие камни, которые и самый сильный мужчина не всегда мог бы поднять.

После чего дети укрылись в своей машине, чтобы перед дорогой отдохнуть и подкрепиться, а главное, чтобы освободиться хоть на минуту от своего обмундирования. Под этими аппаратами пот лился с них потоками, голова кружилась от жара.

— Второго такого путешествия я уже не выдержу, — сказала Светлана, вытирая пот.

Надо добавить, что и этого, первого путешествия они не выдержали бы, если бы не было возможности иногда прятаться в тени от такой температуры.

— А какой след мы оставим на Луне? — спросила Светлана. Светозар подумал и сказал:

— Давай навечно из камней выложим наш призыв!

Поработав, они в последний раз полюбовались сказочным пейзажем, с восхищением посмотрели на Землю в небе, сели в машину, надели свои шлемы — и исчезли в небесном пространстве.

А на Луне остались слова:

«Да здравствует Союз Советских Социалистических Республик во всей Вселенной во веки веков!

18 июня 1956 года».

После отчета дедушке о своем путешествии, внуки задали ему самый важный вопрос: как обычный фермер смог попасть на Луну?

— Загадка решается достаточно просто, — ответил дед. — Люди давным-давно уже мечтают посетить своего ближайшего соседа — Луну. Эта мечта значительно приблизилась к действительности, когда наука подсказала, что это можно сделать с помощью ракеты. После того было много попыток построить такую ракету. Делали это и мы, делают и Соединенные Штаты Америки. Особенно не терпится американским капиталистам: и Луну хочется «приобщить» к себе, и рекламу сделать на весь мир. Ради этого они ничего не жалеют, тем более жизни человека. При современном состоянии техники, некоторые шансы добраться до Луны на ракете есть, но вернуться назад живым шансов еще нет. Каждый человек, который сегодня решился бы лететь на Луну, летел бы на верную смерть. Однако в Америке находятся желающие лететь.

— Почему? — вырвался вопрос у внуков.

— От горя и беды. Особенно если с голоду гибнет семья, как у вашего фермера. Однажды в Америке было объявлено, что требуются желающие лететь на ракете на Луну. Так желающих нашлось сколько хочешь. За это обещали дать немало денег. Много людей, которые не могли помочь своей семьям никаким другим способом, решились пойти на верную смерть, чтобы хоть так спасти семью. К таким людям, безусловно, принадлежал и ваш знакомый фермер.

V. НА МАРСЕ

Дедова «командировка»

Прошло некоторое время, и на этот раз уже сам дед поднял вопрос о новом путешествии.

— То, что вы видели на Луне, для науки не является чем-то новым. Нехитрая природа Луны изучена нами не хуже природы Земли. А вот насчет Марса этого сказать нельзя. Ученые имеют о нем только некоторые точные знания. Однако и среди ученых есть разногласия. А что касается писателей, то у них совершенный разнобой. Так, английский писатель Герберт Уэллс сделал жителей Марса такими умными, что сущность марсианина превратилась в огромную голову со многокилограммовыми мозгами, а все тело стало только маленьким дополнением к голове. Эти марсиане были такие беспомощные, что сами не могли ни ходить, ни работать, а пользовались специальными аппаратами, которые кто-то должен был делать. Русский писатель Алексей Толстой описал путешествие на Марс инженера Лося и его товарища Гусева. Тут уже марсиане показаны, как наши люди, только более хрупкие и, по сути, менее цивилизованные, чем жители Земли. Однако неизвестно, почему марсиане достигли такой техники, которой не знаем мы. А самое главное, природа Марса показана совсем не так, как говорит наука. Например: по данным науки, там, даже на экваторе, ночью мороз достигает сорока пяти градусов, а марсиане сидят себе около пруда в легком одеянии, как у нас летом. Да что там говорить, вы и сами читали эту книгу. Вот сейчас есть возможность посмотреть, как там в действитель-

ности. Это меня чрезвычайно интересует. Я могу сказать, что посылаю вас в командировку на Марс.

С помощью деда внуки начали готовиться к путешествию на Марс. Прочитали всю литературу о нем, взяли свою самую теплую одежду, валенки, рукавицы, а также дыхательные аппараты. На всякий случай Светозар взял еще небольшой револьвер-браунинг. Дед все время давал им советы и, наконец, сам проводил их в дорогу.

Неуютная планета

Когда дети поднялись в верхние слои атмосферы и небо перед ними стало темным, они увидели маленькую красноватую звезду. Это и был Марс.

Он быстро увеличивался, стал как блюдце, потом — как Луна. Вдруг путешественники почувствовали толчок, один, другой, а потом услышали, словно каменный град сыплется на их машину. Это была небольшая полоса астероидов, которые часто встречаются в небесных просторах. Если бы машина была сделана не из фантазита, а из какого-нибудь более обычного металла, то она не выдержала бы таких ударов.

— Вот и лети здесь на обычной ракете!.. — заметил Светозар.

— Такой бомбардировки не выдержал бы никакой снаряд, кроме нашего фантомобиля.

— Ну, может, найдут другую дорогу, в обход... — ответила Светлана.

Закончилась бомбардировка, и Марс в это время стал таким же, как Земля, которую они наблюдали с Луны. И тут сразу же проявилась основная разница между Землей и Марсом: на Марсе никакие облака не заслоняли его вида. Да, уже можно было заметить, что

большую часть поверхности Марса занимает суша, а вода на ней расположилась относительно небольшими озерами или морями. Только в одном месте, у края диска, можно было заметить водное пространство, напоминающее наш океан, да и то не больше Индийского. Но пока что из этого нельзя было сделать окончательный вывод о распределении воды и суши на Марсе, так как оставалась еще неизвестной его вторая половина.

Очень четко виден был один из полюсов Марса, на большой площади накрытый снегом или льдом. А противоположный полюс, наклоненный к Солнцу, был не белый, а темный. Значит, здесь было лето.

— Давай туда и «приземлимся», — предложила Светлана.

Светозар молча кивнул головой — и они опустились на Северный полюс Марса. Открыли дверь своей кабины и сразу почувствовали, что им не хватает воздуха. Да и не удивительно: на Марсе почти такой же разреженный воздух, как на вершине Эвереста, то есть, на высоте восьми километров. На такой высоте, как известно, без дополнительного кислорода человек жить не может, и нашим путешественникам пришлось сразу же надевать дыхательные аппараты, как тогда, на Луне. Светлана готова была плакать от досады.

— Если бы знала, не ехала бы сюда, — жаловалась она. — Это же мука постоянно ходить с таким предметом на голове.

— Хочешь — не хочешь, а командировку от деда мы должны выполнить, — сказал Светозар, надевая маску. — Хорошо уже и то, что мы слышим друг друга, и что не надо надевать на голову второй аппарат.

Вышли они из машины, оглянулись вокруг, и так печально им стало, хоть плачь.

Марс находится от Солнца в среднем на сто миллионов километров дальше, чем Земля, и получает от Солнца в два раза меньше света и тепла. Поэтому на Марсе солнечный полдень напоминает наш полутемный вечер. И уже от одного этого путешественникам стало печально на сердце.

Под ногами у них была замерзшая земля в том состоянии, в котором она бывает при нулевой температуре, - мокрая, безжизненная. И в таком состоянии она здесь остается, по нашему времени, около года, а по марсовому это будет около полугода, так как марсовый год равен нашим двум годам¹⁾.

Все лето вода понемножку стекает с полюса и часто приостанавливается, когда температура не поднимается выше нуля. Все это полугодие, а по-нашему год, здесь, конечно, светит Солнце, которое на Марсе куда более слабое, чем на Земле.

— Ну что ж, — сказала Светлана, — на полюсе ничего хорошего и не может быть, поедем на экватор.

Они сели в машину и отправились на Юг. Сначала ехали медленно, присматриваясь к местности. Но присматриваться было не к чему — все та же голая промерзла земля. И тогда они сразу «перепрыгивали» на сотни километров.

Наконец они доехали до места, где Солнце скрылось за горизонтом. Это был Полярный круг, который на Марсе находится на 65-м градусе ширины. На Земле, как известно, на 66.5 градусе; разница небольшая, но в природе эта разница очень значительна. На Земле тут находится тундра, растет огромное количество полярной растительности, встречаются птицы, животные, в реках и морях есть рыба, а здесь ничего подобно-

1) Точнее: марсианский год, или путь Марса вокруг Солнца, содержит в себе наших 687 дней.

го не видно. Солнце здесь скрывается ненадолго; ночь, как и на Земле, продолжается сначала несколько минут, потом, по пути на Юг, все дольше и дольше, пока на экваторе не достигает ровно половины суток. А эта половина на Марсе 12 часов и еще около 19 минут. Вновь разница с Землей небольшая, но разница в температуре еще больше.

Как только скрылось солнце, снаружи началась зима, настоящая зима, наверное, градусов двадцать мороза. Хотя нашим путешественникам в машине было не холодно, им надоела такая ночь, и они перенеслись в Южное полушарие, где в это время был день. Но вновь беда: здесь в это время была зима, и мороз был одинаковый и днем, и ночью.

— Но где же тогда найти более уютный уголок? — рассуждали путешественники. — Наверно — на экваторе.

Опустились на экваторе. Ночь уже кончалась, но за ночное время земля так остыла, что и здесь перед восходом солнца температура опустилась до -45 градусов. Таким образом, путешественники побывали в трех разных точках Марса и нигде не нашли устойчивой температуры выше нуля.

— Интересно, — ворчали они, — где здесь могут жить сверхкультурные марсиане? Где тут находится выдающаяся столица их Саатэра? Где тут могут быть их шахты, фабрики, заводы? Здесь даже их животным «хашы» не прожить. Давай перелетим на другую сторону экватора, где сейчас должна быть тропическая жара.

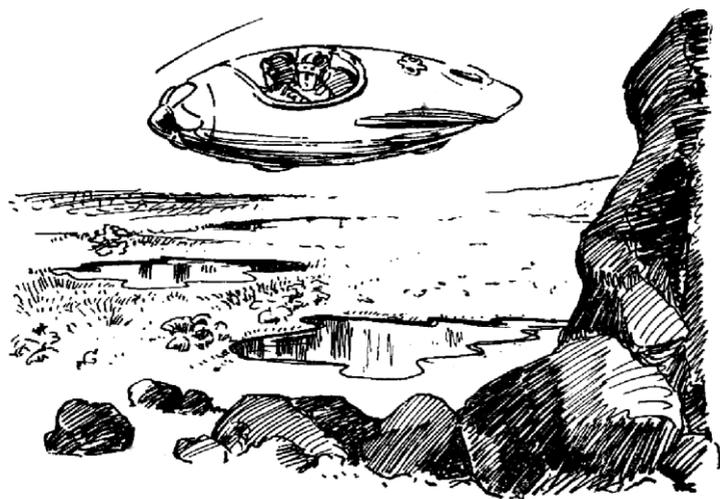
Первые живые существа

Они полетели навстречу солнцу. Вылетев на свет, снизили скорость и начали внимательно присматриваться к поверхности, иногда снижаясь до самой земли. «Тропический пояс» на Марсе был необычным. Там, где только что вошло солнце, везде лежал иней, а где была вода — лед. Где Солнце вошло высоко над головами, там иней растаял, а лед в водоемах становился все тоньше и тоньше.

— Пока он растает, — рассмеялась Светлана, — придет ночь, и воде снова придется замерзнуть.

Каков же был там пейзаж? На этот вопрос очень метко ответила Светлана:

— Тундра!

Действительно, пейзаж больше всего напоминал тундру. Лесов не было, если не считать прижатых к земле каких-то кустарников или деревьев без листьев. Все пространство было покрыто мхом или растениями, очень похожими на наши мхи. Среди этих мхов просвечивала вода то в виде болот, то луж, то прудов, которые цепью тянулись на Север. Такие болотистые лощины временами сменялись то нагорьями, в виде плато, то горными хребтами, которые очень напоминали лунные горы; на горах Марса не было никакой растительности, не было даже снега. Затем снова шли лощины с болотцами и мхом. Ни одной реки пока не заметили, но можно было заметить, что болота, озера и зеленые долины, как ниточкой, соединялись узенькими ручейками. Может, это и была та вода, которая стекала струйками с Северного полюса?!

Когда фантомобиль долетел до этого места, пассажиры приземлились, чтобы не сказать — «примарсились».

— Вот здесь должен быть самая горячая точка на Марсе, — сказал Светозар. — Вылезай, погреемся.

Погреться действительно можно было, так как температура достигала градусов двенадцати тепла. Но для тропиков это было не слишком много.

Высадились они на каменистой сухой местности. Большая часть территории Марса и была такой пустыней.

— Ни одного растения и ни одного насекомого ... — проговорила Светлана, присев на землю.

— Как им существовать, когда ночью давит страшный мороз! — ответил Светозар. — Вообще неудобная планета. Совершенно непонятно, почему это наши люди населяли ее сверхразумными существами. Давай остановимся лучше у того озера.

Далеко на горизонте поблескивало на солнце достаточно большое озеро. Они подъехали к нему, но близко подступиться не смогли: все подходы были заболочены. Направо было посуше, здесь начинались холмы, а за ними поднимались горы. Налево от озера шла большая равнина, покрытая той самой тундровой растительностью, которую путешественники наблюдали сверху.

Они пошли туда, чтобы присмотреться к этой зелени ближе. Наклонились и увидели, что главная масса растений — это не мох, а словно бы ростки сосны, как бы маленькие сосенки. Только ветки росли не в стороны, а прижимались к середине, иголки прижимались к стебелькам и покрывали их, словно шерстью.

— Кактус какой-то, что ли? — заметила Светлана.

— Мы назовем это полярным марсианским кактусом, — сказал Светозар. — Мы имеем право давать названия всему, что увидим первыми.

Под этими кактусами ютились еще растения, больше похожи на мох. Вдруг в воздухе раздался свист, как будто кто-то сильно щелкнул кнутом. Первое живот-

ное! Оно только что поднялось из болота и улетело к горам, медленно, неуклюже. Бросалось в глаза, что крылья его слишком большие, длинные, а тело покрыто не перьями, а шерстью.

— Где же оно прячется в ночные морозы? — заинтересовалась Светлана.

— Да, наверное, в этих горах, — ответил Светозар. — Там найдутся такие норы, куда никакой мороз не доберется. А крылья такие длинные оно должно иметь потому, что, как видишь, воздух здесь разреженный и ему опереться на него очень трудно.

— А чем оно питается?

— Надо думать, что в болоте водятся какие-то животные, — объяснял Светозар, — может, лягушки или рыбы. Они могут ночь пережить и подо льдом. Жаль, что мы не можем подойти ближе к воде.

— Смотри, смотри! — закричала Светлана. — По тому берегу кто-то идет.

— Где? Кто?! — подхватился Светозар.

С правой стороны по берегу озера шло, размахивая головой, животное, похожее на белого медведя, только серое. Кроме того, голова этого животного больше была похожа на голову обезьяны, чем медведя. Другие особенности издали нельзя было рассмотреть.

Но самым интересным было то, что на спине его было как будто вязанка хвороста. Мало того, можно было увидеть, что это были две вязанки, связанные вместе и переброшенные через спину, как у нас иногда нагружают лошадь, а чаще всего мула.

У путешественников захватило дух.

— Значит, этот медведь домашний ... — прошептали они. — Значит, здесь где-то есть люди.

Их охватило такое любопытство, что по всему телу пошел нервный озноб. Люди!!!

Настоящие марсиане! Какие они?.. Как они живут в этих необычных условиях?.. А можно будет с ними мирно познакомиться? — И много подобных вопросов закружилось в головах наших путешественников.

Медведь тем временем подошел к холмам и исчез за ними. Путешественники постоянно следили за ним и поворачивались в ту сторону, куда он шел. Когда он исчез, они как раз смотрели в ту сторону, где стояла их машина, и несколько минут не замечали, что ее уже нет.

Необычные друзья

Такого крика, который вырвался у детей, не слышали не только на Марсе, но, наверное, и на Земле. Не только у Светланы, но и в Светозара полились из глаз слезы. Мальчик на этот раз совсем забыл, что он «мужчина». Они побежали к тому месту, где стояла их машина. Прежде всего обратили внимание, что вокруг нее были не человеческие следы, а медвежьи. Неужели медведи угнали машину? Если здесь медведи такие разумные, то какими же умными должны быть люди?!

Следы колес вели к тем холмам, где исчез замеченный ими медведь. Значит, их там жило несколько. Что же, теперь идти в логово медведей за машиной? Правда, у Светозара за поясом был браунинг, но никто еще не слышал, чтобы охотник шел в берлогу на медведей с маленьким револьвером. Тем более, если охотнику всего пятнадцать лет. Смертельный ужас сжал сердце путешественников. Вечер, скоро зайдет солнце, начнутся морозы, и они останутся на голой земле... под открытым небом... Какая ужасная смерть!..

Светозар нахмурил брови, взял в руки револьвер

— Если все равно смерть, то лучше погибнуть в бою. Попрощаемся, сестренка. — И он наклонился, чтобы ее поцеловать.

Но она запротестовала:

— Нет, нет, и я с тобой пойду.

— Да чем же ты поможешь?

— Если придется, то погибнем вместе, но одна я здесь не останусь.

И они тихонько пошли по следам машины. Вот уже и холмы, за которыми что-то должно быть. След колес миновал один холм, за ним — ничего; след пошел к другому, там — словно вход в пещеру. Но также — никого не видно. След пошел дальше, к подножию горы. Оттуда слышался шорох и тихие глухие звуки.

Светозар дал знак сестре, сам лег на землю и посмотрел вперед. Светлана видела, как он со страхом отпрянул, но потом снова стал напряженно всматриваться. Девочка умирала от любопытства и тоже стала высовывать вперед голову.

Она увидела склон горы, в которой виднелся вход в пещеру. Перед входом стоял фантомобиль, а вокруг него было не меньше десятка медведей. Одни из них ходили вокруг машины, трогали ее лапами, другие сидели на задних лапах и внимательно рассматривали странную вещь. Их обезьяньи морды казались серьезными, сознательными.

Время от времени они буркали, словно что-то говорили друг другу. Вообще эти марсиане создавали мирное впечатление. Но как к ним подступить? Или стрелять сразу?.. Или напугать как-нибудь?..

Светозар выбрал последний вариант. Он шепнул сестре:

— Мы внезапно выскочим и начнем махать руками, шуметь, кричать что

есть силы. А я буду стрелять вверх. Помни, что от твоего крика и страшного вида будет зависеть твоя жизнь.

Они так и сделали. Светозар грозно замахал револьвером и стрелял вверх. Эхо увеличила грохот во много раз. Светлана не только махала руками, а еще и подпрыгивала. Кричала она так, словно медведи уже душат ее.

Такой необычный концерт, конечно, впечатлил медведей, но трудно было сказать, они больше испугались или удивились. Два белых, хрупких существа не казались им могучей стаей, но неожиданность и необычность смутили медведей, и они задом начали отступать к входу в пещеру.

Тогда путешественники подбежали к машине и быстро сели в нее.

— Ура! Сейчас все в порядке! — крикнул Светозар.

— Теперь мы можем и посидеть здесь, отдохнуть и посмотреть, что будут делать эти марсиане! — радовались дети.

А медведи, увидев, что все стало тихо и спокойно, снова стали приближаться к машине. Тихо, осторожно продвигались они и, наконец, снова окружили машину. На этот раз им даже интереснее было рассматривать не только машину, но и пассажиров в ней.

Сначала Светлане очень страшно было, когда рядом с ней к стеклу прижималось уродливое лицо, но выражение этого отвратительного лица было таким добродушным, таким спокойный, миролюбивым, что страх постепенно исчезал, и вместо него появлялось что-то похожее на симпатию.

Медведи все прижимались к стеклу, словно хотели что-то сказать. Иногда звуки их как будто напоминали слова. Например: «гля ... гу ... ма ... зы».

— Слушай, — обратилась Светлана к брату, — из их звуков, кажется, выходят какие-то слоги. Может, это их язык? Мы же знаем, что все животные понимают звуки своих братьев, все они имеют как бы свой язык. Вот и у них есть якобы свой язык. А если так, то эти звуки-слоги имеют свой смысл, а значит, в голове у них появляются образы того, о чем они думают. Ну, а у нас аппарат, который воспринимает такие образы и передает нам.

Светозар даже захохотал от удовольствия.

— А может, и в самом деле можно будет с ними поговорить? Вот будет потеха!

Они быстро надели свои шапки-передатчики и начала прислушиваться.

— Слышишь? — прошептала Светлана. — Я слышу, как меня спрашивают: «Откуда?»

— И я тоже слышу, — сдерживая дыхание, ответил Светозар.

— Да, это их вопрос. Теперь им ответим.

Он нажал кнопку передатчика и крикнул:

— Мы с неба! — и в дополнение поднял руку вверх: — Мы оттуда.

И сейчас же все медведи повалились на землю лицами вниз и замерли.

Однако имеем ли мы право называть эти созданий медведями? Только общий их вид напоминал медведей, а голова, как мы видели, была обезьянья, это значит, приближалась уже к человеческой. Выражение лица и поведение еще больше приближали их к сознательным существам. Шерсть также отличалась от медвежьей: она была синевато-серая и мягкая. Было видно, что они больше любили сидеть на задних ногах, чем стоять на всех четырех. И наконец, передние ноги значительно отличались от медвежьих: пальцы на них

были длинные, способные самостоятельно сгибаться. Нет, это были не медведи! А кто?..

Увидев, что «медведи» поняли его слова и даже упали перед ними ниц, Светозар сказал Светлане:

— Нечего бояться, выйдем к ним.

Когда они вышли, «медведи» подняли головы и сели. Светозар подошел к одному из них, ткнул пальцем в грудь и, показав рукой на других, спросил:

— Вы кто?

Вопрос дошел. В ответ послышалось:

— Яхи ... яхи ... яхи ...

— Яхи, значит, яхи. Хорошо, — сказал Светозар и, указав пальцем на себя и на Светлану, представился: — А мы — люди. Понимаете? Люди. Лю-ди, лю-ди.

Яхи повторили:

— Лю ... лю ... — а на большее у них не хватило способностей.

— Пусть будет «лю», — согласился Светозар. — Для начала хватит и этого. Значит, будем знакомыми.

И он протянул руку к руке яха. Тот, конечно, не понял, чего хочет этот «лю», и с испугом смотрел ему в глаза. Мальчик обеими руками схватил лапу яха и стал ее трясти, а тот не знал, что делать, и приготовился было убежать. Но, на его счастье, Светозар отпустил его руку и взялся за руку соседа. Так он обошел почти всех яхов.

Светлана не решилась на такое близкое знакомство. Она только очень ласково улыбалась им.

Яхи засмеялись.

Дружба была налажена. Можно было зайти и в дом к новым друзьям. Гости не ждали приглашения: по искренним лицам яхов было видно, что они будут очень рады, если к ним зайдут посланники с неба.

Вошли в пещеру. Начиналась она щелью между дву-

мя скалами, потом заворачивала в сторону и шла зигзагами. Стало совсем темно, но хозяева чувствовали себя здесь, как на солнце.

Вдруг луч света прорезал темноту — это Светозар включил электрический фонарик. Подземелье наполнилось необычными звуками: здесь были и крики страха, и удивление, и восхищение, и глубокие вздохи. Все лица яхов повернулись к мальчику. Он стоял, подняв руку с фонариком, и радовался эффектом.

— Ну, идем дальше, товарищи! — сказал он яхам. — Успокойтесь. Ничего особенного здесь нет — обычный электрический фонарик ...

Но яхи не спускали с него глаз, и он вынужден был пойти вперед. Чтобы не отстать, сестра вцепилась в его руку. Спустя некоторое время пещера сузилась и опустилась вниз так, что осталось только неширокое отверстие.

— Ну, братики, показывайте дорогу! — обратился к яхам Светозар.

Яхи один за другим полезли в отверстие.

— Я боюсь! — сказала Светлана, прижимаясь к брату.

— Теперь уже нечего бояться, — ответил он. — Они же сейчас самые лучшие наши друзья. А посмотреть, как они живут, мы обязаны: предстоит деду отчитываться.

Они пролезли через отверстие последними.

— Очень хорошо сделано! — похвалил Светозар, показывая на отверстие. — Так и морозу труднее добраться сюда.

Светлана обратила внимание на вязанку мха, которая лежала возле отверстия. Охалка эта была не просто так набросана, а связана и скручена, чтобы не разматываться.

— Эге! — воскликнул Светозар. — Да это же специально сделанная затычка на ночь! Извините, граждане, я совсем не думал, что вы достигли таких успехов.

Надо сказать, что «граждане» не обратили на его слова внимания, потому что все их внимание было направлено на луч от фонарика. Этот луч «зайчиком» бегал по стенам пещеры от каждого движения Светозара, и яхи каждый раз поворачивались к нему, а некоторые даже делали попытку ухватить луч.

Пещера, в которой они находились, была достаточно большой и высокой, а сверху была отверстие, через которую виден был солнечный свет.

— И вентиляция есть! — удовлетворенно сказал Светозар. — Выходит, что и в самых невыносимых условиях можно приспособиться к жизни.

— Но жизнь эта все равно остается невыносимой, — сказала Светлана. — Представь себе, что нам нужно каждый вечер, после нескольких часов лета, готовиться к зиме, что мы должны жить в этой пещере, что у нас нет ни тепла, ни света, что мы должны питаться только этими полярными кактусами, что мы...

Светозар замахал руками и закричал:

— Нет, нет! Не хочу представлять, я и так понимаю их. Но я не вижу никаких признаков того, что они здесь живут; это помещение, по-видимому, служит им парадным залом. Поищем, где они спят.

Единственным оборудованием этих спален были охапки сухого мха. Увидели дети здесь и те связки хвороста, что нес на спине ях. Это был полярный кактус, который служил «хлебом» для яхов. Встречались и сухие стебли кактуса. Светозар взял их в руки и сказал Светлане:

— Эта штука смолистая и должна хорошо гореть. Поскольку мы стали их шефами, то надо познакомить их с огнем.

Он остановился посреди гостиной и крикнул:

— Товарищи яхи, сюда, ближе! Смотрите внимательно, что мы вам покажем. Вы, бедняги, не знаете еще, что такое огонь. А без огня вообще никакой жизни не может быть. Так вот, смотрите и слушайте внимательно.

Вряд ли поняли слушатели эту торжественную речь, но все они подошли совсем близко, сели на задние лапы и смотрели на оратора очень внимательно. Светозар погасил фонарик. Все они охнули, словно их ранило стрелой.

— Подождите, подождите, — успокоил Светозар. — Сейчас будет вам другой огонь.

Мальчик вынул из кармана коробок спичек, присел на землю и зажег огонь. Вновь зашумели все яхи, только уже удовлетворенно. Светозар подложил спичку под куски сухого кактуса; огонек запрыгал, затрещал, как живой. Публика еще более зашумела, заговорила. Среди гомона четко выделялось слово «го».

А Светозар и Светлана через передатчики поняли смысл этого слова: «огонь!»

— Они уже знают огонь! — крикнула Светлана.

— Выходит, что так, — смутился Светозар. — Почему же тогда никакого следа огня нет?

Огонь увеличивался, трещал все больше и больше, освещал всю пещеру, и постепенно яхи начали чувствовать его тепло. Величайшее удовольствие светилось на их лицах. Выражение их все больше и больше отличалось от животного. Глаза загорелись человеческой радостью.

— Товарищи! Да вы уже готовы рассмеяться! — закричал Светозар. — Давайте вместе. Ну, раз... два... три!..

Светозару и Светлане стало смешно от этой команды так, что они сами расхохотались, как никогда еще не смеялись в своей жизни.

Все это вместе расшевелило яхов, на их лицах также засветились улыбки...

Только ближайший сосед Светланы, очень похожий на тех мишек, которых продают на Земле в магазинах, смотрел серьезно, как старик. Светлана не удержалась и прижалась к нему. Он с удивлением посмотрел на нее, но не засмеялся. Вместо него снова засмеялись его родители и родственники.

— Так откуда все-таки вы знаете огонь? — обратился Светозар к яхам, словно к вполне разумным.

Старший из них понял смысл вопроса. Из его бормотания Светозар и Светлана через свои передатчики уловили такой смысл:

— Давно-давно ... родители ... деды ...

— Все ясно! — сказал мальчик сестре. — Похоже, у них есть предание, что когда-то предки их имели огонь, но потеряли. Наверное, это было много тысяч лет назад. Да оно и понятно: каким образом сохранишь здесь огонь, когда никакого топлива нет, кроме этих несчастных кактусов, которых, может, и на еду не хватает.

— В таком случае, — с сожалением сказала девочка, — может, вместо пользы мы причинили им ущерб. Если у них не хватит топлива и они снова потеряют огонь, то это будет для них таким несчастьем, которого они не переживут.

Светозар мог только сурово сказать:

— Мы не можем следить за их огнем. Пусть сами бо-

рются за него и за жизнь. У наших предков не было таких покровителей, как мы с тобой, но привели к нам даже и такой огонь, как в этом фонарике. А теперь, товарищи, попрактикуемся. — Он взял за плечо одного старого яха, указал на огонь и сказал: — Огонь хочет есть. Понимаете?

Для большей убедительности он взял кусок кактуса и сунул себе в рот. Потом положил этот кусок на огонь. Огонь оживился и забегал, затрещал. Тогда Светозар сунул кактус в руки яха и показал, чтобы тот сделал то же самое. Ях неуклюже отломал кусок кактуса и сунул его в огонь, но так неудачно, что обжег себе руку и слышался запах жареной шерсти. Ях закричал и бросился бежать. А за ним и другие. Все бросились к отверстию и начали протискиваться через нее.

— Стойте! Стойте! — закричали Светозар и Светлана, со смехом побежали к ним и начали тянуть назад.

Увидев, что небесные гости смеются, яхи немного успокоились и осторожно вернулись назад. Светозар снова начал обучение.

— Видите, ничего страшного нет. Надо только осторожно, вот так.

Снова он стал показывать, снова предложил яху сделать то же самое. После соответствующей тренировки был, наконец, подготовлен на Марсе первый специалист по поддержанию огня.

— Ну, теперь мы спокойно можем ехать дальше, — сказал Светозар. — А вы бывайте здоровы, живите богато. Жаль нам вас, но ничего не поделаешь, неудачную планету выбрали ваши предки. Но ничего, может, когда-нибудь мы сможем переселить вас к себе, а то на вашем Марсе, как видно никакой цивилизации не делаешь.

Яхи слушали его прощальную речь с таким видом, словно он говорил им самым приятные вещи. А когда гости направились к выходу, хозяева немного забеспокоились и пошли вслед. Светозар, увидев, что хранитель огня тоже идет, разозлился, схватил его за руку и потащил назад, к огню, и прочитал ему еще одно строгое наставление. Ях понял и остался у костра. Когда вышли из пещеры, солнце уже садилось. Гости сели в свою машину и с облегчением сняли дыхательные маски и шапки. Для яхов произошел еще одно чудо: их гости превратились в других, новых «лю» ...

На дворе начиналась зима. Пусть двенадцатичасовая, но лютая зима.

— Что мы теперь будем делать? — спросила Светлана. — Может, поспим здесь, сидя?

— Если и поспать, то ни в коем случае не здесь, так как наши приятели замерзнут, стоя возле нас, — ответил брат. — Лучше перенесемся туда, где светло.

— Здешнее вечное лето я не поменяла бы на один наш летний день, — отметила Светлана.

Они тронулись с места и помчались вдогонку солнцу. А бедные яхи долго стояли на месте и печально смотрели на небо. Только мороз заставил их вернуться в свою пещеру.

«Зеленая долина»

Солнце путешественники догнали быстро и оказались в том самом вечере, который только что оставили. Это было приблизительно шесть часов. Затем стало пять часов, четыре, три и, наконец, полдень.

— Выходит, что мы стали на шесть часов моложе — засмеялась Светлана.

— Правильно! — подтвердил Светозар. — Если хочешь, можем и остановить наш возраст. Если сегодня,

скажем, 12-е июля, то, двигаясь за солнцем, у нас всегда будет один и тот же день, хотя лет и будет становиться больше.

— Чтобы выполнить дедово задание, — напомнила сестра, — нам нужно ознакомиться не только с экваториальной полосой, но и со средней. Давай заглянем туда. Только не на Юг: там сейчас лютая зима.

Они повернули на Север. Снова начались знакомые картины: те самые долины с цепями озер и болот, те самые голые горы, те самые пустыни. Разница была только та, что пустыни занимали больше места, а зелени становилось все меньше и меньше. Да и как могло быть иначе? На экваторе только ночью была зима, а тут в придачу была еще «законная» зима, продолжавшаяся (по нашему времени) около года, да еще с морозами под восемьдесят градусов.

— Живут ли здесь яхи? — задавали себе вопрос путешественники. Но как ни присматривались они, никаких признаков жизни не замечали. В одном месте они увидели местность, которая очень напоминала ту, где жили яхи.

Опустились туда, присмотрелись к растительности и убедились, что это совсем не те полярные кактусы, что были на экваторе, а мельчайший мох, который совсем врос в землю. Следов живых существ нигде не было.

Они снова вернулись на экватор и полетели дальше на запад. После только что виденной картины здешняя природа казалась даже «роскошной».

Машина обогнала солнце и прилетела «в утро». И вот далеко впереди заблестело необъятное пространство воды.

— Море! Море! — обрадовалась Светлана.

— Не очень радуйся, — ответил ей брат. — Неизвестно еще, какое оно здесь. Может, такое же нечеловеческое, как и все, что находится на этой планете. Давай посмотрим сначала, какое оно, большое ли, глубокое.

Величина оказалась ничего себе — приблизительно как Индийский океан. Глубина, которую так хорошо наблюдать с высоты, была также немалой. Поэтому море не успевало замерзнуть за ночь. Лед был только по берегам. Он начинал уже таять: после полудня он исчезнет, а через ночь снова появится.

Было утро. Морозная ночь только что закончилась. Вся земля промерзла. Замерзла и вода у низких берегов и островов. Но в глубоких местах вода не замерзла, там ходили волны. Однако, по сравнению с земными, эти волны были совсем небольшими, так как на Марсе нет условий для сильных ветров — нет большой разницы температур. Можно подумать, что пустыни, которых на Марсе так много, должны сильно нагреваться, но это «сильно», как мы знаем, на экваторе достигает лишь 10-20 градусов, а дальше — всего до нескольких градусов. А если добавить к этому разреженность воздуха, который не может носить тяжелых дождевых туч, то будет понятно, почему на Марсе не бывает больших ветров, облаков, дождей. Вот, пожалуй, почему над Марсом всегда чистое небо. То небольшое количество водяных паров, которое все-таки образуется над поверхностью, большей частью остается над ней в виде тумана, и вскоре снова оседает. Можно сказать, что на Марсе вся вода «местная», не выходящая далеко за пределы своего района. Потому наши путешественники не видели здесь крупных рек, для которых нужно постоянное и обильное обеспечение приточной водой.

Перелетели на другую сторону океана. Берег был гористый, здесь начинались горные хребты. В одном месте к берегу выходила глубокая долина. Маленькая речка текла по ней. Солнечные лучи нагревали долину и окружающие скалы. Небольшое тепло, которое давало Солнце, собиралось в этой долине и поднимало температуру выше, чем в других местах. Об этом свидетельствовала и растительность. Кроме кактусов здесь можно было заметить и нечто похожее на траву; мох также был более пышный. Все это путешественники заметили, когда оказались на берегу речки.

— Это, наверное, и будет самое лучшее место на Марсе, — с улыбкой сказала Светлана.

— Посмотрим, посмотрим, — сказал Светозар. — Может, мы здесь найдем и самых культурных яхов.

Они открыли дверцу машины и почувствовали, что атмосфера их здесь не душит.

— Слушай! — радостно сказала девочка, — может, здесь можно будет дышать по-человечески, без этих приевшихся аппаратов.

— Кажется, можно будет, — сказал Светозар, вдыхая воздух.

— Здесь больше зелени и, значит, больше кислорода.

— Ой, как хорошо полежать на земле, поспать! — говорила девочка. — Давай сюда нашу теплую одежду, мы положим ее на землю и немножко полежим.

— И пообедаем, или позавтракаем, поужинаем, кто это теперь разберет, — добавил брат.

Они взяли свои продукты, стали есть и параллельно выяснять, сколько времени они путешествуют.

— Мне кажется, что мы выехали из дома, по крайней мере, шесть месяцев назад, — говорила Светлана.

— Оно всегда так бывает, когда путешествуешь и каждую минуту видишь все новое и интересное, — рассудительно сказал Светозар. — Я даже где-то читал такое выражение: «Жизнь человека измеряется не количеством прожитых лет, а количеством пережитых впечатлений».

— Если это правда, — заметила Светлана, — то мы с тобой скоро совсем постареем. И все-таки, действительно, сколько времени уже мы путешествуем?

Светозар ответил:

— Смотря по какому времени. Если по-здешнему, то никакой астроном не разберет, потому что очень мы это время запутали. А если по-нашему, то ... — он посмотрел на часы в машине, — показывает десять часов, а каких — или утра, или вечера — неизвестно.

— Мы ведь, кажется, из дома выехали в десять часов! — удивилась Светлана.

— Да, в десять. Вот теперь и суди, те же самые сейчас десять часов, или десять часов вечера, или десять часов утра, а может, десять часов следующего месяца...

— Жаль, — вздохнула девочка, — неужели хоть приблизительно нельзя узнать, сколько времени мы в дороге?

— Если приблизительно, то можно, — ответил Светозар. — Давай сюда стакан, я тебе налью из термоса чаю. Если он будет совсем горячий, значит, прошло пять, десять, ну двенадцать часов; если только теплый, то около суток, а если холодный...

— То двое суток, десять месяцев или пять лет ... — закончила Светлана.

— Все может быть в нашем положении, — не то в шутку, не то всерьез сказал Светозар, наливая чай.

Он был совсем горячий.

— Вот мы и узнали, что путешествуем менее суток.

— Полчаса тоже менее суток, — насмешливо сказала Светлана.

— Ну, тогда есть еще один показатель, — рассердился Светозар. — Это желудок. Он не будет молчать месяц и сутки: когда мы не спим, он подает свой голос через пять-шесть часов. Значит, приблизительно столько времени мы и путешествовали.

Они разлеглись на земле. Очень приятно было полежать спокойно и свободно после всех треволнений. Они смотрели на небо и говорили, что оно больше напоминает небо Луны, чем небо Земли. Оно чистое, очень темное, даже некоторые звезды можно видеть днем. Только Солнце значительно меньше, чем с Луны.

— Помнишь ли ты, что у нас было во время неполного затмения Солнца, в прошлом году? — обратилась Светлана к брату. — Так вот, если я сейчас посмотрю вокруг, то мне все время кажется, что и тут теперь такое же затмение.

Брат посмотрел вокруг и согласился с ней. Вдруг Светлана вскрикнула:

— Смотри, смотри, червяк ползет!

Брат вскочил так, словно ему крикнули: «Земля горит!»

— Где? Где? — бросился он смотреть.

Светлана торжественно показала ему настоящего червяка, который полз по земле между травинок.

— Что это? — спросил Светозар. — Неужели из него получают бабочки? Что-то их тут не видно.

— Это, наверное, какой-нибудь земляной червь, — ответила девочка. — В земле они могут прятаться на ночь.

Она начала ковырять землю камешком, и действительно — там нашлись еще некоторые насекомые: какая-то тонкая длинная муха с узкими черными крыль-

ями, маленькая желтая козявка и другие. Потом к ним приблизилось животное, похожее на мышку. Ее привлекли крошки хлеба. Путешественники даже притаились, чтобы не спугнуть зверька.

— Пусть попробует нашего хлеба, — говорили они. — Она будет хвастаться тогда на весь Марс, что ела настоящий ржаной хлеб.

Затем они увидели такую же в точности длиннокрылую птицу, что видели раньше. Она несла в клюве рыбу. Это уже свидетельствовало, что в воде есть рыба.

— Если пожить здесь больше, то можно было бы, возможно, увидеть, много животных и птиц. И все они должны каждый вечер готовиться к суровой зиме. Удивительная жизнь!..

— А если бы кто-нибудь из них оказался на нашей Земле, — сказала Светлана, — то, наверное, тоже сказал бы: удивительная жизнь! Для каждого незнакомое кажется странным.

Полежали несколько минут спокойно, а потом Светозар задал новый вопрос:

— Все путешественники, — сказал он, — которые открывают новые земли, имеют право давать им названия. Надо и нам дать название для будущей карты Марса. Вот эту речушку я предлагаю назвать «Светланка». Нравится?

— Нравится, — улыбнулась Светлана. — В таком случае море пусть будет «Светозарово море». Нравится?

— Нравится. Только бери выше: это не море, а океан, Светозаров океан. Хорошо звучит! Но тебе обидно будет. Надо бы для тебя что-нибудь еще добавить.

— Я вот что скажу, — серьезно ответила Светлана и даже села. — Вот увековечили мы свои имена, а нас все равно не будут знать — кто мы такие, чьи это имена?

Надо дать такие названия, которые звучали бы на весь мир и все их знали бы.

— Какие, например?

— Да, скажем, так: «Комсомольский океан», а речка — «Пионерка». Это звучит совсем иначе.

Светозар даже поднялся, посмотрел на нее серьезно, тряхнул головой и сказал:

— Хорошо придумала, Светланка! Действительно, так будет лучше. А долину эту как назовем?

— Просто: «Зеленая долина».

Через несколько минут они заснули.

VI. ПРИГЛАШЕНИЕ В ГОСТИ

Светлана проснулась с таким чувством, словно ей что-то мешает. Села, протерла глаза, оглянулась — и с испуганным криком ухватилась за плечо брата. Тот вскочил, некоторое время смотрел, ничего не понимая, а потом увидел ... двух яхов. Они неподвижно сидели и внимательно смотрели на гостей.

— А-а! Старые знакомые! Добрый вечер, товарищи!

Но «товарищи» не пошевелились: они пристально смотрели, словно изучая гостей, и в их глазах сквозило нечто недружественное. И вид их несколько отличался от прежних яхов. Цвет этих был — с бурым оттенком. Тело казалось больше и сильнее. Лица были более продолговатые и менее добродушные.

Светозар пощупал свой карман, где лежал браунинг ...

Светлана, дрожа, прижалась к брату.

Один из яхов повернул голову к другому и буркнул несколько слов, из которых можно было разобрать слово «бао».

— Интересно послушать, что они там бурчат, — сказал Светозар, встал и достал из машины шапки-передатчики. Яхи с серьезным вниманием наблюдали, как незнакомые создания двигались и что-то делали. И снова один из них что-то другому сказал. Из этих слов путешественники снова расслышали слово «бао» и поняли слово «идти».

— Черт его знает, что это за «бао»! — сказал Светозар. — По образу чувствуется, что это как будто какой-то важный ях, царь их, что ли.

— И я поняла также, — сказала Светлана.

Яхи тем временем опустились на передние лапы и поплелись в глубь долины.

Светозар пожал плечами и смущенно сказал:

— Что все это означает? Может они пошли к какому-то своему князю Бао?

Девочка покатила со смеху.

— Князь! Ха-ха-ха! Медвежий князь!

Смеялся и Светозар, но при последнем слове сестры сурово прервал ее:

— Светланка! Ты не имеешь права издеваться над каким бы то не было существом, пусть даже оно будет похожа на медведя.

— Я не над этими «существами» смеюсь, — оправдывалась девочка, — а над их «князем», если таковой может быть в их жизни.

— Сейчас мы это увидим, — сказал Светозар, — пойдем в гости к здешним яхам. Сядем в машину и тихонько поедem следом за ними.

Некоторое время яхи шли по берегу речушки, а потом по камням перебирались на другой берег. Путешественники хотели повернуть за ними, но внезапно заметили пещеры и с этой стороны. По склону горы на разной высоте виднелись щели, отверстия, из которых время от времени показывались яхи, старые и молодые.

— Ого! — воскликнула Светлана. — Здесь их целое поселение. По сравнению с жильем тех яхов, это уже будет целый город.

Они остановились у одного из входов, где лежала мать с ребенком. Увидев гостей, мать села на задние лапы.

Тем временем и из других пещер начали собираться жители. Приближались они осторожно, со страхом, и останавливались в десятке шагов от машины.

— Здравствуйте, товарищи! — крикнул Светозар, выйдя из машины. — Привет вам с Земли! Не знаете? Ну, ничего, теперь познакомимся.

Но яхи стояли на месте, напряженно следили за каждым их движением и как будто не проявляли желания знакомиться ближе. Когда Светозар попытался подойти к ним, они подались назад.

Выручил маленький ребенок. Он смело подошло к Светлане, а она присела и начала гладить его, а потом даже и на руки взяла. Увидев такую ласку, яхи подвинулись ближе, и лица их стали более ласковыми. Но никто из них не улыбнулся.

— Значит, огня еще не имеют, — отметила Светлана.

Вдруг яхи забеспокоились, со страхом стали смотреть куда-то, забормотала между собой — и снова слышалось слово «бао».

— Опять этот Бао! — удивились гости.

В этот момент через речушку перебрались яхи и направились к ним. Их было уже четверо. Все жители пещер попрятались в своих помещениях.

Подойдя к гостям, яхи выстроились в шеренгу, поднялись на задние лапы, а потом снова опустились.

— Э-э, да они кланяются нам! — крикнул Светозар. — Давно бы так. А то какую-то политику развели: «бао», «бао»...

Услышав это слово, яхи сели на задние ноги и удовлетворенно повторили:

— Бао, Бао.

При этом они поворачивались назад и показывали руками в ту сторону, откуда пришли.

— Дело ясное! — сказал Светозар сестре. — Они приглашают нас к своему Бао. Что будем делать?

— Не знаю, — ответила она. — Что-то не нравятся мне эти молодчики. Какие-то несимпатичные, совсем не такие, как эти жители.

— Поэтому и надо пойти посмотреть, что там такое.

— А ты уверен, что ничего плохого они нам не сделают? — спросила сестра.

— Пока что мы видим, что эти яхи — хороший народ, и договориться с ними можно.

Светлана покачала головой и сказала:

— А мне кажется, что эти типы не принадлежат к тому хорошему народу, о котором ты говоришь.

— Глупости говоришь! — сурово сказал брат. — Разве ты не видишь, что они той же породы, что они свои для этих жителей?

— А почему они живут отдельно? Почему их боятся эти жители? — возражала Светлана.

— Все же до сих пор не было никаких намеков на то, чтобы яхи думали нападать на нас, — настаивал Светозар. — Мы же для них высшие существа, словно боги, они нас и уважают, и боятся. Мы должны выяснить это таинственное дело.

— Я не спорю, — сказала наконец Светлана. — Я только выражаю свои впечатления об этих новых яхах.

Пока они разговаривали, трое яхов пошли в пещеры, и через некоторое время вышли оттуда с жителями, которые неохотно шли впереди. Создавалось определенное впечатление, что пришельцы их куда-то гонят. Пройдя несколько шагов в сторону моря, «конвоиры» остановились, несколько минут постояли на месте и, убедившись, что те сами пошли дальше, вернулись к четвертому. Потом все они вновь поднялись на задние лапы и опустили на передние.

— Видишь, как покорно они нас просят? — обратился Светозар к сестре. — А ты чего-то боишься. Пойдем. Нет, лучше поедем.

Провожатые и заинтересовались, и встревожились, когда увидели, как гости садились в машину, и особенно, когда машина поехала.

Ехала она совсем тихо, так, что сопровождающие могли идти рядом. Подъехали к камням, через которые нужно было перебраться на другую сторону реки. Один ях перешел на другую сторону, а другие ждали, что будет делать странный красный предмет. Предмет легко перепрыгнул через реку. Яхи еще больше удивились. Потом двое шли впереди, все время оглядываясь, а двое шли рядом.

— Они, наверное, думают, что ведут нас под конвоем к своему Бао-Дая, — смеялся Светозар.

— Бао, а не Бао-Дая, — поправила Светлана. — Все равно, они, наверное, одинаковые.

Наступал вечер. Солнце зашло за горы, и в долине сразу сделалось мрачно. И вдруг наши путешественники увидели впереди... отблеск огня!

— Смотри, смотри, огонь! — закричали вместе и Светозар и Светлана. — Неужели действительно огонь? — и их машина словно сама оказалась у входа в пещеру, откуда шел свет. Конвоиры из всех четырех ног должны были догонять ее.

VII. СВЕТОЗАР НАВОДИТ ПОРЯДОК НА МАРСЕ

Путешественники вылезли из машины и остановились на пороге пещеры. Перед ними был как бы тамбур, за которым открывалось уже большое помещение. Там, в углу, и горел огонь, настоящий огонь. Горел он не на земле, а в стене, никакого топлива под ним не было.

— Дело ясное, — сказал в Светозар, — значит, из стены выделяется горючий газ. Но кто его зажег?..

Запыхавшись, подбежали сопровождающие и вошли внутрь вместе с гостями. Светозар и Светлана увидели большую треугольную пещеру. Рядом с огнем было углубление в стене. В нем на земле лежал большой камень, по-видимому, специально сюда положенный. На этом камне важно сидел ях, тот самый таин-

ственный «Бао». Он был толще и мощнее других яхов, и даже какую-то важность можно было заметить. По другую сторону от него расположились его «придворные». Здесь были и такие же «солдаты», как бы свита, и женщины с детьми. Позади них в стене чернел проход в дальние пещеры. Свита располагалась кое-как: одни стояли на четырех лапах, другие лежали, некоторые сидели. Но как только вошли гости, все сели на задние лапы. По всему было видно, что и сам Бао сел на свой «трон» в тот момент, когда подошли гости.

Вошедшие за ними четверо яхов выстроились перед Бао, сели на задние лапы, а затем опустились на передние.

Светозар и Светлана даже растерялись. Что же это такое? Как себя держать перед этими удивительными созданиями? Откуда они позаимствовали этот нелепый церемониал? Ведь на Земле так было в допотопные времена. Неужели он и без всякого фантомобия «перелетел» на Марс?

Светлана смотрела на все это, как на сон, и не знала, как себя держать. А Светозар разозлился не на шутку. Но что ему было делать среди такого количества несимпатичных яхов?

А в это время пришли те яхи, которых гоняли на работу. Они пришли мокрые. Вода с них лилась ручьем, а в зубах они держали по рыбине. Они подошли к Бао и положили эту рыбу у его ног. После того они быстренько побежали прочь.

Бао поднял одну рыбину и, неуклюже ступая на задних лапах, подошел к Светозару и сунул ему рыбу в рот. При этом Бао... улыбался! Да, он умел смеяться... Мало того, его свита тоже добродушно улыбалась.

Эти первобытные паразиты научились смеяться по-

тому, что у них был огонь, которым владели они одни. Или, лучше сказать, их вожак Бао. Те, что жили по ту сторону речки, огня не знали. И смеяться не умели. Они должны были работать на Бао и его свиту, ловить ему рыбу, приносить кактусы.

Ибо они боялись «могучего» Бао потому, что он обладал огнем. Правда, Бао и его прихвостни, как видно, еще не умели как следует использовать огонь, так как угощали знатных гостей сырой рыбой, но и без этого владыка огня имел большое преимущество перед теми, кто огня не имел.

Возмущенный Светозар выхватил свой браунинг и несколько раз выстрелил вверх. Грохот привел яхов в такой ужас, что все они, не исключая самого Бао, опустились на передние ноги или руки. А Светозар, не раздумывая, поймут они его или нет, грозно крикнул:

— Что это такое вы придумали? Не успели стать людьми, а уже строите из себя каких-то господ! А тебя, чучело, кто научил этим царским церемониям? Работать не научился, а сидеть «на троне» научился. И угнетать бедных тоже каким-то образом научился. Так вот, мы тебя сейчас научим.

Никто не скажет, какие из этих слов дошли до сознания «чучела», но тон и общий смысл грозной речи, подкрепленной выстрелами, произвели впечатление на всех. Яхи встревожились, засуетились, некоторые спрятались в дальних пещерах. А Светозар начал снимать спортивку.

— Иди во двор и жди у машины, — шепнул он сестре.

— А ты? — спросила она тревожно.

— Иди, иди, не беспокойся.

Светлана отошла, но остановилась у входа и начала смотреть, что будет дальше.

Светозар снял свою рубашку, подбежал к огню и... накрыл его! Огонь, конечно, сейчас же погас, а вместо него послышались шипение и вонь газа.

Когда они садились в машину, в пещере были стоны и вопли, словно кто зарыл живые существа в землю...

На дворе стало еще темнее. До заката солнца оставалось час или полтора.

— Куда теперь? — спросила Светлана. — Домой?

— Нет, нет, мы не можем оставить дела. Нужно сначала навести здесь порядок. Будем торопиться.

Машина оказалась на другой стороне долины, у первых пещер. Многие яхи услышали вой на той стороне и вышли из своих помещений. Они тревожно прислушивались, боясь беды, а вой там еще больше усиливался: удушливый газ заставил яхов покинуть пещеру.

— Что же они теперь будут делать? — произнес Светозар.

— Может, нападут на этих, чтобы отобрать пещеры? — боязливо сказала Светлана.

— От этих разбойников всего можно ожидать, — согласился Светозар. — Надо скорее организовать защиту.

Тем временем вокруг них собрались почти все жители этих пещер. На этот раз они приближались к гостям без страха, доверчиво. Гости вошли в ближайшую пещеру, а за ними и все соседи.

— Поищи тут кусок сухого кактуса, — сказал Светозар сестре, а сам зажег спичку, чтобы осветить.

Как вскрикнул весь народ, как бросился к выходу! Светозар засмеялся и крикнул:

— Куда вы? Назад!

Надо думать, что через передатчик понятие слова

«назад» дошло до них. Они вернулись назад. Спустя мгновение спичка погасла, стало темно. Яхи спокойно подошли ближе. Но Светозар снова зажег спичку, и те опять шарахнулись в стороны. Наконец Светлана подошла с кактусом. Они оба разложили маленький костер. Яхи осторожно, один за другим, стали подходить ближе и, наконец, уселись вокруг на задних лапах.

— Очень хорошо — похвалил Светозар. — Теперь можно будет вести практические занятия со всеми вами вместе по всем правилам науки.

Нельзя сказать, чтобы успехи были легкие и быстрые. И на Марсе были ученики, способные и не очень. Надо было сперва выделить способных и подготовить их как можно быстрее и лучше. То одного, то другого вызвал наставник к огню и показывал, как надо с ним обращаться. Другие яхи быстро сообразили, что для огня нужна «пища», и со всех концов начали таскать топливо.

Обучение шло по определенной программе. Сначала надо было вообще привыкнуть к огню, не бояться его, даже и после того, как он «укусит». Здесь проявила значительные педагогические способности Светлана. Она понарошку касалась рукой костра, вскрикивала, охала, смеялась и снова совала руку, чтобы прикоснуться к головешкам.

Следующей ступенью было — научиться поддерживать огонь. С одной стороны, нужно было показать, что нельзя класть топлива много, потому что «в вашей стране топлива мало», как объяснял «учитель», а с другой стороны, нужно было, чтобы они хорошо осознали, что самое главное дело — не упустить огонь. Для этого Светозар не пожалел лишнюю спичку и позволил костру погаснуть. Тогда началось то же самое, что и в пещере Бао.

После длинной дополнительной речи, Светозар снова зажег костер.

Так работали, сдается, часа два. На дворе стало совсем темно, пошел первый холодок, на той стороне долины то затихал, то усиливался вой, а «ученики» ничего не замечали и не собирались расходиться по «домам».

Зато и успехи были хорошие. Яхи чувствовали себя у костра так, как будто с детства имели с ним дело.

Лица их становились все веселее и веселее, пока не начали улыбаться.

— Вот так и надо! — с удовольствием сказали наставники. — Сейчас можно сказать, что вы закончили класс животный и перешли в класс человеческий.

Наконец, пришло время, когда можно было приступить к третьей ступени обучения. Светозар встал и торжественно начал:

— Дорогие товарищи! Теперь мы подходим к самому важному делу: нам нужно научиться защищать себя огнем. Вы должны иметь своих солдат, чтобы защищаться от Бао (он показал на вход). Слышите, как они там воют? Если они увидят огонь, то, наверное, придут сюда, чтобы отобрать его, а вас выгнать.

Светозар хорошо понимал, что от его речи мало что дойдет до слушателей. Поэтому он действовал, как на сцене. Он показывал, как войдет Бао со своими слугами, как он схватит из костра головешку, как начнет выгонять отсюда их всех. Для наглядности Светозар выбрал одного из слушателей и стал тыкать его головешкой. Даже припалив его немного, бедняга закричал и пулей вылетел из пещеры.

Светлана звонко рассмеялась, смеялся и Светозар, но публика не смеялась: они боялись, что и их всех таким образом выгонят.

Тогда Светлана предложила другой методический прием:

— Они, кажется, не поняли тебя. Они подумали, что ты собираешься причинить им вред. Толкни тогда меня.

Светозар со смехом «вытолкнул» ее во двор. А потом они поменялись местами, и Светлана уже его вытолкала. После того и первый ях вернулся на свое место.

Надо было выбрать наиболее способного и сообразительного слушателя. Светозар присматривался, присматривался — как тут разобрать, кто из них более способен? Вот у этого, пожалуй, глазки лукавые. Светозар дал ему в руку кактус с пылающим концом. Тот робко взял его. Тогда мальчик стал показывать, как толкать огнем. Кое-как толкнул он вперед и остался доволен. А потом взял и толкнул своего соседа. Затрещала шерсть, с криком отскочил в сторону не только обожженный, но и его товарищ ...

— Эх, ты! — укоризненно сказал «учитель» и отобрал кактус.

— Наверное, про них и сказано: с огнем не шути, — засмеялась Светлана.

— Но нужно их научить, — с досадой сказал Светозар, — обязательно нужно. И теперь, так как этот Бао-Дай может сейчас прийти.

— Бао, — поправила Светлана.

— Пойдем посмотрим, что делается на улице. — И они вышли из пещеры.

Было уже совсем темно. Единственный свет, который давал возможность хоть кое-как видеть, шел от звезд.

— Хоть бы Луна какая была, — сказала Светлана.

— Марс имеет даже два Луны, — ответил брат, — да пользы от них нет никакой: одна имеет пятнадцать километров, а вторая — восемь километров в поперечнике, и нам их не рассмотреть. Может, какие-то из этих самых маленьких звезд и есть Луны, но нам они не нужны.

Хотя и днем на Марсе тишина чрезвычайная, но теперь она казалась полной. Единственным звуком было вой яхов Бао.

— Я даже жалеть их начинаю, особенно матерей и

детей. Холод все увеличивается, через несколько часов будет лютый мороз, а куда им деваться? Они и свою пещеру не могут занять, потому что там газ.

— Кажется, сюда идут! — шепнул Светозар. — Вон на той стороне вроде-бы стадо движется. Но холодно здесь, давай, зайдем внутрь и там будем ждать.

— А ты не боишься? — тихо спросила сестра.

— Нет, бояться не стоит, — спокойно сказал брат. — На один револьвер я не надеялся бы, а на огонь надеяться можно.

Они поставили свой фантомобиль «под крышу», то есть, под скалу, и прошли внутрь пещеры.

Яхи еще не подозревали, что на них идет враждебная «армия». Светозар еще немного попрактиковался с защитниками, но на них не очень рассчитывал. Он сам надеялся отбить «штурм».

Наконец, и в пещеру долетел шум. Один из яхов высунулся из пещеры, чтобы посмотреть, и сразу бросился назад. На лице его был страх. Он бормотал:

— Бао, Бао.

Все сразу поняли, в чем дело, засуетились, отошли от входа и сгрудились в противоположном углу.

Звуки приближались. Светозар подготовил кактусы, посмеивался и ждал. Светлана не могла сдержать себя и дрожала, больше от нервного перевозбуждения, чем от страха. Светозар со смехом сказал:

— И ты боишься, как эти бедные яхи? Серьезно тебе говорю: нет повода бояться. Не только первобытный ях, но и наш бандит побоится горячей ветви, если не будет иметь другого оружия. А Бао руками ничего не может делать.

И вот у входа зашевелились тени, и в пещеру вошел Бао. Подойдя ближе, он встал на задние лапы и грозно

что-то проревел. За ним стали четверо его охранников, а все остальные скопились у входа.

Светозар тем временем подготовил хорошо пылающие факелы из кактусов, два взял себе, а один отдал сестре.

— Посмотришь, как весело будет, — сказал он. — Начинаем: Раз!.. Два!.. Три!.. — Светозар закричал, замахал факелами, да как сунет уважаемому Бао одним факелом в лицо, а вторым в живот, где была самая длинная шерсть...

А Светлана обожгла сразу двух охранников.

Что тут произошло, даже рассмотреть не успели. Увидели только, что незваных гостей в пещере уже нет. А ахи все смеялись по-настоящему.

Победители вышли во двор, чтобы посмотреть, куда делись враги. Они сгрудились у переправы через реку, а поблизости заплакал маленький ребенок. Сразу же к нему подбежала мать.

— По-видимому, и на Марсе, и на Земле, и на других планетах все матери одинаковы, — сказала Светлана, подошла и начала гладить ребенка, а потом взяла его на руки и понесла в пещеру. Мать покорно пошла сзади.

Все вернулись в пещеру, и новые жители присоединились к старым без каких-либо препятствий.

Время шло, а задуманная Светозаром «реорганизация» была еще не закончена. Надо было перенести огонь и в другие пещеры, а это очень скучное занятие.

— Может, они и сами могли бы отнести к себе? — сказала Светлана.

— Где там! — безнадежно сказал Светозар. — Видишь, какие они неуклюжие. Если они будут нести огонь в одной руке, то ничего не выйдет: они обожгут себе и лицо, и живот. А на двух ногах вряд ли донесут. Чтобы свободно ходить на ногах, им еще предстоит учиться, может, тысячу лет. Наши предки жили в лесах, лазили по деревьям, стоя на ногах, доставали плоды, колосья, одним словом, им всегда приходилось стоять на ногах. А тут ни деревьев, ни плодов, ни высоких растений, а только одни кактусы, которые нужно собирать, уткнув нос в землю. Видно, придется нам с тобой «электрифицировать» их дома.

Когда перенесли огонь в соседнюю пещеру, вернулись туда и ее жители. Потом «оживили» вторую, третью пещеру, и таким образом разгрузили первую. Осталась здесь только чужая мать с ребенком. Светлана погладила и ее и ребенка, чтобы пещерные старожилы видели, что с новоселами нужно обходиться ласково, да еще напутствовала:

— Вы мне смотрите, не обижайте их, а то я вам ... — и она пригрозила хозяевам пещеры пальцем.

Надо отметить, что «электрификация» эта заняла куда больше времени, чем могло показаться, ведь каждый раз нужно было еще и еще показывать, как обращаться с огнем, поддерживать его. На это дело потратили, наверное, часа два, если не больше. Путешественники очень устали. Можно себе представить, как должны были чувствовать себя яхи, которые, возможно, за тысячелетия первый раз не спали ночью. Но причина была уважительная: первый раз за тысячелетия ночь у них была с огнем.

Основное было сделано, можно было лететь домой или перелететь отсюда в теплое место на Марсе. Светлана так и поставила вопрос.

— А может, переночуем здесь, с ними? — улыбнулся Светозар.

Светлана даже вздрогнула:

— Что ты, что ты, я лучше на дворе переночую!

— Вот какой ты друг бедных и угнетенных! — засмеялся Светозар. — Добрая к ним, ласковая, сочувствуешь им, а если побыть с ними поближе, то вот какое презрение.

— И вовсе не потому, — ответила Светлана. — Если было бы необходимо, если иначе нельзя было бы, то я бы совсем не боялась. А теперь мы можем ехать дальше.

— А что будет дальше с теми яхами и с той «газифицированной» пещерой? — озабоченно сказал Светозар. — Неужели пропадать такой ценности? Да и тех яхов надо было бы приспособить к честной жизни. Нет, я не могу оставить Марс, пока не наведу на нем порядка.

Тем временем мороз все усиливался и усиливался. А часов в одиннадцать он достиг градусов двадцати.

Изгнанные яхи снова возопили. Они, видимо, не нашли себе хорошего убежища.

— Хоть и бандиты, а все-таки жаль их, — сказал парень. — Среди них, наверное, есть и хорошие, которые не должны страдать из-за этого проклятого Бао-Дая.

— Бао, — поправила девочка. — А я бы сделала так: поселила бы их, скажем, в эту пещеру, отобрав огонь, а этих жителей переселила бы туда.

— Очень хороший план! — похвалил брат. — Пусть они живут без огня и посмотрят, как все живут с огнем. А если исправятся и заслужат, то можно будет и огонь им дать. А вот насчет той пещеры я вношу поправку. Для какой-то одной случайной семьи та пещера будет слишком хороша. Может, хозяин тоже нос задерет, как этот ...

— Бао, — поспешило подсказать Светлана.

— Как Бао. Конечно, несознательный народ. Если он возомнит себя владельцем такого огня, за которым не надо следить, за которым не нужно ухаживать и поддерживать, то может также задрать нос. Такое совершенное помещение нужно использовать для общественно-полезного дела, например, для детского сада...

— Ха-ха-ха! — засмеялась девочка.

— Чего ты смеешься? Я вовсе не шучу. Почему же нельзя сделать так, чтобы там жили только мать с детьми? И огонь здесь станет общественным, он никогда не угаснет, и если у кого из жителей огонь пропадет, то можно будет его взять отсюда.

— Планы твои очень хорошие, — сказала сестра, — но когда ты это сделаешь? В эту ночь, что ли? Через некоторое время будет мороз градусов под сорок, да и не привыкли они не спать ночью.

— Ничего! — уверенно сказал парень. — Одну ночь за тысячи лет можно и не поспать.

Но сказать было легче, чем сделать. Обсудив дело со всех сторон, они вынуждены были отложить ее на следующий день. А пока они сели в машину и полетели «догонять солнце».

Они «догнали» его на берегу второго моря, не очень большого, неглубокого, с низкими берегами. Здесь они и остановились «на ночь».

Все пространство вокруг была зеленым, никаких возвышенностей на нем не было.

— Как тебе кажется, — спросила Светлана, — могут здесь жить яхи или нет?

Светозар посмотрел во все стороны и сказал:

— Думаю, что нет. Здесь негде спрятаться от ночного мороза.

— А выкопать землянку нельзя?

— А может, в этой низине под землей близко вода? А если и нет воды, то своей нынешней техникой яхи не смогут выкопать себе жилье. Неизвестно еще, есть ли здесь вода для питья, так как в море вода соленая.

— А ты пробовал ее? — лукаво спросила сестра. Брат рассмеялся.

— И точно, мы не знаем. Идем, попробуем воду.

Вода была соленая, и даже очень соленая, так как реки не приносят сюда столько пресной воды, как на Земле.

— Давай скорее спать, мы так устали, — говорила девочка. — Как мы будем спать?

— На земле, конечно, мух, кажется, не видно.

— Заслонимся от солнца нашей машиной и поспим.

Когда они проснулись и захотели поесть, то оказалось, что у них остался один бутерброд.

— Какого маху мы дали! — сожалел Светозар. — Не думал, что столько времени придется здесь быть, что столько найдется здесь организационной работы. Чего

доброе, придется и нам перейти на полярные кактусы.

— Ничего, — утешила девочка, — для пользы наших соседей можно и поголодать.

Вернулись в Зеленую долину утром. Везде белел иней, замерзла Пионерка у берегов, белел льдом и берег Комсомольского моря. Сохранился ли огонь у яхов?

Пошли проверить. В первой пещере огонь чуть тлел, но все спали. Растолкали криками нерадивых хозяев, заставили их раздувать огонь и пошли во вторую пещеру. Там огонь совсем погас, и раздувать вообще было нечего. И тут накричали, а потом Светлана сказала:

— Зачем нам кричать, воевать, переживать, если у них будет постоянный огонь и у них всегда будет возможность зажечь костер!..

Это решение было абсолютно верным. Теперь оставалось только переместить жителей. Как приступить к этому делу? С чего начинать? Как им объяснить, чего от них хотят? Шапка-передатчик может передать им только отдельные простые понятия, а тут нужно рассказать о больших и сложных суждениях.

В конце концов, постановили так: сделать из кактусов факелы и аккуратно гнать ими уважаемых жителей Зеленой долины туда, куда нужно для их пользы.

— Возможно, они обидятся, — сказал в Светозар, — но что ты тут сделаешь, когда иначе нельзя. Чтобы провести это переселение культурно, нам пришлось бы сидеть тысячу лет, пока яхи научились бы говорить и понимать по-человечески.

Так и сделали. Для начала взяли из первой пещеры двух матерей с детьми и ласково начали их подталкивать к речке, а потом к пещере. Подошли ко входу,

остановились. А что дальше делать? Пещера наполнена газом, даже у входа стоять нельзя, а как войти в середину и зажечь огонь?

— Мало того, — добавил Светозар, — если бы я вошел в каком-нибудь противогазе и зажег огонь, то меня разорвало бы взрывом газа, который заполнил всю пещеру. Ну что же, нужно искать другой способ. Ага! Сделаем так: вы прячьтесь вот здесь за скалой, а я зажгу кактус и брошу в середину.

Через несколько минут он бросил головешку и скрылся за скалой. Как загремело внутри, как полыхнуло пламя из пещеры...

Выждав некоторое время, они осторожно вошли вовнутрь. Запах газа еще чувствовался, но дышать было можно, а в углу, как и прежде, беззаботно колыхалось пламя.

— Теперь все в порядке! — весело сказал Светозар. — Занимайте вашу квартиру, уважаемые граждане!

Одна из «гражданок» вошла в пещеру, как в свою собственную квартиру, а за ней робко вошла другая.

— Начало положено, — сказал Светозар, — пойдём вербовать еще матерей с детьми.

Они «завербовали» и переселили еще четырех матерей с детьми, и тогда встал вопрос: а не придет ли сюда Бао, не выгонит ли он новых жителей?

Значит, надо организовать охрану.

— Ох, сколько хлопот! — говорили путешественники, вытирая пот. — Как трудно наладить жизнь на другой планете.

Потом они пошли посмотреть, где нашел убежище Бао со своей свитой. Увидели их в конце долины, в скальной расщелине. Но из всей стаи их там было всего двое или трое. Брат и сестра поглядели по сторонам и увидели, что на берегу речки несколько яхов во главе с самим Бао собирают кактусы ...

— Вот это хорошо! — сказал Светозар. — Паразиты начали трудовую жизнь. Мы можем спокойно возвращаться домой.

Они вернулись к своей машине. Вокруг них, как всегда, собрались яхи. Светозар выступил перед ними с прощальной речью.

— Вот что, братишки: мы оставляем вас, едем домой. Живите здесь счастливо, развивайтесь, более тщательно учитесь ходить и говорить, пользуйтесь огнем — и, может быть, через несколько тысяч лет вы станете настоящими людьми. Не подпускайте близко к

себе Бао, теперь вы знаете, как гнать его в шею. Нам хотелось бы еще многому вас научить, да на это нужно много лет. Мы не можем жить с вами столько времени. Да и климат ваш никудышный. Может, через некоторое время мы посетим вас, чтобы посмотреть, каких успехов вы достигли ...

Сестра толкнул его в бок и сказала:

— Хватит уже! Чего ты разошелся? Не могут же они понять всего того, что ты говоришь.

Светозар повернулся к ней и сказал:

— А тебе жалко, что ли? Даже если они поймут хоть два-три слова, и тогда речь будет полезной. Не часто людям с Земли приходится выступать с речами перед марсианами. Ну, прощайте, дорогие товарищи!

Возвращение

Через несколько минут они снова летели вдогонку солнцу. Однако возвращаться домой еще не спешили: они не обследовали всего Марса. Они побывали только в Северном полушарии, а затем посетили часть экваториального пояса. Надо было заглянуть в Южное полушарие, объехать весь Марс по экватору.

Они повернули на Юг.

— Это только для того, чтобы выполнить полностью задачу нашей «командировки», — сказал Светозар, — а интересного там мы ничего не увидим. Когда летом здесь природа хуже нашей тундры, то чего ждать зимой!

И действительно, на Южном полушарии, где сейчас была зима, картина была такая, что и смотреть не хотелось. Те же самые голые горы, бескрайние пустыни, долины и тундра, только в это время года совсем неживая

— Хоть бы сугробы были, как положено зимой, и то веселее было бы смотреть. А тут только иней да тонюсенький слой снега.

Конечно, ничего живого увидеть здесь было нельзя, так же, как и в Северном полушарии.

— Значит, здесь яхи не живут? — спросила Светлана.

— Как видишь, не живут, — ответил Светозар. — Тем лучше, мы спокойно можем лететь дальше.

К экватору они вылетели у того места, где останавливались прошлый раз, около второго моря.

— Подожди, — сказала Светлана, — надо же и ему дать название.

— Предлагаю назвать его «Советским морем».

— Так и запишем, — согласилась сестра.

Путешественники полетели дальше на запад. Море имело, наверное, тысячу километров в ширину, а в длину значительно больше. За ним началась знакомая картина — зеленые долины, цепи больших и малых озер, пустыни и горы.

Через некоторое время подлетели еще к одному морю.

— Ого! — воскликнули путешественники. — Это уже целый океан!

Величина его казалась действительно океанской, да только слишком много было на нем низеньких островков. Создавалось впечатление, словно во время половодья вода залила большую низину.

Поскольку океан был неглубокий, а сильных ветров на Марсе нет, то вода в нем за ночь замерзала вся: лед начинал таять ближе к вечеру, когда нужно было снова замерзнуть. Океан этот назвали «Московским», хотя Светлана возражала, что он не достоин такого названия. Ширина его составляла тысячи две километров.

Далее они увидели пейзаж, который немного напомнил им Зеленую долину.

— Остановимся, — сказала Светлана, — может, и здесь живут яхи.

— Ну уж нет! — воскликнул Светозар. — Нам еще по экватору нужно пролететь двадцать две тысячи километров.

Наконец они заметили местность, которая им показалась знакомой. Это было то же самое место, где они увидели первых яхов. Только теперь дети прилетели сюда с противоположной стороны, на тот берег озера, где они в первый раз увидели яха с вязанкой кактусов на спине.

— Вот здесь нам придется остановиться, — сказал Светозар. — Надо проверить, сохранили ли яхи огонь.

Машина остановилась у знакомого входа. Яхи мигом окружили ее, веселые, радостные, многие из них смеялись.

— Значит, дела хороши, — сказал Светозар. — Огонь, по-видимому, не погас.

Приятно было видеть этих облагодетельствованных существ, но очень не хотелось лезть к ним в берлогу. Тем более, что очень хотелось возвратиться домой.

— Ну, хорошо! Живите счастливо, — сказал Светозар, не вылезая из машины.

И они снова исчезли из виду. Что думали яхи, эти бедные создания, как они себя чувствовали — никто не знает.

Отчет «командированных» внуков своему деду продолжался несколько дней. Весь рассказ, все подробности Петр Трофимович тщательно записал в свою тетрадь и был очень доволен.

— Я так и знал, — говорил он, потирая руки, — что приблизительно так и должно быть. Откуда там цивилизация выше нашей, когда природа такая неблагоприятная? Неплохо уже и то, что там хоть какая-то жизнь есть. Хорошо и то, что развитие живых существ достигло такой степени, как у этих яхов. Наука давно уже взяла под сомнение пресловутые «каналы» Скиапарелли, и мы сейчас точно знаем, что никаких каналов на Марсе нет. Скоро придет время, когда вся наука будет изучать то, что открыли вы. А пока... пока нам придется молчать. До того времени, когда другие ученые смогут своими глазами увидеть то, что видели вы.

А теперь готовьтесь к наиболее важному путешествию. Путешествию на такую планету, как наша Земля. Я уже говорил вам, что среди миллиардов планет нашей Галактики такая планета обязательно найдется. Сила фантазии поможет вам ее найти и изучить ее.

Валентин МАКРУШИН

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ НА МАРСЕ

Фантастическая повесть

Начало повести было напечатано в № 5 журнала «Молодая гвардия» за 1961 г., а после слов «по-солдатски вытянулся Смейлс» шло «Окончание следует». Но его не последовало...

В БЕЗДНЕ ВСЕЛЕННОЙ И ЗВЕЗДЫ НЕ СМЕЮТ МИГАТЬ

Все дальше уходит голубой кружочек Земли со сверкающим ободком воздуха. А Марс пухнет, наливается багрянцем, становится выпуклым. Длинные расплывчатые полосы каналов отчетливо рассекают его оранжевое северное полушарие. На стыках каналов — темные круги.

Словно по линейке, разграфлена поверхность.

Против кресла пилота — большой смотровой экран водителя. Он вогнут. На нем отображается пространство вселенной. Рядом экран кругового телескопа.

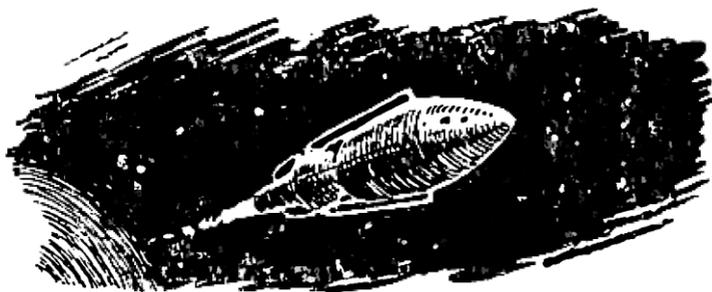
Ракета приближается к орбите Марса. Скоро на пересечении орбит она нагонит планету и опустится на Марс, Оранжевый серп его пламенеет в утренних лучах солнца.

Но чем яснее видит Васильчиков давно знакомые по телескопическим снимкам темные пятна, чем ближе радиоактивный пояс Марса, тем сильнее растет тревога. Утонувший в кресле под силой тормозной перегрузки пилот с трудом шевелит пальцами длинных ног, чувствуя, как тяжелеет тело. Он беспомощен, словно спеленат в колыбели.

При посадке на Луну тоже было тревожно на душе. Но тогда сознание победы над пространством одолевало тревогу. Здесь само понятие пространства исчезло. Земной шар не отличить от звезд, и находится он не там, откуда летит ракета.

Пилот с большим усилием подавил безотчетное желание повернуть ракету. Пальцы так и тянутся к кнопке. Свернуть в сторону от набухающего, теперь уже желтого полумесяца с огромным расплывающимся пятном материка, похожего на осьминога. Свернуть, облететь кругом, посмотреть.

Кажется, материк шевелится. Поворачиваясь к ракете, осьминог гипнотизирует пилота своим багровым глазом. Это Крабовидная туманность. Взорвавшаяся девятьсот лет назад сверхновая звезда еще двигает языками газов, ее рваные волокна, кажется, шевелятся.

Васильчиков отвел глаза от телескопа и осторожно взглянул на обзорный экран. Марс отодвинулся. Материк потерял очертания, щупальца исчезли. Пилот улыбнулся: «Так-то спокойней. О, человечья натура!»

В этом круглом глазу «Осьминога» два года назад лунные обсерватории наблюдали синие круги и дуги. Они передвигались, суживались. С Земли дали ответный сигнал — те же синие кольца. Писки в телерадио усилились, круги на Марсе задвигались быстрее.

Марсоведы не разгадали происхождения этих явлений. Беспилотная ракета-зонд, запущенная на планету, ничего не показала, подготовка экспедиции на Марс была ускорена.

И вот, три ракеты, одна вслед за другой, огибая Солнце, движутся к оранжевой планете. Впереди малая ракета Васильчикова — экипаж в четыре человека, — легкая, она сядет на Марс.

Долог полет на Марс! Все томительнее ожидание. Неизвестен путь, нет зримых ориентиров измерения пройденного. Еще не проверены силы взаимного тяготения небесных тел. Пилоты заставляли себя не думать о прямом попадании метеоритов в стены ракеты. Каждое мгновение может оборваться траектория полета. Метеоры заставят ракету свернуть с намеченной на Земле орбиты. Плутать по космической целине, где ночь при ярком свете Солнца, где нет атмосферы и свет не рассеивается. Попасть в тучи космической пыли распадающихся звездных ассоциаций!

Далекая Земля! Только удаляясь от твоей цветущей поверхности, понимаешь, как ты прекрасна!

Для посланцев Земли создана земная обстановка. Ведь их ракета — кусочек Земли здесь, в космосе. В ракете — свой микроклимат, растительность. Голубой потолок, светлые стены и темный пол всегда указывают по-земному, где верх, где низ, как бы ни вертелась ракета.

Светящиеся пластинки в стенах кабины прикрыты зелеными шторами. Они льют притушенный свет, как бывает днем под густой листвой. Тени гамаков и тени четырех ростков сибирских пихт — подарок якутов — переплетаются на смолистых матах влажного пола.

Все влажное, сырое напоминает Землю в мертвом, без воздуха и воды, космосе. Опахала имитируют ветер. Ростки пихт — лес. Магниты на полу — земное притяжение. Но если человека заключить надолго в оранжерею, будет ли он чувствовать себя в лесу? Ни ветер опухал, ни магниты, удерживающие ноги у пола, не помогают.

Человек ошеломлен могуществом пространства и немой пустотой космоса. Пустота кругом, пустота под ногами. Человек ощущает ее инстинктивно все время.

Даже во сне он чувствует пустоту, бессознательно отыскивает всем телом опору.

Поднимешь руку к голове, чтобы пригладить волосы (все кажется, что они стоят дыбом), и подпрыгнешь: забываешь, что рука почти ничего не весит. При резком движении сам поднимаешься на воздух, если не нацепил железных подков.

Да и подковы не помогают. Ноги прилипают к намагниченному полу, а сам качаешься, будто водоросль в воде. Шевелишь, перебираешь ногами, а пола не чувствуешь, как бывает во сне. Подошвы словно в тине.

Пилоты привыкли чувствовать силу своих мышц. А тут отвратительное, непреодолимое ощущение непрерывного падения. Расслабленные мускулы, словно тряпки. А в ушах шум, непрерывный шепот.

Васильчиков меньше товарищей оказался подверженным болезни мирового пространства — мучительному ощущению потери точки опоры, потери веса. Но все же и ему было нелегко, тем более что самовращение ракеты, создающее силу тяжести, замедлилось к концу полета, тяжесть тела катастрофически уменьшилась.

А нужно двигаться. Пилоты дежурили в штурвальной посменно. Лучшие часы полета! Далекie миры светятся перед тобою на экране. И ты хозяин среди планет! Ракета летит. На объемном изображении экрана это ясно видно по растущему шару Марса, по меняющемуся облику неба, по расположению звездочки Земли. Пространство покоряется воле пилота, и клешни Краба застывают в ожидании.

Космонавты следили за работой автоматов управления, фиксировали маршрут, исследовали насыщен-

ность космоса межпланетным веществом, действие световых и космических лучей. Они выращивали подопытные растения, проверяли влияние полета на состояние здоровья людей.

Только лежа, прикрепленные широкими эластичными лентами к гамакам, отдыхали космонавты у вентиляторов-опахал. Они молчали. Трудно говорить. Язык, почти невесомый, так и прыгает во рту. Да и о чем говорить, когда впереди все неведомое, неземное? О кругах на Марсе, виденных с Земли? Какие существа могут жить на обезвоженной планете?.. Но зачем заранее внушать себе предвзятые земные представления о Марсе?..

А жизнь все же на Марсе есть. Теперь, когда диск планеты рос не по дням, а по часам, пилоты видели игру лучей в атмосфере, обволакивающей Марс тоненькой каемкой. Планета живая! Значит, обитаема!

Но какие же они, жители Марса, проложившие каналы через материки? Какие города в их круглых оазисах?..

«Вечерами» пилоты пели о далекой Земле, каждый пел на своем языке. Петь хором в кабине невозможно: поющий захватывал слишком много воздуха, регуляторы поступления свежего воздуха давали тревожные сигналы.

С полузакрытыми глазами слушали разведчики пение товарища «под музыку космоса».

Вибрация корпуса ракеты и постоянное напряжение при слабой весомости вызывали непрерывный шум в ушах. В этом шуме пилотам мерещился шепот, голоса близких людей, пугающие своей реальностью, как при слуховой галлюцинации. Их нужно перебить, прервать. Иначе не собрать мыслей, не сосредоточить внимания.

Назойливый, постоянный шум! К нему не привыкнуть, и проглоченные шарики гармоничности не помогают при слабой весомости. Чтобы заглушить этот шепот, нужно самому шептать, говорить, петь.

А можно и почитать. Не надо к кнопке тянуться. Кибернетическая библиотека откликается на голос. Распрямляясь, от стены отделяется овальная ракетка на стержне, становится прямо перед глазами.

Так жили космонавты в своей земной ракете. День прошел. Все! До завтра, космос! Теперь выдавить себе в рот из эластичных сосудов пеммикан, полужидкую еду — кашицу из мясного порошка, жира и ягод, добавить космическую, или, как говорят пилоты, «микрокосмическую», порцию воды и спать или продолжать дневник, лежа в гамаке на магнитных роликах-рессорах. Эти ролики будут нужны при падении в атмосферу, они смягчат вибрацию движения ракеты и перегрузку веса, когда тело наливается свинцом.

— Лови!..

Бумага начинает бродить по стенам кабины, обдуваемым вентиляторами. Ее не поймать.

Что ж, пора спать. Но ведь опять не заснешь. Тело не укладывается плотно в гамак. Еще не устал до предела, когда организм сам выключается из действия и сон «валит» человека, как говорят на Земле. Здесь же и спишь — движешься, а спина словно чуть парит над гамаком, пока упругие ленты не уложат тебя в постель. И снова громко запоет в тишине космос, навевая тоскливые, тревожные мысли, как вечер в лесу, когда погаснет последний луч заката и в темной чаще зашумит листва.

Вентиляторы ровно гудят. Стучат капли дождя по крыше, шумит листва деревьев, ветер свистит — это

заводятся записанные на Земле усыпляющие звуки, смягчающие тягостное чувство отдаленности от родной природы...

Кто-то включил фонограф. Женский голос поет о весне, о цветущей природе, о лучистых звездах.

Обыкновенная песенка, но она неузнаваема здесь, в мертвом космосе, где нет ни неба, ни вод, отражающих блеск звезд; где не бывает весны, заката солнца, земных, ласково мигающих звезд. Здесь звезды угрожают человеку отточенными холодными лучами.

Это там, на еще видимой звездочке Земле, на тончайшей оболочке, покрывающей земной шар, существует голубое небо, ласковое солнце, цветущая природа. Мертвый космос шлет туда смертоносные космические лучи. Но прозрачная пелена воздуха не пропускает их к полоске жизни.

Снизу осадочные пласты Земли защищают эту полосу от убийственных излучений космического ядра планеты.

Только на этой трепетной каемке Земли существует жизнь. Оттуда доносится песня.

А здесь мертвая, бархатно-черная пустота, где нет ни границ, ни ориентиров, ни верха, ни низа, кругом бездонность. Ощущение пространства осталось на Земле, здесь оно неизмеримо.

А космос пищит в ушах комариком. Ракета летит в слепящих лучах Солнца. Взглянешь, и долго-долго горят где-то в глубине глаз разноцветные пятна. Лучи Солнца, не прикрытые атмосферой, опасны. Если бы иллюминаторы не были пропитаны окислами металлов, солнечное излучение убило бы космонавтов.

Летит ракета, и ничего не меняется: те же неизменные хороводы неизмеримо далеких звезд и светлых

туманностей. Они все так же туго закручены в необъяснимые спирали, и так же далеки застывшие клешни Крабовидной туманности, угрожающие кому-то во Вселенной.

Вдруг усилились взрывы на Солнце. Протуберанцы, извиваясь, как щупальца, высоко поднялись над фиолетовым шаром. Вся солнечная система наполнилась смертоносными лучами. Двадцать часов автомат межпланетной погоды не снимал с ракеты защитных покровов. Значит, и на Земле неладно!

Какими-то своими, неопределимыми оттенками красок горят затерянные в бесконечности древние сферические галактики, где вокруг остывающих солнц движутся по избранным орбитам планеты, управляемые людьми.

Какой сказочный рельеф создают разумные существа этих галактик на поверхности своих планет! Какие же они собой, эти наши старшие братья?

Но люди не скоро увидят эти планеты. Потолок ракет ограничен солнечной системой. Люди заморожены Солнцем, привязаны к нему. О, если бы выйти на за-солнечные просторы Вселенной!

Васильчиков участвовал в запуске сверхскоростной ракеты-звездолета. Уже давно летит эта ракета без людей к 61-й звезде Лебеда. В звездолете — фонетические записи речи, звуков, шумов Земли; схемы (в разных цветах) солнечной системы, снимки Земли, картины природы, большие города; графическое объяснение устройства телекоммуникаций, радио, телевидения.

Звездолет уже где-то на подступах к системе планет 61-й звезды Лебеда. Его скорость приближается к скорости света. Если вестник Земли благополучно ми-

новал все пороги и омуты в пучинах космоса — какие фантастические снимки, какие планеты на пленках его аппаратов!

Первый вестник не вернется на Землю. Он улетит туда, откуда фотоаппараты не уловят даже лучей нашего Солнца. Может быть, разумные существа высокой культуры притянут звездолет, расшифруют наглядные схемы и путевые снимки, услышат и поймут земные звуки, догадаются, откуда прибыл гость, и отзовутся?

Уже с утра Гарри Смейлс и Ибрай Кербаев готовились к празднику, значительно поглядывали на жожа-того.

— Приближаемся к орбите Марса! За половину пути перевалили.

— Ты слышишь, Василек? Смейлс говорит, что мы пересекли экватор. Понял? — Ибрай улыбнулся просительно. — Как бы это нам отметить? А-а?

Васильчиков рассмеялся.

— Я бы вас обоих посадил для праздника на гауптвахту в шлюзовую, да скучно нам с Басрой будет...

Насвистывая, младший пилот Ибрай Кербаев, невысокий, с квадратными плечами памирец, подошел к зеркалу из пластмассы. Всеи фигуры не видно. Кербаев попятился, шаркая утяжеленными подошвами сапог, и, наткнувшись на откидное кресло, выругался по-казахски:

— Жых соккыр!

На родном языке лучше получается. Хотя Международный астронавигационный совет постановил в экспедиции на Марс говорить всем на одном языке, иначе не может быть согласованных действий и связи с другими летящими на Марс ракетами. В этой экспедиции все говорили на русском языке, по-

тому что русские — инициаторы полета на другую планету.

— Ну как? — обернулся Ибрай к товарищам.

— По-моему, вверх ногами ты бы лучше выглядел, — проговорил Смейлс. — Будешь похож на пробку от графина, из которого пьют гигантские жители Юпитера.

— На Юпитере жителей нет, а вот марсиан мы увидим, под гору пошли, — рассмеялся Ибрай, — Скоро поговорим с ними о космосе.

— Как же ты с ними говорить будешь, если они ничем не похожи на людей? Может, у них и ушей нет. Там атмосфера так разрежена, что звук, наверно, не распространяется, — возразил Смейлс.

— Правда, какой он, этот марсианин? Быть может, он летает или прыгает. Великан он или маленький, как сказочный гном? Прекрасен он, как женщина Земли, или уродлив? — задумчиво проговорил Басра. — Какие города в их круглых оазисах? Почему они не летят на Землю?..

— Пожалуй, неразумно лететь на планету с большим притяжением, — уже серьезно возразил Ибрай. — А мощный мир бактерий? Микробы убьют марсиан. Людям будет легче освоиться на маленьком высушенном Марсе. Но лучше не гадать...

— А почему бы и не погадать? Я еще раз объявляю! — Смейлс торжественно вытянул руку и на мгновение поднялся с кресла. Костлявый длиннорукий американец был смешон. Его согнутые ноги и вытянутая, как для клятвы, рука были так забавны, что Кербаяв рассмеялся.

— Для праздника космос подшутил.

— Итак, — продолжал Смейлс, опустившись в кресло, — на Марсе нет каналов. Это тектонические трещи-

ны. Марсиане, если они и существуют, менее цивилизованны, чем люди. При меньшей силе тяготения замедляются все процессы в организме, в том числе, и мышление. Марсиане сами не могут пересечь космоса. Жила слаба, — усмехнулся американец. На его длинном узком лице шевелились рыжие до красноты брови и тонкие губы кривились, будто он сердился. Хотя это был добрейшей души человек.

— Неверно, Гарри! — вмешался Басра. — Марс дряхл. Он старше Земли на сотни миллионов лет. На Марсе уже нет расчлененного рельефа, его поверхность ровна как доска. И трещин быть не может. — Египтянин, волнуясь, произносил все слова с ударением на последнем слоге и растерянно улыбался. Его короткие черные волосы, блестящие даже после долгого заточения в ракете, топорщились при слабой весомости, как у неряхи из детской книжки — Деятельность его коры давно прекратилась. Каналы возведены марсианами. Их культура развивается десятки миллионов лет. Их мозг...

Но Басре не удалось закончить. Наклонив вперед голову, в кабину влетел Васильчиков. Он словно плыл по воздуху, отталкиваясь ногами от пола. Пилоты дружно засмеялись.

— Това-ри-щи! — закричал Васильчиков, задыхаясь от волнения — На черных областях Марса, за полумесяцем... Ог-ни! Огни городов! В телескопе — светлосиние пятна!..

Стало тихо. Все насторожились. Царапанье лап ящерицы по стене казалось громовым, точно ящерица раздирала на части ракету.

— Смотрите, — Васильчиков вложил скатку цветных снимков в проекционный аппарат.

— Очень похоже на огни наших городов, отраженные в облаках...

— На Марсе редки облака. Откуда же эти блики на ночной поверхности планеты?

— Вчера их не было.

— Что бы это ни было, но зонд опускать нельзя, — решил Васильчиков, — планета может быть населена. Взрывная волна опасна для марсиан. Будем садиться на поверхность без проверки. Авось не сгорим.

— Полезем в воду, не зная броду, — проговорил Смейлс.

Васильчиков погрозил ему пальцем. Осторожно передвигая длинные ноги в тесной кабине, он повернулся к статьям приказа, выгравированным на вогнутой доске рядом с барельефом Можайского, изобретателя самолета, имя которого присвоено ракете.

— «Приказ командующего Первой астрозкадрой всем экипажам снарядов, отправленных за лунные форпосты.

Линейные пилоты дальних рейсов! Трудности, лишения и опасность движения в космосе возмещаются результатами ваших исследовательских полетов.

Стремление человечества познать вселенную вызвано неотложной потребностью дальнейшего разви-

тия науки на Земле. Не мечта влечет человека в космос, а призыв разума, необходимость выйти за пределы родной планеты, чтобы понять космическое тело самой Земли.

Сравнительное изучение родственных планет раскроет тайны жизни космической материи Земли, поможет разгадать загадку зарождения жизни на поверхности планеты», — прочел Васильчиков.

— Все к аппаратам! — скомандовал он. — Начинаем определение магнитных полей и силы притяжения Марса.

Пилоты направились в кабину автоматического управления, где мигали светящиеся стрелки приборов, работающих без усталости, где к стенам были привинчены плоские хронометры-контролеры и счетно-решающие машины-интеграторы. На космической скорости человеку непосильны быстрые расчеты и мгновенная реакция.

Мышцы не успевают среагировать на команду мозга. Ответная реакция человека — 1,5 секунды. За это время ракета далеко улетит. Машины следят и за давлением, за составом воздуха в ракете, предупреждают о его утечке, регулируют температуру.

Радарные установки сигнализируют о близости метеоритов. Исполнительная ракета мгновенно меняет курс. Автоматический звездный компас, направленный на отдаленные звезды, вернет ракету на заданное направление. Космическая радиолокация опять замерит координаты Марса.

«Может быть, на Марсе раскроется тайна моей находки?» — думал Васильчиков.

Девять лет назад, когда Васильчиков начинал работать на антрацитной шахте, он нашел в куче обвалившейся слоистой породы плиту с каким-то странным

отпечатком. Он долго с изумлением рассматривал отпечаток. «Что это? След ноги гигантской птицы или ящера? Но пальцы тонкие и длинные, прямые».

Геолог, которому Васильчиков показал плиту, был не менее поражен. Похоже на оттиск кисти руки.

— Рука мумии! — подсказал Васильчиков. — Но какие же мумии за триста миллионов лет до появления человека!

Геолог долго рассматривал отпечаток в лупу.

— Да! Это костлявая, необычно тонкая кисть руки, плотно обтянутая перчаткой, — глухо проговорил он. — На запястье перчатка герметически скреплена с рукою... Но если эта рука пропорциональна сложению всего существа, то такое тонкое существо должно было сломаться. Его кости не могут выдержать земного притяжения.

Бригада опытных горняков была снята со срочной работы для розыска в обрушенной лаве других следов. Но горняки больше не нашли отпечатков. Тайна «кисти руки» так и осталась нераскрытой.

В Геологическом управлении установили, что болотный ил, частью которого была плита, залит изверженной магмой двести восемьдесят миллионов лет назад...

Редакция «Энциклопедии горного дела» на фронтисписе тома тогда, девять лет назад, перед титульным листом «Энциклопедия» поместила снимок с плиты и четыре строчки: «Отпечаток в иле каменноугольного периода. Плита найдена в Донбассе на глубине 968 метров молодым шахтером Андреем Васильчиковым».

Находка воодушевила Андрея. Он всюду искал объяснения, разгадку отпечатка. Много читал, обращался к разным ученым, даже к астрономам. Может быть, это

отпечаток руки существа с другой планеты? О, если бы так!

Скоро о находке Васильчикова забыли. Только горняки помнили о ней. Когда Министерство геологии и охраны недр утвердило план глубинной разведки Большого Донбасса, первым маршрутом горняки наметили экспедицию в те подземные участки под шахтой, где Васильчиков обнаружил загадочный отпечаток.

Теперь разведчики Донбасса подходят к земной коре. Они уже пронизали тонкую оболочку осадочных пород. В скафандрах, управляя вездеходами, разведчики движутся в космические недра Земли. Может быть, там найдут они разгадку таинственной кисти руки?

* * *

— А-а-ах! — Васильчиков обхватил лицо руками.

На командном экране отразился огненный луч, такой яркий, что Васильчиков застонал от боли. Иголки света колючи, как занозы. А на экране в бешенстве рвутся немые, прямые, как копья, молнии. Пояс астероидов близок. Сталкиваются куски распавшейся планеты Фаэтона.

И все погасло. С черного экрана только пристально смотрят звезды, окружающие гигантский полумесяц Марса.

Играет черный космос. Всю дорогу шутит. Как только Земля сжалась, превратилась в комочек, в еле видимый шарик, ожили косматые завихрения спиралей туманностей. Крабовидная туманность засверкала ярче. Ее клешни зашевелились.

Космос играет. Он то ослепит огненными лучами, то непроницаемым мраком закроет звезды и Солнце, словно сажей залепит экран. Недалеко прошел астеро-

ид. И опять ослепило яркой вольтовой дугой взрыва на Солнце.

А вселенная, как залитая тушью сплошная стена, совсем рядом. Нет ощущения глубины. Еще миг, и ракета врежется в черную стену!..

Васильчиков откинулся назад, сжимая пальцы, чтобы не нажать на аварийный тормозной рычаг, но уже нет огненной дуги, и стена словно отошла от ракеты.

И далеко между звезд катится, растет новое чудище. Громадный выщербленный астероид будто рвет блестящую паутину волокнистой туманности Возничего. Он уже закрывает Марс. Он уже рядом, поворачиваясь, катится по экрану.

Пустые мертвые ущелья астероида и сверкающие скалы с черными тенями словно нарисованы тушью и серебром. Щербатый астероид уже далеко от ракеты, но Васильчиков не решается взглянуть на экран. Нет ничего ужаснее для космонавта, как очутиться на таком безжизненном кусочке планеты.

Тоскливое, удручающее чувство одиночества, заброшенности охватило Васильчикова. А может быть, и Марс такой же безжизненный? И его каналы — такие же мертвые ущелья?

Как беспредельна мировая пучина, полная галактик и туманностей! И среди них провал в космос — черная неизмеримо громадная пустота в форме лошадиной головы! Неподвижная. Застыла среди закрученных кольцами галактик.

Светлеющие облака газов плывут далеко за Лошадиной головой.

Пилот перевел глаза на экран-телескоп. В большом Магеллановом облаке что-то блестело, словно мелькали летящие искры, и разгоралась кольцевая туман-

ность Водолея. Что же там происходит, среди звезд, громадных, как орбита Земли? Почему, как пики, угрожающе вытянулись сгустки горячих звезд галактик? Почему загнулись хвостом перемычки, словно обожженные или ужаленные?

Космос, неподвижный и в то же время стремительный, как морские течения, незримые, но ощутимые, космос, немой и оглушающий, наступал со всех сторон. Всем организмом Васильчиков ощущал рев и гул. Усилители внешних звуков молчали, но человек, видя на Солнце взрывы, извергающие протуберанцы на сотни тысяч километров, не может не ассоциировать взрывы с гулом.

А Марс все ближе. Васильчиков опять отвернулся от экрана. Лежа в кресле у командного щита управления, он закрыл на мгновение глаза. Облик чужой планеты, рассеченной кабалистическими фигурами, вызывал ощущение угрозы, неведомой опасности.

Когда пилот, вздрогнув от слепящего снежного блеска полюса, открыл глаза, ракета уже шла на посадку. Чудовищного разгорающегося серпа не было на экране.

Притяжение Марса усилилось, ракета повернулась. Марс оказался внизу. Серп стал диском с размытыми, шероховатыми краями. Он надвигался на ракету. Все отчетливее вырастала на желтом северном полушарии паутина узловатых каналов. Меж них катился Фобос.

— Лечу, как куропатка в тенета, — прошептал Васильчиков пересохшими губами.

Ему казалось, что ракету преследуют два прозрачных синеватых пятна. Он даже уловил мелькнувший на экране синий диск.

Галлюцинация? В центре диска серп и молот — эмблема труда на Земле. Чего не рисует тоскующее о Земле изображение!

Вот она, полоска канала Физон! На стыке каналов Физон-Астаборас оазис — место посадки. Пилот зафиксировал показания звездного компаса. Нажатием кнопки он передал их счетной машине и чуть коснулся кнопки «Тормозные плавники». Ракета послушно выдвинула крылья.

Снижаясь, ракета спиралью полетела вокруг Марса, все суживая круги, все ближе к планете. Много раз дневной свет на одной стороне планеты чередовался с тьмой на другой ее стороне. Скорость все уменьшалась. Пилот повел ракету в верхние слои атмосферы, и снова на планете сменяются день и ночь.

Управляемая звездным компасом ракета подошла к месту приземления.

Округленными глазами, не мигая, Васильчиков искал темное пятно оазиса на перекрестке больших каналов и в ужасе потянулся пальцем к тормозной кнопке.

Вот оно! Непредвиденное! У Марса не два, а десятки спутников!..

Но Васильчиков не верил глазам: спутники уходили с пути ракеты. Нет, это не спутники! Иллюзия, отображение пятен оазисов в дымке атмосферы.

Ракета еще раз облетела планету и снизилась.

— Восемнадцать тысяч!..
Пятнадцать пятьсот... Трина-
дцать... — шептал пилот, не
сводя глаз с прицела на раме
экрана. — Десять... шесть...

В глазах зарябило.

Марс стал пестрым, моза-
ичным. Тысячи цветистых
бликов покрыли планету:
разноцветные пятна, овалы,
кружки, площадки, дуги, по-
лоски, ровные и волнистые,
как змейки.

Края планеты поднялись.
Диск превратился в чашу.
Пятна покатались вниз. Они
росли, двигались, меняли оттенки.

Непомерная тяжесть наваливалась на грудь пилота.
Он задыхался. Черные круги заслонили глаза. Голову
сдавил невидимый обруч.

— Только бы не потерять сознание!.. Где же оазис
Физон-Астаборас? Куда садиться?

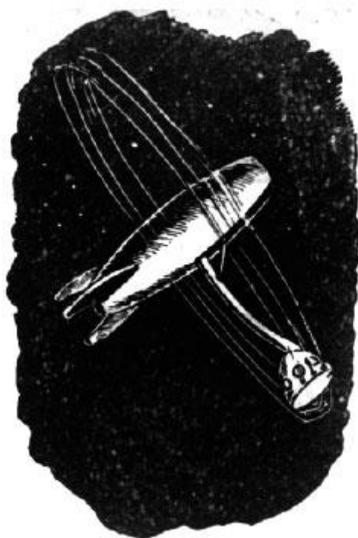
Все сливалось. Перекресток каналов исчез.

Пилот чуть двинул бровями. Очки опустились на
глаза.

Стекла призматических очков дают отчетливый аб-
рис. Васильчиков перевел дыхание, он увидел зыбкую
линию каналов и темный кружок оазиса. Неужели все
это происходит в действительности?

— Включить тормозную аппаратуру! Закрепиться
вниз лицом в гамаках! — хриплым голосом крик-
нул Васильчиков в микрофон. — Иду на посадку...

Ракета, сверкая багровыми бликами на гладких бо-
ках, летела к пламенеющему шару.

Много раз выводил пилот громадный снаряд в верхние слои атмосферы планеты. Как полосатая щука, выскакивала и снова ныряла в атмосферу шестидесятиметровая ракета, раскрашенная серебристыми и черными полосами.

Двигаясь под углом относительно поверхности Марса, ракета скользила из высоких разреженных слоев атмосферы в более плотные.

Васильчиков включил второй гаситель скорости. Все же многослойная обшивка корпуса ракеты так накалилась, что вконец измученный пилот «одеревенел», как говорят космонавты.

Автоматическое управление точно на указанной высоте развернуло крылья-парашюты. Двигатель, захлебываясь, боролся с притяжением планеты. Автомат-штурман вел ракету по азимуту звездного компаса к месту приземления.

Опускаясь на бушующем огненном выхлопном столбе, ракета села на свои четыре ноги, ушедшие в рыхлую почву до самых крепежных углов.

От мощного удара сорвалась скоба вентилятора и раздробила прозрачный колпак над водорослями. Осколки застучали по пульту управления.

Покрытая окалиной, порыжевшая ракета остывала, изборожденная взрывами метеоритов, словно кора гигантского дерева. Кусочки пережженной жаростойкой пластмассы щелкали отскакивая.

Внизу перекатился баллон с жидким кислородом. Он сорвался с креплений, обломил перегородку и придавил эластичные контейнеры — баки с водой. Потянуло сыростью. Заплескалась вода, выбиваясь из лопнувших баков. С визгом свернулись в рулоны накалившиеся ребристые крылья тормозов. Ракета чуть накренилась и замерла.

Но космонавты в жилой кабине не шевелились. Все трое — казах, американец и египтянин — лежали в полубморочном состоянии.

МАРСИАНСКОЕ УТРО ВСТРЕЧАЕТ ПИЛОТОВ

Васильчиков очнулся первым. Голова гудела. В ушах стучала кровь. Нестерпимо хотелось пить. Он открыл глаза и тотчас опустил веки.

— Пить!..

Приподнял голову с рессорной подушки и с усилием разлепил слезящиеся глаза.

Свет погас. Экран выключен, И как трудно подняться! Васильчиков опустил отяжелевшую голову на тугую подушку и вдруг, словно пронизанный электри-

ческим током, оторвал плечи, вдавленные в кресло. Он так и застыл в неловком положении. Тоненький луч дневного света, яркий в темноте, просачивался через крошечную щель во внешней оболочке ракеты, пробитую метеоритом. Метеорит сгорел в клейкой средней оболочке у прозрачной внутренней стены штурвальной кабины.

Судорожным движением Васильчиков рванул держатели ног и сел.

— На Марсе! — он провел рукой по взмокшему лицу. — Мы на Марсе! — Пилот неудержимо смеялся. Он хотел встать и не мог. Смех или плач судорогой сжал горло. — Кусочек марсианского дня!

Васильчиков пытался крикнуть, но только шептал:

— Ибрай! Сюда, Ибрай! Ракета на Марсе!

Васильчиков видел, как блекнут сигнальные огни автоматов-подсказывателей: зеленый цвет движения и синий — напряжения аппаратов. Дыхание перехватило, сердце забилося так, что Васильчиков, боясь задохнуться, торопливо снял навигационный костюм, окрашенный кровью. Она выступила сквозь кожу на спине.

Только теперь Васильчиков поверил, что его действительно провозжали на Марс, что он на самом деле летел к Марсу, что все это происходило в действительности, а не в долгом сновидении и на зеркальном экране в самом деле отражались и бледный лик громадной Луны с неподвижным взглядом мертвеца, и крупные немерцающие звезды в угольно-черной пустоте, и снова Луна, но уже с яблоко, а рядом повисший в бездонном пространстве зеленовато-голубой диск, ничем не напоминающий Землю.

На Марсе! Худое, истомленное полетом лицо двадцатилетнего пилота осветилось гордой улыб-

кой человека, одолевшего пространство между двумя планетами.

В памяти Васильчикова отчетливо проносились клочки давно забытых и таких неожиданных теперь впечатлений.

В один миг Васильчиков успел увидеть себя ребенком на берегу пруда, заросшего чашечками лилий, почувствовал холодок мокрого песка, липкие хвосты головастика, ускользающих из-под пальцев, острый запах и звонкий хруст на зубах дикой луковицы; и вдруг запах мокрой плотной глины, желтый листочек, упавший на посиневший лоб отца в гробу; и теплые грани решетки ракетодома для полетов на спутник, милую улыбку тасманянки в ожерелье из цветов среди провожающих; и абрис главного спутника, его круговую сборочную площадку для ракет, свинцовые башни складов горячего и выносные причалы с фигурами астроремонтеров, плавающих на невидимых шнурах привязей; и низкие стены свинцовых бастионов космопорта на залунном спутнике; и изумительную величественную чашу падающей Земли со сверкающими снежными вершинами горных хребтов; и вырастающую голубовато-снежную Венеру; и мертвенно-дикие, словно слепые, скалы на пролетевшем астероиде; и бредовые видения ярких завихрений-туманностей; и призрачные тени потоков метеоритов, закрывающие звездные скопления; и пылающее фиолетовыми протуберанцами косматое Солнце, окруженное огненными вихрями невообразимой красоты.

Васильчиков сам не заметил, как, споткнувшись о скобу, подскочил к щелке и замер, поднявшись на носки:

— Другая планета! За стеной пески древней планеты. Каналы Марса... Оазисы. — Васильчиков вытер ладонью слезы, выступившие на глазах, и опять прильнул к щели.

Ничего не видно. Да и не может быть видно через густую магму средней оболочки.

Неземной день! На чужой планете, где своя жизнь. Луч, пугающий и такой знакомый, как луч через завешенное окно.

Васильчиков вздрогнул, широко раскрыл глаза. Поют... Но как же можно слышать через непроницаемые оболочки ракеты? Мерещится? В ушах шумит? Нет, поют!.. Звукоулавливатели ракеты усиливают звуки извне. Где-то поют. Васильчиков внятно слышал пение. Он отшатнулся от стены. Невозможно представить, что там, за стеной, но Васильчиков вдруг почувствовал всей душой, что там, близко, рядом, жители планеты.

— Товарищи! Там марсиане!.. Они встречают нас! — закричал Васильчиков. Он включил свет и бросился к аппаратам, определяющим состав атмосферы, радиацию почвы и микромир планеты. — Можно ли выходить?

Крик вывел из обморочного состояния Басру в соседней жилой кабине. Он рванулся, но тугие держатели сдавили грудь. Расцепив скрепы, Басра нащупал рукой шланг и впился тряпичными высохшими губами в сосок-поильник, сжав два положенных раза резиновый шар с водой. Пить захотелось еще больше. С усилием оторвавшись, он лег в гамак и вспомнил, что кто-то кричал.

Басра нажал кнопку. Кабина осветилась.

— Гарри! — негромко позвал Басра.

Увидев, что американец неплотно привязан к гама-

ку, он встал и осторожно двинулся, хватаясь за ременные скобы на стенах кабины. Но держаться не нужно было. Можно двигаться по полу.

Басра привык к чудесам в полете. Но тяжесть собственного тела его удивляла. И вещи лежат на местах плотно, а не покачиваются на привязях.

Осторожно приподняв руку Смейлса, Басра укрепил плечи американца и изумленно прислушался: «Что-то гудит там?»

— Да ведь мы на Марсе! — вдруг понял он. — Ва-а-си-иль-чик! — крикнул Басра, открыв дверь в кабину управления. — При-ле-те-ли! На Ма-арс!..

Басра притопывал на пробковом полу, неудержимо смеялся, теребил Кербая за тяжелые плечи и, оборачиваясь к американцу, кричал:

— Смейлс! При-ле-те-ли!

Как мальчишка, угловатый, худой, двадцатитрехлетний Басра в белой спецовке, в мягких сапогах кружился в восточной пляске. Его смуглое лицо блестело. Он захлебывался радостным, счастливым смехом. Внезапно он присел, задохнулся, но, сидя на полу, все же кричал, плохо выговаривая от волнения русские слова:

— Вставайте! До-ле-те-ли на Ма-арс! Дру-зь-я!

Американец медленно повернулся в упругом гамаке, куда его вдавила инерционная перегрузка. В рыжей щетине его небритого подбородка серебрилась легкая «космическая» проседь, как называли в Международной ассоциации космонавтов раннее заседание пилотов. Смейлсу было двадцать семь лет.

* * *

Космонавты с тщательно выбритыми лицами походили на актеров. Сухая кожа была словно после смы-

того грима. Блестящие от нетерпения глаза, быстрые движения, праздничное настроение, как на параде. Но это продолжалось недолго.

— Встречают?..

— Никого там нет, — растерянно произнес Васильчиков, вращая экран. — Песок и черное небо.

— Кто же поет?

— Неизвестно! — Васильчиков устало опустился в кресло.

— О черт! — американец вздрогнул и смахнул с плеча ящерицу. — Ибрай, убери Малайку.

Малайка, высунув тоненький язычок, скрылась в воротнике скафандра Ибрая, казах не раз сажал ее туда в пути, когда выходил на поверхность ракеты, чтобы заделать пробоины.

Званные или незванные, а выходить нужно. Ракетоплан ждет известий.

Васильчиков быстро просмотрел (в который уже раз!) параграфы инструкции «Выход на Марс». На его лице чередовались различные выражения, как у актера, ведущего две разные роли. Строгость плотно сжатых губ — и вдруг мечтательная улыбка фантазера, созерцателя.

Быстрая смена выражений на лице Васильчикова, впечатлительного и мужественного, мягкого и сурового, всегда забавляла казаха. Кербаев засмеялся, сощурив колючие глаза.

Васильчиков удивленно повернулся к Ибраю. Казах сразу понял: смех неуместен. Ступили на чужую планету и тому подобное. Он сделал серьезное лицо.

— Товарищи, дышите вволю! Пейте земную воду!..

— Ибрай! — оборвал его Васильчиков. — Готовь комбинированный компас.

Все предусмотрено инструкциями для выхода на поверхность чужой планеты. Космонавты заученными в холлах искусственной поверхности Марса движениями готовились к выходу.

Кербаев уже сложил весь комплект двойного компаса — звездного марсового. Когда Васильчиков отвернулся, Ибрай подошел к пихтам. Все пихты были влажные, а вот Басрова осыпалась. Казах растер на ладони пахучую хвою.

— Твоя елка, Басра, вянет! — неосторожно крикнул он и спохватился — это плохая примета.

Но Басра и не слышал его. Там, в соседней камере, Смейлс с шумом завинчивал иллюминаторы.

— Жаворонок, помогай! — крикнул он Басре.

— К выходу! — торопил Васильчиков.

Он внимательно осматривал громоздкие костюмы скафандры. Они, как доспехи, стояли у стены.

Приподнял прозрачный шар своего скафандра с крупными мозаичными краснеющими знаками «М-1» на лбу и на затылке и улыбнулся.

Прежде всего, надо определить степень стабильности почвы и влажность. Затем — обитаемость.

— Микромир, радиация, газы и подземные толчки, — повторял Васильчиков как заклинание, — влажность.

— Не ворожи, Васильчик! К марсианскому вечеру все будем знать, — уверенно заявил Ибрай. — И посмотрим участок, где сядет ракетоплан.

Ракетоплан «Колумб» — огромная ракета, собранная на залунном космическом форпосте, с экипажем в одиннадцать человек — был недалеко.

Через восемнадцать часов ракета затормозит полет и станет спутником Марса. От «Колумба» оторвется посадочная лодка — часть ракетоплана,

способная двигаться в атмосфере, — и сядет на Марс.

Васильчиков посмотрел на лица товарищей. Нужно бы отдохнуть — у Басры кожа на шее дряблая, в мелких складках... На матово-смуглом лице черные сросшиеся брови кажутся накрашенными, уголки губ вздрагивают. Лицо Смейлса в пятнах. Это его вечные веснушки. Но как они ужасны на высохшем лице! Он судорожно двигает тонкими пальцами.

— Смейлс! — окликнул Васильчиков американца.

Американец вытянулся, ожидая приказаний.

— Ты и Басра останетесь в ракете. Даю вам четыре часа отдыха.

— Васильчик! За что? — кинулся к начальнику Басра.

— Это несправедливо! — возмутился Смейлс.

— Вы предельно утомлены. Здесь притяжение достаточно сильное, чтобы отдохнуть в гамаках...

— Ты себя не видишь, Васильчик. — Басра оттолкнул Кербаева от зеркала. — Смотри, как ты мигаешь.

У Васильчикова дергалось левое веко. Даже у Кербаева, всегда непоколебимо спокойного, на обтянутых кожей скулах все время двигались желваки.

«Что ж, всем отдыхать нельзя, — думал Васильчиков. — За ракетопланом движется космический корабль „Циолковский“ — двадцать восемь человек. Его посадочная лодка через трос суток сядет на Марс. Но это еще не скоро... А ракетоплан уже близко. И если вовремя не разведать поверхность Марса, огромная посадочная лодка „Колумба“ сядет на маленький спутник Марса — Фобос, затормозит его движение, сдвинет с орбиты. А вдруг внутри Фобоса мастерские, пересадочная станция марсиан? Успеем ли мы вдвоем с Ибраем разведать атмосферу и поверхность планеты за

один день?.. Меньше, чем за сутки! Хотя приборы и не сигнализируют опасности ни в атмосфере, ни в почве».

— Проверить биотоки! — скомандовал Васильчиков.

Космонавты стремительно бросились к аппарату, определяющему устойчивость и равновесие жизненных сил организма, его нервной системы и деятельность мозга.

Стрелки аппарата запрыгали. Но это только сильное возбуждение. До красной черты «Смятение» стрелки не поднялись.

— Приготовиться к выходу на планету! — скомандовал Васильчиков. Его густой, низкий голос прерывался.

В непроницаемых спецовках, с сухими батареями радиотелефонного питания, с объемистыми резервуарами кислорода за спиной, тяжесть которых в 2,6 раза стала меньше, чем на Земле, космонавты спустились в нижнюю кабину-вестибюль.

— Открыть иллюминаторы! — распорядился Васильчиков.

Смейлс сдвинул рычажок. Одну за другой космонавты вывинтили толстые пробковые ставни, закрывающие кварцевые «стекла» иллюминатора.

Стукнувшись шарами скафандров, разведчики замерли у запыленного иллюминатора. Кружочки в конце длинных радиоантенн качались над их шлемами. Что это, нервная дрожь или дрожь от холода жестких костюмов?

Тусклые пылевые бугры, барханы с мелкими застывшими волнами пыли после ветра. И все. Что там дальше? Не видно. Ракета глубоко села в желто-розоватую пыль.

— Почему же на экране все казалось фиолетовым? — удивился Басра.

— Мы только горизонт видели...

— Выходи в шлюзовой отсек! — приказал Васильчиков и открыл внутреннюю дверь.

В узеньком шлюзе-тамбуре едва уместились четверо в толстых гофрированных костюмах. Васильчиков захлопнул щит-дверь в вестибюль.

— Открывай наружную дверь! Гаши свет! — быстро распоряжался он. — Выкачивай воздух!

Басра нажал на рычаг автоматического насоса. Смейлс выключил свет.

— На вы-ход! — у Васильчикова пресекся голос. — Проверить личный запас воды! Выключить индивидуальные радиотелефоны! Снять летные подошвы! Прочистить шипы сапог!..

Васильчиков ощупал ранцы товарищей и неожиданно скороговоркой проговорил без пауз:

— Ассурбанипал умер, Навуходоносора сын — Наболоссара — жив. Третий, повтори!

Басра, заикаясь от торопливости, радостно доложил:

— Ашшурбанипал умер. Худоносый сын Небополоскала жив!

Взгляд Васильчикова смягчился.

— Пропел, Жаворонок! — он улыбнулся Басре, довольному своей находчивостью и юмором в такую минуту.

Ведь не так-то легко понять невнятную речь при непрерывном шуме в ушах.

— Четвертый, скажи теперь ты.

Пилоты еще раз ощупали антенны на шарах скафандров.

— Из ущелья узкокамыз выходит труска, — одним дыханием выпалил казах.

— Второй!

— Из ущелья узкого девушка выходит русская! — американец даже перевел «кыз» на русский язык. Он уже знал это казахское слово.

Слышимость хорошая, острота восприятия сохранилась.

— Открыть люк!

Блеснула тоненькая полоска света. Засвистел марсианский воздух, врываясь в пустоту шлюза... Что это? Опять!.. Вместе со свистом воздуха камеру заполнило глухое гудение.

Космонавты, наклонившиеся было к люку, прижались к стенам.

Люковая пробка перевернулась. Свист прекратился. Гудение стало слышнее.

Американец осторожно подошел к люку.

— Воздух гудит в ушах, — неуверенно сказал он, — давление другое, непривычное, вот и гудит.

Васильчиков решительно шагнул вперед. В люке автоматически развернулась лестница и упала вниз.

Свет планеты отразился на красных мозаичных знаках скафандров и на гранях приборов. Термометр показывал -48° .

Стремянка, вероятно, коснулась почвы. Мелкая пыль розовой вуалью закрыла выход из люка и быстро осела.

Васильчиков торопливо распорядился:

— Проверить крепление скафандров! Кислородные аппараты! Антенны! Двигаться размеренно...

— Теперь притяжение не дает вертеться в пространстве, как на пьедестале стоим, — усмехнулся Кербает и шагнул в люк.

Смейлс схватил его за локоть.

— Забываешь устав космонавтов!

Кербает взглянул на Васильчикова и, обиженно мигая кофейными глазами, посторонился.

Выставленный на воздух метеорограф показывал: давление — 65 миллиметров ртутного столба (переносимое в герметических костюмах), влажность — 0,002 доли земной; кислорода — менее 0,01 нормы для человека.

— Влажность — две тысячных земной! Что ж, пойдем! — рослый Васильчиков, пригнувшись, ступил в низкий люк.

Смейлс подтолкнул его в спину:

— Скорее!

Кербает улыбнулся:

— Ишь, как не терпится, а меня не пускал, траппер со Скалистых гор...

— Скалистых, но не скуластых, — усмехнулся Смейлс. Он хорошо изучил русский язык, но, волнуясь, говорил с ударением на первом слоге. — Ну, иди вперед вторым номером, Гиндукуш! Сейчас мы узнаем, кто это нам сигнализировал на Землю. Жаворонок, за мной! Что ты там щебечешь?

Египтянин шел последним. Он что-то шептал сухими губами. Басра знал, как много лишений и опасностей подстерегает людей в пустыне.

Васильчиков начал опускаться по сплетенным из проволоки ступенькам, товарищи навалились на него и следом спрыгнули в пыль. Кербает, ловко подскакивая, стал рядом с большой расплывчатой фигурой вожакого.

В зеленоватом тумане было плохо видно. В глазах — разноцветные полосы, пятна. Разведчики закрывали глаза, открывали — опять то серо-зеленая пелена, то цветные ленты. Глазам больно, но как отдыхает, радуется тело притяжению планеты, ослабевает ощущение непрерывного падения в пустоту. Скоро смолкнет шепот в ушах.

Кербаев шагнул, наклонив голову.

— Товарищи! Так лучше. Почва ясно видна. Не поднимайте глаз выше горизонта!..

Прищурился глаза, космонавты ждали, пока их зрение привыкнет к марсианскому освещению.

Когда разведчики подняли глаза, на ясном фиолетовом небе им сияли яркие звезды. Атмосфера вдруг стала прозрачной. Глаза освоились или ветер отнес зеленый туман и разноцветные полосы?

— На Марсе!.. Мы на Ма-ар-се-е! — повторял Васильчиков.

Его изумленное лицо в ореоле громадного шара скафандра казалось Кербаеву маленьким, наивным. Васильчиков был похож на ребенка, впервые попавшего в зоологический сад.

Васильчиков с таким удивлением смотрел на пылевые барханы, на крутой небосвод, нависающий над куцым горизонтом, и даже на космонавтов, словно он только что проснулся и впервые увидел три широкие фигуры линейных пилотов в серых костюмах. Пилоты также озирались кругом. Безжизненная пустыня. Из пыли выступали розовые скальные глыбы. Горизонт был так близок, будто в нескольких шагах обрыв, пропасть. А ведь известно, что под ногами — равнина, плоская, как доска. Черно-фиолетовое небо с ледяными, немигающими звездами, с далеким кружком Солнца.

Чужая планета!..

Если бы не жесткий холодящий костюм, твердые баллоны за спиной, если бы не этот порошок под ногами, тяжелый, как железные опилки, — все было бы сном. Но ведь вот она, марсианская почва, — Васильчиков поднял взмахом носка клубы пыли в воздухе.

Пыль быстро осела, хотя притяжение планеты не-большое.

— Чудо, товарищи! — закричал Васильчиков. — Мы на другой планете!

Кербаев, толстый, кругленький в плотном костюме, закружился.

— Чудо-юдо!.. — напевал он. — А здесь, товарищи, повеселее, чем на Луне!.. И небо не совсем черное, и влажность две тысячных земной. Это многое обещает.

Ибрай подпрыгнул и на полтора метра взлетел в воздух. Пилоту стало не по себе, он присмирел — действительно, на чужой планете. Ибрай посмотрел на небо.

— Однако далеко залетели. На Луне видно Землю. А здесь — только звезды на небе. Земля затерялась в космосе.

Смейлс указал рукой на Васильчикова.

— А он все еще не верит! Скоро, друг, увидишь еще не то... Низвергнется на нас «каскад впечатлений», как говорят на Земле, марсиан и марсианок узреем. Какие они могут быть? Субтильные, легкие, как балерины...

Разведчики старательно поддерживали полушутливый тон: так им легче было справиться с необычностью окружающего.

Пилоты знали по опыту Луны, как мудро поступил Астронавигационный комитет. В инструкции «О поведении на чужой планете» комитет рекомендовал в первый час на новой планете только знакомиться с ее

характером, улавливать особенности планеты с любопытством туристов, проезжающих мимо, чтобы «шок космической новизны» не привел к общему расстройству организма.

Шок новизны на Луне доводил космонавтов до длительных обмороков и даже до «космического паралича памяти». Ландшафт чужой планеты пугает.

Васильчиков, запрокинув голову, смотрел на узенькое, как гоночная лодка, облачко. Оно плыло так высоко в атмосфере среди звезд, что казалось уже не марсианским, а космическим облачком.

— Больше ста километров. Как же оно держится в редкой атмосфере? В холлах мы видели декорации марсианской природы, расставленные марсоведами. В действительности-то все иначе сочетается! Облако на черном небе, розовая почва, горизонт проваливается, в атмосфере гул, и пить хочется.

— Своеобразное сочетание, — усмехнулся американец. — Помесь Сахары с тундрой. Вот тебе и круги-обручи... Где же они? Где вы, марсиане?

— Розовые пески — это от окислов железа... Пылевые облака! Смотрите! — кричал Кербаяев. — Пыль садится на горизонте, как дождь!

Басра изумленно смотрел на барханы. Будто в поставленных под углом зеркалах, повторялся один и тот же бархан, так поразительно однообразна была их форма. Все гребни загнуты дугой в одном направлении, значит, ветер дует в одну сторону. И барханы движутся по твердому и ровному грунту.

— Словно искусственные, — проговорил Басра. — Все-то здесь не по-земному, — пожалел он.

Смейлс указал на небо:

— Вот она!

На тусклом небосводе еле обозначалась далекая двойная звезда. Одна из них покрупнее, поблескивала зеленовато-голубым цветом, казалось, она изумленно смотрит на своих питомцев, улетевших так далеко.

Да, Земля! Это можно было доказать с астрономической точностью, и все-таки не верилось, что эта двойная звезда — Земля с Луной. Когда Смейлс произнес самым серьезным тоном:

— А ну, пересечем быстро эти пески Сахары и выйдем к Средиземному морю, — все повернулись в сторону, куда указывал американец.

«А трудно им будет на чужой планете!» — подумал Васильчиков, глядя на пилотов.

— Друзья! — громко произнес он. — Мы выполним все, что поручено. Это я знаю. А скажите по совести, страшно?

Смейлс поколебался.

— Нервы здесь не подчиняются воле...

— Верно! Жутко, Васильчик! — сконфуженно проговорил Кербаев. — Но и на Луне сначала жутко было.

Васильчиков повернул лицо к Басре.

— Жителю Сахары пески не в новинку?

— Где пустыня, там и оазисы, — уверенно проговорил египтянин. — Действуй, Васильчик!

— А где оазис, там и жаворонок. Верно, Басра? — улыбнулся Васильчиков.

— Смелость города берет, — вдруг вспомнил американец старую русскую поговорку. — Только не расходиться. Скопом действовать.

— Ну что ж, начнем разведку. Сообщаю!.. — Васильчиков включил радаро-фоническую телекоммуникацию «Космос» на миллиметровые волны, для которых нет преград, и отдельно, отчетливыми точками-толчками, оставляющими в аппарате копию для само-

контроля на случай гибели космонавтов, начал передавать: «Двадцать два, сорок восемь. В двадцать два шестнадцать минут земного космического времени „Можайский“ опустился на Марс. Сели с ровным увеличением инерционной перегрузки, без угловых ускорений. Перегрузка при посадке 6,85. Поломок в ракете нет. Одна пробоина, глубокая. Запас воды в норме. Больных нет. Истощение — 38. Симптомы психостении в команде не наблюдаются. Температура атмосферы — 48, влажность — 0,002. Давление 65 миллиметров, смещений почвы сейсмограф не показал, радиоактивность почвы у ракеты не опасна. Проникающие лучи не обнаружены. Выступаем в разведку. Васильчиков».

Он посмотрел на товарищей.

— Поздравляю вас с успешным перелетом! Мы приземлились в Аравии, у оазиса, на скрещении каналов Физон-Астаборас. Этот пункт, как вы знаете, выбран для посадки из-за близости к экватору и отсутствия каких-либо проявлений жизни. Ведь посадка ракеты опасна для марсиан.

Васильчиков высоко поднял голову:

— Привет обитателям планеты от людей Земли! Привет, товарищи марсиане, от пилотов!

— Ур-р-ра! — закричал Кербаев и закашлялся.

— Ура сухое горло дерет, — засмеялся Смейлс. — На Земле покричим, усердный гималайский медвежонок!

— Гарри! Выбирай выражения. Мы — посланцы Земли.

— Кто нас слышит, Васильчик? Ведь не в ракете. Фонографов нет, — недовольно возразил Смейлс.

— Внимание!.. Читаю приказ, статья третья, — отчетливо проговорил Васильчиков. — «При выходе из снаряда на поверхность небесного тела пилотам и пассажирам повторить назначение, сроки и последова-

тельность выполнения заданий. Задача — определить влажность, почвенную и атмосферную радиацию, установить степень опасности высадки ракетоплана на Марсе...

С прибытием ракетоплана разведке проникнуть к „растительности“ Большого Сырта. Но только командующему кораблем академику Суровцеву дано право углубиться в темный южный материк, к Элласу „глазу Осьминога“, где обсерватории обнаружили сигналы.

Ознакомить еще раз экипаж с нормами поведения, повторить инструкцию водного режима и медицинской профилактики... — читал Васильчиков. — От ваших успехов зависит судьба будущих полетов в Галактику. Вы первые увидите вселенную с другой планеты...» Начнем же, друзья, разведку первой планеты!

Васильчиков посмотрел на барханы, на сугробы пыли, на небо с непохожим на земное Солнце маленьким ярким кружком.

— Чем ты порадуешь нас, негостеприимная планета?

— Уже и негостеприимная! — Кербаев сощурил глаза. — Не надо быть неблагодарным, Васильчик! Планета нас приняла хорошо. Сели без поломок! Кругом тихо, спокойно.

— Хорошее тихо! Почва от гула дрожит.

— Это твои ноги дрожат, Гарри!

— Смотрите! — вскрикнул Басра. — Пирамида!..

Недалеко из-за крутого горизонта поднималась макушка холма. Она невольно напомнила Басре пирамиды, так прямолинейны были ее грани.

Египтянин прищурился, протер перчаткой маску скафандра и внимательно присмотрелся к отвесному скату холма.

— Это постройка... Сооружение... Не гора, — прошептал он по-арабски.

Никто не понял его слов.

Американец решительно прыгнул на ближайший бархан.

Сухая пыль, мелкая, как пепел, но тяжелая, поднялась в воздух. Она закрыла Смейлса от товарищей туманной розовато-желтой дымкой, но быстро осела.

Васильчиков строго окликнул:

— Назад, Гарри!

Американец выпрыгнул из пылевого бархана с ловкостью акробата.

— Как легко! Вещу тридцать килограммов. Даже спать не хочется...

Васильчиков посмотрел на звездное небо.

Для предварительной разведки планеты оставалось меньше суток. Ракетоплан уже сошел с естественной кривой (дуги эллипса Земли) и был на пути к Марсу. Он сам, ракетоплан, так же как и космический корабль, спуститься на Марс не может. Собранные на залунном форпосте громадные ракеты не способны двигаться в разреженной атмосфере Марса. Они будут продолжать движение, как заатмосферные спутники Марса, пока посадочные лодки ракетоплана и корабля не поднимутся к ним. Только сигарообразная малая ракета Васильчикова сможет оторваться от Марса своими силами.

— На сколько часов поставлен сводный автомат? — спросил Васильчиков.

— На тридцать шесть часов, товарищ начальник! — по-солдатски вытянулся Смейлс.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

История фантастики в СССР знает немало случаев, когда изданные книги попадали под запрет и изымались из обращения. Причины могли быть самые разные — от неблагонадежности самих авторов (чаще всего) до обнаруженной вдруг «крамоле» в текстах.

Но чтобы прерывалась уже начатая публикация — такого практически не было. Из фактов недавней истории это исчезновение в 1984 г. со страниц «ТМ» романа Артура Кларка «Космической одиссеи: 2010». Виной тому были политические мотивы, вольно или невольно, привнесенные Кларком. Но что послужило причиной прекратить публикацию повести В. Макрушина «Первый день на Марсе», — было непонятно и автору в начале 60-х, и нам сейчас.

Валентин Александрович Макрушин родился в мае 1902 г. в Бузулуке Самарской губернии. Переехав в Москву, Валентин женился на Елизавете Дмитриевне Сырейщиковой. В 1934 г. у Макрушиных родился сын, а семья переехала в Ленинград. Спустя три года на свет появился еще один сын, Дмитрий. Незадолго до начала Великой Отечественной войны В. Макрушина мобилизовали: он был младшим лейтенантом артиллерии. В одном из боев, раненым, он попал в плен к немцам. Лечился у них в госпитале в Страсбурге. Елизавета Макрушина умерла в апреле 1942 г. по пути из блокадного Ленинграда в Свердловск в товарном вагоне. Валентина Александровича освободили американцы. Демобилизовался он в 1946 или 1947 г., репрессии, к счастью, обошли его стороной. Вскоре В.А. Макрушин женился вторично на Анне Андреевне Кулды-

шевой. Работал техническим редактором в различных издательствах Ленинграда.

О каких-либо публикациях до появления повести «Первый день на Марсе» нам неизвестно, хотя они, возможно и были. Сама же повесть могла родиться как отклик на настроение общего энтузиазма, царившего в стране в связи с успешным и стремительным «штурмом неба». Начало повести было напечатано в майском номере журнала «Молодая гвардия» за 1961 г., а после слов «по-солдатски вытянулся Смейлс» шло привычное «окончание следует». Но его не последовало...

Редакцию смутило присутствие в членах экипажа американца? Но это — невеликий грех даже в разгар «холодной войны». Не шедевральный уровень повести? Но и намного более слабые вещи находили в те годы дорогу к читателю. Остается предположить, что «нечто» находилось как раз в оставшейся неопубликованной части повести. Фрагменты текста (в том числе и из неопубликованной части) были напечатаны в киевской газете «Комсомольское знамя» в конце мая 1961 г., то есть тогда, когда майский номер «МГ» уже был в продаже, а июньский — в типографии. Киевская публикация завершалась сообщением о том, что полный вариант можно будет прочесть в журнале.

Газетные фрагменты завершались сценой успешного возвращения экспедиции с Марса.

По признанию сына писателя, продолжения повести не сохранилось. Почему? Тоже вопрос. Ведь сохранить текст стоило, хотя бы исходя из уникальности ситуации... Автор, умерший в 1987 г., уже не сможет пролить свет на тайну. Возможно, в архивах журнала и сохранился этот текст — но как его «извлечь» на всеобщее обозрение?..

В. Макрушин написал несколько очерков по истории географических открытий, а в соавторстве с историком А. Давидсоном две книги, выпущенные издательством «Наука». К фантастике он больше не обращался...

Пока что загадка «Первого дня...» остается неразгаданной.

Е. М. ЮГАНОВ, В. И. ЯЗДОВСКИЙ

ЧЕЛОВЕК НАД СТРАТОСФЕРОЙ

Фантастический очерк

Рисунки Н. Гришина

*Авторы: Кандидаты медицинских наук
Е. М. Юганов и В. И. Яздовский.
Журнал «Здоровье», 1957 г., № 2*

Полет над стратосферой

ЧЕЛОВЕК НАД СТРАТОСФЕРОЙ

Земное притяжение как невидимая цепь приковывает человека к нашей планете. Еще пятьдесят с лишним лет назад К. Э. Циолковский доказал, что эту силу может преодолеть только ракетный корабль. Теперь реактивные самолеты летают быстрее звука, а скорость ракет достигает 7000 километров в час. Ракета уже поднималась на высоту 400 километров.

Как известно, в этом году в ряде стран создаются искусственные спутники Земли. Они предоставят возможность наблюдать солнце и планеты, минуя толщу атмосферы, откроют необыкновенно широкие перспективы научных исследований. Проектируемые сейчас спутники Земли не будут долговечными. Даже крайне разреженные слои атмосферы все же окажут сопротивление и постепенно снизят высоту полета спутника.

Но уже в ближайшем будущем другие спутники Земли смогут существовать неограниченное время, если их полет по орбите будет проходить на высоте не ниже 350 километров. Это вполне достижимо, если придать ракете скорость около 8 километров в секунду и забросить ее на достаточную высоту. Сначала спутники будут летающими автоматическими лабораториями, а потом и станциями с людьми. Они станут центрами наблюдений за Землей и мировым пространством.

При достижении скорости ракеты свыше 11,2 километров в секунду она преодолеет силу земного притяжения и устремится в межпланетное пространство.

Сейчас человечество находится на первом этапе решения этой сложной проблемы — изучаются верхние

слои атмосферы, исследуются возможности пребывания человека в космическом корабле.

В различных местах земного шара проводится периодическое зондирование атмосферы с помощью ракет. Оснащенные новейшей автоматической аппаратурой, они приносят нам все новые научные данные о путях в космос. Эти сведения имеют важное значение для разработки медицинских мероприятий по обеспечению безопасности человека в ракетном корабле при полете в верхних слоях атмосферы и в межпланетном пространстве.

Ученые разрабатывают методы защиты человека от неблагоприятного влияния внешних факторов во время полета и сохранения работоспособности астронавтов.

Каковы же необычные условия, в которых окажутся пассажиры ракетного корабля?

Набирая высоту, человек прежде всего ощущает значительную разреженность воздуха, фактически отсутствующего на высоте более 1000 километров. Падение барометрического давления, то есть уменьшение давления столба воздуха на квадратный сантиметр площади, вызывает значительные нарушения жизнедеятельности организма. Начиная с высоты 8000 метров, у человека могут возникнуть так называемые декомпрессионные расстройства — боли в суставах, кожный зуд, отечность мягких тканей, нарушения дыхания, приступы кашля.

Это объясняется тем, что растворенный в крови азот при пониженном барометрическом давлении переходит в газообразное состояние и тазовые пузырьки давят на нервные окончания тканей.

По мере подъема появляется еще более серьезная угроза здоровью человека. Известно, что в условиях

пониженного барометрического давления вода, например, закипает не при ста градусах, а при более низкой температуре. Как показали опыты на животных, на высоте 19–20 километров при низком барометрическом давлении жидкости в организме могут закипать даже если температура тела сохраняется на уровне 36,5 градуса.

Разумеется, в таких условиях жизнедеятельность не возможна.

Самым надежным способом защиты человека от воздействия пониженного барометрического давления является герметически закрытая кабина. В ней будет поддерживаться необходимое для сохранения здоровья давление воздуха. Так, например, в современных самолетах, летающих на высоте 12 километров, поддерживается давление воздуха, соответствующее высоте в четыре километра.

Но как же быть, если астронавт окажется, хотя бы на короткое время, в разреженной атмосфере, например, на искусственном спутнике Земли? Тогда он наденет скафандр, который по существу будет миниатюрной герметически закрытой кабиной. В скафандре можно свободно передвигаться и выполнять необходимую работу.

При подъеме на высоту, наряду с уменьшением барометрического давления, понижается давление кислорода во вдыхаемом воздухе и содержащемся в легких. В связи с этим уменьшается насыщение гемоглобина кислородом и в организме начинается кислородное голодание.

На высоте более 4000 метров у человека появляется высотная болезнь, выражающаяся в расстройстве функций центральной нервной системы. Сначала у него возникает чувство душевного подъема, напомина-

ющее состояние легкого опьянения. Потом настроение падает. Возникают изменения в деятельности сердца, органов зрения, слуха, равновесия, затрудняется дыхание. Иногда при хорошем общем самочувствии наступает потеря сознания. Для предотвращения этих нарушений могут служить обычные автоматически действующие кислородные приборы, но только до высоты 12 километров. Кислородное голодание на больших высотах предупреждается лишь с помощью приборов, подающих кислород под повышенным давлением. Но и это может служить лишь аварийным средством кислородного обеспечения в полете.

Более надежным является скафандр, но он требует такого огромного количества газообразного кислорода, какое невозможно запасти для полета. Вполне возможно применение скафандра с химическим выделением кислорода и поглощением продуктов жизнедеятельности организма. Однако в этом скафандре можно пробыть в разреженной атмосфере лишь недолго.

Длительный полет ракетного корабля возможен только в герметически закрытой кабине с замкнутой системой вентиляции. Кабина будет заполнена обычным воздухом, захваченным с поверхности Земли. Для пополнения его убыли экипаж корабля возьмёт с собой баллоны с жидким кислородом. Предполагается также возмещение убыли кислорода с помощью растений, поглощающих углекислоту и выделяющих кислород.

Исследования показали, что наука, безусловно, справится с задачей создания условий нормального существования экипажа в герметически закрытой кабине ракетного корабля. Возможно выполнение всех основных гигиенических требований: воздух будет автоматически очищаться, увлажняться, подогреваться или охлаждаться:

В условиях невесомости

Во время межпланетного полета необходимы надежные средства защиты человека и от таких внешних воздействий, как низкая температура, ультрафиолетовое, космическое излучение и метеориты.

Совсем еще недавно думали, что по мере удаления от поверхности Земли температура воздуха постепенно понижается, приближаясь где-то в межпланетном пространстве к абсолютному нулю -273 градусам. Исследования показали, что это не так.

В средних широтах, до высоты в 11 километров, температура действительно равномерно понижается на 6,5 градуса через каждый километр. Однако, в дальнейшем, падение температуры прекращается, и

она становится постоянной, равной до высоты 25 километров примерно минус 56,5 градуса. С высоты 25–30 километров начинается подъем температуры, которая на уровне 40–50 километров повышается, доходя до 0 градусов. На этих высотах относительно много газа озона. Поглощая невидимые глазом ультрафиолетовые лучи и задерживая проникающее с Земли тепло, слой озона, таким образом, резко повышает температуру воздуха. До высоты 80 километров вновь понижается температура, достигая минус 70–80 градусов. С подъемом в ионосферу начинается новое повышение температуры воздуха, причем на высоте 200 километров она превышает плюс 200 градусов, а на высоте 300 километров достигает 1500 градусов выше нуля.

Такое повышение температуры является результатом непрерывной ионизации воздуха, распада и восстановления молекул кислорода и азота.

Как же защитить экипаж ракетного корабля от такой высокой температуры?

Оказывается, что человек в этих условиях не только не сгорит, но даже не почувствует тепла, а термометр не нагреется.

Дело в том, что тепло определяется движением молекул газовой среды. В крайне разреженных верхних слоях атмосферы частицы воздуха движутся с огромной скоростью и регистрируются только специальными приборами. Общее количество этих частиц так мало, что находящееся там тело не нагревается. Поэтому не следует опасаться нагрева ракетного корабля во время полета в ионосферу.

Не подвергаясь тепловому влиянию окружающей среды, ракетный корабль неизбежно окажется под действием чрезвычайно интенсивного здесь солнечного излучения, поглощая своей поверхностью прямые

лучи Солнца. В известной мере действие солнечных лучей можно предотвратить, если окрасить одну часть кабины в белый цвет, чтобы отражать лучи, а другую часть — в черный цвет, чтобы использовать, если понадобится, солнечную энергию для нагревания кабины.

Значительно более сложной, но вполне разрешимой является задача предохранения ракетного корабля от действия ультрафиолетовых лучей.

Почти 90 процентов этих лучей, падающих на Землю, задерживается слоем озона. В атмосфере его очень мало. Если собрать озон на поверхности Земли, то толщина слоя не достигла бы и 3 миллиметров. Но если бы в атмосфере исчез озон, то Земля через несколько минут после этого превратилась бы в выжженную Сахару. Слой озона, как броня, защищает растения, животных и человека от губительных ультрафиолетовых лучей. В полете над стратосферой человек будет лишен этой озонной защиты, но ее заменят броня ракетного корабля и окна со специальными стеклами.

Еще большую угрозу для астронавтов таят в себе космические лучи. Отличаясь небольшой интенсивностью, они имеют в своем составе тяжелые частицы ядер атомов тяжелых химических элементов — кальция, железа и др. Проникая в кожную и мышечную ткань тела, эти лучи не приносят существенного вреда, но могут стать серьезной угрозой, если затронут нервные центры.

Биологическое действие космических лучей проверялось в опытах на животных, которых поднимали в шарах-зондах. Воздействие космических лучей не вызвало у них каких-либо изменений в деятельности организма и лишь обесцветило волосяной покров. Однако следует сказать, что положено только начало изу-

чению этих лучей и поискам способов защиты от их воздействия на организм.

Во время полета над стратосферой возможно попадание в ракетный корабль метеоритов. Подсчитано, что в атмосферу Земли ежегодно влетает не менее ста миллиардов мельчайших метеоритных частиц. Удар метеорита весом 20–30 граммов, летящего со скоростью 30–90 километров в секунду, мгновенно пробьет броню кабины и вызовет катастрофу. Но такие сравнительно крупные метеориты очень редки. Если расположить в мировом пространстве мишень размером 100х100 метров, то попадание в нее метеорита возможно лишь один раз за 2000 лет.

Все же, чтобы избежать случайностей и надежно защитить человека от метеоритов, предусматривается оборудование ракетного корабля специальными протекторами ми; стенки же его будут состоять из отсеков, как у морского судна.

На астронавтов окажет влияние не только окружающая среда, но и движение самого ракетного корабля. Человек будет ощущать такое необычайное состояние, как увеличение или уменьшение веса своего тела.

Раньше думали, что скорость 500 километров в час — предел для организма человека. Но не следует забывать, что каждый человек ежесекундно совершает полеты со скоростью свыше ста тысяч километров в час. Такова примерно скорость движения нашей планеты по орбите. Однако эта скорость не оказывает никакого вредного влияния на организм человека.

В чем же тут дело?

Дело в том, что на организм человека влияет не сама скорость, а те силы, которые возникают при ускорении. В период старта ракетного корабля человек будет испытывать влияние силы инерции в направле-

нии, противоположном скорости ракеты. Это вызывает у него ощущение значительной перегрузки тела — увеличения его веса в несколько раз. Сила инерции прижмет человека к сиденью, он с трудом будет двигать руками и ногами, сами движения станут неточными, у него возможно нарушение дыхания, затруднится деятельность сердца и других органов.

При такой перегрузке организма может произойти смещение внутренних органов и нарушение их нормальной деятельности.

Это в свою очередь может дезорганизовать психические процессы — понизить сообразительность, внимание и т. д. Вместе с тем под действием перегрузки, направленной вдоль оси тела, затруднится приток

крови в мозг от сердца и облегчится ее отток.

Вследствие нарушения мозгового кровообращения и недостаточного снабжения кровью сетчатой оболочки глаза у человека возникает перед глазами черная пелена.

При значительной и продолжительной перегрузке человек может потерять сознание.

Тренировка на центрифуге.

Как же предотвратить эти неблагоприятные явления?

Для уменьшения перегрузки организма во время старта астронавты будут располагаться в полулежачем положении в кресле с откидной спинкой. Такая поза поможет с успехом переносить 10–12-кратные перегрузки организма.

Перед полетом астронавтам необходимо тренироваться на центрифуге, подкидной сетке и других аппаратах. Особенно важны упражнения, развивающие мускулатуру и прежде всего мышцы брюшного пресса. Напряжение мышц будет противодействовать во время старта смещению внутренних органов; оно уменьшит приток крови в нижнюю половину тела и тем самым поможет лучше переносить перегрузку организма.

Немалую роль сыграет специальный противоперегрузочный костюм. Он состоит из резиновых камер, заполненных сжатым воздухом. Эти камеры, сдавливая кровеносные сосуды в нижней половине тела, предупредят скопление там крови.

Когда, наконец, ракетный корабль преодолеет силу земного притяжения и уйдет в межпланетное пространство, человек окажется в условиях полной невесомости.

Как возникает это удивительное явление?

Известно, что вес любого тела, находящегося на Земле, не постоянен. Он зависит от того, на каком участке земной поверхности находится тело. Один и тот же груз на экваторе окажется легче, чем на Северном полюсе, где наша планета несколько сплюснута и расстояние от поверхности Земли до ее центра меньше, чем у экватора. Величина давления тела на свою

опору зависит от действия земного притяжения и центробежной силы, возникающей при вращении Земли вокруг своей оси.

Увеличение скорости движения тела ведет к увеличению центробежного эффекта, и тем самым к уменьшению веса тела, который полностью исчезнет, если оно достигнет скорости 8 километров в секунду и таким образом освободится от земного притяжения.

Большая часть исследователей считает, что жизнь в условиях невесомости вполне возможна. Это доказывают опыты на животных.

В верхние слои атмосферы были запущены ракеты с обезьянами. У них состояние невесомости длилось до двух минут. Автоматические приборы регистрировали деятельность различных органов, и в результате выяснилось, что заметных изменений функций организма у подопытных животных не произошло.

В начальный период пребывания человека в условиях полной невесомости возможны серьезные нарушения его двигательных функций. Обычно, чтобы поднять, например, руку, нужно преодолеть не только силу ее инерции, но и вес руки. Если же этот вес будет равен нулю, то придется преодолевать лишь инерцию конечности. Между тем человек будет производить движения с такой же силой, как и в обычных условиях. Это приведет к резким размашистым движениям и их регулирование потребует постоянного психического напряжения.

В условиях невесомости исчезнет понятие о низе и верхе. Человек с одинаковым успехом сможет отдыхать как лежа, так и стоя.

Дышать можно будет только при постоянном принудительном токе воздуха, иначе выдыхаемая угле-

кислота задержится у рта. Для того чтобы напиться воды, ее придется с силой всасывать в рот.

Несмотря на то, что условия невесомости явятся весьма необычными, все же человек сумеет к ним приспособиться. Это подтверждают наблюдения над человеком, находившимся в условиях невесомости около 10–15 секунд. Подобные условия возникли во время пикирования самолета с большой высоты с ускорением, равным примерно ускорению силы земного притяжения. Человек в это время выполнял очень простое задание — писал крестики в определенном порядке. Сначала он допускал грубые ошибки, но потом сумел соразмерять свои движения и задание выполнял без ошибок.

Если в межпланетных кораблях будут созданы вращающиеся кабины, то за счет действия центробежных сил возникнет искусственная тяжесть. Так, по-видимому, и будет решена проблема невесомости.

Научные достижения последних лет позволили решить ряд сложных медико-биологических проблем, связанных с подготовкой полетов в космос. Несомненно, астронавтам будут созданы в полете все условия для нормальной жизнедеятельности.

В. В. ЛАРИН

ЧЕЛОВЕК
ПОЛЕТИТ К ЗВЕЗДАМ
Фантастический очерк

*Автор: Действительный член Академии
медицинских наук СССР профессор **В. В. Ларин**
Журнал «Здоровье», № 11, 1960 г.*

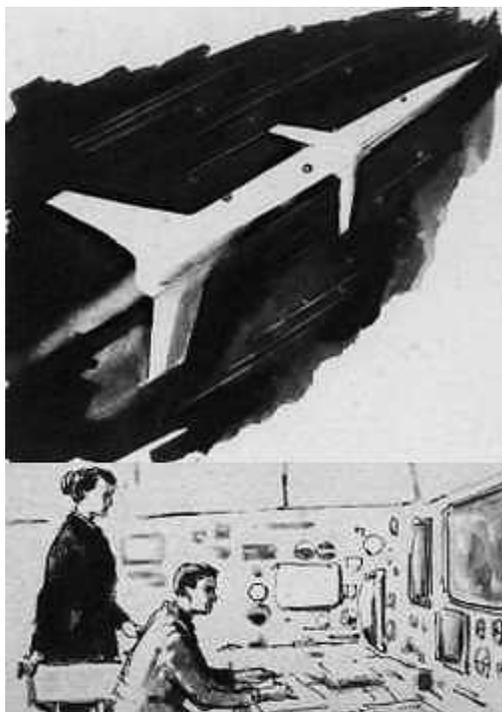

Рисунок В. Медведева

ЧЕЛОВЕК ПОЛЕТИТ К ЗВЕЗДАМ

В далекие времена люди свои самые заветные мечты о прекрасном воплощали в образах сказок, преданий и былин. Шли века, и человек все больше постигал тайны окружающего его мира, приобретал знания, учился управлять законами природы. Наш век поистине замечателен. Ведь мы стали свидетелями превращения сказки в быль.

Уже не чудесный ковер-самолет несется над землей, а быстроходные лайнеры. Волшебное зеркальце

приобрело форму телевизора, который прочно вошел в быт многих миллионов семей. Золотой петушок, предупреждавший царство Додона о приближении врагов, получил свое воплощение в совершенных радарных установках... И многое другое, еще недавно столь же сказочное, столь же манящее наше воображение, претворяется в жизнь. Творческое содружество огромной армии ученых, инженеров, рабочих приносит все новые и новые победы.

Многогранной и неумемной деятельности человека становится тесно на Земле, и он стремится выйти за ее пределы в беспредельные дали космоса. Смелый провидец будущего К. Э. Циолковский писал, что Земля — колыбель человечества, но нельзя же вечно находиться в колыбели.

Исследования космоса в Советском Союзе идут в строгой научной последовательности, этап за этапом. Советские специалисты создают все более мощные типы двигателей и все более совершенные системы их управления.

Исследования начались с вертикальных запусков ракет. Следующий этап — первый в истории человечества искусственный спутник Земли. Еще тогда весь мир убедился, что наша наука и техника намного опередили все другие страны в мирном исследовании космического пространства. Затем был запущен второй искусственный спутник с собакой Лайкой. Радиотелеметрические приборы передавали на Землю показатели состояния основных физиологических функций организма.

В мае этого года человечество узнало о новой победе нашей науки: в космос был отправлен невиданный по своим размерам корабль-спутник. Создание сложнейшей системы безопасного возвращения корабля

подготовило следующий этап, который не заставил себя ждать, — спустя три месяца второй советский корабль-спутник совершил беспрецедентный рейс: Земля-космос-Земля.

Все эти исследования с самого начала имели великую конечную цель — создать научную и техническую основу для полета человека в межзвездное пространство. Поэтому так тщательно с помощью сложнейших приборов изучались физические факторы космоса, их влияние на живые организмы. Одновременно разрабатывались надежные меры защиты. Ведь только после этого можно перейти к последнему наиболее ответственному этапу — к космическому полету человека. Сейчас, когда настал «великий канун», особенно большая ответственность ложится на медиков и биологов, которые стоят плечом к плечу с учеными физиками и инженерами в когорте борцов за мирное освоение космоса.

Советской науке чужд дух погони за сенсациями. Она зиждется на принципах высочайшего гуманизма, присущего всему нашему, советскому образу жизни. Поэтому для того, чтобы отправить в рейс первого космонавта, ученые должны обеспечить все условия для сохранения его жизни и здоровья и довести до минимума какой бы то ни было риск, связанный со всеми этапами полета и возвращения на Землю.

Опыт на втором корабле-спутнике явился одним из важнейших звеньев подготовки полета человека. Это был, если сказать образно, желтый огонек космического светофора, предвещающий появление зеленого света — «зеленой космической улицы» для пионеров звездных миров.

Какие же цели и задачи ставили перед собой биологи и медики, проводя замечательный эксперимент?

В космическом полете человек окажется в таких условиях, которые необычны для его земного существования. В момент старта и спуска корабля на человека будут действовать чрезмерные перегрузки, в несколько раз превышающие силу земного тяготения, долгое время он будет находиться в состоянии невесомости.

А космическое излучение? Мощность его за пределами земной атмосферы значительно возрастает. Как известно, космические лучи обладают огромной жесткостью: они легко проникают через различные вещества, через кожу и ткани тела, нарушая их нормальное строение и функции, меняя наследственные свойства организма.

Космонавту придется жить во время полета в герметически закрытой кабине корабля-спутника. Объем ее, по крайней мере на первых кораблях, будет, естественно, небольшой. Но, тем не менее, необходимо, чтобы воздух в кабине сохранял нормальный химический состав и нужное давление, а его влажность не превышала определенной нормы. Температура внутри кабины должна поддерживаться в пределах так называемой зоны комфорта. Здесь же должно храниться достаточное количество полноценной по своему составу пищи и воды.

Как видно даже из такого беглого перечисления, «хозяйство» кабины будет отличаться большой сложностью, иметь множество различных приборов и аппаратов, которые должны действовать четко и безотказно.

Отработать самым тщательным образом все детали этого «хозяйства», выяснить все особенности жизнедеятельности организма в условиях космического полета, установить характер и силу действия связанных с

полетом факторов, создать эффективные меры защиты от тех из них, которые окажутся вредными, и помогает испытанный путь экспериментальной медицины — опыт на животных.

Исследования показали, что различные живые организмы неодинаково чувствительны к воздействию физических факторов внешней среды. Поэтому ответы на многочисленные вопросы, волнующие ученых, которые работают в области космической медицины, нельзя получить, поставив опыт только на одном каком-либо виде животных. Этим и объясняется разнообразие биологических объектов, помещенных волей экспериментаторов на борту второго советского космического корабля-спутника.

В нем находились две собаки — Стрелка и Белка, имена которых стали теперь известны всему миру, две белые лабораторные крысы, сорок мышей двух генетических линий, пробирки с несколькими сотнями плодовых мушек — дрозофил. Кроме того, были также растительные организмы — традесканция, семена лука, гороха, пшеницы, кукурузы, нигеллы, одноклеточная водоросль хлорелла, низшие грибки актиномицеты, продуцирующие антибиотики. Другие биологические объекты — это культуры двух типов кишечной палочки, палочки масляно-кислого брожения, стафилококки, культуры двух разновидностей бактериофага, раковые клетки, полученные из человеческой опухоли, и консервированные кусочки кожи человека и кролика. Кроме того, весьма интересным биологическим «грузом» корабля были ампулы с дезоксирибонуклеиновой кислотой, которая играет большую роль в передаче наследственных признаков от поколения к поколению.

Как мы знаем, корабль-спутник вернулся на Землю

вместе со своими животными и растительными «обитателями», которые поступили в распоряжение ученых, снаряжавших их в космический рейс. Это позволяет тщательно изучить все биологические объекты, установить, появились ли в результате полета какие-либо изменения в их состоянии.

Но исследователей интересовало и другое. Они хотели точно знать, что происходило с животными во время самого полета, на различных его этапах. Ряд замечательных приборов передавал по радио данные о состоянии животных, начиная от момента старта корабля и до его приземления; показатели артериального кровяного давления собак, их электрокардиограммы, тоны сердца, частоту, глубину и форму дыхательных движений грудной клетки, температуру и движения тела. На борту корабля находился телевизионный передатчик, который позволял следить за поведением собак во время полета. Этот способ наблюдения дал очень ценные результаты для ученых-физиологов. Вместе с тем сам по себе он является крупнейшим, не имеющим равных в мировой технике достижением советской радиоэлектроники.

За время полета наземные станции наблюдения записали огромное количество кривых, расшифровка и изучение которых потребует много времени и большого труда ученых. Однако уже сейчас можно оценить некоторые результаты замечательного биологического опыта на космическом корабле-спутнике.

Прежде всего, опыт показал, что созданная советскими инженерами система возвращения корабля на Землю обеспечила полную безопасность живых существ.

Во время полета на нервную систему животных действуют сильные необычные раздражители: резкий

шум ракетных двигателей, вибрация корпуса корабля, перегрузки, невесомость и т. д. Все это может вызывать существенные изменения в поведении животных. Установить характер и длительность таких изменений, возможность их компенсации чрезвычайно важно. Ведь человеку на борту космического корабля придется быть не пассивным пассажиром, а производить постоянные наблюдения по определенной программе, поддерживать связь с Землей, следить за работой приборов, в той или иной степени вмешиваться в управление.

Как отражаются условия космического полета на высшей нервной деятельности? На этот вопрос ученые ответят после наблюдения не только за собаками, но и за лабораторными крысами, у которых до полета был установлен тип высшей нервной деятельности, выработаны определенные условные рефлексы.

Действие лучистой энергии на живой организм очень коварно. Причем, оно может сказаться не сразу, а после некоторого скрытого периода. Понятно, какое большое значение имеет длительное наблюдение за животными, вернувшимися из космического полета. Чем больше таких животных, тем статистически достовернее будут выводы. Это обстоятельство обусловило использование в опыте мелких млекопитающих животных — мышей.

Мыши очень плодовиты и быстро достигают половой зрелости. Поэтому относительно скоро можно получить сведения о возможных влияниях условий космического полета на наследственность. У мышей будет исследоваться костный мозг, который, как известно, непрерывно вырабатывает кровяные клетки. Решение вопроса о том, как кроветворная система реагирует на условия космического полета, имеет первостепенное

значение для выводов, непосредственно относящихся к здоровью будущих космонавтов.

Для решения вопросов влияния космического излучения на наследственность в опыт включены также плодовые мушки-дрозофилы. Они представляют собой классический объект таких исследований, так как очень легко изменяют свои наследственные свойства под влиянием разнообразных факторов внешней среды. Для тех же целей на борт корабля были взяты и различные микроорганизмы.

Ученые, изучающие развитие злокачественных новообразований у человека, в последнее время широко культивируют опухолевые клетки вне организма. Одна из таких культур также находилась в контейнере корабля-спутника. Сейчас наблюдают за тем, появились ли изменения в обмене веществ, морфологических и генетических свойствах этой хорошо изученной культуры.

Собак и других животных до полета тщательно исследовали с помощью биохимических методов. В частности, определяли особенности их обмена веществ и функциональное состояние некоторых органов, например печени. В настоящее время эти данные проверяются снова, что позволит установить даже самые тонкие изменения в биохимических процессах, если они появились в результате полета.

Для сохранения здоровья человека огромное значение имеет его естественная и приобретенная невосприимчивость к различным инфекциям, сопротивляемость вредоносному действию микроорганизмов. Когда ослабевают защитные свойства организма, даже микробы-сапрофиты, то есть такие, которые постоянно обитают на поверхности кожи и слизистых оболочек человека и обычно совершенно безвредны, способны

вызывать тяжелое заболевание. Поэтому у собак перед полетом была исследована фагоцитарная активность крови (поглощение бактерий белыми кровяными тельцами) и ее бактерицидные свойства (наличие в крови ряда веществ, губительно действующих на микробов). Были подвергнуты исследованию также бактерицидные свойства и естественная микрофлора кожи животных. Повторение таких исследований поможет ответить на важный вопрос о возможных влияниях космического полета на естественные защитные функции живого организма.

Предварительно оценивая общие итоги этого биолого-медицинского опыта, следует отметить прежде всего то, что он снова подтвердил передовое место советской науки и техники в исследованиях космического пространства. Первый в истории корабль-спутник с множеством живых существ был отправлен в космический рейс и в полной невредимости вернулся обратно на Землю.

Но прежде чем загорится зеленый сигнал для первого космического старта человека, советские ученые вместе с инженерами и рабочими должны дать ответ еще на много вопросов. Однако уже сейчас можно сказать, что этот исторический эксперимент очень и очень приблизил нас к тому долгожданному дню, когда человек займет свое место в кабине космического корабля и отправится из своей колыбели в беспредельные просторы Вселенной.

О. БОГАЕВСКИЙ

ПОКРЫВАЛО ВЕНЕРЫ

Фантастический рассказ-памфлет

Рисунки А. Вязникова

Журнал «Урал» , 1959 г. №1

Рассеянный ученый — это литературный штамп. Но что поделаешь, если Гурий Иванович Ожигов был ученым и одновременно невероятно рассеянным человеком. Об этом даже ходили анекдоты. Да вот хотя бы сейчас. Читая лекцию по астрономии, он, исписав формулами лицевую сторону доски, зашел за нее и, к великому удовольствию студентов, стал покрывать формулами заднюю сторону.

Худощавый, с донкихотовской бородкой человек, перепачканный мелом, метался за доской, ожесточенно стучал по ней мелком и высоким голосом вопрошал:

— Понятно? Понятно?
Понятно?

Специализируясь в такой «сухой» науке, как небесная механика, Гурий Иванович имел одну слабость: был болезненно равнодушен к Венере. Нет, не к богине любви древнего мира, а к нашей соседке по орбите — планете Венере. О ней он мог говорить часами и притом с такой теплотой и нежностью, словно планета была живым и самым близким ему существом. В честь Венеры он слагал неуклюжие, но трогательные стихи. Все

свободное от служебных обязанностей время он посвящал этой планете. Вечера, когда небо было свободно от туч, он проводил у окуляра мощного электронного телескопа, неизменно направленного на диск красавицы-зорьки.

Гурий Иванович верил, что Венера обитаема и что жизненная эволюция там достигла такого уровня, при котором возможно появление разумных существ. Он был убежден, что они имеют такой же облик, как люди Земли, но значительно прекраснее их, совершеннее. Тайно, не признаваясь даже себе, он беззаветно любил одну из этих прекрасных обитательниц далекого мира, которую силой своей фантазии наделил не только чудесными внешними чертами, но и прекрасной душой.

Говорят, что страстно желающим природа идет на уступки. Так случилось и с Гурием Ивановичем. Он первым на Земле удостоился чести увидеть лицо венерианки.

Около 22 часов по московскому времени 23 марта 19... года в экваториальной зоне Венеры разошлись облака, и Гурий Иванович увидел... увидел город с исполинскими зданиями, расположенный на берегу огненного моря.

Волшебное видение продолжалось не более полутора секунд. Потом облака сомкнулись, и все исчезло.

Гурий Иванович пришел домой на рассвете, без пальто, шапки и галош. Глаза его были воспалены. На вопросы матери отвечал невпопад, однако с послушностью ребенка выпил предложенный ему малиновый настой и лег в постель. Он заболел острой формой гриппа. Температура стояла на уровне сорока градусов.

Находясь между жизнью и смертью, Гурий Иванович пролежал двадцать один день. Когда врач разрешил ему встать, он первым делом направился в астро-

номическое общество. Там потребовал от президента созыва экстренного заседания, чтобы сообщить об открытой им на Венере жизни. Заседание было созвано. Но сенсационное сообщение, которое сделал Гурий Иванович, не вызвало у присутствующих никакого интереса. Ему даже не было задано ни одного вопроса. Астрономы не поверили рассказу своего коллеги. Больше того, они сочли этот рассказ за бред человека, потерявшего разум. Статья о Венере, написанная Гурием Ивановичем для астрономического журнала, была отклонена.

Так одно из величайших открытий человечества было объявлено плодом больного воображения.

Но Гурий Иванович не сдавался. Всюду, где только представлялась малейшая возможность, он говорил о научном открытии и этим еще больше вредил своей репутации.

2

В четвертом часу ночи на ферме мистера Риксли, расположенной в западной части Колорадо, завывали собаки.

«Должно быть, койоты», — подумал владелец фермы, оделся, взял ружье и вышел во двор. Его глазам представилось удивительное зрелище. Почти над самым домом, на высоте не более ста пятидесяти метров, висел в воздухе невиданный доселе летательный аппарат, освещающий землю двумя мощными потоками зеленоватого света. Когда в снопы света попал дом и расположенные возле него хозяйственные постройки, аппарат совершенно бесшумно опустился на землю.

Риксли поднял стрельбу, разбудил всех обитателей фермы и повел их к месту приземления странной машины.

На маисовом поле, поблескивая металлом, стоял огромный аппарат. Его форма напоминала артиллерийский снаряд. Аппарат был монолитен: ни люков, ни щелей, ни скоб. Впечатление было такое, словно его выточили на гигантском токарном станке из сплошной массы металла.

Обитатели фермы, не решаясь подойти близко, стояли плотной толпой в стороне и с удивлением и страхом смотрели на загадочную машину.

Вдруг в ее кормовой части металл, словно масляная пленка, стал быстро стекать к краям, образуя в центре круглое отверстие. Когда оно достигло примерно метрового диаметра, из него выпрыгнула какая-то машина, напоминающая гигантскую лягушку. Пройдя метров сорок-пятьдесят, она остановилась, и из ее металлического чрева вытянулся целый веер гибких и подвижных, будто живых, щупалец. Через минуту-полторы лягушка спрятала щупальцы, повернулась и запрыгала обратно в сторону аппарата. Подпрыгнув, она ловко попала в отверстие, которое сразу же после этого стало затягиваться металлом.

— Что за чудеса? — прервал тишину старший рабочий фермы Гарри Дудль.

— Надо заявить в город, — решил мистер Рикели и, обратившись к Гарри, сказал: — Бегите на ферму и звоните в полицию.

Не успел Гарри пробежать и ста метров, как снова, но уже в носовой части снаряда, стал стекать металл. Образовалось круглое отверстие диаметром метра в два. Раздалось пение, и из отверстия вышли два человека.

Появление людей сразу рассеяло все страхи, и обитатели доверчиво поспешили навстречу пришельцам — мужчине и женщине поразительной красоты. Но странно: лица и руки гостей имели бледно-голубоватый оттенок. На мужчине был фрак, а на женщине — бальное платье. Удивительным казалось, наконец, и то, что голубые люди не разговаривали между собой, а пели, причем пели на редкость мелодично.

— Артисты, — решили фермеры.

— Здравствуйте! Мы люди с Венеры. Лай! — грациозно поклонился мужчина и, указав на свою спутницу, добавил: — Майя! — Затем, немного помолчав, спросил: — Скажите, в каком районе Земли мы находимся?

Ответом ему послужило молчание, так как никто из присутствующих не знал русского языка, на каком говорили пришельцы. Но любопытные и гостеприимные простые люди с помощью жестов увлекли их за собой на ферму.

Телефонный звонок Гарри Дудля возымел свое действие. Через какой-нибудь час-полтора на маисовое поле рядом с летательной машиной опустился большой вертолет с усиленным отрядом полиции.

Тщательно осмотрев аппарат, полицейские остановились у носового отверстия.

— За мной! — вытаскивая пистолет, скомандовал начальник отряда и первым полез в отверстие.

Но отверстие оказалось непроницаемым. Начальник кричал, ругался, стрелял в воздух, требуя именем закона допустить полицию в аппарат, но все было напрасным. Отчаявшись, он оставил часть полицейских для охраны аппарата, а с остальными поспешил на ферму, чтобы захватить нарушителей воздушных пространств США.

— Кто такие? — грозно обратился начальник к голубому красавцу.

— Мы знаем только по-русски, — ответил тот.

— Кто знает, на каком языке он тут твякает? — спросил полицейский у Фермеров.

— На русском, — ответил пожилой человек в замасленном рабочем комбинезоне. — Я русский и еще немало помню этот язык.

— На русском?... Тогда ясно... — зловеще улыбнулся полицейский. — Ты, парень, будешь переводчиком. Спроси, кто они, и потребуй от них паспорта.

— Говорят, что с Венеры. А что такое паспорт, они не понимают.

— Ловко придуриваются... Спроси их, к кому они прилетели?

— Говорят, что хотели в СССР, а куда попали — не знают. Я им объяснил, что в Америку. Они ответили, что это очень досадно.

— Досадно. Ну и ловкачи. Ладно, передай им, что они арестованы, и должны последовать за нами.

— Они не понимают, что значит арестованы, но последуют за вами охотно, — перевел рабочий.

Под усиленным конвоем голубые люди были посажены в вертолет и доставлены в Денвер, где их принял под расписку начальник полиции штата Уильям Никольс.

Из доклада своего подчиненного Никольс понял, что в лице арестованных он имеет дело с крупными агентами Москвы. Все эти нелепости, как незнание о паспортах, арестах и абсурдное заявление о венерианском происхождении, он счел, как и его подчиненный, за большевистские уловки.

Никольс прекрасно понимал, какие выгоды сулит ему эта сенсация с голубыми людьми. Подумать только: агенты Москвы в центре Америки, в Колорадо, со своим удивительным летательным снарядом!

Пока полицейский думал о том, как выгоднее воспользоваться сенсацией, дотошные газетчики не дремали. Вечером того же дня почти все газеты страны выпустили экстренные бюллетени, целиком посвященные перелету «большевиков». Заголовки корреспонденций и статей были панические: «Диверсия СССР!», «Большевики на атомных снарядах прибывают в Америку!», «Агенты Москвы с ангельской внешностью!», «Советский летательный аппарат — чудо техники!», «США позорно продолжают отставать от Советов!»

Вечером в Денвер прибыли высокопоставленные чины американской военной разведки, забрали голу-

бых людей в Вашингтон, а у летательной машины сменили полицейский караул на военный.

4

Вечером восьмого июля начался допрос голубых людей. Его вел полковник военной разведки Джордж Ролс, прекрасно владеющий русским языком. На допросе присутствовало десятка полтора видных американских военных деятелей. Первым был вызван Лай.

— Итак, мистер Лай, вы утверждаете, что принадлежите к обитателям планеты Венеры? Чем вы можете это доказать?

— Очень просто, — охотно ответил Лай. — Люди, как, впрочем, и все живые организмы Земли, построены из углеродистых соединений: белков, жиров и углеводов. Обитатели же Венеры построены из кремнистых соединений. Зажгите

спичку и поднесите ее к моим волосам и рукам — и вы убедитесь. Температура горящей спички для венерианцев совсем не страшна.

Горящая спичка была поднесена к волосам Лая. Волосы не вспыхнули. Затем спичка была поднесена к его руке, но и на ней не осталось никаких ожогов. Удивленный полковник все же сказал:

— Это еще не доказательство. Ваши волосы, мистер Лай, могут быть пропитаны огнестойкими растворами.

Что же касается руки, то тут все дело в выдержке. Большевики на этот счет мастера, они способны выдержать и не такое. Нет, вы дайте нам более существенные доказательства.

— У людей Земли красная кровь, и они не могут существовать без кислорода. У нас, людей Венеры, голубая кровь, и мы можем обходиться без кислорода, в атмосфере, например, аммиака, хлора...

— Цвет крови можно изменить. Успехи химии в наше время поразительны, а тем более у вас там, в Москве. Относительно же кислорода мы проверим.

Полковник взял со стола какую-то пеструю миниатюрную коробочку, отобранную во время обыска у Майи, и показав ее Лаю, спросил о назначении.

— Это книга.

— Наверное, какой-нибудь шпионский код?

— Я не понимаю, о чем вы говорите. Уверю вас, это обычная книга, каких у нас на Венере миллионы. Разрешите? — И Лай взял из рук полковника коробочку.

Он положил ее на стол, нажал в ней какую-то кнопку, и произошло нечто совсем невообразимое. Стены и потолок комнаты, где шел допрос, исчезли, а вместо них возник совершенно фантастический пейзаж. Остроконечные горы, похожие на наши вулканы, с грохотом и свистом извергали огонь, дым, пепел. Ослепительно белая лава, шипя, стекала по склонам гор в огненное бурлящее озеро. Запахло серой, аммиаком, стало жарко и душно. Но вот видение стало затягиваться дымкой и исчезло. Послышались звуки приятной, но грустной мелодии. Дымка стала рассеиваться, и возникла новая картина. На поляне с ярко-красной шелковистой травой сидела ослепительной красоты голубоватая девушка в легком, как воздух, белом одеянии.

Она вязала венок из зеленых, желтых и синих цветов. Грустная мелодия сменилась радостной. На низком небе, затянутом плотными фиолетовыми облаками, появилась светлая точка, которая быстро росла. Девушка заметила ее, встала, протянула к ней руки и улыбнулась. Точка превратилась в быстро летящего прекрасного юношу, облаченного, как и девушка, в воздушные белые одежды. Он опустился около девушки, взял ее за руки и о чем-то запел.

Два долгих часа разведчики, как зачарованные, смотрели на фантастические картины, которые разворачивала перед ними книга голубых людей.

— Все, — когда снова появились стены и потолок комнаты, сказал Лай. — Эта книга написана нашим современным писателем Аймо и называется «Звенящий поток».

— Молодцы, молодцы большевики, достигли немало, — произнес полковник и, указав на кольца, снятые с рук задержанных, попросил Лая объяснить их назначение.

— Это не нужно. Это смерть!

— А, по-моему, это просто секретный фотоаппарат.

— Нет, это смерть для земных обитателей. Кольца позволяют на расстоянии сворачивать белки. Мы их захватили для защиты от хищных зверей.

— Знаете, мы с вами не дети... Здесь чистейшая оптика. Скажите лучше, как действует?

— Там есть кнопка, но только не нажимайте ее...

— Это почему? — И полковник нажал на кнопку.

Пять членов следственной комиссии, как подкошенные, свалились со стульев. Поднялась паника. Еще трое упало замертво. Полковник, белый как полотно, с расширенными от ужаса глазами, трясся, как в лихо-

радке. Неизвестно, сколько было бы жертв, если бы Лай не вырвал из рук полковника смертоносные кольца.

Допрос был прекращен. Вскрытие трупов показало, что у всех кровь оказалась свернутой.

5

Обстоятельства по делу голубых большевиков, как их официально окрестили в Америке, были весьма загадочны и противоречивы.

Астрономы допускали на Венере органическую жизнь, но все до единого отрицали возможность появления там человека. Рассуждения их сводились к следующему. Венера образовалась позже Земли. Следовательно, она сейчас переживает такой период своего развития, какой давно уже пройден Землей. Принципиально человек возможен на Венере, но не сейчас, а через миллионы лет. Причем вероятность того, что разумное существо Венеры будет похоже на человека Земли, очень мала. Короче, буржуазный ученый мир отверг версию голубых пришельцев о принадлежности их к людям Венеры.

Пожалуй, самой существенной уликой против голубых людей служило их знание русского языка. Тем более, что голубые люди, оказывается, были прекрасно осведомлены о таких современных явлениях, как пятилетки, социалистический реализм, колхозы, электрификация. Наконец, не в пользу голубых людей были и их костюмы — фрак и бальное платье, сшитые по последним фасонам Парижа. Правда, материал костюмов оказался несколько необычным. Он стойко выдерживал температуру до тысячи градусов, не имел швов. Детали костюмов не сшивались, а склеивались. Однако

все это при современных успехах химии могло быть возможным и на Земле.

Наряду с этими данными, имелось немало и таких, которые, наоборот, говорили о том, что голубые люди — пришельцы из другого мира! Голубая кровь, возможность обходиться без кислорода, способность выдерживать высокие температуры, чудесная книга, наконец, смертоносные кольца.

Но, невзирая на эти противоречия, первое официальное коммюнике, которое дал для печати полковник Ролс, твердо гласило о том, что голубые люди — это коммунисты из России, прибывшие в Америку для совершения диверсионных актов и шпионажа.

Утром девятого июля полковник Ролс из доклада начальника тюрьмы, где содержались голубые люди, узнал о новых удивительных вещах. Оказалось, что арестованные совершенно не нуждаются в сне, а также, по-видимому, в еде и питье. Голубые люди не спали уже 76 часов, и за это время у них не было во рту ни крошки пищи, ни капли воды.

Десятого июля с утра полковник решил возобновить допрос и отдал распоряжение начальнику доставить к нему заключенных.

К восьми часам утра того же дня у ворот городской тюрьмы собрались толпы любопытных, жаждущих хотя бы одним глазом взглянуть на голубых большевиков.

Открылись ворота, и из них вышло около сотни вооруженных солдат. Они выстроились в две шеренги, образовав живой коридор, соединяющий ворота тюрьмы с броневиком, на котором предполагалось везти заключенных.

В проходе между рядами солдат показались те, ради которых собралась сюда масса людей. Впереди шла

Майя, за ней — Лай, оба красивые, гордые. Не доходя до броневика, они что-то запели, и вдруг женщина, легко оторвавшись от земли, стремительно поднялась ввысь. Лай тоже хотел было взлететь, но солдаты успели его задержать.

Многотысячная толпа пришла в неистовство. Люди свистели, выли, кричали. Солдаты были смяты. По улетевшей не было сделано ни одного выстрела.

На поимку беглянки подняли в воздух сотни реактивных самолетов, но это ничего не дало. След Майи был утерян. Лая, связанного по рукам и ногам, бросили в одну из внутренних камер Вашингтонской тюрьмы.

6

Специальная военная комиссия прибыла в Колорадо к месту посадки летательного аппарата.

Невозможность проникнуть в аппарат обычными средствами заставила комиссию прибегнуть к специальным мерам. Сперва было решено вырезать отверстие в обшивке аппарата с помощью автогена. Но что такое? Высокая температура ацетиленового пламени даже не вызвала заметного оплавления металла. Кто-то из членов комиссии предложил проникнуть в аппарат при помощи сверления. Применили алмазные

сверла. Металл поддавался сверлению, но высверленное отверстие сейчас же снова затягивалось металлом.

После продолжительных споров решили взорвать аппарат с кормовой части. Заложили десять тонн аммонала и произвели взрыв. Несмотря на такое огромное количество взрывчатки, в аппарате образовалась всего лишь небольшая трещина, правда, вполне достаточная для проникновения через нее человека. В эту трещину и устремились многие члены комиссии. Что они там увидели и что там произошло, осталось для всех тайной. Аппарат качнулся, оторвался от земли, и с нарастающей скоростью стал подниматься вверх. Из трещины выпал один из членов комиссии, майор Волк. Не приходя в себя, он вскоре скончался.

Летательная машина голубых людей, видимо, ушла в межпланетное пространство.

7

На оживленных улицах летней Москвы так много было зарубежных гостей с желтой, черной, красной, коричневой кожей, одетых в самые фантастические наряды, что появление женщины с голубоватых цветом лица, одетой в белое бальное платье, не вызвало ни у кого удивления.

На перекрестке улиц Горького и Охотного ряда голубая особа подошла к милиционеру и спросила у него адрес астронома Ожигова. Милиционер любезно посоветовал обратиться в справочное бюро.

— Гурий Иванович Ожигов, — назвала Майя имя разыскиваемого.

— Сколько ему лет? — спросила девушка из справочного бюро.

— Не знаю, но, думаю, не менее двухсот.

— Гражданка, мне некогда с вами шутить, — рассердилась девушка. — Возраст поможет быстрее найти нужного человека.

— Я не шучу, но он примерно такого возраста, как вон тот человек, — указала Майя на прохожего мужчину тридцати-тридцати пяти лет.

Получив адрес, Майя отправилась на Ордынку, где проживал Ожигов. Предстоящая встреча с человеком, которого Майя так хорошо знала, который был ей так близок и в то же время так страшно далек, сильно волновал ее.

Раздался звонок. Гурий Иванович бросился было к телефону, но мать остановила его, сказав, что звонят на парадном.

Приоткрыв дверь, Гурий Иванович увидел перед собой голубую женщину изумительной красоты. Лицо женщины озарилось улыбкой. И вдруг улыбка заиграла на сухом лице астронома.

— Вы? — воскликнул он, широко распахивая дверь. — Я давно жду вас... Вы — мечта всей моей жизни. И вот, наконец, эта мечта сбылась. О, если бы вы знали, как я тосковал, ждал, томился... — Гурий Иванович смело подошел к Майе и обнял ее.

Такая непосредственность астронома смутила девушку.

— Простите, вы знаете, кто я? — мягко освобождаясь из объятий, спросила она астронома.

— Как же мне не знать! Я ведь жду вас всю жизнь. Вы моя судьба... Вы... — Гурий Иванович захлебнулся, возвел голубые глаза к потолку и шепотом закончил: — Оттуда, с Венеры.

Когда прошли первые минуты встречи, Гурий Иванович не мог себе объяснить случившегося. Почему он решил, что пришедшая к нему красавица именно ве-

нерианка? Откуда у него, скромного и застенчивого человека, явилась вдруг такая смелость заправского волокиты? Все это казалось каким-то наитием, чудом. Но это было не так.

Люди Венеры открыли психическую энергию и с появлением усилителя с микроемкостью и самоиндукцией начали ее понемногу применять в практической жизни. Так, на использовании этой новой формы энергии были основаны венерианские книги, одна из которых так поразила американских разведчиков. С помощью психической энергии исправлялись неприятные черты характера, пагубные привычки и недостойные наклонности людей.

На Венере не было преступлений, ни больших, ни малых. Венерианцы не знали таких человеческих страстей, как ложь, подлость, коварство и злость. Психическая энергия позволила создавать счастливые супружеские пары. Ссор и раздоров на Венере не существовало. Сравнительно недавно люди Венеры начали объясняться друг с другом без слов, с помощью мыслей, усиленных полупроводниковыми системами. И этому не препятствовало расстояние. Та, непостижимая на первый взгляд, привязанность Гурия Ивановича к никогда не виданной им женщине с другой планеты в значительной степени объяснялась психической энергией, аппарат управления которой был скрыт в ушной раковине прелестной венерианки. Воображение астронома, нарисовавшее образ Майи, также являлось следствием все той же могущественной энергии, которая с каждым днем там, на Венере, находила все более широкое применение.

Психическая энергия, открытая венерианцами, далеко еще не была изучена до конца. Много, очень много в ней оставалось тайной. И самой большой

тайной являлась любовь, законы которой пока были непостижимы.

Превращение мечты в реальную Майю потрясло и преобразило астронома. Мать не могла узнать своего сына. Гурий Иванович сразу как-то помолодел, похорошел. Всегда грустные голубые глаза его засияли безграничной радостью.

8

После запуска советских искусственных лун всему миру стало ясно научно-техническое отставание хвастливой Америки. Правительство США бросило истерический лозунг — «Догнать СССР!» Но тот не стоял на месте, и пропасть отставания между двумя странами катастрофически расширялась, показывая всему человечеству преимущества социалистического строя над капиталистическим. Чтобы как-нибудь угнаться за СССР, американцы прибегали к шпионажу. И вдруг счастье само свалилось им в руки в виде летательного аппарата голубых большевиков. В нем, без сомнения, таилась бездна интереснейших технических и научных новинок. Военные специалисты заранее предвкушали возможность добыть ценнейшие данные. Но глупейшая история с аппаратом погубила все дело.

— Кто упустил в космос летательный снаряд большевиков? — вопрошали военные моряки, постоянно враждующие с неземными родами войск, и сами же отвечали: — Армия!

Они требовали от правительства передачи ведения следствия над голубыми диверсантами флоту. Правительство сперва отмалчивалось, но бегство Майи решило этот спор в пользу моряков.

Начальником новой следственной комиссии был назначен известный в стране адмирал Бол, отличаю-

щийся непомерной тучностью, осторожностью, тактом и, как ни странно, умом, хотя изрядно попорченным молью американского шовинизма.

С исчезновением Майи следствие значительно усложнялось. Обиженные армейцы радовались, пророча «морским свинкам», как они иронически называли моряков, полнейшее фиаско.

Приступая к своим обязанностям, адмирал Бол прежде всего распорядился переодеть Лая в полосатое арестантское платье и заковать в кандалы. А для того, чтобы он не смог взлететь, как его голубая подруга, приказал кандалы пристегнуть к железному пятитонному грузу.

Снятая с Лая одежда подверглась тщательному исследованию. Фрак, брюки, цилиндр по внешнему виду ничего интересного не представляли. Необычным был лишь их материал. Ткани совершенно не мялись, не горели, не истирались. Они даже не пачкались. Попавшая на них грязь удалялась так же легко, как пыль с полированной крышки рояля. Вся экипировка Лая весила не более шестидесяти граммов.

Что и говорить, свойства тканей были изумительны, но за последнее время американцы настолько привыкли к сенсационным новинкам большевиков, что ничему уже не удивлялись. Несколько заинтересовали экспертов ботинки, точнее подошвы, сделанные из какого-то эластичного, как резина, металла. Металл состоял из множества шестигранных ячеек, напоминающих собой пчелиные соты. Однако назначение этих подошв расшифровать не удалось.

Ознакомившись с актом исследования вещей Лая, адмирал Бол остановил свое внимание, как и эксперты, лишь на ботинках, которые приказал немедленно доставить к себе. Осмотр ботинок нового ничего не дал, но Бол чувствовал, что ячеистая подошва поставлена неспроста, и решил, во что бы то ни стало, раскрыть эту тайну.

Во избежание уличных эксцессов, адмирал счел за лучшее пожаловать к арестанту в тюрьму собственной персоной.

Пройдя с десяток стальных дверей, Бол очутился в камере голубого красавца. Тот, гремя кандалами, поднялся с массивного железного куба и вежливо поклонился. Адмирал ответил ему приветствием, но, не желая терять времени попусту, включил портативный магнитофон и приступил к допросу.

— Предположим, я верю вам, — сказал на ломаном русском языке Бол. — Допустим, что вы действительно человек с Венеры. Тогда ответьте мне на такие вопросы: с какой целью вы пожаловали на Землю и почему именно к нам в Штаты?

— Основной целью нашей экспедиции было желание спасти Землю от грозящего ей разрушения... — так начал свои показания Лай, из которых адмирал, а впоследствии, благодаря магнитофону, и все люди узнали очень много интересного не только о Венере, но и о своей собственной планете. Вот вкратце содержание этого показания.

Венера возникла значительно позже Земли. Непрерывная вулканическая деятельность, кипящие моря, огненные озера и реки не позволили зародиться на ней жизни с углеродистой клеткой. Органический мир, построенный на углероде, мог существовать только в очень узком диапазоне температура, примерно от нуля

до семидесяти градусов, а температурные колебания на Венере были очень широки: верхний предел их доходил до тысячи и более градусов. Поэтому там в основу органической жизни лег не углерод, а кремний. Его соединения могли противостоять как низким, так и высоким температурам.

Эволюция жизни создала различные виды растительного и животного мира, пока не возникло мыслящее существо. Это мыслящее существо приняло образ человека Земли. Шли тысячелетия, человек Венеры непрестанно совершенствовался, пока не стал тем, какими были Майя и Лай.

Продолжительность жизни организмов на Венере была значительно выше, чем на Земле, — она исчислялась четырьмя-пятью столетиями. Этим в основном и объяснялось то, что эволюционный процесс развития жизни на Венере проходил много медленнее, чем на Земле.

Получался как будто парадокс. Венера возникла позже Земли, эволюция жизни на ней протекала медленнее, а ее человек развился больше земного? Но парадокса не было.

На древней Земле, когда поверхность ее была покрыта кипящими океанами и расплавленной лавой, материалом для строения живых организмов служил, как и на Венере, кремний. Кремнеорганический мир медленно эволюционировал, создавая новые, более совершенные формы жизни. Но вот климатические и географические условия на Земле настолько изменились, что стало возможным построение жизни из углерода. Между кремнистыми, уже довольно сложными организмами и только что зарождающимися организмами, построенными из углерода, началась грандиозная борьба. На стороне углеродистой клетке было

огромное преимущество — эволюционная стремительность, которая и решила исход борьбы в пользу последней.

Сравнительно за короткий промежуток времени углеродистая клетка дала многообразие животного и растительного мира, венцом которого явился человек. Более медленная эволюция кремнеорганической клетки на Венере к этому моменту подготовила человека, опередившего по развитию человека Земли. Прогресс на Земле страшно замедляли войны. С развитием техники войны приобретали все более ожесточенный характер, захватывая в свой гибельный круг огромные массы людей. Современное человечество, постигнув тайну материи и научившись извлекать из нее колоссальную энергию, готовилось обрушить ее на самого себя. Результатом этого явилась бы гибель не только людей, их материальных и культурных ценностей, но и всей органической жизни планеты.

Поблагодарив Лая за обстоятельный ответ, Бол сказал:

— Все, что вы здесь поведали мне, безусловно, очень интересно, но не убедительно. Кстати, подобные гипотезы высказывались и у нас, но в ученых кругах они успеха не имели, Я бы очень хотел услышать от вас более современные и более конкретные сведения. Ну, скажем, ваш перелет...

— Наш перелет, — ответил Лай, — явился первым полетом на Землю. На это предприятие мы отважились только потому, что почувствовали искреннее желание части земных государств покончить с войной. В возникшей на вашей планете группе социалистических государств мы увидели реальную силу, способную противостоять варварским устремлениям другой груп-

пы государств, жаждущих войн. Мы поняли, что эти силы могут сохранить органическую жизнь на планете.

На заседании Совета Венеры был принят чрезвычайный закон о спасении людей Земли и постепенном приобщении их к великой семье человечества планетарной системы.

— То, что вы здесь проповедуете, — заметил адмирал, — является типичной пропагандой большевиков.

— Да, в этом отношении наши взгляды полностью совпадают, — твердо ответил Лай.

— Допустим, мистер... Лай, все рассказанное вами является правдой. — Адмирал явно терял выдержку. — Но я не получил ответа на вопрос, почему местом своего приземления вы избрали именно нами Штаты, а не Россию, куда вам нужно было попасть?

— Это наша вина, точнее, моя. Когда мы очутились в вашей атмосфере и уравнили скорость аппарата со скоростью вращения планеты, я выключил поисковую аппаратуру, понадеявшись на свои знания. Но тут произошло непредвиденное. Огромное пространство покрылось плотными массами облаков. В результате я потерял ориентировку и вынужден был сесть на первую попавшуюся сушу, оказавшуюся вашей страной.

— Да, это не лишено логики. И все же такое придумать могли бы и люди Земли, — как бы подводя итог допросу, заметил адмирал Бол.

— Ваше замечание непонятно. Как могут говорить люди о том, чего они не знают? Нет, вы просто клеветаете на людей.

— Я тебе покажу клевету, сукин ты сын! Хватит с меня этой дурацкой комедии. — Кряхтя и чертыхаясь, Бол достал из портфеля ботинки Лая и, размахивая ими перед лицом заключенного, закричал: — Ты,

большевистское отродье, лучше скажи, не с помощью ли вот таких башмаков упорхнула твоя герлз?

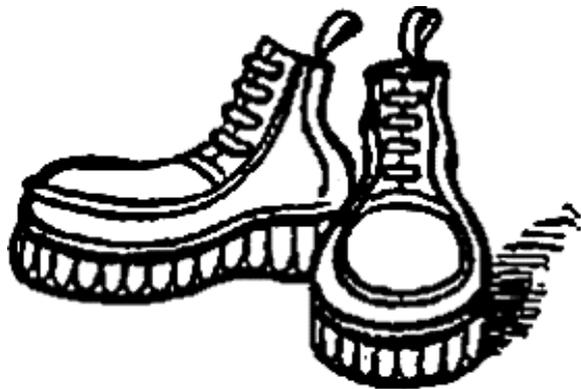
Лай оставался совершенно спокоен.

— Да, с помощью таких башмаков, — вежливо подтвердил он и пояснил: — Вернее, с помощью антигравитона, нанесенного на их подошвы.

— Я так и знал! — воскликнул адмирал и приказал подробно рассказать о свойствах этого вещества.

Лай не только рассказал о свойствах антигравитона, позволяющего противодействовать силе всемирного тяготения, но и пояснил, как его включать в действие.

Далее произошло совсем непонятное. Грозный и важный адмирал вдруг схватил башмаки и, несмотря на свою более чем солидную комплекцию, с легкостью годовалого фокстерьера выбежал из камеры. Когда Бол очутился на тюремном дворе, он с лихорадочной быстротой снял свои ботинки и надел ботинки Лая. Включив антигравитон, он стал величественно и медленно, как надувной аэростат, подниматься вверх, повизгивая, как заправская собачонка. Достигнув примерно стометровой высоты, потерял равновесие и опрокинулся вниз головой.

Мальчишки первыми заметили в воздухе барахтающегося толстяка в золотых позументах и подняли истошный крик.

Бол был популярен в стране. Его портреты щедро помещались на страницах газет и журналов, а потому в летящем толстяке сразу признали знаменитого адмирала.

Что случилось далее — не поддается описанию. Все, кто был на площади, изнемогали от хохота. Движение транспорта прекратилось. Поблескивая на солнце золотыми нашивками и неуклюже кувыряясь, адмирал продолжал подниматься вверх и летел на запад. Его вопли уже не достигали земли. Важный адмирал превратился в малюсенькую точку. Вскоре и она скрылась в синеве летнего неба.

Узнав о трагикомической гибели адмирала, армейцы возликовали. Их пророчество о неизбежном фиаско флота в деле

исследования антиамериканской деятельности голубых людей сбылось, и притом таким блестящим образом.

9

Красота, женственность, такт и ум Майи очаровали мать Гурия Ивановича, Алевтину Гавриловну. Ревниво относясь ко всему, что было дорого сыну, тут она изменила себе. Ее заветной мечтой, больше того — навязчивой идеей, стало желание сделаться свекровью голубой пришельцы из другого мира. Любовь, которая с непостижимой силой вспыхнула в сердце ее мальчика Гоши, благословлялась ею, как святыня.

По настоянию доброй старушки Майя согласилась остаться у Ожиговых. Гурий Иванович освободил для девушки свою комнату, а сам перебрался в столовую на диван.

Алевтина Гавриловна старалась создать для своей очаровательной гостьи уют и удобства. Но как можно было упрекнуть добрую и заботливую женщину, когда многое из того, что она делала, оказывалось совершенно ненужным. Ненужной оказалась кровать, так как Майя не уставала и не нуждалась во сне. Ненужной оказалась и вкусная снедь, которую венерианка не употребляла, довольствуясь мизерным количеством несъедобного для земных обитателей порошка, приносимого Гурием Ивановичем с завода «Огнеупор». Но то, что доставляло радость гостье, радовало и Алевтину Гавриловну. Как она была счастлива, когда венерианке пришлось по вкусу выбранный ею костюм взамен неудобного для постоянной носки бального платья.

Что же стало с Гурием Ивановичем? Он потерял покой. Планета Венера была заброшена и забыта. Да и

как было ее не забыть, когда самое лучшее и дорогое из того мира — прелестная Майя находилась на Земле и жила в его доме. В отсутствие Майи он брился и прихорашивался, а как только появлялось его божество, он, если не говорил о науке, то нес такую чепуху, что потом от стыда не знал куда деться.

Как-то вечером Алевтина Гавриловна, Майя и Гурий Иванович сидели за столом и ужинали. Собственно говоря, ела одна только Алевтина Гавриловна, Гурий Иванович стучал вилкой по пустой тарелке, а Майя вдыхала аромат земных роз и задумчиво улыбалась.

— Я... То есть мы с мамочкой хотим вас спросить... — заикаясь, начал Гурий Иванович. — Видите ли я, я... То есть мы... Нет, я... — Совершенно запутавшись в местоимениях, он замолчал, а потом вдруг неожиданно выпалил: — У вас работает водопровод?

— Какой водопровод, Гоша? Что ты говоришь? — испугалась Алевтина Гавриловна.

— Водопровод, — сопровождая это слово сложнейшей жестикуляцией, пояснил Гурий Иванович.

— Вы не слушайте его, милая, — извиняясь за сына, сказала старушка. — Когда Гоша волнуется, он всегда говорит невпопад. Вот тогда, когда он увидел ваш город, он все время спрашивал меня о какой-то трамбовке...

Майя во время этого «светского» разговора только мягко улыбалась. Она прекрасно понимала душевное состояние Гурия Ивановича. В основном до этого Гурий Иванович с Майей говорили на научные темы. И здесь астроном был неуязвим. О каком-нибудь солнечном пятне или лунном кратере он говорил, как Цицерон. Некрасивое, с крупными чертами лицо его озарялось мыслью и делалось почти прекрасным. А с каким

вниманием он слушал чудесные рассказы венерианки о ее далекой родине!

Майя была астрономом и специализировалась по Земле. С изобретением фотонного телескопа изучение Земли пошло бурными темпами. Венерианцы смогли ознакомиться с жизнью, культурой, техникой и даже общественным устройством на Земле. Усиливая земные теле- и радиопередачи, они научились языку людей. Майя и Лай изучили русский язык.

В наши электронные телескопы мы могли рассматривать Венеру только тогда, когда она освещалась лучами солнца. Венерианцы же с помощью своих фотонных телескопов имели возможность рассматривать Землю и днем и ночью, так как способны были видеть инфракрасные лучи, которые только и могли проникнуть к ним через толщу облаков.

Телескопируя Землю, Майя совершенно случайно натолкнулась на Гурия Ивановича, наблюдавшего Венеру. В следующий раз она снова застала его за тем же занятием. Астроном Земли заинтересовал Майю, она познакомилась с его научными работами о Венере. Работы поразили ее глубиной мысли и прозорливостью. Прочла стихи и письма, посвященные прекрасной венерианке, в которой усмотрела себя. Короче говоря, любознательность ученой, сдобренная большой дозой женского любопытства, закончилась тем, что далекий человек Земли стал ей не безразличен. Это она при помощи искусственного взрыва разорвала облака, чтобы дать возможность Гурию Ивановичу взглянуть на мир, в котором жила. Чувство к астроному Земли росло с каждым днем. И когда Лай собрался на Землю, она упросила его взять ее с собой.

Если внешность Гурия Ивановича была и неказиста, то душа его, которую Майя знала не хуже своей,

была велика и красива. За это она и полюбила астронома. А там, где любовь, да к тому же взаимная, там счастье. А там, где личное счастье, там эгоизм. И Майя, ослепленная счастьем первой любви, совершенно забыла о своем спутнике Лае.

10

Предельно выдержанного и глубоко воспитанного Лая, привыкшего к личной свободе и уважению, тюрьма, кандалы, цепи и оскорбительные допросы, наконец, вывели из себя.

Когда адмирал Бол назвал Лая большевистским отродьем, чаша терпения его переполнилась, и он, никогда в жизни не прибегавший к мести, решил стать на этот путь, давно позабытый на Венере.

Тюремщики и в том числе адмирал полагали, что скованный по рукам и ногам Лай никакой опасности для них не представляет. Да, действительно, он казался беспомощным. Но это было не так. У него сохранилось оружие, о каком не подозревали враги, — психическая энергия. Миниатюрный прибор, управляющий ею, был искусно спрятан в ушной раковине венерианца.

Лай использовал психическую энергию для обмена мыслями с далекими друзьями на Венере. Читал мысли забывшейся в счастье Майи и поэтому был спокоен за ее судьбу. Применение психической энергии шло у него, так сказать, по мирным и благородным путям. Но сейчас он решил направить ее во вред человеку. Первой жертвой на этом пути стал адмирал Бол, которому Лай внушил убраться с Земли. Второй жертвой... Но не будем забегать вперед.

Вскоре после ухода адмирала в камеру Лая робко вошел сержант полиции Майкельсон, занимающий в

тюрьме должность старшего коридорного. Это был прирожденный тюремщик. Суживающаяся кверху голова его с малюсеньким лбом и чудовищно развитыми челюстями была прямо посажена на сутулое квадратное туловище, снабженное длинными, как у гиббона, руками и коротенькими кривыми ножками. Майкельсон отличался невероятной свирепостью, грубостью и почти анекдотической тупостью. Несмотря на свои тридцать пять лет, он знал не более ста слов, из которых большая часть состояла из ругательств. И вот он, неожиданно для себя, поклонившись Лаю, сказал:

— Мистер, я очень сожалею о несправедливости, которая обрушилась на вас. Горя желанием исправить ее, я решил вас освободить.

С этими словами он быстро снял кандалы. Вежливо пропуская впереди себя Лая, Майкельсон повел его к начальнику тюрьмы Гансу Мюллеру, бывшему эсэсовцу.

Мюллер, по грубости и свирепости не уступающий своему подчиненному, тоже рассыпался в любезностях и стал быстро оформлять документы на освобождение. Вручая пропуск, Мюллер посмотрел на полосатую одежду Лая и сказал:

— Мне кажется, что в таком наряде за воротами тюрьмы вам будет неудобно. Я придумал чудесную вещь. Мы поменяемся платьем! — И не дожидаясь согласия Лая, он быстро начал раздеваться.

Вскоре Лай, облаченный в полицейский костюм, покинул тюрьму.

Примерно через час после ухода Лая в тюрьму пришла новая комиссия. Глупейший отлет адмирала за пределы Земли заставил правительство снова поручить дело о голубом большевике армии. В состав комиссии входили исключительно генералы. Возглавлял комиссию один из заместителей военного министра генерал Марс.

Трудно себе представить, что разразилось в тюрьме, когда комиссия узнала о бегстве преступника.

— Как же вы, черт побери... — брызжа слюной и размахивая кулаками перед бледным лицом Мюллера, кричал Марс. — Да знаете ли вы... — Немец, все еще в арестантском костюме, стоял навтыяжку, как истукан, и только мигал глазами.

— Будешь ли ты говорить, каналья?! — переходя с официального «вы» на фамильярное «ты», рычал генерал.

— Не могу ничего знать. Виноват, дьявол попутал, — наконец, с хрипом выдавил из себя немец. Он и не подозревал того, что всему виной была психическая энергия, которую испытал Лай на нем и его помощнике.

Генералы разом загалдели.

— Расстрелять собаку! Повесить! Сгноить в тюрьме! — наперебой предлагали они.

Чтобы как-нибудь утихомирить разбушевавшихся генералов, Марс предложил немедленно начать расследование.

— Начнем по порядку, — сказал он. — Сперва допросим сержанта, а затем снова вернемся к этой гнусной каналье Мюллеру.

Генералы шумно выразили свое согласие.

От вызванного для объяснений Майкельсона комиссия ничего вразумительного не добилась.

— Расскажите, как же все это произошло? — в десятый раз задали этот вопрос сержанту полиции.

— Ха! — рявкал на это Майкельсон и становился во фронт. В маленьких, близко посаженных глазках его стоял испуг.

— Ну, ну... — поощряли его генералы.

— Ха! — снова произносил Майкельсон, выпячивая колесом грудь и прикладывая к стриженной под машинку голове волосатую руку.

— Убрать эту скотину, — распорядился, наконец, Марс.

Не большего добились комиссия и от повторного допроса начальника тюрьмы Мюллера.

— Все ясно. И Мюллера, и эту скотину Майкельсона подкупила Москва, — резюмировал генерал Марс и распорядился дать в печать следующее сообщение:

«Бывший начальник тюрьмы Мюллер и сержант Майкельсон, подкупленные Москвой, организовали побег крупного политического преступника, известного под кличкой Лай. Мюллеру и Майкельсону инкриминируется государственная измена.

Следствие по их делу продолжается. Приняты чрезвычайные меры по поимке преступника. Генерал Марс».

Между тем Лай в полицейском костюме бродил по улицам города и наблюдал за жизнью земных людей. Автомобили, троллейбусы, трамваи не привлекали его внимание. Эти виды транспорта казались ему слишком примитивными, неудобными и громоздкими. Не останавливали его внимание также и здания, которые ас-

социировались у него почему-то с тюрьмой. Его интересовали люди и только люди. Но, странно, как только он к кому-нибудь подходил, тот немедленно шарахался от него в сторону. Лай изменил тактику и объектом внимания избрал толпу. Но и тут происходила та же история. Толпа вокруг него мгновенно редела. Лай недоумевал. Он вошел в троллейбус и сел на свободное место между мужчиной и женщиной. И что же! И тот и другая сразу же поднялись со своих мест. Это рассмешило Лая, и он на исковерканном английском языке, которому слегка подучился в тюремной камере по русско-английскому словарю, спросил пожилого мужчину:

— Почему все так чураются меня?

Мужчина с испугом посмотрел на Лая, поднялся и, сказав, что ему нужно сейчас выходить, стал поспешно пробираться к выходу.

Вечером того же дня Лай садился в поезд, идущий на восток. На востоке был океан, а за океаном — Москва, Майя и русские люди, ради которых он и совершил свое путешествие. У него не было проездного билета, однако проводник, требующий таковой у всех, у Лая его не спросил. Больше того, с предупредительной вежливостью он предоставил Лаю место в двухместном купе.

Соседом по купе оказался полный пожилой человек, который при входе Лая, плохо скрывая свое неудовольствие, поднялся и вышел.

— Я вас очень прошу переменить мне место, — обратился этот пассажир к проводнику.

— Не понимаю. У вас лучшее место в вагоне.

— Да, но там...

— Понимаю, бык? — угадывая причину неудовольствия пассажира, сказал проводник.

— Вот именно, и представьте себе, синего цвета.

— Синие быки самый покладистый народ, — сказал проводник и, сославшись на отсутствие свободных мест, отказал пассажиру в его просьбе.

Толстяку ничего не оставалось, как вернуться обратно в купе.

— Профессор Гарвардского университета Блек! — приподнимая котелок над лысиной, несколько постаромодному представься он.

— Лай! — ответил венерианец.

Со словами «Очень приятно» профессор сел на свое место и стал скучающе смотреть в окно.

— Не кажется ли вам, профессор, что растерянность американского народа порождена неспособностью его правительства... — с трудом подбирая английские слова, начал было Лай, но, посмотрев на обернувшегося к нему профессора, осекся. В глазах ученого стоял панический страх.

— Простите меня, мистер Лай, — с дрожью в голосе произнес толстяк. — Но в политике я мало что смыслю. Я астроном.

— Астроном?! — радостно воскликнул Лай. — Вот чудесно! Вы-то мне как раз и нужны.

— Я?.. Нужен вам? — Лицо профессора стало белым, как бумага.

— Да, вы, профессор Блек! Я уже давно за вами слежу.

— Боже мой, следите? Вы, наверное, имеете в виду мою речь в астрономическом обществе?

— Вот именно.

— Ну, что ж, признаюсь. Я, кажется, тогда сказал немного лишнего.

— Да, отчет о вашем выступлении, с которым мне пришлось ознакомиться, грешит большими ошибками.

Профессор опустил низко голову и не сказал, а прохрипел:

— Ладно, арестовывайте.

— Арестовывать вас? За что? — удивился Лай.

— Не будем играть в кошки-мышки, — наигранно улыбнулся толстяк.

— Я ничего не понимаю. Я тоже астроном...

— Вы астроном? — в свою очередь удивился профессор. — А это? — И он указал на полицейский мундир Лая.

И Лай тогда все понял. Он понял страх американцев, страх профессора и подобострастность проводника. Профессор ждал ответа, но вместо него получил добротную порцию хорошего звонкого смеха.

— Дорогой профессор, — сквозь смех произнес Лай, — я — Лай, человек с Венеры, тот, кого ваше правительство превратило в агента Москвы. — И он стал подробно рассказывать о своих злоключениях в свободной Америке.

Когда рассказ подошел к концу, профессор раскрыл свой объемистый чемодан, достал оттуда запасной костюм и посоветовал Лаю переодеться.

Правда, широкий, но кургузый костюм ученого оказался совсем не в пору стройному венерианцу.

— Так вот, дорогой коллега... — поблагодарив профессора за костюм, сказал Лай. — Основная ошибка в вашем докладе состояла в том, что вы приписали Венере первобытный характер жизни, а между тем... — И Лай начал посвящать астронома Земли в быт и жизнь своей далекой родины.

Забыв еду и сон, профессор, как зачарованный, слушал посланца Венеры. Не надеясь на свою память, достал блокнот и стал делать в нем краткие записи. Вот часть этих записей.

«Открытие антигравитона вызвало революцию в строительном деле и на транспорте. Поезда, автомобили, самолеты ушли в область предания. Люди перемещаются по воздуху за счет потери веса и аэродинамических сил. В случае необходимости больших скоростей применяются миниатюрные реактивные двигатели с атомным горючим. По воздуху, таким же путем, транспортируются и грузы, для которых установлены определенные пространственные магистрали. Только для межпланетных путешествий сохранены корабли. Перемещаются они в основном за счет антигравитационных двигателей, а управляются реактивными.

Постройка различных сооружений, как бы они грандиозны ни были, с помощью антигравитационных двигателей производится с поразительной легкостью и быстротой...

Большая разность температур, царящая на планете, не способствовала возникновению теплокровных животных. Все организмы Венеры, в том числе и человек, — хладнокровны, то есть имеют температуру тела, равную температуре окружающей среды.

Так как реакции с кремнистыми соединениями, из которых построены организмы Венеры, протекают одинаково в широком диапазоне температур, то жизнедеятельность организмов от температуры практически там не зависит. Будь до 600 градусов тепла или 20 градусов холода, человек Венеры и в том, и в другом случае чувствует себя совершенно одинаково...

На Венере нет государственной власти. Все вопросы общественного порядка венерианцы решают путем широкого обсуждения. Совет Венеры, избираемый из наиболее опытных граждан, лишь только обобщает эти всенародные обсуждения.

Личный интерес, стяжательство, эгоизм, погоня за славой, властолюбие, зависть — все это совершенно чуждо венерианцам. Зато у них сильно развито чувство долга, чувство красоты и особенно — чувство любви. Венерианцы не стесняются открыто выражать свои чувства.

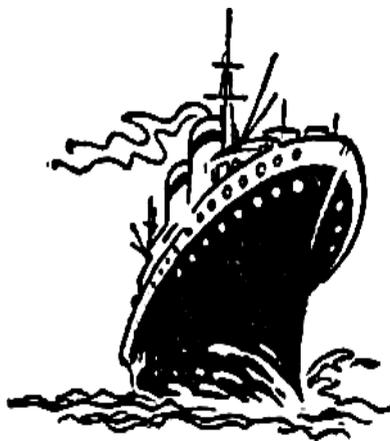
Промышленность, строительство, транспорт обслуживаются на Венере исключительно автоматами. Люди только периодически регулируют их, в основном занимаясь наукой, искусством, литературой».

Поезд подошел к Нью-Йорку. После ухода пассажиров проводник принялся за уборку вагона. Каково же было его удивление, когда он в десятом двухместном купе обнаружил комплект полицейской униформы. Чувствуя недоброе, он заявил о своей странной находке начальнику поезда.

Лай в широченном клетчатом костюме, из которого высовывались по щиколотку оголенные голубоватые ноги и чуть ли не по локти такие же голубоватые руки, вместе с профессором Блеком мчались на такси в порт.

С билетом до Гамбурга и небольшой суммой в кармане Лай занял отдельную каюту на огромном теплоходе «Мажестик». Все это устроил ему Блек, никак не желавший расстаться со своим новым другом. Сейчас он сидел в каюте Лая на диване и с грустью смотрел на красивое лицо венерианца.

Раздался второй гудок. Блек тяжело вздохнул, поднялся и сказал:

— Дорогой Лай, теперь я, пожалуй, отвечу на ваш первый вопрос. В нашей стране есть народ и кучка...

— Не нужно, — мягко остановил его Лай. — Мне теперь все ясно. — И, обняв земного астронома, он повел его на палубу.

Раздался третий гудок, и радио объявило об отплытии. Профессор почти бегом поспешил к сходням.

* * *

Костюм бывшего эсэсовца Ганса Мюллера, оставленный Лаем в купе вагона, был доставлен начальником поезда в полицейский участок. Это вызвало там целую бурю.

— Каким образом он оказался у вас? На ком он был? Какие приметы того, кто носил этот костюм? — посыпались вопросы на бдительного железнодорожника.

Не в состоянии ответить на них, он сослался на проводника Бредли, который нашел этот костюм и, по видимому, видел того, кому он принадлежал.

В участок был доставлен бледный и испуганный Бредли.

— Опиши его наружность, — с ходу набросился на него начальник участка лейтенант Харчинс.

— Кого, быка? — переспросил Бредли и тут же поправился: — Простите, я хотел сказать, полицейского.

— Не памятник же свободы, дурья твоя голова, — захохотал полицейский, довольный своей остротой.

— Очень красивый такой, аккуратный... — начал обстоятельно проводник. — А цвет лица голубой...

— Что? — разом обрывая смех, воскликнул лейтенант. — Голубой?

— Да, голубой. А какой-то пассажир его даже синим считает. Он еще, то есть этот пассажир, хотел место

сменить. Кому охота ездить вместе с быком?.. Простите, я хотел сказать, с полицейским.

— Замолчи, — остановил его Харчинс. — Ты лучше скажи, куда он девался?

— Как куда?.. Куда и все пассажиры.

— Дурак! — ответил на это лейтенант Харчинс и, обратившись к своим подчиненным, высокопарно произнес: — Надо действовать незамедлительно!

Пока лейтенант Харчинс осуществляя свои незамедлительные действия, Лай благополучно пересек океан и очутился в Гамбурге.

Беседуя во время долгого морского пути с пассажирами, Лай еще раз убедился в отсутствии на Земле справедливости. Его особенно поразило деление людей на богатых и бедных. Он, правда, знал об этом и раньше, там, на Венере, но знал, так сказать, абстрактно, теоретически, что не задевало его души. Здесь же он все это почувствовал сердцем.

Немецкая земля встретила Лая недружелюбно, даже враждебно. Никто с ним не хотел разговаривать. Вопросы его оставались без ответа. Водители такси, к которым он обращался, притворялись глухонемыми, а продавцы в магазинах — непонимающими. И только полицейские были с ним подчеркнуто любезны и предупредительны.

— Что за история? — недоумевал Лай. — Ну там, в Вашингтоне, понятно... Полицейский мундир, а здесь?..

Объяснение пришло неожиданно. На улице, вблизи порта, Лай увидел небольшую группу людей, несущих плакат с надписью: «Янки, убирайтесь домой!!!»

Все стало на свои места. Янки были нежелательны немцам, а Лай говорил по-английски и носил клетчатый экстравагантный костюм, какой мог одеть только

американец. И действительно, стоило ему только снять его и отказаться от английской речи, как он перестал быть белой вороной. Обладая, как, впрочем, и все венерианцы, абсолютной памятью, он с помощью русско-немецкого словаря быстро овладел немецким языком.

11

Лай не мог долго задерживаться в Гамбурге. Он очень спешил. И вот ночной экспресс доставил его в Берлин.

Пограничная зона. По одну сторону — Западная Германия, но другую — Восточная. Те же города, те же улицы, те же люди и тот же язык и в то же время два различных государства. Лаю казалось это диким, бессмысленным. Занятый этими мыслями и не обращая внимания на патруль, он переступил запретную черту.

— Стой! — окликнул его западногерманский патруль. Лай остановился.

— Мне нужно туда, — показывая на восток, пояснил он.

— Пропуск!

— Я этого не понимаю. — Свободному сыну Венеры казалось странным и неестественным, что хозяин Земли — человек сам себе ставит препятствия. — Я иду туда, куда мне хочется.

Щуцман искренне расхохотался.

— А за решетку не хочется? — пошутил он.

Лай пристально посмотрел на пограничника, и тот, перестав смеяться, как-то сразу обмяк и стал безразличным. После этого венерианец преспокойно пересек границу и оказался в Восточной Германии.

Сдавая свое дежурство, западногерманский патруль, как и восточный, отметили в рапортах одно и то

же, а именно: «За время дежурства никаких инцидентов, за исключением перехода границы серым котом, — не произошло. Кот проследовал с запада на восток». Далее следовали подписи: со стороны запада — сержант Роберт Майер, со стороны востока — его родной брат сержант Ганс Майер.

Несмотря на одинаковость зданий, людей, обычаев и языка, в Восточной Германии Лай ощутил совсем другую атмосферу. Здесь люди, независимо от общественного положения, возраста и пола, чувствовали себя в общении друг с другом на одной ноге. Величественный шуцман в автобусе балагурил с портовым грузчиком, как с другом. Бедно одетая женщина за-

просто останавливала на улице важного на вид господина и расспрашивала его о дороге на Апфельштрассе, и тот терпеливо и вежливо пояснял ей. Все это создавало ту приятную атмосферу, которую ощутил Лай, лишь только переступил границу запада.

Душа Лая, непрерывно ожесточаемая в западном мире, стала здесь быстро оттаивать. Законы человеческого общежития тут, отдаленно напоминающие венецианские, успокаивающе действовали на него. Он дольше бы пробыл в демократической Германии, но ему нужно было спешить.

На взлетной бетонной дорожке Большого Континентального аэродрома, поблескивая серебром, высился огромный пассажирский лайнер, на фюзеляже которого стояли четыре черные буквы: «СССР».

Шла посадка. Лай, внимательно посмотрев на контролера, стал подниматься по крутым ступеням приставной лестницы. Контролер на «воздушного зайца» с Венеры не обратил никакого внимания. Да и не мог бы этого сделать, так как Лай для него стал невидимым.

Раздался рев двигателей, самолет задрожал, дернулся и мягко побежал по дорожке. Легко оторвавшись от земли, он со скоростью артиллерийского снаряда понесся на восток.

12

Майя жила в доме Ожиговых почти как пленница. Гурий Иванович освобождал ее от своего присутствия только в часы короткого и беспокойного сна. Утро, день, вечер и добрую часть ночи он неизменно проводил с Майей. Его рассказы о Земле, ее — о Венере, экскурсионные поездки по Москве и окрестностям, милые, но всегда смешные для посторонних признания в любви заполняли жизнь двух любящих сердец. Майю не томил плен, наоборот, он был ей сладок и приятен.

Боясь потерять любимую хотя бы на одну минуту, Гурий Иванович от всех, кроме матери, скрывал истинное происхождение Майи.

При встречах со знакомыми он представлял ее как свою дальнюю родственницу, приехавшую погостить в Москву из далекого Алтая. Знакомые поражались красоте голубоватой девушки, а еще больше — скромному Гурию Ивановичу, который не мог скрыть ни своего

восхищения, ни своей любви к прелестной «родственнице».

Майя и Гурий Иванович стояли на Ленинских горах и молча любовались величественной панорамой Москвы. Летнее солнце дробилось тысячью огней в пышной и темной листве каштанов.

— Сегодня у вас будет Лай! — прервав молчание, сказала Майя.

— Откуда вы знаете? — испуганно спросил Гурий Иванович. Он очень боялся Лая, предполагая в нем самого страшного соперника. Одно напоминание о прекрасном венерианце причиняло ему нестерпимую душевную боль. Майя знала об этом и старалась как можно реже упоминать имя своего друга.

— Да, откуда вы знаете? — повторил свой вопрос Гурий Иванович.

— Я связалась с ним мыслями, — ответила Майя и тут же добавила: — Он уже в Москве и сейчас отыскивает ваш дом.

— Отыскивает? Это ужасно.

— Что же тут ужасного? — улыбнулась Маня своей мягкой, только ей присущей улыбкой.

— О, Майя! — теряя спокойствие, воскликнул влюбленный. — Вы ничего не понимаете. Это ужасно, ужасно!

Подвернувшееся такси доставило влюбленных домой, где их с нетерпением поджидала Алевтина Гавриловна. Она заботливо приготовила для своей любимицы крошечную пилюльку из огнеупорной глины и букет чайных роз, а для Гоши — баранью отбивную, которую он обожал. Но ужинать не пришлось. Раздался звонок. Пришел Лай.

Увидев стройного и мужественного красавца, Гурий Иванович совсем скис. Мысленно сравнивая себя с венерианцем, он понял, что ему ни по одной статье не перещеголять Лая. И вдруг возникла обнадеживающая мысль.

— Скажите, сколько вам лет? — не поздоровавшись, не спросив о дороге и здоровье, выпалил Гурий Иванович.

Лай, нисколько не удивившись экстравагантности земного человека, спокойно ответил:

— Триста восемьдесят два!

Услышав это, Гурий Иванович пришел в неопиcуемый восторг. Он стал прыгать и хлопать в ладоши, к неопиcуемому ужасу матери, решившей, что ее сын на этот раз сошел с ума окончательно. Майя, наблюдавшая эту сцену, понимающе улыбалась. На лице Лая сперва было написано недоумение, но оно вскоре прошло, и он стал как Майя, понимающе и тепло улыбаться.

— Дорогой Гурий Иванович, мой коллега, мой давний и старый друг, — дружелюбно сказал Лай, — мой пожилой возраст, которому вы так сильно обрадовались, не позволяет мне жениться на Майе. А потом, существует и другое препятствие. У меня есть жена, которую я люблю не меньше, чем вы Майю.

Гурий Иванович густо покраснел и так смутился, что на глазах у него выступили слезы. Но вскоре интересный рассказ Лая о пережитом и виденном полностью рассеял неловкость астронома.

Не прошло и десяти минут, как обаятельный Лай и у Алевтины Гавриловны, и у ее сына завоевал не меньшую симпатию, чем Майя.

Заканчивая рассказ о своих похождениях, Лай задумчиво и в то же время сурово сказал:

— Я первый день в Москве, мало видел, недостаточно говорил с людьми и тем не менее понял... Вы стоите на верном пути. Будущее ваше прекрасно, хотя, может быть, оно и будет отличным от нашего. Для меня непостижимы те, кто стремится помешать вам. Они не понимают, что, уничтожая вас, погибнут сами. Я видел в Америке этих безумцев. Их, правда, немного.

Народ против них. Неужели еще недостаточно сил на Земле, чтобы надеть на них смирительную рубашку?

13

Гурий Иванович эгоистично завладел своими гостями, безжалостно пытая их расспросами о Венере. Но, как говорится, надо было и совесть иметь. И вот запоздавшая совесть, наконец, заговорила в нем. Ему было стыдно не перед венерианцами, неспособными к утомлению, а перед советской наукой, перед советским народом, от которых он укрывал этих замечательных посланцев другого мира.

Желая исправить содеянное, Гурий Иванович позвонил президенту астрономического общества и попросил его срочно созвать заседание, на котором обещал представить астрономам живых людей с Венеры. Вместо ответа президент прислал к нему психиатра. Но каково было его удивление, когда вернувшийся психиатр стал настаивать на безумной просьбе Ожигова.

— Этот одержимый сведет всех с ума, — подумал про себя президент и решил сам навестить несчастного коллегу. Он оказался не таким доверчивым, как психиатр, однако после двух-трех доказательств, представленных Лаем, полностью уверовал в венерианское происхождение голубых людей.

Нечего говорить, что заседание астрономического общества протекало с таким напряженным интересом, какого никогда еще не знало ни одно из ученых обществ Земли. Куда девалась чопорность и степенность мужей науки! Они, как расшалившиеся мальчишки, бешено били в ладоши, кричали. Гурия Ивановича, представившего им людей Венеры, они качали раз

пять, пока тому не сделалось дурно. Все газеты страны на первой странице поместили подробный отчет об этом необычном заседании.

На следующий день голубые люди были радушно приняты правительством, где после продолжительной и теплой беседы был подписан первый в истории Земли договор о содружестве между учеными СССР и Венеры.

Сообщение ТАСС о пребывании посланцев Венеры на Земле и о заключении договора о дружбе вызвало в мировой печати оживленные отклики. Страны социалистического лагеря горячо поздравляли СССР и желали ему новых успехов. Капиталистические газеты писали более сдержанно. В Америке, как всегда, сообщая читателям о новых успехах СССР, газеты требовали дополнительных ассигнований на военные цели. В дебрях же одного из правительственных департаментов США в это время плюгавый и лысый шпак отчитывал большую группу генералов и адмиралов.

— Тупицы!.. Идиоты!.. Ослы!.. — фальцетом кричал важный шпак.

Генералы и адмиралы, потные и красные, истуканами стояли навтытяжку и молча пожирали немигающими глазами свое сквернословящее начальство.

* * *

В один из заговов Москвы явилась, на первый взгляд, ничем не примечательная пара. Он был в черном строгом костюме, она — в сером марокеновом платье. Лицо невесты было скрыто под густой вуалью.

— Нам бы расписаться, — прерывающимся от волнения голосом сказал жених.

Все шло хорошо, пока записывались данные жениха.

С невестой дело оказалось похуже... У нее не оказалось фамилии, не было паспорта. Возраст ее привел в ужас работницу загса. 201 год! И только когда невеста назвала место своего рождения — планету Венеру, — все объяснилось. Работница загса, как и все граждане советской страны, знала о пришельцах с Венеры, а потому была очень счастлива и горда, что именно ей досталась честь оформить этот межпланетный брак.

Итак, Гурий Иванович и прелестная голубоватая Майя сочетались узами законного брака.

Майя вместе со своим мужем решила пока пожить на Земле. Что же касается Лая, тот должен был отправиться обратно на Венеру для доклада Совету планеты о положении дел на Земле. Зная о гибели летательного аппарата в Америке, венерианцы готовились к новому перелету с тем, чтобы выручить Лая. Пока в ожидании прилета друзей Лай по просьбе общества по распространению научных и политических знаний читал в университете на Ленинских горах курс лекций о природе и жизненном устройстве Венеры. Попасть на эти лекции простым смертным было невозможно. Но, чтобы сделать их достоянием широкой общественности, они транслировались по радио и передавались по телевидению.

* * *

Тот, кто захочет узнать о дальнейшей судьбе Гурия Ивановича, Майи и Лая, а также более подробно познакомиться с жизнью на Венере, пусть включит свой радиоприемник или телевизор в 19... году.

Г. ТРАВИН

ПОДЖОГИ В НЬЮ-БЕКЕРВИЛЕ

Фантастический рассказ

Рисунки А. Орлова

Журнал «Знание-Сила», № 11, 1952 г.

Пожоги в Нью-Бекервиле

Г. ТРАВНИН

РАССКАЗ

Рис. А. Орлова

ГОРОДОК Нью-Бекервиль был один из самых молодых в штате Мидиана, да, пожалуй, и во всей Америке: ему насчитывалось не более тридцати лет. Кроме того, он был одним из самых тихих и скучных: в нем не случалось никаких волнующих происшествий — ни крупных краж, ни загадочных убийств. Солидные гангстеры, маститые убийцы и громилы, короли взлома и политические боссы не находили в маленьком городке достойной арены для своей разноstonонней деятельности; эта американская знать предпочитает большие города, в которых есть где развернуться многогранным «талантам».

Скучен был и вид Нью-Бекервиля. Весь город выстроила одна фирма, и дома в нем походили друг на друга, как карточные домики, сделанные из одной колоды — различать их можно было только по номеру над входом. Обстановка в домиках тоже была сработана одной фирмой — везде одна и та же. В каждой квартире имелись совершенно одинаковые шкафы и кровати, диваны, столы и стулья — все вплоть до маленького столика у окна с графином на подносе из пластмассы. И даже вязкие скатертки на этих столиках и занавеси на окнах отличались только расцветкой, да и то не всегда.

Никто не считал нужным вносить какие-либо изменения в стандарт, выработанный мощной монополией, владевшей городом и поставлявшей его жителям все, начиная с мебели и посуды и кончая идеологией.

Реклама монополистов без устали твердила, что все это — самое лучшее, как нельзя более соответствующее американскому образу жизни.

И жизнь в Нью-Бекервиле протекала тоже по стандарту тишины и спокойствия. Здесь не было заводов и фабрик с бастующими рабочими, не так уж много парней отсюда увезено было в Корею. И никто не писал на стенах домов будоражащее полицию слово «мир».

Даже растущую дороговизну ругали здесь лояльно, потому что каждый надеялся рано или поздно разбогатеть, а тогда плевать на дороговизну! В ожидании богатства можно и попоститься, тем более, что в продаже появились патентованные брючные ремни, автоматически подтягивающие живот — нигде так не заботятся о человеке, как в Штатах!

Но летом этого года тихая жизнь Нью-Бекервиля была нарушена: в нем начались пожары — настолько частые, что страховое общество «Феникс» должно было неминуемо прогореть. Пожары случались почти ежедневно, иногда по два в день. Все они начинались примерно в одно и то же время — около часу дня, — и что всего удивительнее, дома горели только на улицах, проходящих по параллели — с запада на восток — и только по северной стороне улицы. На улицах, идущих по меридиану, не было ни одного пожара.

Два-три пожара по одной и той же стороне улицы можно объяснить совпадением. Но полтора десятка пожаров? Это было уже похоже на поджоги.

Увядавший в нью-бекервильской тиши начальник полиции Д. Уестер воспрянул духом. В тусклых глазках его, тонувших в жировых складках, засверкал огонек административного восторга, в движениях появилась решительность. Он призвал к себе своих обленившихся сыщиков и приказал найти поджигателей. Таким

образом, первыми лишились привычного покоя в Нью-Бекервиле пожарники, вслед за ними — страховые агенты и, наконец, полицейские.

С тишиной в Нью-Бекервиле было покончено.

Начальник полиции каждый день стучал кулаком по столу, разнося своих сыщиков и полицейских, которым никак не удавалось поймать ни одного поджигателя.

Доска стола в конце концов треснула, но толку от этого было мало. Уестер чувствовал себя не совсем ловко, когда к нему в кабинет с сигарой в зубах ввалился специальный корреспондент одной из больших херстовских газет.

— Ну-с, чем вы объясняете столь частые пожары? — спросил развязный журналист, усаживаясь в кресло и кладя ноги на стол.

В кабинет Уэстера ввалился специальный корреспондент одной из херстовских газет...

— Поджогами, — твердо ответил начальник полиции, нюхая подошвы «литератора» и дым его сигары.

— Очень хорошо.

Корреспондент небрежно черкнул что-то в своем блокноте. Вечное перо его своей обтекаемой формой напоминало гоночный автомобиль, а массивностью — полицейскую дубинку. Уэстер смотрел на ручку с уважением.

— А кого вы подозреваете в совершении поджогов?

— Поджигателей, — так же решительно ответил полицейский.

— Очень хорошо, — произнес опять интервьюер и необыкновенно ловко начертил в блокноте женскую туфельку на головокружительном каблуке.

— Все ясно. Гуд бай! — репортер скрылся так же быстро, как появился, оставив немножко глины на столе, много табачного дыму в кабинете, а самого на-

чальника в некотором недоумении: не слишком ли краток был разговор?

Но напрасно тот беспокоился — интервью вышло полнометражное, как голливудский боевик. Развернув на другой день свежую газету, начальник полиции прежде всего увидел аншлаг, протянувшийся через всю первую страницу:

«ЧУДОВИЩНЫЙ ЗАГОВОР КОММУНИСТОВ В НЬЮ-БЕКЕРВИЛЕ. КОММУНИСТЫ ПО ПЛАНУ СЖИГАЮТ АМЕРИКАНСКИЕ ГОРОДА».

«Наш корреспондент» в лирических тонах описывал «добродушный, тихий и незлобивый» городок Нью-Бекервиль, жители которого всегда отличались благочестием и лояльностью. И вот в этот «приют невинных душ», в эти райские кущи проникли красные дьяволы. В беседе с нашим корреспондентом энергичный начальник полиции Нью-Бекервиля Д. Уестер сообщил следующее...

В интервью было не менее двухсот строк.

«Репортер — толковый парень, — думал Д. Уестер с удовольствием, — умеет понять с полуслова... И такой дурак! За такую рекламу не взял с меня ни цента. Ха-ха-ха!»

Полицейский читал и перечитывал свою «беседу», смаковал каждое слово:

— Вот здорово! Теперь вся Америка узнает, что Дик Уестер раскрыл коммунистический заговор. Это же настоящая слава! Большое дело. Бизнес! Пожалуй, меня вызовут в Вашингтон? Может, сам Гувер обратит на меня внимание! Только мне необходимо действовать энергично.

Он приказал немедленно арестовать всех местных коммунистов как участников заговора.

Коммунистов забрали, но пожары не прекратились.

Убедившись в этом, Д. Уестер затосковал: не повредит ли такая неувязка его карьере? Он пребывал в мрачной задумчивости, когда в кабинет ворвался его помощник Томпсон.

— О-кей! — закричал Томпсон, — блестящее дело! Пойман поджигатель... Это — черный. Поджигают негры.

— Какие там негры? — с неудовольствием проворчал начальник, всегда осуждавший чрезмерную горячность своего помощника: — Поджигают коммунисты. В моем интервью с корреспондентом газеты...

Булочник Смит видел, как из загоревшегося дома выскочил негр.

— Плюньте на интервью! — возразил бесцеремонно Томпсон: — У меня только что побывал мистер Смит, булочник. Он был в возбужденном состоянии. Смит своими глазами видел, как из загоревшегося дома выскочил негр. Он был в возбужденном состоянии...

— Кто был в возбужденном состоянии? Негр или булочник?

— О, Боже! Конечно, негр! Ведь он же — поджигатель! Я уверен, если б его обыскать, при нем оказались бы спички!..

— Почему же его не обыскали?

— Убежал! Но это ничего не значит. Я велел арестовать всех негров на этой улице. И у многих нашли спички в кармане!

— Очень хорошо! — одобрил начальник, почуяв «дело». Неграми тоже нельзя пренебрегать. Негры — тоже бизнес.

Арестовали всех негров на этой улице.

И он немедленно послал депешу в редакцию газеты. Телеграфировал он всего два слова: «Поджигают негры».

Этого было опять вполне достаточно. В газете появилась новая статья под сенсационным заголовком:

«КТО ЖЕ ПОДЖИГАТЕЛИ?

Д. УЕСТЕР И МАРИ ВИЛКИНСОН РАЗОБЛАЧАЮТ».

Начиналась статья так.

«Русские кричат, что мы «поджигатели» войны! А что они сами делают?

Они по разработанному в Москве дьявольскому плану, без бомб и без шума, начали сжигать мирные американские города и фермы!

Нас обвиняют, что мы применяем напалм...

А разве тут обошлось дело без напалма или еще более сильного зажигательного вещества?

Домашняя хозяйка М. Вилкинсон заявляет, что никогда в жизни не видела более сильного пламени! Оно было красное — во всех смыслах! Как в смысле цвета, так и происхождения... Исполнители адских замыслов Коминформа — негры.

Это удостоверяет честный и бдительный полиесмен Д. Уестер. Он прислал в редакцию неопровержимый документ».

Далее, после ряда рассуждений, «научно» доказывавших неполноценность черной расы, газета намекала, что не худо бы, по доброму обычаю предков, линчевать парочку негров: суд Линча — не хуже других американских судов.

Кроме того, газета требовала ареста всех коммунистов и нелояльных американцев, а также ускорения производства водородных бомб.

Д. Уестер после этой статьи вырос на целую голову.

Пожары не вредили его карьере, напротив, в дыме и пламени шла к нему слава, из которой умеючи можно сделать и доллары. Он развил кипучую деятельность: посадил за решетку еще несколько негров и белых, подозреваемых в подписании Стокгольмского воззвания, и потребовал, чтобы город начал строительство новой тюрьмы. Остальное было не по его части: линчевание — дело «общественности», что же касается водородной бомбы, то водород, атом и прочие марки американского пороха — дело науки. А какая наука в Нью-Бекервиле? Одна школа, которую никто не хочет содержать — ее давно пора бы закрыть, а школьное здание переоборудовать под казарму.

«Поджигатели» были разоблачены и схвачены, их обвиняли в подрывной деятельности — готовился громкий судебный процесс, по образцу проведенного Гарольдом Р. Медина... но пожары все-таки не прекращались.

Дома пылали, как ни в чем не бывало! Агенты страхового общества по-прежнему лазали, прожигая штаны, по пепелищам, стараясь выяснить истинную причину разоряющих «Феникс» пожаров. Они допрашивали погорельцев и их соседей. Но нигде не было никаких признаков поджога, на которые у страховых ищеек особый нюх. Погоревшие хозяйки много и охотно говорили о бушевавшем пламени, но ни одна не могла сказать, откуда начался пожар, что было его причиной. Ни одна не видела поджигателя. Может быть, Мэри Вилкинсон пролила бы свет на это темное дело, но Мэри Вилкинсон в Нью-Бекервиле не оказалось — такой женщины, по-видимому, в городе вообще не существовало.

Джон Браун был самый молодой из учителей школы, которую никто не хотел содержать. И, по мнению «почтенных» горожан, вроде булочника Смита, — самый глупый — полученное от отца наследство он ухлопал на устройстве какой-то там физической лаборатории! Мог бы иметь свое дело, а теперь вынужден существовать на нищенское жалование школьного учителя.

Обыватели презирали Джона Брауна; он платил им тем же.

Обыватели презирали Брауна. Он платил им тем же. Но иногда, в минуты уныния, молодой физик думал: не лучше ли было, в самом деле, завести не ла-

бораторию, а булочную? Булки нужны всем, а кому нужны открытия в области физики?

Газеты тоже не радовали Брауна. Статьи о бекервильских пожарах вызвали у него горькую усмешку:

— Вот образец нелогичности мышления! Какой смысл поджигать дома в такую пору, когда легче всего попасться с поличным? Для чего поджигать только по одной стороне улицы? Никакой злодей, решившийся сжечь город, не действовал бы так нелепо. Для чего коммунистам или неграм поджигать дома, да еще в таком захолустье? Если уж подозревать в поджогах людей, то всего логичнее было бы видеть тут не «руку Москвы», а руки строительной и мебельной фирм. Ведь погорельцы — их заказчики и покупатели, пожар для этих фирм бизнес. Только ведь и монополистам ни за какие деньги не найти поджигателей-невидимок. Ясно, что поджигают не люди, но кто же... или что?

Еще до появления статей, пожары заинтересовали Брауна именно их необычайной «плановостью». Он склонен был видеть в них какое-то закономерное явление, скорее всего, физическое. Оно было непонятно. А все непонятное ему хотелось выяснить, такой уж был у него характер. Газетная шумиха побудила его заняться этим делом вплотную. Он хотел снять вздорные, но опасные обвинения с негров и коммунистов, среди которых имел друзей. Времени у него было достаточно — как раз начались летние каникулы.

Браун развернул план Нью-Бекервиля, на котором он аккуратно обводил красным карандашом каждый горевший дом, проставляя тут же и дату пожара. Удивительное распределение пожаров особенно бросалось в глаза на плане — со странным постоянством горели дома только по северной стороне улиц. Браун жил на

южной. Это было досадно: он согласился бы сам погореть, лишь бы разгадать тайну пожаров. Но по его стороне дома не загорались.

Браун положил перед собой чистый лист бумаги и долго смотрел на него, будто силясь прочесть что-то, написанное невидимыми чернилами. Через некоторое время он сделал на листе такую запись:

1. Северная сторона улицы

Потом прибавил еще две строчки:

2. Время — около полудня.

Далее Браун выписал на бумажку с плана все даты пожаров — пятнадцать дат — и принялся перелистывать комплект местной газетки. Он просматривал бюллетень погоды. Его интересовало, какая погода была в дни пожаров.

— Ясная... малооблачная... ясная, — читал он: — Жаркая... ясная... солнечная.

Ни одного пожара не было в пасмурные, облачные или дождливые дни. Случайно ли это? Неужели все это совпадения? Поджигатель, кто бы он ни был, действовал только в солнечную, ясную или в малооблачную с прояснениями погоду; он не переносил дождя и тумана.

Может быть, он подвержен гриппу, боится насморка?

— Богатый материал для полиции! — усмехнулся Браун: — Следовало бы арестовать всех горожан, боящихся простуды... Впрочем, и для меня тут тоже кое-что есть. Я могу установить третью логическую посылку.

И он написал на своем листе:

3. Погода — только солнечная.

Телефонный звонок прервал цепь размышлений Брауна. Звонил его приятель — страховой агент Сэмпл. Согласно уговору, он сообщал о новом пожаре — на Четвертой авеню, 15.

«Мэйк, ты спутал номер!»

Браун кинул взгляд на развернутый план города и сказал:

— Мэйк, ты спутал номер!

«Я не бываю пьян с утра»...

— Вот еще новости! — проворчал обиженный голос Сэмпла: — Я не бываю пьян с утра. Горит номер 15 по четвертой авеню. Совершенно точно. Приезжай — увидишь. Мчусь туда...

Браун долго еще держал телефонную трубку возле уха, лицо его выражало растерянность. Дело в том, что дом № 15 находился на южной стороне улицы.

— Черт побери! — думал он, бросив, наконец, трубку: — Вот так история! Если Сэмпл не напутал, то все мои логические построения рушатся, как картонный домик. Пожар на южной стороне смешивает мне карты!

Он вскочил на мотоцикл и помчался на пожар.

Сэмпл не соврал. Загорелся дом № 15 по южной стороне улицы — дом, обращенный фасадом на север.

Пожар был уже почти потушен, и Браун легко разыскал Сэмпла. У страхового агента был необыкновенно сияющий вид.

— Ну что, все то же? Причина неизвестна? Невидимый негр? — спросил Браун: — Будете платить?

— Как бы не так! — самодовольно отвечал Сэмпл. — Негров и коммунистов пусть ловит полиция. А я сумел докопаться до истины. Меня не проведешь! Неправильное хранение горючего и неосторожное обращение с электричеством. Вот! Шиш получают, а не страховую премию.

— В самом деле? Чудесно! — воскликнул Браун так радостно, что Сэмпл удивился.

— А ты чего радуешься? Разве ты стал акционером «Феникса»?

— Я рад за тебя. И за негров и коммунистов, которых не обвинят хоть в этом пожаре.

— Ну, от того предъявленный им счет мало уменьшится, — беспечно сказал страховой агент.

Чувствовавший себя триумфатором Сэмпл потащил приятеля в бар, на противоположной стороне улицы.

Лучи солнца широкими потоками вливались в зеркальные окна, пузатые графины на длинной стойке пламенели на солнце, горели всеми цветами.

Браун залюбовался игрой солнечных лучей в графинах на стойках.

Молодые люди взяли по бокалу зеленого коктейля. Страховой агент с увлечением начал повествовать, как он, не поддаваясь полицейским сказкам, «вышиб правду» из хозяйки загоревшегося дома, но Браун слушал рассеянно. Он залюбовался игрой солнечных лучей в разноцветных графинах на стойке. И вдруг, к удивлению Сэмпла, едва добравшегося до половины своей истории, приятель его выбежал из бара, даже не попрощавшись.

В сущности, Браун напрасно так спешил, — мог бы спокойно допить свой коктейль. Догадка, которая его осенила, потребовала еще довольно длительной проверки и целого ряда опытов. Эти опыты он производил не у себя, а в доме напротив, где жили его друзья.

Дня через три в этот дом Браун пригласил представителей властей и страхового общества, сыщиков и

физиков-любителей. Народу собралось множество, так как Браун объявил, что он разгадал тайну пожаров и раскроет ее всем.

Сыщики были настроены скептически...

Сыщики были настроены скептически, ухмылялись и перешептывались. Юные физики смотрели серьезно: они считали Брауна крупным ученым.

Время близилось к часу. Солнце било в окна, в комнате становилось все жарче. Но когда кто-то вздумал задернуть занавески на окне, Браун воспротивился:

— Так вы преградите путь поджигателю!

Собравшиеся переглянулись, не понимая, что он хотел этим сказать: решили, что просто неудачно пошутил.

Потом кто-то захотел пить и потянулся к графину, стоявшему на столике у окна. Объемистый, почти шарообразный графин был наполнен водой доверху, но Браун почему-то запретил пить из него.

Все это было очень странно. Перешептыванье усилилось, многие начали перемигиваться. Наконец, начальник полиции заговорил сердито:

— Ну, Браун, если вы действительно имеете что-нибудь сообщить, то валяйте. Что сидеть без толку? Вообще не понимаю, для чего было собирать столько народу. Все, что вам известно, вы могли бы сообщить мне, с глазу на глаз. Не думаю, чтобы в борьбе с поджогами нужна была такая гласность. Да и едва ли вы сможете добавить что-либо к имеющимся у меня обширным материалам.

Браун посмотрел на свои часы и сказал:

— Через две минуты вы увидите поджигателя. Ровно через две минуты в этом доме, в этой комнате начнется пожар.

— Если вы собрались смеяться над нами, это вам даром не пройдет! — прорычал полицейский.

«Смотрите, смотрите!» — крикнул повелительно Браун.

— Нет, я и не думаю смеяться, — возразил спокойно Браун: — Да поджигатель уже в комнате! Разве вы его еще не видите?

Произошел легкий переполох, замешательство:

— Надо вызвать врача! Он сошел с ума. Это галлюцинация. Физика доконала беднягу!

— Смотрите, смотрите! — крикнул повелительно Браун, указывая на графин с водой.

Невольно подчиняясь, все обратили взоры на этот графин — обыкновенный графин из простого прозрачного стекла, точно такой же, какой имелся в каждой квартире. Он стоял на зеленом подносе из пластмассы, на столике, покрытом скатертью из искусственного шелка. Все эти вещи имелись в каждой квартире, что ж тут смотреть?

Солнце било прямо в графин. Проходя через стекло на воду, солнечные лучи ложились на скатерть, на поднос под графином. Что тут такого?

Однако же все смотрели на графин. И, наконец, увидели! Возле графина поднялась тоненькая струйка дыма — как-будто там лежал незатушенный окурок.

Дымок густел, уплотнялся, он исходил из яркой точки в скрещивании солнечных лучей. Потом вдруг показался бледный язычок пламени, запахло гарью.

Все молча смотрели на пламя, которое прожгло уже порядочное отверстие на подносе и быстро выросло.

— Это шестнадцатый «поджог» в Нью-Бекервиле. — с улыбкой сказал Браун и набросил на горячий поднос мокрую тряпку:

— Я думаю, что пожар можно уже потушить. Дальнейшая картина ясна: пламя перешло бы на скатерть, на оконные занавески — минут через пять все было бы в пламени. Этот графин действует, как

зажигательное стекло, как двояковыпуклая линза. Он фокусирует солнечные лучи в одну точку, и в ней развивается очень высокая температура.

Если бы графин стоял на металлическом подносе, поджога не произошло бы. Но у нас в моде эти горячие подносики. Впрочем, кто бы мог подумать, что графин с водой может быть огнеопасным?

— Удивительная история! Чудеса! — раздалось со всех сторон.

— Фокусы! — проворчал начальник полиции.

— Что же вы не арестуете поджигателя? — смеясь обратился к нему Браун.

— Не достать! — подсказал кто-то.

«Явное надувательство! Вода ведь совсем холодная!...»

Полицейский грозно глянул на шутников, но промолчал. Все это ему очень не нравилось. Он прекрасно понимал, что такое раскрытие тайны поджогов придется не по вкусу его хозяевам. Как теперь обвинить в поджогах коммунистов и негров?

Он налил стакан воли из графина и залпом выпил. Лицо его приняло грозное выражение, глаза злобно сверкнули.

— Явное надувательство! — вскричал полицейский.
— Вода совсем холодная!

Юные физики засмеялись, а Браун сказал с улыбкой:

— Отчего же ей нагреться? Солнечные лучи не поглощаются ею, они свободно проходят сквозь воду и стекло, лишь изменяя свое направление, как говорят, преломляясь. По законам физики...

— Хватит — грубо оборвал его полицейский: — Какие еще там законы физики? Я признаю только американские законы. Например, Маккарэна и Смита. А до законов физики мне дела нет! Как бы вы меня ни фокусировали, ваши фокусы не помешают мне найти настоящих преступников! Таких, которых я могу отправить на электрический стул. Я — на верном пути. Какие они чудеса тут мне ни показывали, я никогда не поверю, что коммунисты не приложили руку к этим пожарам. Легко валить все на солнце!..

Пожары в Нью-Бекервиле прекратились, а дело о поджигателях не было прекращено: ему был дан «законный ход».

По имеющимся сведениям, Дж. Брауна вызывают в комиссию по расследованию антиамериканской дея-

тельности. Чтобы доказать лояльность, ему предложат, конечно, признать истиной официальную версию о поджигателях-коммунистах и... отречься от физики.

Виль АНДРЕЕВ

ПОСЛЕДНИЙ РАССВЕТ

Космический рассказ

ВИЛЬ АНДРЕЕВ

Андреев Виль Фролович родился в 1925 г. Участник Великой Отечественной войны.

С 1946 г. работает на Челябинском тракторном заводе в должности конструктора, а затем руководителя конструкторской группы.

В заводской газете печатались его рассказы и повесть.

сб. ⁸⁶ «Весенняя ветка» стихи и расск.
Челябинск 1962 г. с. 88-90

ПОСЛЕДНИЙ РАССВЕТ

(Космический рассказ)

глубокой темноте, карабкаясь с уступа на уступ, на вершину скалы взбирались двое. По тому, как ловко они преодолевали подъем, можно было заключить, что здесь им знаком каждый камень.

Наконец, на едва различимой верхней площадке появился первый. Это был юноша. Он опустил на одно колено, заглянул вниз, негромко позвал:

— Эльме! Давай руку!

Девушка вспорхнула на площадку, отряхнулась и весело рассмеялась.

— Ой, и чудной же ты человек! Неужели все у вас такие? — Она присела на камень, рассмеялась снова. — В век атома и космических путешествий отказываться от фонарика...

— Так интереснее, — обиженно ответил он.

— Все равно забавно. — Она подвинулась. — Садись. Будем ждать.

Юноша стал рядом, положил на ее плечо руку, сказал:

— Смотри. Скоро начнется.

Они умолкли.

Вскоре узкая черточка рассвета обозначила линию горизонта. Сияние становилось все ярче, меняя цвет с изумрудного на салатный, охватывало все большую

часть неба. И, как всегда неожиданно, словно подожженное изнутри, зеленым пламенем загорелось море. Свечение усиливалось, распространялось вширь, властно оттесняя темноту. Вдруг краски потускнели — огромное косматое солнце выглянуло и медленно стало выплывать из неподвижных вод. Его зеленоватое неяркое сияние осветило окрестности. И сразу рельефнее обозначились берега, словно невидимый живописец тронул темный холст бледными красками, оживил природу.

Вначале узкой полоской задымился острый, как лезвие ножа, мыс с радиотелескопом на гребне. Потом левее туманным сиянием засветился прозрачный корпус межгалактической здравницы со своей белой мраморной лестницей, ниспадающей к самой воде, и стеклянными колоннами на берегу.

Море, до этого спокойное и мирное, покрылось рябью, заурчало, покатило на отлогий берег ленивые волны. Ожил воздух, и влажной прохладой повеяло в лицо. Откуда-то донесся все еще непривычный гомон птиц. И, наконец, густым вибрирующим басом запели прозрачные колонны, и тихая мелодия понеслась навстречу солнцу.

Андрей Бугров — так звали молодого человека — любил эти рассветы. Вместе с Эльмой — девушкой совсем из иного, нездешнего мира — уже более ста дней каждое утро взбирался сюда. Что-то торжественное волновало его в восходе чужого солнца. Да и сама планета с ее зеленым небом, плотной, богатой кислородом атмосферой была не такой, как Земля, какой-то сказочно-фантастической, бесконечно незнакомой.

Неожиданно плечо девушки затрепетало. Андрей вспомнил о спутнице, и радостью дрогнуло сердце. Неужели это он, тот самый Андрейка, разговаривает сей-

час с девушкой с другого конца галактики? Да уж не сон ли все это? Он опустил голову, встретился с ее взглядом, улыбнулся.

— О чем думает сын Земли? — спросила она на своем, теперь уже близком и понятном ему языке.

И сразу опьяняющее волнение охватило космонавта. Волнение от того, что живет и мыслит с ним рядом: это удивительное существо — девушка с далекой планеты, так же, как и он, покинувшая свою родину, чтобы лететь через океан вселенной за знаниями, за разумом, затем, чтобы встретиться здесь с ним, сыном Земли. Уж не к ней ли рвалось его сердце, звало, влекло, тянуло? Может, чувствовало оно, что встретит здесь ее, встретит и полюбит впервые и по-земному навсегда?

Андрей долго смотрел в ее сияющие глаза, в глубине которых затаилось что-то удивительное, манящее, неизведанное, и ему стало жарко. Он расстегнул воротник и без того свободной рубашки и, тщательно подбирая слова, заговорил:

— Завтра наш звездолет покинет планету. Он полетит домой, на далекую Землю. Его путь лежит сквозь вихри гравитационных возмущений и тучи метеоров...

Нет, это не те слова. Андрей распрямился, подставив лицо влажному освежающему ветерку, и заговорил снова:

— То, что видела ты в видеоне — лишь ничтожная доля моей Родины. Она прекраснее, богаче, ярче. Солнце меньше, чем здесь, но оно ослепительно. Воздух чист и прозрачен, а цвет неба лазурный. Моря бурливы и реки стремительны. Люди благородны и прекрасны.

Он на мгновение умолк. Девушка слушала его, чуть приоткрыв рот, внимательно и серьезно.

— Мы — я и ты — пришельцы на этой планете. Ты из одного края вселенной, я из другого. Но это не помешало нам полюбить друг друга. Нам надо быть вместе. Ведь это тебя искал я в далеких просторах космоса. Полетим со мной. Ты полюбишь мою Родину. И люди Земли полюбят тебя.

Щеки девушки загорелись. Даже фантастический зеленый свет не мог погасить румянца. Она низко опустила голову, так, что стал виден ее округлый затылок.

Пальцы рук, торопливо скользившие по складкам платья, заметно дрожали. Видимо, тяжелая борьба происходила в ее душе.

Андрей напряженно ждал, робея, и волнуясь.

Наконец, словно что-то в себе поборов, Эльме с грустью взглянула на Андрея.

— Я знала, что ты об этом заговоришь, и боялась. Боялась, что ты истолкуешь мои слова неверно. Но пойми меня, сын Земли! Ведь ты, как и я, пересек вечность. Скажи, смог бы ты жить далеко от Родины, на чужой, пусть десять раз гостеприимной планете?

Голос ее дрогнул, но она тут же овладела собой.

— Я не знаю, может быть, у вас — людей Земли — нет чувства Родины? Или вы столь давно странствуете по межзвездному океану, что чувство это у вас притупилось? — Она немного подумала и продолжала: — Будем ли мы счастливы? Ведь я не смогу жить на чужбине, какой бы прекрасной она ни была.

Она видела, как потемнело лицо космонавта, почувствовала, как дрогнула его рука на ее плече, услышала ставший сразу глухим голос.

— Я этого не предвидел,— сказал он, чувствуя, как холодеет сердце.

Что-то оборвалось у него внутри. Неуютной вдруг показалась планета. Зловещим стал зеленый цвет

неба. Все словно нахмурилось, приобрело мрачную окраску.

Боясь чем-нибудь испугать или обидеть девушку, он осторожно снял руку с ее плеча и, глядя вдаль ничего не видящими глазами, тихо сказал:

— Не обижайся. Я должен побыть один.

Он повернулся и зашагал прочь. Но через несколько шагов остановился, оглянулся назад, словно желая навсегда запечатлеть в памяти дорогой сердцу образ, и негромко произнес:

— Мы больше не увидимся! Время и пространство разделят нас. Но помни, Эльме, что на далекой Земле живет человек, который любит тебя.

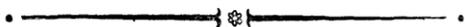
Он хотел сказать «прощай», и не смог. Перехватило горло. Душило слепое горе человека, покорившего пространство, но бессильного покорить рассудок.

Когда космонавт ушел, Эльме молча смотрела ему вслед. Вереницы мыслей проносились в ее голове, обжигая сердце тревогой, болью, огнем. Однако она не окликнула, не позвала, только молча смотрела и смотрела, как его неестественно прямая фигура постепенно исчезает за гребнем холма.

Лишь после этого она дала волю чувствам. Слезы побежали по ее щекам. Она не вытирала их, она просто не сознавала, что плачет...

А на рассвете следующего дня звездолет землян стартовал с планеты, унося знания и опыт людей чужой планеты и разбитые мечты одного из космонавтов.

МИХАИЛ РОГОВОЙ

В ПОЛНОЧЬ НА ВИЛЛЕ «ЛИНДА»

Научно-фантастический рассказ

Журнал «Простор», № 7, 1961 г.

В ПОЛНОЧЬ НА ВИЛЛЕ „ЛИНДА“

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

*Их меры малы, но все та же
Их бесконечность, как и здесь;
Там скорбь и страсть, как здесь, и даже
Там та же мировая спесь.*

В. Брюсов.

1.

«Тик-так, тик-так, тик-так»... Часы мешали думать. Профессор Макс Бергсон поднялся с кресла и остановил маятник. Полночь. В черном окне отражался свет настольной лампы. Ждать ответа на телеграмму, посланную три дня назад доктору Паулю Шмидту в Сан-Франциско, было уже бессмысленно.

Профессор налил из графина воды в стакан, взболтнул, чтобы быстрее растаяли заскользившие по дну, похожие на крупную соль бесцветные кристаллы, и выпил. Опустился в кресло. «Вот и все...»

Пока он был занят линда-микроскопом, пока интерес технического открытия сам по себе увлекал его, он

не вспоминал о Пауле. Но теперь, когда чудо, наконец, свершилось и создан уникальный инструмент, с помощью которого люди смогут разгадать тайны атомного ядра, открыть важнейшие законы биологии и, возможно, покончить с саркомой и раком, Макс Бергсон вдруг понял, что, в конечном счете, все эти годы он желал одного: доказать Паулю Шмидту, что тот неправ.

В сущности, он был страшно одинок — профессор Макс Бергсон, всемирно известный специалист в области ядерной физики, лауреат Нобелевской премии и один из создателей атомной бомбы. Детей у них с Линдой не было. Бергсона это не очень огорчало, пока Линда была жива. Но Линда умерла. Ученики и последователи? Они, разумеется, были и есть, но старый профессор не понимал молодое поколение — ни его идеалов, ни его забот. Вообще говоря, кроме Пауля Шмидта, никого из близких у него не осталось. Несмотря на десятилетнюю ссору с Паулем, Макс Бергсон знал, что есть на земле человек, который, когда это будет необходимо, всегда откликнется на его зов, придет на помощь, поймет.

Он ошибся — такого человека не оказалось. Это был факт, хотя и совсем неожиданный. Его нужно было осмыслить, понять.

...Бергсон не представлял, кого из современных математиков можно поставить рядом с Паулем. Достаточно назвать хотя бы его гениальную разработку теории бесконечных множеств. Все было бы хорошо, если бы Пауль ограничивался своими антиномиями. Но <лакуна> виной, требовал, чтобы его арестовали за совершенное преступление.

Клод даже ограбил почтовое отделение у себя в Техасе, чтобы дать властям формальный повод посадить

его в тюрьму. В конце концов, больше года назад Клода Этерли поместили в психиатрическую лечебницу. ...22 ноября он бежал из нее. Некоторые газеты утверждают, что Этерли вовсе не сумасшедший, он мешал кое-кому из Пентагона делать политику.

Макс Бергсон допускал, что это так. Этерли мог быть не сумасшедшим. Этерли мог быть просто человеком, измученным собственной совестью — в Хиросиме только убитых было двести тысяч!

Метания Клода Этерли понятны, Этерли виноват. Но он, Макс Бергсон, он-то к трагедии несчастного города не имеет никакого отношения. Он создавал бомбу против Гитлера, а не против Хиросимы.

Бергсон никогда не считал себя политиком. И солдатом. Он ученый — и только. После войны Бергсон ушел с государственной службы, создал у себя на вилле первоклассную лабораторию и занялся чистой наукой. Еще в Лос-Аламосе он открыл неизвестную доселе линда-частицу. В лаборатории на вилле «Линда» он построил работающий по принципиально новой схеме ускоритель. На нем Бергсон получал линда-частицы фантастических энергий. И наконец, он создал линда-микроскоп. Нет, Макс Бергсон не Клод Этерли, он не может нести ответственности за Хиросиму. Пауль неправ.

Профессор Бергсон не слышал, как открылась дверь, и в кабинет вошел его ассистент Сэм Бридж — скуластый молодой человек в сером спортивном костюме. Сэм приложил два пальца ко рту и негромко кашлянул. Профессор поднял глаза, нахмурился. Естественно высокий лоб его был перечеркнут морщиной. Сэму всегда казалось, что шеф носит парик.

— Звонил из аэропорта доктор Пауль Шмидт. Он будет здесь через десять минут, — сообщил Сэм.

Старомодное кресло профессора было с высокой спинкой. Шеф сидел в нем, ссутулившись, и все же почти доставал головой до края спинки. «Хотя бы чуточку обрадовался», — с осуждением подумал Бридж.

— Распорядитесь, Сэм, чтобы дежурные заняли свои места. Работать я буду один, вы мне сегодня не нужны. Привет миссис Бридж. Прощайте.

— Спокойной ночи, профессор.

Собираясь уходить, Сэм Бридж заметил, как рука профессора, костлявая, с темными пятнами на сухой коже, машинально потянулась в правый угол стола, пальцы, не наткнувшись ни на что, быстро зашарили вокруг и замерли. «Старику как будто еще рано впасть в детство», — усмехнулся про себя Сом. Сэм не мог знать, что его профессор был когда-то заядлым курильщиком, и именно на этот угол миссис Линда Бергсон, или фрау Бергсон, как ее звали на родине, каждое утро клала пачку сигарет. Это было очень давно, а Сэм Бридж, любимый ассистент Макса Бергсона, работал с профессором всего шесть лет.

2.

— Вот и я,— сказал Пауль Шмидт и кивнул головой. Он сказал и кивнул так, будто всего на несколько минут отлучился в поселок за сигаретами и сейчас возвратился.

— На улице дождь?

— Что ты! В небе звезды, каждая величиной с кулак. Где мой стул? Одни кресла, отдохнуть негде!

— Твой стул на месте, — показал Бергсон.

Но Пауль не сел. Он поспешил к полкам с книгами, а от них к окну. Прижался лбом к стеклу, всматриваясь в темень.

Бергсон следил за ним и думал, что Пауль совсем не изменился — подвижный, с полными розовыми щеками и седыми развевающимися волосами, в черном фраке и снежной манишке, больше похожий на композитора или дирижера симфонического оркестра, чем на ученого-математика, — таким он был и тридцать, и десять лет назад, таким он был и сейчас. Бергсон хотел сказать ему об этом, но передумал: насколько он понял, Пауль решил сделать вид, что его приезд — дело обычное, между ними ничего не произошло. В сущности, так оно и было. Пауль всегда оставался его единственным другом.

Жизнь не раз проверяла их дружбу.

Бергсон помнил, как в двадцатом году он, тогда скромный ассистент великого Макса Планка, приехал из Берлина к Паулю в гости, в Геттинген, на каникулы — Пауль работал в местном университете на кафедре профессора Давида Гильберта.

Вечером друзья отправились в кафе «Серебряный олень». Бергсон обратил внимание, что Пауль нервничает. Войдя в кафе, они задержались на пороге, и Пауль беспокойно огляделся по сторонам, но, увидев кого-то в дальнем углу, вдруг заулыбался, закивал головой. Полные щеки из розовых стали густо-малиновыми. Едва Пауль и Макс сели в скрипучие плетеные кресла, к их столику подошел очень красивый мальчик в белом свитере и в лыжных брюках. Черные глаза с любопытством посмотрели на Макса. Макс вдруг понял, что перед ним молоденькая девушка. — он увидел в коротко подстриженных волосах чуть привядший цветок. Малиновый Пауль вскочил на ноги и торжественно выпалил: «Познакомься, Макс. Это фрейлен Линда Гофман, дочь хозяина кафе. Моя невеста». Линда села в свободное кресло и, время от времени внима-

тельно всматриваясь в Макса черными глазами, стала слушать, как Пауль расхваливает друга, пророчит ему великое будущее.

Так они встретились — Линда Гофман и Макс Бергсон. Через полгода Линда переехала в Берлин уже в качестве фрау Бергсон.

Они прожили вместе тридцать лет.

Не всякая дружба выдержала бы такое испытание, но их с Паулем дружба — выдержала!

Через два года Пауль тоже переехал в Берлин. К этому времени он уже успел жениться и потерять жену — фрау Шмидт умерла от неудачных родов. Пауль остался вечным вдовцом. Увлёкся теорией множеств и деятельностью в демократическом союзе немецких ученых.

Свободные часы он проводил у Бергсонов. Бергсон не знал, продолжает ли Пауль по-прежнему любить Линду, но до конца дней своих она сохраняла над ним магическую власть — достаточно было ей войти в комнату во время их спора, как Пауль, как бы он ни горячился, сейчас же стихал, смирялся.

В тяжелом тридцать третьем году Пауль вновь доказал Макс и Линде, что умеет быть верным другом. В тот год в Германии к власти пришли фашисты, и профессора Макса Бергсона, только недавно получившего Нобелевскую премию, уволили из университета за неарийское происхождение. В знак протеста доктор Пауль Шмидт подал в отставку. Вскоре все трое они эмигрировали в Америку.

Что и говорить, Пауль Шмидт настоящий друг! Другое дело, что он бывает ядовит, любит поспорить, навязать другому свою точку зрения. Вот и сейчас, отбежав от окна и показывая руками вокруг, он язви-

тельно говорит об ультрасовременной башне из слоновой кости — в шесть этажей, со сверкающими окнами. Он говорит, что имеет в виду его, Макса, лабораторию. Пожалуй, из частных лабораторий — второй такой нет в Америке. Он не знал, что Макс разбогател, пока они не виделись.

Бергсон улыбнулся. Не усмехнулся, как обычно, сардонически-горько, опустив левый уголок губ, а именно улыбнулся. Пауль не изменился ни в чем. Оказывается, он и не собирался делать вид, что между ними ничего не произошло. Напротив, он сразу же заговорил об этом — иначе Пауль не был бы Паулем! На Макса повеяло молодостью. Глупо, что они разошлись на целых десять лет. Такие ссоры — непозволительная роскошь в их возрасте.

Бергсон часто думал об этой ссоре, и каждый раз приходил к выводу, что никаких серьезных причин для нее не было; было случайное стечение обстоятельств. Пауль принес тогда какое-то воззвание, кажется, насчет запрещения атомной бомбы, и попросил: подписать его. Макс Бергсон принципиально ничего не имел против запрещения бомбы, но подписывать не стал. Пауль безусловно знал заранее, что Бергсон не подпишет, так что если бы Макс отказался спокойно, они, как всегда, поспорили бы и разошлись. Но Бергсон, обычно исключительно выдержанный, неожиданно наругал Паулю.

Это случилось потому, что Бергсон был в то утро в смятении — накануне он получил важное письмо: некий анонимный Фонд помощи американской науке сообщил, что согласен взять на себя финансирование строительства лаборатории для профессора Макса Бергсона, а также финансирование исследований, которые будут в ней производиться.

Было отчего разволноваться!

Вместо спора о воззвании, Бергсону не терпелось серьезно поговорить с Паулем, посоветоваться, не ограничит ли он, профессор Макс Бергсон, как-то свободу своего творчества, согласившись на предложение Фонда. Но Пауль не стал его слушать, убежал рассерженный. Бергсон был рад, что выбрал тогда правильное решение.

Прошло десять лет. Если у него и были когда-то какие-то сомнения насчет своего соглашения с Фондом, то теперь этих сомнений не было. Все десять лет он работал над тем, над чем хотел, никто ни разу не вмешался в его дела. Теперь уже было очевидно, что без Фонда, а, следовательно, без лаборатории у него не было бы линда-микроскопа.

Улыбаясь, Бергсой предвкушал удовольствие, которое испытает, увидев, как восхитится Пауль, узнав про линда-микроскоп, — Пауль умеет не только спорить, но и от всей души радоваться его удачам.

— Ну что ты все время улыбаешься? — Пауль остановился перед Бергсоном, маленький и сердитый. — Неужели смешно, что начавшиеся налаживаться отношения между Востоком и Западом наши генералы сорвали, послав в Россию воздушного шпиона Пауэрса? Ты любишь говорить, что веришь только фактам. Разве случай с Пауэрсом не факт?

— Факт, бывший где-то за десять тысяч километров, — для нас, Пауль, уже не факт, а газетная заметка, — спокойно возразил Бергсон. — А газетная заметка может либо точно отразить факт, либо исказить его до неузнаваемости — это зависит от многих обстоятельств.

Бергсон обошел стол, сел в кресло и, разглядывая свои костлявые, в темных пятнах руки, продолжал.

Пауль всегда немного сгущает краски. Неверно, что сегодня в Америке люди, имеющие деньги, думают только о наживе и новой войне. Он, Бергсон, знает факты — для него они совершенно бесспорны, — которые противоречат мнению Пауля. Бергсон говорит о своей лаборатории. Разумеется. У него никогда не хватило бы средств создать что-нибудь подобное. Он мог лишь мечтать. Как-то в интервью с корреспондентом «Чикаго Сан» он рассказал о своей мечте, Пауль должен помнить. И что же? Фонд помощи американской науке предложил ему необходимые средства для создания лаборатории.

Бергсон рассказал Паулю о своих сомнениях, которыми хотел поделиться с ним еще десять лет назад, и о том, как жизнь рассеяла эти сомнения — Фонд оказывал помощь совершенно бескорыстно.

Пауль засмеялся звонким тенорком. Потом стал возражать. Он понес какую-то чепуху насчет того, что благотворители из Фонда знают, что делают. Когда Макс умрет, они предъявят свои права на его научное наследство и т. д.

— Я еще не собираюсь умирать, Пауль, — серьезно ответил Бергсон.

Бергсон попросил оставить разговор о Фонде и о мировой политике. О мировой политике он может сказать только то, что говорил не раз — детали ее его не интересуют: одно дело послать в Россию самолет Пауэрса, другое — Клода Этерли. В наш век науки и техники последнее исключено, только безумец способен рисковать будущим человечества.

Пауль Шмидт, который все еще стоял посреди кабинета, снова сорвался с места и забегал по ковровой дорожке. Он был согласен с Максом только в одном

пункте — наука и техника развиты сейчас, как никогда. Войны нужно избежать.

— Дело не в том, что, освободив силы природы, ученый имеет право на распоряжение ими, — говорил Пауль, небрежно отмахиваясь рукой.— Ученый имеет на это не больше прав, чем рабочий, который выплавил сталь, пошедшую на сооружение синхротрона, или, скажем, бизнесмен, финансирующий эксперимент. Дело в том, что сегодня только ученые с их знаниями понимают, как страшны силы, освобожденные ими, если их использовать во вред человечеству, и как они могут облагодетельствовать людей, если будут применяться разумно. Вот почему ученым легко договориться друг с другом.

Атомная эра может и должна стать эрой международного сотрудничества, а затем и создания единого мирового правительства ученых.

Макс Бергсон весело следил за розовеньким Паулем — он чувствовал себя сегодня более сильным, чем Пауль, и потому аргументы Пауля не раздражали его. Пауль Шмидт — великий математик, но в политике он так же беспомощен, как и он, Макс Бергсон. «Ученым легко договориться». Разве все ученые похожи друг на друга? Макс Бергсон не забыл циничное заявление создателя водородной бомбы Эдварда Теллера, сделанное им на процессе профессора Опенгеймера: «Я думаю, — сказал Теллер, — что людей влечет к пацифизму потому, что они не способны понять войну, как одну из возможных форм мирового развития». Попробуй, договорись с таким! Нет, все не так просто, как представляет себе дорогой Пауль.

Вслух Бергсон сказал примирительно:

— Ты, Пауль, всегда лучше меня разбирался в политике. Возможно, ты и прав.— Он поднялся с кресла и

подошел к холодильнику. Открыл дверцу.— Тебе, как обычно, баварского пива?

— Спасибо, Макс. Уже пять лет, как я не пью пива. Печень.

Бергсон обернулся. Пауль наконец сел на стул, настольная лампа хорошо освещала его лицо — оно было вовсе не розовым, как считал Макс, а серовато-желтым. Да, Пауль тоже сдал. Они оба сдали. В сущности, шестьдесят пять — это достаточно много!

— Чего же ты выпьешь?

— Если можно, виноградного соку.

Бергсон налил в стаканчики сок.

— Не надо больше ссориться, Пауль, — сказал Бергсон и поднял свой стаканчик.

— Не надо.

Они выпили — и рассмеялись. Сначала Пауль, за ним Бергсон.

Больше они не спорили. Они вспоминали молодость — Берлин, старика Планка и, конечно, Линду. Бергсон торжествовал. Десять лет он бился над линдамикроскопом, чтобы доказать Паулю, что тот неправ. Он рассказал о своем открытии.

..Если размеры предмета меньше, примерно, половины длины световой волны, говорил Бергсон, его нельзя разглядеть даже в самый сильный микроскоп. Вот почему для более мелких исследований используют микроскоп электронный. Из квантовой механики известно, что чем больше энергия движения частицы, тем короче длина ее волны. В электронном микроскопе луч света заменен пучком электронов такой энергии, что длина их волны меньше световой. А что, если в этом микроскопе обычный пучок электронов заменить пучком частиц, разогнанных в большом ускорителе до огромных энергий? Длины волн этих частиц и вовсе

малы, и с их помощью можно надеяться проникнуть в самые головокружительные глубины материи.

Эту идею Бергсон и решил осуществить — и осуществил, используя свой ускоритель и линда-частицы. Ему удалось построить микроскоп, с помощью которого он может изучать электрон так, как если бы изучал нашу планету с высоты пятидесяти километров.

— Вот что такое линда-микроскоп,— заключил Бергсон.

Доктор Шмидт решительно поднялся со стула:

— Я должен все увидеть сам.

— Сейчас?

— Да. В конце концов, я не могу в таких вопросах верить тебе на слово.

— Что ж, пойдем, — сказал Бергсон. Настала минута, которую он ждал все последние десять лет. И хотя он и ликовал и волновался, внешне он был спокоен и сдержан, он был именно таким, каким его всегда привык видеть любимый ассистент Сэм Бридж.

3.

Бергсон ревниво огляделся. Высоко под потолком, спрятанные в специальные ниши, светили люминесцентные лампы. Окна были занавешены плотными шторами. Посреди зала возвышался полукруглый пластмассовый щит с большим матовым, как у телевизора, прямоугольным экраном, приборами, рычажками и кнопками. Бергсон удовлетворенно кивнул головой и показал Паулю на один из двух стульев перед экраном. Передвинув никелированный рычажок на щите, он включил микрофон. Громко, так что под потолком откликнулось эхо, приказал: — Внимание, всем! Начинаем опыт! Повторяю: внимание, опыт!

Он выключил микрофон и нажал красную кнопку. Экран беспокойно зарябил, и в зале медленно погас свет. «Сейчас Пауль Шмидт увидит то, что, кроме меня и Сэма Бриджа, не видел еще ни один смертный. Он поймет, что если его другу суждено остаться в памяти людей, он останется не создателем атомной бомбы». Так думал Макс Бергсон. Одновременно он думал и о том, что мысль эта почему-то не волнует его, как обычно. Он почувствовал, что им овладела апатия. Он как будто наблюдал себя со стороны — движения его были заученно-бесстрастными: вот он нагнулся, вот повернул ручку настройки, стал регулировать резкость.

Постепенно рябь на экране исчезла, и на светло-сером фоне его отчетливо проступило множество темных точек — они располагались ромбами, трапециями, неправильными многоугольниками. Бергсон вяло подумал, что Пауль переживает сейчас то, что когда-то пережил и он. В первый момент Паулю покажется, что он видит на экране небо с необычными темными созвездиями. Но уже в следующий миг он заметит, что «звезды» перемещаются, созвездия непрерывно меняют свои очертания, и тогда он сравнит увиденное со снежинками или, вернее, с пляшущими, мечущимися тенями от снежинок на белой глади сугроба под ночным уличным фонарем. И он поймет и скажет...

— Знаменитое броуновское движение, — сказал Пауль.

— Не совсем, — Бергсон отрицательно покачал головой: — При броуновском движении в жидкости или в газе беспорядочно движутся пылинки или другие мелкие частицы, получая толчки от невидимых нами атомов и молекул. Мы же с тобой наблюдаем тепловое движение самих атомов и молекул. Если быть точным,

то мы наблюдаем сейчас движение преимущественно атомов, потому что легкий водород, который исследуется нами, подогрет до температуры, при которой большинство его молекул распалось.

Пауль не ответил. Бергсон повернулся: Пауль сидел с испуганно-изумленным лицом. Брови его были высоко подняты. «Для Пауля чудо уже началось, он видит атомы,— подумал Бергсон. Об апатии он больше не вспоминал. Чудо началось, но чудо впереди!

— Сейчас рассмотрим один из атомов поближе,— взволнованно пообещал он, и осторожно стал поворачивать ручку настройки по часовой стрелке.

Теперь Бергсон внимательно следил за экраном. Одна из темных точек на экране стала заметно расти. Бергсон услышал, как Пауль ухватился за спинку его стула; он понял, что Паулю кажется — они стремительно несутся навстречу далекой-далекой звезде. Бергсону не терпелось поскорее показать Паулю все, но он старался поворачивать ручку как можно медленнее. Он знал по опыту: иллюзия космического полета настолько велика, что неосторожный поворот ручки может привести к тяжелому обмороку Пауля или его.

Строго говоря, они и совершали сейчас полет в космос. Вселенная бесконечна не только в направлении к звездам, но и в глубь материи.

Макс Бергсон, сын девятнадцатого столетия, завидовал тем, кто родился в пятидесятых годах двадцатого, — они отправятся к звездам, увидят то, о чем его поколение в юности только мечтало; читая фантастические романы. Но только ли в юности, и только ли мечтало? Своим трудом, своим разумом, своей жизнью оно создало новому поколению возможность для рывка в космос! Оно построило аппараты, способные унести людей к звездам, но само не сможет полететь на

них, потому что состарилось, пока создавало эти аппараты. Ему, Максу Бергсону, повезло как никому из сверстников. Он сам, лично, может путешествовать к далеким мирам; правда, он летит не в космос, но в мир не менее интересный и захватывающий — в микромир, в микрокосмос. Легко представить, как поражен сейчас Пауль, что думает о нем, Макс Бергсоне! Будь Линда жива, она бы порадовалась триумфу Макса.

Прошло четверть часа. На экране разросшаяся точка была уже величиной с теннисный мяч. На некотором расстоянии от «мяча» теперь можно было разглядеть крохотный, меньше горошины, шарик.

— Это невероятно! — зашептал у самого уха Бергсона Пауль. — Модель солнечной системы; солнце и вращающаяся вокруг него планета.

— Атом легкого водорода, — сказал Бергсон.— Ядро и электрон. Начинаем исследование электрона. Приготовься, сейчас увидишь самое главное, — Бергсон сдерживал себя, но, если говорить правду, он был охвачен нетерпеливым азартом. Он был похож на гида, которому попался приезжий художник, человек, способный по-настоящему восхититься собранными в музее шедеврами искусств, и он вводит его в сокровищницу...

Но то, что через несколько минут им пришлось увидеть, ошеломило не только доктора Пауля Шмидта, но и профессора Макса Бергсона. То, что они увидели, они никогда не предполагали увидеть, не должны были увидеть — на этот счет было твердо установившееся мнение ученых. Как-то французский физик Поль Ланжевен пошутил, что природа вовсе не похожа на деревянные «матрешек», вкладываемых одна в другую и различающихся только по величине. Ланжевен высказал в шутливой форме серьезную мысль. И Макс Берг-

сон, и Пауль Шмидт были полностью согласны с ней. Они не ожидали того, что увидели, но если бы и ожидали, если бы даже специально стремились увидеть — все равно они могли бы всю жизнь прожить и не увидеть, потому что увиденное ими было одним случаем из многих миллионов неподобных. Просто им повезло.

Такие мысли пронеслись в мозгу Макса Бергсона несколькими минутами позже, а пока, пообещав исследовать электрон, он переключил справа от экрана рычажки и снова взялся за ручку настройки. В зале было тихо. Где-то за толстыми стенами напряженно гудели аппараты, но в зале было так тихо, что взволнованное дыхание Пауля казалось Бергсону неимоверно громким и отвлекало его внимание от экрана. «Волнуется,— думал Бергсон.— Пусть потерпит, осталось совсем немного».

Ядро атома, сверкающее, как маленькое солнце, все еще увеличиваясь в размере, стало постепенно отступать в левый верхний угол экрана и, наконец, совсем исчезло из поля зрения, оставив после себя веер разбегающихся из угла золотистых лучей. Электрон сначала тоже отступал — в противоположную сторону, в правый нижний угол экрана, но потом остановился и быстро двинулся к центру, где опять застыл — оранжево-голубой шарик, омытый потоком золотистых лучей.

Электрон рос. Ощущение было такое, что Бергсон и Шмидт стремительно падают на него. Макс Бергсон почувствовал, что под ложечкой у него сладко заныло и голова стала тяжелой, как бывает, когда несешься на качелях вниз и к затылку на миг приливает кровь.

Электрон был уже величиной с Луну, на его поверхности можно было различить белые, голубые и оранжевые пятна; с каждой секундой пятна проступали все более резко, приобретали оттенки. На оранже-

вых пятнах появились еле заметные зеленоватые секторы и линии. Электрон, который занимал теперь весь экран, был похож на гигантский глобус.

— Макс, — Пауль схватил Бергсона за плечо, затряс, закричал.— Это материка? То, что я вижу, — материка и океан? Правда, Макс?..

— Правда,— машинально ответил Бергсон. Собственно, материка и океан — и было «то самое главное», что Бергсон собирался показать другу, но сейчас он забыл об этом.

Наконец он вспомнил про Пауля. Странно, что голос Пауля донесся к нему откуда-то сверху, с потолка. «Эх,— догадался Бергсон и подумал: — Сколько посторонних мыслей лезет в голову. По-видимому, это мозг защищает себя. Без отвлекающих посторонних мыслей человек не выдержал бы той концентрированной сосредоточенности, которая требуется от него в критические минуты, мозг его отказал бы, как перекалившийся утюг».

— Пауль, я этого никогда не видел,— Бергсон сказал так, как будто Пауль утверждал обратное, и ему, Бергсону, во что бы то ни стало требовалось доказать, что он, и правда, «этого» не видел.

— Чего не видел?

— Зеленых секторов и линий на материках. На других электронах их не было. А что, если это места, покрытые растительностью? Понимаешь, растительностью!

Прошло еще четверть часа, и ни Бергсон, ни Пауль уже почти не сомневались, что зеленые секторы и линии — действительно места, покрытые растительностью.

Они наблюдали электрон со стороны полюса, так что, несмотря на его вращение вокруг своей оси, в поле

зрения все время оставались одни и те же участки. Отчетливо видны были два разделенных океаном материка. Один из них, похожий на кинжал, острой оконечностью доставал до белой шапки полюса, второй отстоял от полюса далеко, его береговая линия хорошо выделялась на голубом фоне океана. От океана вглубь материков уходили прямые зеленые линии, в мостах пересечений их можно было видеть обширные зеленые пятна.

— Эти зеленые линии очень напоминают марсианские каналы.

— Да, Пауль.

Электрон уже не умещался на экране, детали его поверхности вырисовывались все отчетливей — темно-коричневые хребты, розово-желтые пустыни, голубые внутренние водоемы, зеленые полосы, прямоугольники и трапеции. По экрану, слева направо, не спеша двигалась разноцветная топографическая карта. Бергсон и Шмидт больше не переговаривались. Напряженно вытянув шеи в сторону экрана, они ждали. Бергсон знал, что ждет, на что надеется, что жаждет увидеть Пауль. Он тоже ждал и надеялся.

И они увидели.

— Боже мой! — прошептал Пауль.

Город, выплывший из-за левого края экрана, был похож на правильно вычерченную огромную букву «П». Его пересекали прямые улицы крест-накрест, отчего казалось, что город накрыт мелкой решеткой. Шесть каналов упирались в голубое прямоугольное озеро, вписанное в букву «П». Вдоль каналов, в сторону пустыни, виднелись буквы «П» меньших размеров с крохотными озерами — должно быть, города-спутники.

— Какой огромный город! Как точно спланирован! Какая высокоразвитая цивилизация! — воскликнул

Пауль. Бергсон был согласен. Он представлял себе широкие улицы удивительного города, пестрый поток его жителей, слышал шуршание шин быстрых экипажей, видел мечтательные глаза молодого ученого, обдумывающего природу пространства и времени, видел заломленные руки матери, склонившейся над больным ребенком, юных влюбленных на зеленой набережной одного из каналов, чувствовал горячее дыхание окружающей город розово-желтой пустыни. «Быть может, в эту минуту чьи-то пытливые, изучающие глаза следят и за нашей Землей» — подумал он.

Город уплыл, и всю ширь экрана занял голубой океан. Изредка в нем попадались неровные желто-зеленые пятна — должно быть, острова, окруженные белой каймой прибоя.

Показался розово-желтый берег второго материка. И снова они увидели город. Теперь они уже не удивились. Собственно, они увидели половину города. Вторая половина его не попала на экран. Новый город не был похож на первый. Он как бы состоял из вставленных друг в друга широких колец — кольцо домов, кольцо зелени. В центре голубело озеро. В радиальном направлении город пересекали улицы и каналы. Розово-белый, зеленый и голубой, город выглядел нарядно и весело.

Над озером вспыхнуло облачко, ослепительно яркое, с овальными краями. Оно стало быстро расти, закрывая кольца города. Экран запылал золотистым, пурпурным, лиловым светом.

— Что это? — спросил Пауль.

— Не понимаю...

Когда город передвинулся к краю экрана и его можно стало разглядеть сбоку, Бергсон увидел, что оттуда, где находилось озеро, стремительно поднимается

баобаб — именно баобаб с могучей пурпурно-лиловой кроной. Кольца города мешали чудовищному «дереву», и оно рвало их распирающимся вширь стволом и выгибающимися дугой корнями.

— Что это?! — настойчиво повторил Пауль.

Город скрылся за экраном. Ослепительная игра красок сменилась однообразием розовато-желтой пустыни, изредка пересекаемой зелеными полосами каналов. Пауль опять повторил свой вопрос, и Бергсон ответил, что не знает, были ли они сейчас свидетелями чего-то, подобного земному извержению вулкана и нелепой гибели прекрасного города. Надо подождать, когда электрон обернется вокруг своей оси.

Время тянулось медленно. Дважды верхняя часть экрана снова начинала светиться тревожным лилово-синим светом, но сам источник света в поле зрения не попадал. Наконец пустыня кончилась, и начался голубой океан. Экран больше не проявлял беспокойства. Но тревога Бергсона росла. Перед глазами стоял огненный баобаб.

«Баобаб» — первое сравнение, которое пришло ему в голову. Бергсон думал о том, что есть другое, более точное сравнение. Но он никак не мог припомнить — какое. Между тем Бергсон знал, что, припомни он нужное слово, и многое ему стало бы понятным. Но в памяти образовался провал.

Океан сменился пустыней, и снова запылал левый край экрана. Показался город. Над вписанным в букву «П» озером вздымалось огненное дерево. Опять дерево! Город был точно залит расплавленным свинцом, по которому проскакивали синеватые и фиолетовые змейки. Приближаясь к середине экрана, ствол чудовищного дерева укорачивался, а золотистая, пурпур-

ная крона его разрасталась, постепенно закрывая город.

— Гриб! — с ужасом произнес Пауль.

Бергсон тотчас вспомнил. Аламогордо, освещенные ослепительным светом ущелья, горный хребет и взвившийся к небу с раскатистым ревом гигантский гриб. Да, гриб — это было то самое слово, которое он не мог припомнить. Разумеется, речь сейчас шла не о взрывах именно атомных или водородных бомб, не о ядерных реакциях — масса ядра во много раз больше массы электрона! — но о таких же опасных для электрона взрывах, как для Земли взрывы атомных и водородных бомб. «Но там, на электроне, высокоразвитая цивилизация! — лихорадочно соображал Бергсон. — Разве не об этом свидетельствует грандиозная сеть каналов, вытянувшихся вдоль дуг больших кругов — кратчайших линий на шаре, — или гигантские города, расположенные в местах пересечений каналов? Неужели различие в форме городов отражает не только какие-то различия в природных условиях двух материков и необходимость целесообразно примениться к ним, но и различия враждующих общественных систем»?

— Это ужасно, — вырвалось у него вслух. — Этого не может быть! Как они решились? Это же самоубийство!

— Комедиант! — вдруг отчаянно закричал Пауль и вскочил на ноги. — Замолчи! Замолчи сейчас же!

Бергсон почувствовал горький металлический вкус во рту. Дотянувшись до красной кнопки, он нажал ее и, выключив экран, закрыл лицо руками. Он задышался.

Бергсон не помнил, как выбежал из зала в кабинет, но, наверно, он это сделал, потому что когда немного пришел в себя, он услышал громкий стук часов — Паулю не следовало снова, пускать их.

— Я знаю, ты хотел удивить меня,— громко сказал Пауль Шмидт. Он стоял где-то сзади, и голос его, казалось, доносился издалека.— Ты десять лет ждал минуты, когда сможешь доказать мне, что я неправ, что надо жить, как ты, отрешившись от всего на свете, кроме науки. Ты хотел откупиться линда-микроскопом от меня, от людей, от своей собственной совести. Но сейчас ты сам видишь, что из этого вышло!

Что мог Бергсон возразить? Пауль умен. Он сразу догадался о намерении Бергсона — удивить, доказать. Он даже понял тайное желание Макса — откупиться. И все же Пауль не знал всего! Разве мог он предполагать в принципиальном и гордом Максе Бергсоне то, что Бергсон тщательно скрывал даже от самого себя, маскируя красивыми фразами о чистой науке и призвании ученого то, что ясно открылось самому ему только в эти мгновения: он, профессор Бергсон, не случайно молчал эти годы, не протестовал против ядерного оружия и угрозы войны. Фонд не вмешивался в его дела, Фонд предоставлял Бергсону полную свободу в расходовании выделенных денег. Взамен от Бергсона требовалось одно — молчать. О, никто никогда прямо не требовал этого! Но Бергсон не собирался сейчас лгать самому себе — в глубине души он всегда отлично знал, что от него хотят, и он молчал. Пауль назвал его комедiantом. Пауль прав. Пауль сам не знает, как глубоко он прав, как близок к истине. Макс Бергсон ненавидел и презирал себя.

— Что же мне делать, Пауль? — произнес он вслух.

Пауль не ответил. Бергсон и не ожидал, что он ответит. Пауль сердит. Пауль может сердиться и молчать, но он, Макс Бергсон, все равно должен решить, что ему делать. Он порвет с Фондом и напишет в газеты, что угроза войны существует, что в современных условиях война — это самоубийство. А дальше? Что изменится? Он не верит в чудеса. Он не верит, что, прочитав его статьи, люди бросятся в объятия друг друга. Он не верит и в мировое правительство Пауля. Что же делать? Неужели война неизбежна и человечество обречено? Нет, у человечества есть выход, оно не может погибнуть. Это абсурд. Это у него, Макса Бергсона, нет выхода. По опыту ученого он знает, что путь к истине тяжел и долог. Именно долог, а он стар. Он рискует потратить оставшиеся ему годы и не найти истины. Наверно, лучше оставить все как есть, ничего не изменять. Будь что будет. Он десять лет отдал линда-микроскопу, он видит пути его дальнейшего усовершенствования и он не может осуществить свои идеи без лаборатории. Он уже не раз многим жертвовал ради микроскопа, он даже пошел на десятилетний разрыв с Паулем.

— Пауль,— испуганно позвал Бергсон, отнимая ладони от лица.— Пауль, мы все равно должны остаться друзьями.

Пауль молчал.

— Пауль?

Бергсон быстро оглянулся. В кабинете никого не было. Пауль ушел. Он не захотел понять и простить — и ушел. Бергсон попытался подняться, но не смог — тело словно обмякло. Случайно он обратил внимание, что маятник часов не раскачивается, часы стоят.

Бергсон удивился, потому что ни на минуту не переставал слышать их оглушительный стук. Что же ему делать? Он создал людям линда-микроскоп, но лучше бы его не создавал. В этом мире, где никто не понимает и не хочет понять другого, великие изобретения не нужны, они опасны. Они должны появляться не чаще одного раза в столетие, иначе человечество не будет успевать приспосабливаться к ним и наступит катастрофа. Линда-микроскоп не нужен, он несвоевременен. Бергсон смутно чувствовал это давно, недаром еще год назад он взял с Сэма Бриджа клятву, что тот, в случае его, Макса Бергсона, внезапной смерти, снимет с микроскопа важнейшую аппаратуру, и вместе с чертежами передаст адвокатской конторе, ведущей дела Бергсона, для обнародования только через тридцать лет.

Итак, ни новая, ни прежняя жизнь для него неприемлемы. Что же делать? «Зачем эти вопросы? — думал Бергсон.— К чему опять хитрить и скрывать от себя правду?». Он известен как ученый, не боящийся делать самые беспощадные выводы из фактов. Нужно быть достойным самого себя. Он давно уже знает ответ, знает выход. Он не ручается, что выход этот верен вообще, но в его случае, в случае Макса Бергсона, шестидесятипятилетнего профессора, создателя атомной бомбы и линда-микроскопа, он единственно возможный.

Как громко стучат часы, мешают думать. Но часы стоят... Видно, он принимает биение пульса на виске за стук часов. Что же подсказало ему окончательный выход? Бергсон вспомнил белые и зеленые кольца города на электроне, разрываемые чудовищным грибом и баобабом. Нет, пожалуй, вернее начать вспоминать издавна: отчаявшись получить телеграмму от Пауля, он

остановил часы и, сев в кресло, задумался. Вошел Сэм Бридж и сообщил о приезде Шмидта. Потом они с Паулем прошли в экспериментальный зал, и Бергсон включил линда-микроскоп. На экране заметались подвижные созвездия атомов. Потом они стали исследовать электрон. «Макс, — закричал Пауль. — Это материка? То, что я вижу, — материка и океан?» Странно. О каких материках и океане он спрашивал? Ядро — не солнце, а электрон — не планета. Бергсон множество раз наблюдал в линда-микроскопе атомы. Они похожи не на крохотные солнечные системы, а на колеблющиеся облака пыли, заключенные в-упругом. шаре. Пылинки — это электроны. Странно. Странно тем более, что Бергсон помнил, как обратил внимание Пауля на зеленые линии и пятна на оранжевой поверхности материков. Чушь! В микромире свои законы. Электрон не имеет поверхности, потому что он и вещество, и волна одновременно. Бергсон, наблюдая в линда-микроскоп атомы, всегда удивлялся точности предсказаний ученых. Результаты первых исследований он изложил в статье, находящейся сейчас вместе с бумагами, которые Сэм Бридж должен будет передать адвокату. Бергсон почувствовал, как усилилась металлическая горечь во рту.

Но если не было электрона с материками, зелеными линиями и городами, думал он, то, возможно, не было и Пауля, он не приезжал? И Сэм Бридж не заходил в кабинет? Эти мысли ошеломили его. «Надо вспомнить все, все по порядку», — решил он. Пауль не ответил на телеграмму; он, Макс Бергсон, остановил часы; сел и задумался. Он думал о Клоде Этерли. Нет, он что-то пропустил, пропустил самое главное. Что он сделал прежде чем сесть? Вспомнил. Прежде чем сесть, он налил из графина воды в стакан, взболтнул, подо-

ждал, пока растают похожие на крупную соль бесцветные кристаллы, и выпил, значит, он все же решился, выпил...

Бергсону стало легко, казалось, он освободился от непосильной ноши. Он успокоенно закрыл глаза, но тотчас в ужасе широко раскрыл их. А что, если Сэм Бридж нарушит клятву? Что, если он посчитает преступлением против науки скрывать линда-микроскоп? Ведь Макс Бергсон сам учил его — наука превыше всего! Потом он подумал, что Пауль тоже может оказаться прав и Фонд предъявит свои права на его научное наследство? Бергсон задыхался. Во рту жгло так, будто туда положили стручок красного перца. Потом у него мелькнула мысль — верный ли он нашел выход? Он даже не попытался искать дорогу к истине. Может быть, она лежала совсем рядом? В науке бывали и такие случаи. Может быть, он, Макс Бергсон, поспешил и ошибся?.. Потом перед глазами его опять, как там, в Аламогордо, стал с ревом расти чудовищный гриб — золотой, пурпурный, лиловый и синий. Потом все погасло. Сухая рука профессора медленно сползла с колена и неудобно свесилась с кресла.

В безграничном пространстве вселенной несутся гигантские звездные системы. Некоторые из них имеют форму облака, некоторые — шара или диска. Одна из таких систем, из числа напоминающих диск с выступающими спирально-закрученными рукавами, называется Галактикой. Галактика содержит сто двадцать — двести миллиардов звезд. Свет, несущийся со скоростью трехсот тысяч километров в секунду, пробегает ее из конца в конец за восемьдесят пять тысяч лет. На окраине Галактики находится звезда средней

величины, которая называется Солнцем. Солнце примечательно тем, что на третьей орбите вокруг него вращается планета Земля, на Земле существует разумная жизнь. Всего у Солнца девять планет, имеются планеты и у других звезд. Но планет, на которых возможна жизнь, в Галактике немного — всего сто пятьдесят тысяч. По сравнению с Галактикой, Земля исчезающе мала, крохотным мячиком кажется она и по сравнению с Солнцем. Но для людей, населяющих ее; Земля громадна. Когда в Чикаго день, в Ленинграде полночь, и по набережным Невы гуляют только влюбленные да поэты, а в Хиросиме уже наступило утро следующего дня.

Сейчас в Чикаго семь часов утра, девятнадцатого декабря тысяча девятьсот шестидесятого года. Тротуары города заполнены рабочим народом. Люди спешат, их ждут станки, мартены, ножи для разделки бычьих туш. В толпе носятся мальчишки в форменных шапочках. Это газетчики. Они потрясают над головами свежими номерами газет и звонко выкрикивают последние новости:

— Канцлер Аденауэр настаивает на принятии американского плана превращения НАТО в четвертую атомную державу!

— В Москве объявлено, что в январе состоится Пленум ЦК Коммунистической партии, на котором будут рассмотрены вопросы развития сельского хозяйства в Советском Союзе!

— Клод Этерли задержан полицией города Далласа и сегодня будет возвращен в Уэйко, в психиатрическое отделение госпиталя ветеранов войны.

— В полночь на вилле «Линда» отец атомной бомбы, профессор Макс Бергсон покончил жизнь самоубийством, отравился цианистым калием...

АШОТ ШАЙБОН

НОЧНАЯ РАДУГА

Отрывок из научно-фантастического романа

Ашот Шайбон
(1905)

№ 5. стр. сов. арм. мб.
Прода — Ереван. Арм.
после 1960 — 576с.
22 см (и) — 3.000

НОЧНАЯ РАДУГА

(Отрывок из научно-фантастического романа)

Подводная лодка «Глубинник» уходила в море. Уверенно двигаясь навстречу льдам, она шла на спасение летчика Гоблана и его спутников. С командой ее Адриан, Сазон Цифров, Стародуб, Цацков, Абель Марманд и фотограф Ефрем Панович подружились с первых же минут плавания, едва прибрежный северный город остался в дымке тумана. Бурное море заливало выдававшуюся из воды спину подводной лодки, пенилось у самого ее носа. Инженер-капитан Чапыгин по очереди представлял своих спутников членам экипажа как героев исторического похода.

— Вот и наш Стародуб, — улыбаясь, показал он на врача, когда очередь дошла до него, — единственный человек, стихия которого арктические льды и снега.

— Ланг Лангич, — представился врач, протягивая руку.

— Вы давно знаете Арктику? — стали спрашивать его со всех сторон.

— Раньше, чем себя, дорогие друзья.

— Это солидный промежуток времени, — шутливо заметил космосовед Абель Марманд.

— Да, пожалуй... Жил я двадцать пять лет в Арктике, из которых пять на Земле Франца-Иосифа. Два года дрейфовал во льдах, имея главной базой Северную Землю. Пять лет жил на обоих островах Беннов, четыре года — на Новой Земле, два года провел на разных станциях Океана. Три года на Шпицбергене, перенес тяжелые зимовки, остальные годы на ледоколах и в дрейфах в Баренцовом и Карском морях, в районе Полюса...

Врач продолжал бы рассказывать, но капитан Чапыгин сказал:

— Идем полным ходом со скоростью сто километров в час. Через полчаса встретимся со льдами.

— Мы приближаемся к Шпицбергену, — заявил Ланг Лангич, — теперь я спокоен. Вдали от Арктики меня душил тоска.

Сквозь толстые стекла иллюминаторов виднелась вода. Подводная лодка на три четверти была погружена в воду.

Ефрем Панович все время молчал; он впервые плыл на подводной лодке. Панович быстро сделался центром всеобщего внимания. Это произошло после того, как Чапыгин объявил, что если их лодка начнет двигаться под воздействием лучей Адриана, то «Глубинник» будет делать триста километров в час. От этих слов Ефрем Панович ужаснулся и стал уговаривать спутников просить Чапыгина отказаться от такого эксперимента. А затем, когда подводная лодка перешла на эту скорость, Ефрем Панович Лугин начал требовать, чтобы непременно замедлили ход.

Пановича отправили в изолятор, который представлял собою прозрачную кабинку, установленную

сбоку подводной лодки. Здесь Пановичу пришлось отсидеть ровно пять часов.

На подводной лодке из людей Чапыгина можно было отметить еще помощника, атомного инженера Левона Амихара, молодого человека с веснушчатым лицом. Со всклоченной головой, малоразговорчивый и деловой Амихар с первых дней сооружения «Глубинника» работал с Чапыгиным и всей душой был предан своему капитану.

Выделялся также радист Эфф, человек рослый, овладевший водолазным делом.

Тройку завершал главный техник Федя, которого звали просто «Фед».

Подводная лодка имела длину пятьдесят четыре метра, высоту и ширину — восемь. Она делилась на два этажа — внизу находилось машинное отделение, которое занимало в носовой части значительную площадь второго этажа. По всей длине верхнего этажа размещались двенадцать хорошо оборудованных, обставленных зеркалами светлых кабин — шесть на одной стороне, шесть на другой. Посередине тянулся узкий коридор, откуда два ямообразных выхода с винтовыми лестницами вели на плоскую поверхность «Глубинника». После закрытия щитообразных дверей подводная лодка походила на продолговатую дыню. Сооруженный из высококачественной стали каркас ее был сделан с таким расчетом, чтобы на глубинах она выдержала большое давление воды. В случае необходимости можно было погрузиться на тысячу метров и более. Хвостовую часть занимала атомная электростанция. Тут находился неистощимый арсенал «сгущенной энергии».

Начальник атомной станции, молодой инженер Амихар, при необходимости мог привести в действие

надетое на носовую часть «Глубинника» шестиметровое крыльчатое сверло, которое, накаляясь, впивалось в лед и растапливало его с невероятной скоростью. Таким образом можно было просверлить вечные льды, открывая такую пробоину, сквозь которую «Глубинник» мог с помощью своих гусениц выходить из океана. Это громадное сверло предназначалось для раздробления льдов полюса. Оно обладало столь мощной силой, что не были страшны никакие айсберги.

Снизу подводной лодки тянулись похожие на огромные ленты гусеничные колеса. В океане они герметически закрывались плоскими крышками и приводились в действие энергией атомной электростанции. Таким же образом открывались и закрывались дверцы в носовой части лодки, откуда выпускались взрывающие лед торпеды, когда возникала необходимость дробить неожиданно появившиеся на дальнем расстоянии айсберги.

Любопытна была пара металлических подвижных кабинок, в одной из которых уединился Лугин. Кабинки выходили с левой и правой сторон подводной лодки и служили научными наблюдательными пунктами, не считая многочисленных иллюминаторов, сделанных со всех сторон.

Для приема лучей Адриана, передаваемых из пригорода Москвы, было создано специальное машинное отделение, которое имело свои атомные аккумуляторы. Подводная лодка обеспечивалась необходимым теплом. Воздух был чист благодаря установкам, производящим кислород и поглощающим углекислый газ.

«Глубинник» мчался уже несколько часов без каких-либо сотрясений.

Люди Чапыгина работали исключительно дружно. Царил полный порядок. Деловая строгость капитана

вселяла уверенность, что трудная экспедиция закончится успешно.

Ефрем Панович с фотографическими принадлежностями еще находился в кабине «наказания».

— Ничего, он выйдет оттуда совсем изменившимся, — сказал Чалыгин. — Для того, чтобы на моей лодке быть смелым попутчиком, не мешало бы каждого из вас провести через эту кабину.

Кроме Сазона Цифрова, все остальные — и Абель Марманд, и Адриан, и Ланг Лангич, и Стародуб, и Андрей Цацкев — попробовали побывать там. Адриан с восхищением рассказывал о минутах, проведенных в этой кабине.

...«Опускаешься на дно океана. Вокруг тебя вода, под ногами — вода, над головой — вода... Словно ты рыба; плавающая в аквариуме. Входящая в кабину труба подает в необходимом количестве воздух и тепло. Молочного цвета дневной свет, который из неведомых уголков наполняет прозрачную кабину, дает возможность видеть глубины океана. В первую минуту тебя охватывает какой-то внутренний ужас... кажется, со всех сторон океана набрасываются на тебя морские животные, исступленно бросаясь к свету, бьются о стенки кабины. Охватывает такое чувство, словно ты попал под холодный дождь, и по телу начинают бегать мурашки».

По этому краткому описанию можно представить, что пережил Ефрем Панович, проведя пять часов подряд в этом мешке.

Капитан Чапыгин оказался прав. Когда фотограф вышел оттуда, он превратился в совершенно другого человека. В первые минуты он имел растерянный вид,

потом мало-помалу начал шутить. Вообще Панович по своему характеру был весельчаком, любил все преувеличивать и слыл большим чудаком.

Первый день прошел. Подводная лодка приблизилась ко льдам. Находящихся на ее борту мужественных путешественников вместе с капитаном было одиннадцать человек, считая также кока Колумба, который, как и Ланг Лангич Стародуб, провел большую часть жизни на ледоколах. Его звали «Колумбом» потому, что в истории мореплавания он считал Колумба единственным и неповторимым доблестным человеком и сожалел, что западное полушарие в честь его не названо Колумбия.

«Колумб» был толстеньким, с чуть выпученными глазами, курчавым мужчиной лет под сорок. Узнав, что «Глубинник» Чапыгина тоже отправляется спасать экипаж Гоблана, и тем более в особенно сложных условиях плавания — он решил приложить все усилия, чтобы не получить отказа Михаила Петровича.

«Глубинник» фактически был экспериментальным кораблем, и этот поход рассматривался не только как специальная экспедиция. Под льдами полюса «Глубинник» должен был пройти под воздействием лучей Адриана. Это было бы крупной победой в области науки и техники.

Предварительные работы проводились настолько успешно, что не приходилось сомневаться в спасении экипажа «Северного сияния».

Арман систематически осведомлял правительственную спасательную комиссию о том, что происходило на месте аварии Гоблана и на «Глубиннике» Чапыгина.

До сих пор полеты к месту аварии по первой воздушной трассе не дали результатов — густой туман не

позволял делать посадку, и поэтому самолеты, летая очень высоко над потерпевшими, возвращались обратно.

Было сброшено очень много продовольствия в район, где предполагалось место их аварии. Гоблан сообщил Арману, что им не удалось найти этих припасов. Выяснилось, что большая часть людей больна, а остальные, вследствие крайней истощенности, не в силах выйти из своего убежища во льдах.

Положение оставалось безнадежным. Однако сбрасывание продуктов продолжалось. О посадке пока и речи идти не могло, не было посадочной площадки. Но очень любопытным были те обстоятельства, которые помогли «Северному сиянию» сделать удачную посадку, если не считать серьезных увечий нескольких членов экипажа. «Северное сияние» фактически оказалось вышедшим из строя. А как случилось, что пожар погас во время приземления, могли объяснить лишь опытные летчики. Они утверждали, что известно много случаев, когда пожар, возникающий на самолете во время полета, легко гаснет, если летчик умеет вовремя принять меры. Самый испытанный способ — это использование воздушного потока как погашающего средства. Экипаж своим спасением был обязан большому опыту знаменитого Гоблана.

На «Глубиннике» Сазон Цифров и Адриан вместе с другими следили за работами спасательной экспедиции. Сообщения Армана оставляли на них тяжелое впечатление. Неужели действительно не удастся спасти экипаж советского воздушного корабля?

Когда «Глубинник» уже больше не мог двигаться вперед, прорезая покрывший океанскую поверхность лед, он погрузился под ледяной щит и продолжал свой путь. На следующий день каждый начал заниматься

своими исследованиями. На подводной лодке было тихо. Только Мошкан, привыкая к условиям «Глубинника», чувствовал себя оживленным и свободным. Однако здесь нужно описать случай, который привлек всеобщее внимание. Случай этот был связан с взаимоотношениями кока «Колумба» и Мошкана.

Адриан играл в шахматы с Андреем Цацковым, Ланг

Лангич наблюдал их игру. Абель Марманд вместе с Ефремом Пановичем Лугиным находился в прозрачной кабине.

Лугин, пользуясь мощным освещением, фотографировал проплывавших мимо них диковинных рыб, а Абель Марманд следил за этой интересной работой.

Вдруг в одной из кают, которая служила для всех местом отдыха, поднялся лай и послышался вопль, все заторопились узнать, что произошло. Оказалось, что крик поднял «Колумб», так как Мошкан, собака Стародуба, стащил его поварскую шапочку. Мошкан, убегая, добрался до кают-компания, а «Колумб», с черпаком в руке, гнался за ним. Мошкан, увидев кока, вооруженного черпаком и нападающего на него, бросился на «Колумба». Атака Мошкана и отчаянный вопль «Колумба» подняли на ноги весь экипаж «Глубинника».

Люди сбежались на место происшествия и увидели коленопреклоненного «Колумба».

Мошкан, завидев Ланг Лангича, поджал хвост и убежал.

А кок поднялся с колен и напустился на врача Стародуба.

— Зачем вы эту проклятую собаку взяли с собой? Что это такое? Я не люблю этих лающих четвероногих. Что она будет делать на полюсе, уважаемый Ланг Лангич, кроме как скулить на «Северное сияние»?

— Вы, дорогой друг, преуменьшаете способности четвероногого животного,— сказал Стародуб. Все засмеялись.

— Вообще не преуменьшаю, я уже второй день не могу свободно двигаться. Мошкан меня преследует как ихтиозавр.

— Почему собака кажется вам ихтиозавром, а не тем, чем является?

— Что же она такое, если не ихтиозавр?.. Быть может, по-вашему, кролик с клыками, или же кошка?— запротестовал разгневанный «Колумб».

Михаил Петрович Чапыгин с улыбкой смотрел на это зрелище.

«Колумб», заметив его, повернулся и сказал:

— Михаил Петрович, наше замечательное путешествие запятнается из-за присутствия этого четвероногого.

— Как, как, Кирил Кирилыч... говорите, запятнается? — рассмеялся Чапыгин.

— Я преисполнен высоким сознанием моих обязанностей, занят обедами, а она вечно сидит в кухне и не уходит. Да так смотрит своими хитрыми глазами... так смотрит, словно меня сожрать хочет!

— А ты не груби ей, и все кончится без скандала, Кирил Кирилыч, — сказал Адриан.

— Я? Я ей не грублю, я ее угощаю, а она и смотреть не хочет на меня. Скажите, пожалуйста, что ей надо от меня? А я знаю,— она так посмотрит, посмотрит и вдруг, глядишь, цап... схватит, бессовестная... Да, непременно схватит!

— А что вы предлагаете сделать? — спросил Чапыгин.

— Либо я, либо она. Чтобы в сию же секунду кто-нибудь из нас покинул подводку.

— В сию секунду как можно покинуть подводную лодку? Мошкан этого сделать не может! — заметил Стародуб.

— Значит, я покину подводку. Либо я, либо она.

— Дорогой Кирил Кирилыч, если даже мы единогласно вынесем решение, чтобы этот злонамеренный четвероногий покинул подводную лодку, все равно он не уйдет, — разгорячился Ланг Лангич.

— Почему не уйдет? — с новой силой запротестовал кок.

— Не уйдет по той простой причине, — ответил Ланг Лангич, — что мы на глубине больше ста метров, а поверхность океана покрыта таким ледяным щитом, что даже снарядом его не пробить, запишите этот факт — для истории!

Кирил Кирилыч только сейчас понял, что его гнев окружающие не приняли всерьез, и, улыбаясь, сказал:

— Черт побери! А я не учел этого!

Ссора кончилась миром.

Под вечер Левон Амихар находился в каюте Чапыгина.

— Мы снова вышли в открытый океан, ледяные поля остались позади, — глядя на карту, сказал Амихар.

— Левон Исаич, надо подняться на поверхность океана, хотя бы ненадолго, — распорядился Чапыгин.

— Есть подняться на поверхность!

К всеобщей радости, «Глубинник» начал всплывать. Попадавшие на пути айсберги уже не были страшны его экипажу: специальными торпедами взрывались внезапно надвинувшиеся из тьмы на подводный корабль. громадины. Прямой наводкой Фед направлял торпеды в основание айсберга. Они взрывались со страшным грохотом, и ледяная гора рассыпалась.

Ефрем Панович с мостика «Глубинника» освещал это изумительное зрелище.

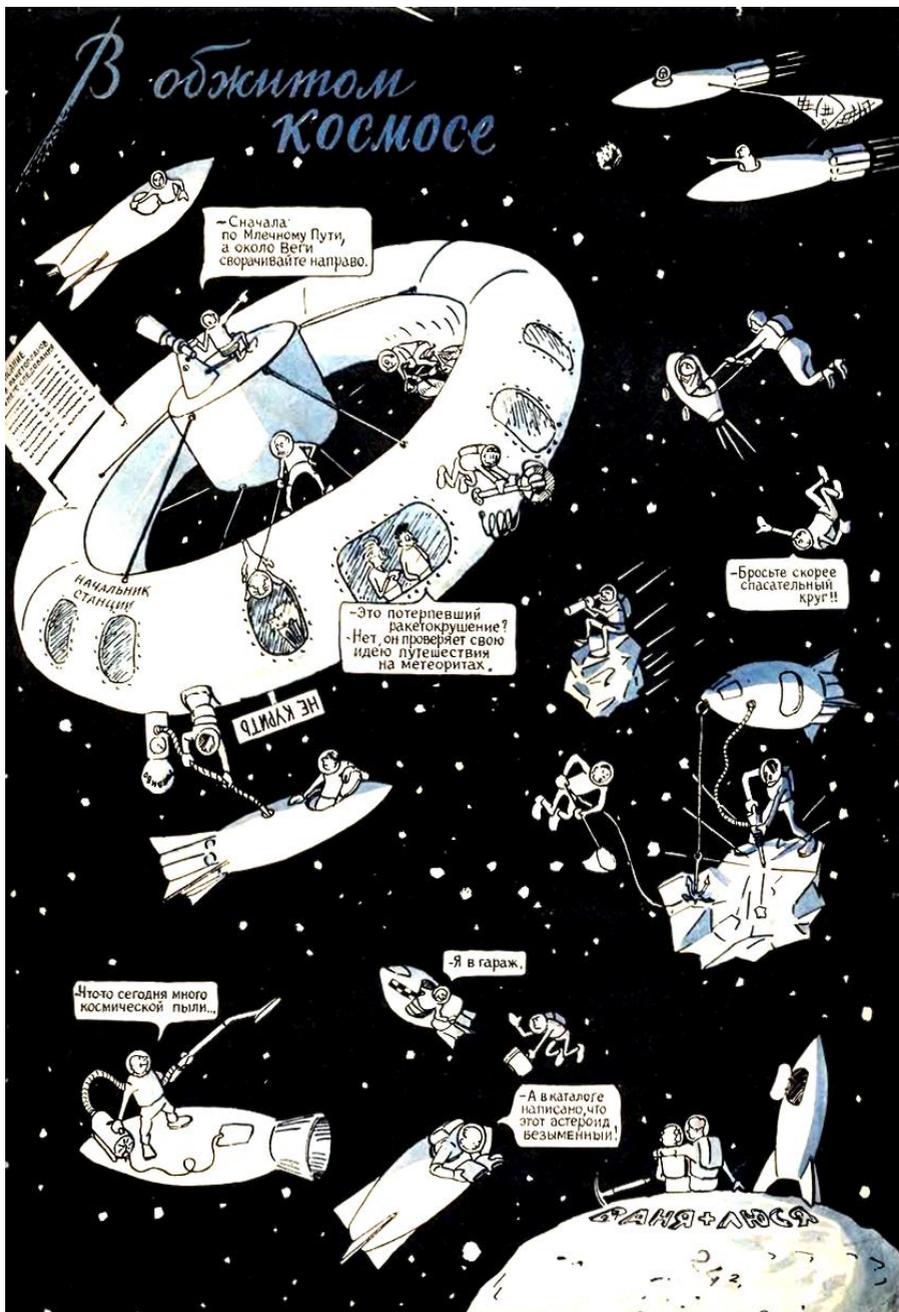
Густая ночная тьма словно давила на «Глубинник», погружая его в океан.

Повеяло приятной прохладой. Вдруг Ефрем Панович увидел, как черный завес неба прорезало молнией, и светлый луч протянулся по небосводу. Панович замер на месте. Многоцветными отблесками заиграло в вышине чудесное зрелище.

Все поспешили на мостик.

В обжитом Космосе

Сначала по Млечному Пути, а около Веги сверните направо.

НАЧАЛЬНИК СТАНЦИИ

Это потерявший ракетокрушение?
Нет, он проверяет свою идею путешествия на метеоритах.

НЕ КУЛЬТ

Бросьте скорее спасательный круг!!

Что сегодня много космической пыли...

Я в гараж.

А в каталоге написано, что этот астероид безымянный!

БАНЯ+ЛЮСЯ

В. ПЕРЦЕВ (А. КОЛПАКОВ)

СПОНТАННАЯ ТЕЛЕПАТИЯ

Фантастический рассказ

*Предположительно, рассказ принадлежит
А. Колпакову.
Журнал «Звезда Востока», 1965, № 10*

В. ПЕРЦЕВ

СПОНТАННАЯ - ТЕЛЕПАТИЯ -

Фантастический рассказ

Широкий, приземистый автомобиль мягко затормозил перед чугунной решеткой ворот.

Из машины юрко выпрыгнул худой человек с мелкими острыми чертами лица. Голова его, маленькая и аккуратная, с мягким седым пушком вместо волос напоминала змеиную.

— Прошу, господин Лайн,— несколько игриво сказал он, открывая дверцу машины и галантно согнувшись. Послышалось сопенье, и на мелкий гравий грузно опустились короткие толстые ноги, а затем их обладатель выгрузил и остальные части своего тела.

Чуткие рессоры тотчас подбросили кузов автомашины вверх.

— Вот мы и на месте,— проговорил худощавый.

Его спутник молча огляделся.

По-видимому, владелец усадьбы искал покоя и уединения. Большой сад был обнесен высоченной стеной и виднелся только сквозь железное кружево ворот. В отдалении белело здание. Ни один звук не нарушал тишины.

Приезжие направились к воротам. Толстяк, крикнув, вытер платком капельки пота, проступившие на бритом глянцевого затылке, и вопросительно взглянул на своего спутника:

— Кто-нибудь живет здесь, Хорст?

— Садовник, — ответил тот, роясь в карманах.— Он уже лет десять служит в этой усадьбе. Мы взяли его как приложение к недвижимому имуществу, основательно прощупав и проверив все, что имелось у него за душой. Мы поставили ему условие: по возможности реже отлучаться в город и в случае необходимости отвечать на телефонные звонки. Уже с год он служит новому хозяину, и еще ни разу не изъявил желаний выйти куда-нибудь из своей норы.

У ворот Хорст вынул из кармана две небольшие металлические пластинки, пробитые прямоугольными и круглыми отверстиями, одну из них вложил в узкую прорезь, черневшую чуть ниже розетки звонка.

Раздался едва слышный щелчок, и половинки ворот начали медленно вползать внутрь стены.

Они вошли, и железные створки, шепча роликами, вновь сомкнулись. Хорст запустил руку в неглубокий проем, пробитый в стене, и вынул оттуда ключ-пластинку.

— Не так уж и надежно! — усмехнулся толстяк.— С десяток лет назад я не очень утрудил бы себя, перемахнув через эти воротца.

— Не советовал бы! Мы предусмотрели кое-что для незваных посетителей. Любопытный гость не успеет даже осмотреться после прыжка, как уже будет надежно, мягко говоря, нейтрализован.

Они пересекли сад и очутились у коттеджа. Хорст прыгнул, минуя ступеньки, на небольшую террасу, а Лайн снова полез за платком.

— Что вы имели в виду под «кое-что»? — спросил он.

— От вас секретов нет, — ответил Хорст,— я говорил об электронных сторожах, квалификацию которых вы, вероятно, сможете при случае оценить сами.

Лайн поморщился, но промолчал. Он не разделял восхищения Хорста всеми этими думающими, считающими, читающими и прочими кибернетическими устройствами.

Хорст, между тем, открыл при помощи второй пластинки дверь, и они вошли в дом, прошли две комнаты.

— А вот и маленькая лаборатория, — проговорил Хорст торжественно, пропуская Лайна в просторную комнату, заполненную многочисленными приборами, ручками настройки, матовыми экранами, стеклянными глазками сигнальных лампочек, какими-то хромированными спицами с маленькими разноцветными пластмассовыми шариками на концах. Все это располагалось вокруг большого выпуклого экрана, глядевшего со стены.

Лайн заметил, что окна во всех комнатах были замурованы. Снаружи здания были оставлены застекленные рамы, а пространство между ними и каменной кладкой затянуто плотной тканью. Внутри, скрашивая непривлекательность голых стен, на месте оконных проемов висели тяжелые шторы.

— Аппарат еще не совсем готов, — сказал Хорст, — но даже то, что он может дать сейчас, сулит его владельцу неслыханную власть в мире бизнеса. Грандиозные беспроектные операции... Смятение, ужас, отчаяние и банкротство конкурентов... И доллары победителю! Доллары, марки, фунты... Кстати, как вы считаете, Лайн, что было первым заложено в отношениях между людьми — золото или меч?

— Я думаю, — отозвался тот, — эти штуки всегда идут рядом. Скажите лучше, когда будет Айрес.

— Если не задержит шеф, приедет к вечеру. Да он нам не особенно нужен теперь. Как говорят: мавр сделал свое дело...

Хорст подошел к небольшой панели и взялся за одну из рукояток; помедлил немного и, повернувшись, уставился на своего спутника, севшего в кресло.

— Прежде чем начать демонстрацию результатов содружества умной головы Айреса и денежных мешков нашей уважаемой фирмы, — сказал он, усмехаясь, — может быть, вас ознакомить с историей?

Тот молча кивнул, соглашаясь.

— Так вот... Идея, которую Айрес почти приручил, — это не его идея. Можно считать ее отцом англичанина Баррета или его соотечественников Майера и Подмора. Впервые же она была поймана еще древними египетскими и греческими жрецами и индусскими факирами. Последние, не зная ни физической, ни химической, ни биологической природы нераскрытого и поныне явления, тем не менее, довольно успешно пользовались им в своих целях... Как вы объясните, например, следующее? Сын в действующей армии... Мать волнуется, переживает, ждет от него весточки, письма, сообщения... Все это в рамках психологически нормальных волнений, свойственных всякой матери. И вдруг сжимается материнское сердце, наполняя душу безотчетным страхом.

И, действительно, вскоре приходит извещение командования о том, что ее сын погиб как герой... Но ближе к делу. Во второй половине XX века Баррет выступил с докладом о «непосредственной передаче мысли» на заседании Британской ассоциации ученых. С этого времени идея «непосредственной передачи мысли» или «телепатия», или, как ныне ее еще называют, «спонтанная телепатия» прочно завладела умами. Не было нации, ученые которой не ломали бы голову над проблемой использования этой идеи в интересах общества. В Германии — Тишнер; в Голландии —

Бругманс; итальянец Каццамали; Лазарев, Кожинский и Васильев — в России; и пропасть других пытались постичь ее природу. В настоящее время, по имеющимся скудным сведениям, у русских — Бодров, да наш Айрес, которого шеф усиленно изолирует от всего ученого мира, сумели справиться с ней.

Айресу удалось возбудить в сердце вот этого механического медиума, связывающего нас с душами не умерших, а здравствующих людей, вторую пороговую величину, и превратить аппарат в своеобразный электронный «мозг-приемник» и дешифровальщик электромагнитных волн, передаваемых мозгом человека.

Проблема в основном решена. Нам нужно только знать, «на какой волне» думает и мыслит человек, выбираемый нами в качестве «передатчика». Узнать это у простого смертного пациента не представляет затруднений. Сложнее «обследовать» кого-либо из конкурентов шефа, а ведь именно для этого создавался аппарат.

Вы обратили внимание на расположенную рядом с кабинетом шефа так называемую «медицинскую комнату» с аппаратурой, которую он выдает за последнее достижение медицинской мысли? При помощи хитрых и уникальных электронных приборов ставится точный диагноз состояния сердечной деятельности и исследуется «общий психический тонус». Приглашены известные врачи, которым ассистирует Айрес. Кое-кто клюнул на гостеприимное предложение шефа «проверить свое я». В результате они узнали свой «тонус», а Айрес — нужные данные. У нас есть маленькая картотека нескольких таких «передатчиков».

Беда лишь в том, что люди никак не хотят думать постоянно на одной определенной волне. Мысли их то и дело перескакивают с волны на волну. Следящее и

корректирующее устройство аппарата иногда просто не может удержать постоянный прием. Вот сейчас попробуем...

Надеюсь, вас не слишком утомило мое пояснение?

— Не слишком, — отозвался Лайн. — Чертов старик! Значит, и мои мозги у вас в картотеке? Я ведь тоже проверял свой тонус!

— До сегодняшнего дня только три человека знали об истинном назначении домашней поликлиники шефа.

Хорст включил аппарат. Замигали зеленоватые искры сигнальных лампочек, и на большом экране, как у обычного телевизора, расплылась нежная синева.

— Пощупаем Большого Уолтера — сказал Хорст. — Шеф велел «выжать» из него все, что будет касаться последних военных заказов, и заодно перехватить и другие интересные мысли. Вот его данные, Лайн. После моего ухода продолжайте наблюдать и записывать. Управление пока не трогайте. Все сделают автоматы. В случае неисправности аппарат отключится сам. На всякий случай — вот эта рукоятка связывает всю систему.

Они придвинули кресла к небольшому столику у пульта. Хорст задал машине программу и застыл неподвижно, впившись глазами в экран. Несколько минут экран оставался пустым.

— Этот шалопай вгонит меня в гроб, — вдруг скрипуче и сердито пробормотал аппарат, заставив Лайна вздрогнуть. На экране вспыхнуло чье-то расплывчатое изображение.

— Сын... — прошептал Хорст.

— А эта рыжая Макки, — продолжал расшифровывать мысли Уолтера аппарат, заменяя лицо юноши ху-

дощавой фигуркой пышноволосой девушки, — просто потаскушка...

Поверхность экрана вдруг зарябила белыми горизонтальными полосками, а динамик затрещал и загудел.

— Ушел старик, — сказал Хорст, — но ничего, мы его сейчас выудим!

Действительно, вскоре голубое поле снова стало гладким, и серая дымка на нем причудливо заколебалась, превращаясь то в неясное очертание каких-то заводских зданий, то в причалы незнакомых портов, то вдруг — в страницы альбома с множеством лиц. Уолтер, очевидно, отдыхал после обеда и позволил себе небольшую роскошь — отвлечься на время от напряжения большого бизнеса.

Хорст щелкнул выключателем.

— Через час попробуйте снова. Я приеду завтра к вечеру. Если Айрес сегодня не сможет навеститься сюда, я притащу его с собой. Да! На всякий случай... О всех неожиданностях звоните сразу же. Мне и... ну, да второй адрес вам известен.

Оставшись один, Лайн обошел все комнаты, присаживаясь в каждой и поминутно закуривая. Он то и дело смотрел на часы, злясь, что не может заставить время ускорить свой размеренный ход. Желание снова заглянуть под черепную коробку могущественного конкурента их фирмы было столь сильным, что он не выдержал и уже через полчаса включил аппарат.

И снова мысль Уолтера торопливо и бессистемно листала странички памяти, и Лайн, словно помещенный в самые зрачки уолтеровских глаз, видел короткие, быстро сменяющиеся эпизоды прошлого, настоящего, а может быть, и будущего, мелькавшие в мерцающей глубине экрана.

— Ха-ха! Молодчага Васэда.. — довольно гудел динамик, и экран быстро рисовал, тут же стирая грязную от плавающего мусора пристань, в которую черным утыгом вползал приземистый пароходишко...

Длинный коридор не то общежития, не то дешевой гостиницы с обшарпанной панелью... и, наконец, самого Уолтера, шагнувшего, согнувшись, в длинный закрытый лимузин...

Порой белесые полосы, набегая друг на друга, морщили гладкую поверхность экрана, а репродуктор начинал гудеть и потрескивать или колоть слух комариным писком, и тогда Лайн терпеливо ожидал, пока автоматические гончие нападут на утерянный след чужой мысли. Он чувствовал сильную усталость и, тяжело поднявшись с кресла, выключил приемник.

Ночью Лайна разбудил пронзительный, отчаянный крик, настолько высокий, что проник даже сквозь лишенные окон стены. Лайн приподнялся, опираясь рукой на подушку, и напряженно прислушался. Но не услышал больше ничего, кроме гулких толчков собственного пульса.

Он накинул халат и, сжимая ребристую рукоятку пистолета, осторожно открыл наружную дверь.

Полное безмолвие и неподвижные кусты в начинающем таять мраке окружали дом. В воздухе чувствовался чуть сыроватый запах листьев. Лайн тихо прикрыл за собой дверь и остановился на крыльце, стараясь различить что-нибудь в еще довольно густой тьме. Где-то на противоположном конце сада раздался тихий скрип, заставивший его вздрогнуть. Непроизвольно все мышцы его напряглись, слух обострился. Вторично он вздрогнул, когда над беседкой, расположенной в центре сада, и над аллеей, ведущей к главному

входу, вспыхнул свет. Лайн выругался и, спрыгнув с крыльца, зашагал навстречу садовнику, показавшемуся на одной из боковых дорожек.

— Вы слышали, мистер? — обратился к нему старик. Лайн кивнул.

— Что это было? — спросил он.

Садовник вздернул плечи и повернул голову, прислушался.

— Показалось, — ответил он.

— Слишком громко для того, чтобы просто показалось, — сердито прошептал Лайн.

— Я не о том — тоже шепотом проговорил садовник. — Сейчас показалось, а перед этим действительно кто-то кричал. Мистер Хорст предупредил вас, что по ночам никому не разрешается, кроме него самого, подходить к воротам и ограде? Я шел сказать вам об этом и, к счастью, успел.

Лайна перевернуло. Он вдруг представил, как случайно оказавшись в «запретной зоне», он мог стать жертвой какой-нибудь чертовщины вроде электронно-психологической защиты, о которой ему туманно намекнул Хорст.

— Я уже позвонил хозяину, — продолжал садовник — Он говорит, что утром все выяснится.

Лайн вернулся в дом и, подойдя к телефону, протянул руку к кнопке вызова.

— Надо узнать у Хорста, что это за «спектакль», — подумал он.

Словно опережая его мысли, телефон вдруг тонко зашел и замигал красным глазком.

Лайн включил аппарат.

— Где вы пропадали? — раздался из репродуктора веселый голос Хорста. — Третий раз вызываю.

— Что это за вопли в саду? Они тоже по программе?

— Это, это непредвиденное, — немного замявшись, как показалось Лайну, ответил Хорст.— Через час-полтора приеду.

Лайн впихнул тяжелое тело в податливый перлон кресла. Чувствуя блаженное тепло и втягивая слегка дурманящий дымок сигареты, закрыл глаза. Память выбросила из своих хранилищ отрывки прошлого. Их первую встречу с Хорстом... Да, здорово они тогда повернули одно дельце! Рыская, словно гончие, в невообразимой послевоенной сумятице, они в конце концов приволокли Сэмнеру через океан несколько «умных» голов, которыми интересовалась их фирма. Среди них оказался и этот Айрес, с лица которого до последней минуты не сходило выражение какой-то смеси недоумения и страха...

У шефа удивительный нюх на все, что делает из одного доллара два. Маленький латиноамериканец с европейским паспортом оказался, как ему рассказал Хорст, «золотой жилой» для фирмы. Он очень скоро отработал все затраты, вложенные шефом на его «спасение», и начал приносить чистую прибыль...

Эта лиса Хорст тоже полез в инженеры. Работает в лаборатории вместе с Айресом. Корчит из себя ученого! А ему, Лайну, всегда доставалась работа погрязнее. Кто он, Лайн? Руководитель специальной комиссии «Отдела промышленной информации»! Хм! Уж он-то знает, что красивые вывески, прикрывающие нужник, не сделают его чище. Вся эта «информация» очень часто сводится к расправе с неугодными хозяину людьми, к постоянным попыткам насолить, напакостить конкурентам... Теперь его взяли сюда. Повысили, если верить Хорсту... Наверное, такое же вранье, как все, что говорит этот тощий хорек. Очевидно, и здесь затевается какое-нибудь грязное дело и нужен человек, умею-

щий молчать так, как умеет молчать он, Лайн. Что ж, он убедился давно, что молчание — золото, а разговор порой стоит жизни...

— Хелло, старина!

Лайн вскочил и увидел Хорста, снимающего руку с выключателя.

— Пошли! Уже рассветает. Я покажу вам кое-что!

Лайн подошел, заталкивая в задний карман брюк пистолет. Взглянув на его угрюмое лицо, Хорст заметил миролюбиво:

— Я же сказал вчера, что не надо подходить к стене, а все остальное настолько безопасно, что эту игрушку, — он ткнул пальцем в пистолет, — можно оставить дома.

— Мне не мешает, — отозвался Лайн.

Шагах в десяти от ворот они увидели лежащего в траве человека, уткнувшегося головой в кусты, и поодаль садовника, подошедшего, очевидно, тоже только что.

Человек по всем признакам, был мертв.

— Идите отдыхать, — обратился Хорст к садовнику. — Обыкновенный воришка, им займется полиция.

Лайн шагнул было вперед, но Хорст удержал его.

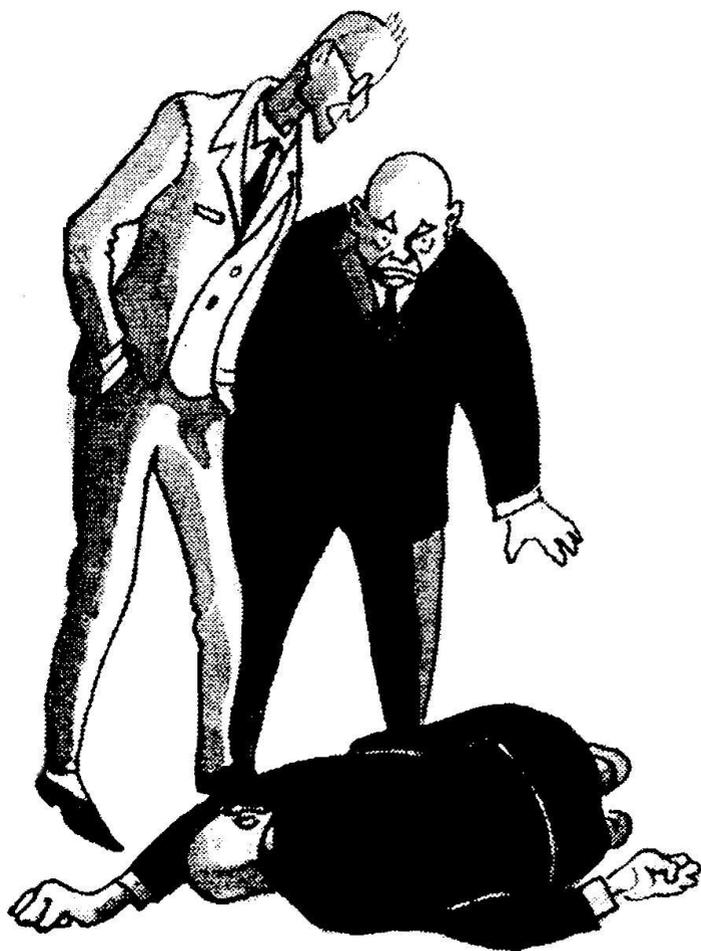
— Подождите, затопчем следы.

Труп лежал в какой-то неестественной позе на боку. Колени мертвеца были прижаты к животу, а раскинутые руки судорожно цеплялись за землю. В окостеневших кулаках осталась, вырванная с корнем, с силой стиснутая трава. Grimаса боли исказила черты лица умершего.

Полицейские, вызванные Хорстом, уже звонили у ворот.

Прибывший с ними врач принялся бесстрастно осматривать и ощупывать труп, а агенты, мельком

взглянув на жертву, перестали интересоваться ею, и, словно ищейки, стали осматривать каждую примятую травинку, любой, едва заметный след, оставшийся от недавней борьбы, закончившейся для одного из участников столь печально. Сейчас Лайн подумал об этом.

Врач как будто подслушал его мысль:

— Вот она, арифметика, — сказал он, кивнув на мертвое тело —

один плюс один, плюс борьба за существование равняется одному!

— От кого или от чего, черт побери, очоурился этот бедняга? — спросил его Лайн.

— Взгляните, — пригласил врач, — проколот насквозь. Как бабочка булавкой...

Лайн увидел на левой стороне груди, чуть ниже соска, совсем маленькую ранку с запекшейся капелькой крови. Два таких же укола врач обнаружил на спине убитого.

Хорст что-то сказал полицейскому комиссару, и приехавшие направились к машинам, унося с собой мертвеца.

Хорст поманил Лайна и направился к домику.

— Скоро должен появиться Айрес, — сказал он, — я должен кое-что передать вам.

— Никак не могу отделаться от мысли, что я где-то видел этого человека, — пробасил Лайн, вопросительно взглянув на шагавшего рядом Хорста.

— Это Пашкис, механик Айреса, — ответил тот, помедлив. — Об этом никому ни слова, — жестко добавил Хорст. — Его хозяин тоже скоро уйдет от нас. Очень скоро.

Айрес появился раньше, чем они ожидали.

Лайн молча сжал в своей огромной лапе тонкие пальцы приехавшего, а Хорст, любезней чем обычно, засуетился, встречая гостя. Тот, сдержанно ответив на приветствия, направился к аппарату.

— Да,— спохватился Хорст,— поздравляем с высоким назначением!

— Радости пока мало,— отозвался Айрес.— Придется работать на военное ведомство, а вы знаете, как я отношусь к ним.

— Наука — везде наука. Разве ее законы, выводы и конечные результаты зависят от того, где их выкопали и кто выкопал?

— Меня интересует также, для каких целей выкопали. Боюсь, вы не поймете меня, Хорст. Для вас соблюдение высоких моральных и гуманистических принципов в отношениях между народами — фикция. Для меня — убеждения. И когда видишь, что результаты твоего труда используются во вред людям, расширяют трещину, расколовшую мир, опускаются руки.

— Эта трещина цементируется нашей военной мощью,— заметил Хорст.— Чем сильнее мы будем, тем больше шансов избежать потасовки, которую нам готовят, или — уцелеть в ней.

— А вы уверены, что именно нам готовят, а не мы готовим?

— Ну! — со смехом воскликнул Хорст. — В вас уже проникли красные идеи... Сначала приходят сомнения, недоверие к своему государству, а там, глядишь, человек начинает всю петю под чужую дудку.

— Это не совсем так, — ответил Айрес, продолжая возиться с аппаратом. — Просто я не понимаю, почему небольшой кучке людей с каждым годом все теснее становится на планете? Полистайте-ка пыльные, пропахшие легендами страницы истории. Они расскажут, как менялся облик человека, как становился он все более дерзким и смелым, как учился вырывать у всемогущей природы одну за другой тайны. Раздвигались пределы человеческих возможностей, все более укреп-

лялось торжество разума. И все-таки стрелка моральных ценностей продолжает пока стоять на отрицательных делениях. Из-за бессмысленных войн, развязанных в угоду ничтожному меньшинству общества, пролито столько крови.

— Но это все в прошлом,— возразил Хорст.— Человек, слава всевышнему, меняется к лучшему. Цивилизация смягчает его.

— Ну, не скажите! Пусть людей, звериный инстинкт или больная психика которых перечеркивает высокий человеческий интеллект, не так много, но именно в них опасность. Им в руки попадают все достижения науки и техники и сразу превращаются из блага в орудия зла и насилия. Вот что мешает мне работать и радоваться моим удачам. Вот почему, по-моему, растут симпатии порядочных людей к той части общества, где горстка дегенератов выброшена, наконец, из истории.

— Симпатии к коммунистам?! Я вам друг и хочу еще раз предупредить, что за подобные высказывания можно потерять многое.

— Меня не интересует название. Социализм, коммунизм — называйте как угодно! Я хочу одного, чтобы люди избавились от недоедания, подлости, жестокости, постоянной опасности потерять кров и жизнь. И мне часто становится не по себе, сам-то я еще ничего не сделал для этого...

— Спасибо за лекцию, Генри, — усмехнулся Хорст. — Годится для выступления на какой-нибудь конференции левых или сторонников... Хотя мне кажется, что вы здорово преувеличиваете. Когда вы увидите новейшее оборудование, почувствуете, какими возможностями располагаете для реализации своих мыслей и идей, сомнения уйдут. Не останет-

ся ничего, кроме желания работать. Все прочее предоставьте политикам, которым народ доверил вести свою страну, обходить рифы и мели.

Лайн, молчавший почти все время, добавил, ухмыляясь:

— Уж эти парни знают, как вести и куда. Кто выше сидит, тот дальше и видит...

Айрес отказался от завтрака.

— К половине третьего я должен быть в Окрале. Да, кстати, где Пашкис? Он сказал, что вы велели ему приехать сюда?

— Несчастье, Генри, — со вздохом пробормотал Хорст.— Парень врезался в грузовик... Жив, жив! — предупредил он вопрос Айреса. — Ничего серьезного. Можете проведать его. Он у доктора Марвела.

— Этот человек взбунтовался, — зло произнес Хорст, едва за Айресом закрылась дверь. — Я не успел досказать. Он пытается дать подножку хозяину — хотел опубликовать результаты работы по созданию нашего аппарата. Он даже послал письмо, которое нам, правда, удалось перехватить, в русский журнал. Кроме того, шеф думает, что он вряд ли принесет пользу и там, куда его хотят взять.

Он пристально взглянул в глаза Лайну, шагнул к стене и, открыв маленькую коричневую дверцу, нажал одну за другой две кнопки на небольшой панели. Засветился экран, и Лайн увидел, как медленно проявляются на нем знакомые контуры сада и неторопливо идущий человек.

Лайн взглянул на Хорста, кривившего тонкие бледные губы.

— Этот парень...— начал было он.

— Тсс! — прошипел тот.— Смотрите!

Айрес медленно шел к воротам. Голова гудела. Он

вспомнил лисью физиономию Хорста и его злой взгляд.

«Что-то они не все договаривали сегодня», — подумал Айрес. Занятый своими мыслями, он не услышал, как в маленьком холмике неподалеку от ворот с глухим стуком отвалилась передняя сферическая стенка с укрепленным на ней дерном, и из отверстия вырвались два серых членистоногих автомата в виде пауков. Красноватые лампочки, имитирующие глаза, то вспыхивали, то затухали. Над маленькой подвижной головкой чутко вздрагивали усики, напоминающие комнатную антенну телевизора...

На мгновение автоматы замерли, пошевелили поднятыми вверх щупальцами-антеннами и затем стремительно ринулись наперерез Айресу. Хрустнула сухая ветка под лапой переднего, и этот звук заставил Айреса оглянуться.

— Подлецы! — сказал он. — Мои игрушки — против меня же!

Айрес бросился бежать к нейтральной площадке около ворот, где, как он знал, будет недосыгаем для этих механических тварей. Однако вскоре понял, что не успеет.

Передний паук уже перепрыгнул через неглубокую канавку метрах в пяти впереди Айреса и, резко повернув, кинулся на него. Айрес отпрыгнул в сторону и, поскользнувшись, упал на красноватый песок дорожки. Неожиданно что-то вдавилось ему в бок. «Фонарик!» — радостно спохватился он.

Кибернетические игрушки, над созданием которых они с Пашкисом в свое время изрядно попотели и которые потом не раз усовершенствовали, были задуманы вначале, как исполнительнейшие помощники и секретари в доме Айреса.

Не так давно Пашкис переоборудовал их, после настойчивых просьб Хорста, в механических охранников этой усадьбы.

Однако они остались верны и старому хозяину. Пашкис вмонтировал «на всякий случай», как он сказал, в карманный фонарик Айреса миниатюрный механизм дистанционного управления аппаратами. Толчок в бок напомнил сейчас об этом. Вот оно спасение! Мгновенное! Полное! Рука его молниеносно скользнула в карман и на ощупь перевела нижний рычажок. В ту же секунду передний паук пронесся мимо, а вскоре проскочил следом

и другой. Затем оба автомата остановились, словно советуясь, что предпринять дальше. Их щупальца тревожно прочерчивали воздух, отыскивая добычу, указанную с пульта. А добыча исчезла. Айрес перестал существовать для них. Он мог бы спокойно встать теперь и уйти перед самым носом этих чутких сторожей, но остался лежать, наблюдая за ними сквозь полузакрытые веки.

Через некоторое время автоматы, не встретив ничего излучающего волны, питающие механизм наведения, направились в свои норы.

Айрес отчетливо видел крыльцо дома. Страх прошел. Он пока еще не решил, что же ему, собственно говоря, необходимо сейчас делать.

Может быть, лучше поскорее очутиться за решеткой ворот, сесть в машину и удрать от Хорста и Лайна — этих верных слуг шефа, которому он, вероятно, стал уже не только не нужен, но и опасен? В том, что неудавшееся только что покушение было не случайным, он уже не сомневался. Его удерживало на месте какое-то чувство азарта и мальчишеского любопытства. «На обычное кустарное убийство они вряд ли решатся, — подумал он. — Что ж, потягаемся!»

На крыльце дома между тем показались его бывшие коллеги. Неторопливо спустились по ступенькам и направились в его сторону. Подошли вплотную. Лайн, почудилось Айресу, глухо вздохнул и щелкнул зажигалкой.

— Новая бабочка в твоей коллекции, Лайн, — холодно сказал Хорст. — Даже не пикнул!

— Мне жаль его, — отозвался тот. — Своих бьем. Я, правда, недолюбливал его. Но столько с ним пришлось поканителиться, что вроде привык уже.

— Потеря бдительности, — пристально взглянув на Лайна, заметил Хорст, — полупредательство! Этот хлюпик никогда не был своим... Он слишком покраснел за последнее время. Ему мало показалось технических идей, за которые его ценили. Он стал засорять голову социальным бредом, враждебным нашей стране. Шеф думал сначала, что это маленькая «простуда». Оказалось глубже. Он несколько раз спасал его от коммиссии по расследованию. Нам вовсе не хотелось, чтобы об аппарате пронюхали посторонние. Но, однако, когда машина начинает хандрить, — философски продолжал он, — мы ремонтируем ее. Когда чело-

век болен, мы его лечим. А иногда приходится лечить вот так. Надо убрать его до возвращения садовника. Бери!

Айрес застонал и пошевелился.

— Жив, собака! — изумленно произнес Хорст. — Придуши-ка его покультурнее, — быстро приказал он. — Стрелять не надо! — рявкнул он, увидев, что Лайн сунул руку в карман.

Айрес засмеялся и сел, опираясь ладонью левой руки на песок, а правой сжимая в кармане теплый пластмассовый корпус фонарика.

— Ай-ай! Господа лицемеры! И вам не стыдно?! — иронически засмеялся он. — Своего же товарища...

Хорст втянул голову в плечи и шагнул назад.

Его партнер, обычно медлительный и долгорассуждающий, среагировал совсем иначе. Приказ есть приказ! Выставив вперед лоб, словно собираясь боднуть нехстати ожившего покойника, он глухо рыкнул и вдруг с неожиданной ловкостью и силой ударил Айреса тяжелым ботинком в грудь.

Айрес отлетел в сторону. Едва он успел вскочить, как вновь очутился лицом к лицу со своим противником, который готовился нанести второй удар. Айрес закрыл лицо рукой. Мощный толчок снова свалил его на землю. Падая, он успел включить рычажок дистанционного управления.

— Хватай его, — визжал Хорст, продолжавший оставаться за спиной у Лайна, но вдруг испуганно вскрикнул и бросился бежать к дому; Лайн, нагнувшийся было над лежащим Айресом, выпрямился и оглянулся. В следующее мгновение и он, не разбирая дороги, мчался за Хорстом.

Айрес поднялся и устало прислонился к шершавому стволу дерева, держа руку за глухо ноющую грудь,

куда пришелся удар ногой. Угрюмая усмешка скривила его губы. Он посмотрел вслед бегущим.

Металлические пауки, получившие новую команду, выбросились из логова и начали охоту. Они на ходу скоординировали свои действия. Автомат, на спинке у которого четко выделялся белый крест, избрал своей добычей Лайна.

Черный крестовик выпрыгнул на дорожку между крыльцом дома и приближающимся Хорстом, четко сделал полуразворот и двинулся ему навстречу, подняв передние лапки. Эта картина, отчетливо просматриваемая на фоне белой стены коттеджа, словно кадр из фантастического фильма, производила жуткое впечатление.

Беглец дико вскрикнул, резко остановился и с ловкостью горного козла кинулся в противоположную сторону. Он, очевидно, тоже вспомнил про нейтральную площадку и сообразил, что только там сможет избежать страшного укуса. Лицо его было так перекошено страхом и отчаянием, когда он промчался мимо Айреса, что тот невольно потянулся к рычажку, включающему автоматы, но затем, пересилив себя, отнял руку.

Хорст, однако, оказался очень способным спринтером — через несколько секунд он отчаянным прыжком преодолел последние метры, и как подкошенный свалился на песок лицом вниз. Паук, преследовавший его, закружился, затанцевал вокруг площадки, размеры которой составляли что-то около трех метров в диаметре.

Оставив Хорста, Айрес поискал глазами своего второго врага. Где-то в глубине сада послышались вдруг подряд три громких выстрела, и вслед за ними словно заревел, получив тяжелую рану, большой зверь.

Рычание перешло в хриплый вой, закончившийся каким-то полувздохом, полувсхлипом.

Подбежав к месту сражения, Айрес увидел на траве неподвижное тело Лайна и стоящего рядом паука, на боку и груди которого видны были вмятины от пуль. Стрелял Лайн неплохо, но это не спасло его.

Пошевелив усиками и приняв от второго автомата сигнал тревоги, паук, не обращая никакого внимания на Айреса, засеменял металлическими лапками, удаляясь в сторону нейтральной площадки на патрулирование.

Айрес наклонился над мертвецом. Лайна от спасения отделили всего несколько сантиметров. Возьми он чуть выше, и пуля, впившись в красный глазок, заставила бы автомат остановиться.

Айрес поднял валявшийся рядом пистолет Лайна, несколько секунд постоял молча, уставившись невидящими глазами в клюковку крови на широком листе подорожника, и медленно пошел к оставленному под охраной автоматов Хорсту.

В. КАЛАЧЕВ

ШИРОТА СЕВЕРНАЯ 28⁰

Фантастический рассказ

Журнал «Кубань», № 4, 1963 г.

Художник И. Коновалов

Мы возвращались в Одессу с грузом кофе из Рио-де-Жанейро. Океан лениво выгибал свою гладкую спину, нежась в лучах утреннего солнца. С трудом верилось, что всего лишь три дня назад он грозно дыбился тяжелыми волнами и, злобно отплевываясь соленой пеной, оглушал надсадным ревом.

Команда только что позавтракала и разошлась на приборку, следуя обычному распорядку дня, когда в размеренный ритм корабельной жизни вторгся тревожный, по-мальчишески взволнованный голос вахтенного штурмана:

— Человек за бортом!

Нет моряка, чье сердце не дрогнуло бы от этой короткой фразы. Человек за бортом — это кто-то терпит бедствие, это еще одна трагедия, разыгравшаяся в океанских просторах, это значит, снова жестокое горе захлестнет сердца чьих-то близких.

Тревога ветерком пронеслась по сердцу, выталкивая на верхнюю палубу всех, кто находился в нижних помещениях. Моряки сгрудились на полубаке, пытаются что-либо разглядеть в густой синеве разомлевшего океана.

На мостик торопливой рысцей пробежал наш капитан Бодягин, сухопарый и жилистый моряк, добрую четверть века вялившийся под ветрами разных широт.

На его задубелом лице не заметно было следов волнения, разве что всегда смеющиеся серые глаза су-рово потемнели. Цепким взглядом окинув горизонт, Бодягин направил бинокль на едва заметную светлую точку, видневшуюся слева по ходу судна, и тотчас распорядился изменить курс.

Через четверть часа опущенная с парохода шлюпка подобрала и доставила на корабль безжизненное тело. Среди моряков, замерших в ожидании, прокатился сдержанный гул удивления: спасенный вовсе не походил на человека, бросившегося в спешке за борт. Скорее наоборот: тонкий резиновый скафандр ярко-оранжевого цвета, металлический, как у водолазов, шлем с овальным иллюминатором, два больших продолговатых баллона, укрепленных за спиной, ласты на ногах — все говорило за то, что этого человека тщательно готовили для продолжительного подводного плавания. Когда наш водолаз, массивный и угловатый Саша Птенчик, недолго повозившись, снял с него шлем, нам открылось бледное привлекательное лицо мужчины лет тридцати пяти. Черные, слипшиеся от пота волосы спадали на широкий выпуклый лоб. Резко очерченные губы, ястребиный нос, смелый разлет черных бровей и крепкий, с ямочкой, подбородок говорили о незаурядном уме, сильной воле и мужестве незнакомца. Он был без сознания, и Иван Иванович, судовой врач, велел немедленно перенести его в лазарет.

Пароход лег на прежний курс и прибавил ходу. Бодягин еще находился на мостике, размышляя о странном происшествии, когда к нему наверх поднялся доктор.

— Ну, как? Очнулся? — живо спросил капитан.

— Очень плохо. — Иван Иванович расстроено покачал бритой головой. — Долго не протянет. Крупозное

воспаление легких с осложнением на сердце. Это француз, инженер Шарль Деказ. Он хочет говорить с вами.

Утверждает, что должен сообщить нечто исключительно важное. Ему нельзя разговаривать, а он, понимаете ли, настаивает.

— Шарль Деказ? — Бодягин задумчиво сдвинул фуражку на затылок, силясь вспомнить, где и когда он слышал это имя. — Шарль Деказ.. Пойдите, да ведь это инженер, выступивший с гипотезой о происхождении... Да-да.. Неужели это он? Вы говорите, долго не протянет? — обеспокоенно спросил Бодягин.

— От силы восемь-десять часов, если не наступит перелом.

Капитан нахмурился, секунду подумал и затем молча шагнул к трапу.

Француз полулежал на подушках с закрытыми глазами, и лишь природная смуглость оттеняла его продолговатое лицо. Из груди вырывалось частое хриплое дыхание, по горячему виску стекала тоненькая струйка пота.

Бодягин осторожно опустился на стул возле койки, снял фуражку, пригладил рукой седой ежик волос, внимательно разглядывая инженера. Доктор поправил свисающий край простыни, остановился рядом, скрестив руки на груди.

Больной почувствовал на себе взгляд, открыл глаза, с минуту молча рассматривал капитана, потом негромко спросил:

— Вы капитан судна?

— Да. Моя фамилия Бодягин. А вы инженер Деказ, тот самый, который выдвинул гипотезу о происхождении миражей в Атлантическом океане?

Француз с грустной улыбкой утвердительно прикрыл глаза и медленно произнес:

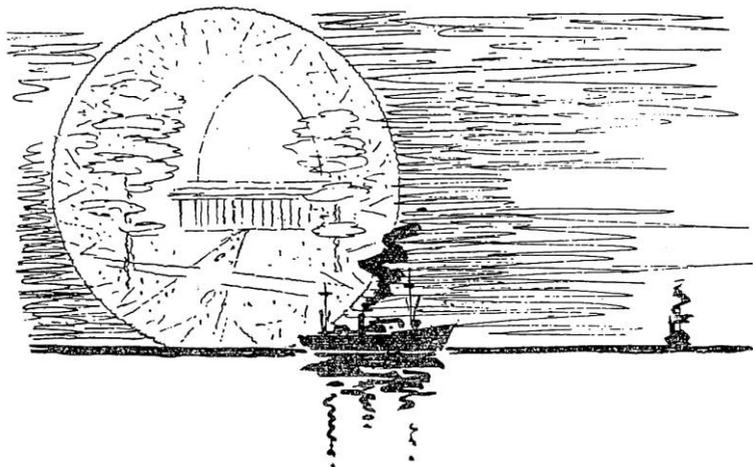
— Я рад, что меня подобрало русское судно... Я воевал вместе с русскими в отряде Сопротивления. На вас можно положиться...

Ему было трудно говорить, порой кашель доводил его до изнеможения, но он отрицательно качал головой, едва доктор приказывал помолчать.

— Я не имею права, доктор, — хрипел инженер. — Я должен рассказать вам все... Это так важно...

То, о чем сообщил Шарль Деказ, казалось совершенно невероятным.

Летом 1979 года многие моряки и пассажиры судов, находящихся у Атлантического побережья Африки, в районе Канарских островов, стали очевидцами изумительных по красоте миражей, неожиданно возникших перед их глазами. Вот как описывает это поразительное зрелище штурман английского теплохода «Глазго», шедшего в Кейптаун:

«Было около двух часов дня. Солнце повисло почти в зените, и его отвесные сверкающие лучи пронизывали толщу воды, заставляя ее светиться изнутри нежно-изумрудным светом, словно идущим из океанских глубин. Легкая зыбь плавно покачивала судно. Вдруг, на все четыре стороны, расплавленным серебром расплескалась бескрайняя водная пустыня. На побелевшем от зноя небе не было ни единого пятнышка.

Вдруг справа по борту, у самого горизонта, возникло странное видение. Огромный матово-белый шар, густо испещренный кроваво-красными штрихами, неторопливо выплывал из синевы океана, как восходящая Луна, только в незнакомом нам одеянии. По краям у него тонко просвечивал радужный ореол. Шар быстро увеличивался, закрыл полнеба и... растворился в прозрачном воздухе. А вместо него перед нами отвесно вздыбились суровые горные отроги, и блеснуло голубое зеркало неведомого залива в оправе песчаного берега с рощами могучих деревьев; потом возникли стройные белые постройки призрачного города, массивные ажурные башни и какие-то люди возле них, блестящие ленты скрещивающихся дорог, протянувшихся к странному куполообразному сооружению. Минуту спустя откуда-то появились толпы бегущих по полю людей в длинных белых мантиях, клубы густо-черного дыма, стелющегося над горящими развалинами; промелькнула площадь с множеством неподвижных истуканов; и снова горы, леса, песчаная равнина с теми же грузными ажурными башнями, уходящими вдаль. Все эти сказочные картины быстро возникали, чудовищно разрастались в размерах и внезапно исчезали, чтобы через мгновение смениться каскадом новых видений, чудесным мерцанием красок.

Так продолжалось в течение часа, затем все прекратилось. А через несколько минут, в том же направлении, на горизонте взметнулся из воды ослепительный, светящийся всеми цветами радуги огненный столб, словно молния, пронизавший небо. Этот столб наблюдался почти четверть часа, после чего стал постепенно таять, пока не исчез совсем...»

Подобное зрелище наблюдали и с других судов, оказавшихся в этой части океана, однако их описания передавались людьми по-разному, в большинстве своем противореча друг другу. Так или иначе, но странное явление долго мелькало на страницах газет и журналов, пока несколько видных ученых не доказали как дважды два — четыре, что ничего странного здесь нет, что это обыкновенный мираж, хотя и несколько необычный по характеру своего проявления.

Тем большую сенсацию вызвала опубликованная во французском еженедельнике «Проблемы науки» статья инженера Шарля Деказа под названием «Действительно ли это мираж?», в которой автор выдвинул до дерзости смелую гипотезу о происхождении загадочных миражей.

— Когда я сопоставил данные о местонахождении кораблей, с которых наблюдались миражи, и отметил их на карте,— с трудом шевеля пересохшими губами, рассказывал инженер, — точки координат образовали почти правильный круг диаметром около ста километров. Это меня заинтересовало. Огненный столб, вырвавшийся из океана, возник в том же направлении, где и миражи. Описание его внешнего вида и размеров полностью совпадало, по словам очевидцев с разных кораблей. Следовательно, светящийся столб находился примерно на одинаковом расстоянии от всех наблюдателей, то есть где-то в центре круга. У меня возникла

захватывающая мысль... Очевидцы называли одно и то же время появления и длительности миражей. Во вторых, сходились показания о моменте возникновения, продолжительности и внешнем виде странного столба, появившегося спустя три минуты и наблюдавшегося четверть часа... Расходились лишь описания виденных картин. Они беспрерывно менялись, не повторяясь ни разу. И, наконец, круг пространства, в пределах которого наблюдались миражи, чертовски напоминал гигантский экран панорамного кинотеатра. Вы понимаете, что это значит?

Шарль Деказ в волнении попытался приподняться. На его бледных щеках запылали пятна нездорового румянца. Глаза нервно блестели. Теряя силы, он страстно и торжествующе выдохнул:

— Это была космическая передача, направленная с другой планеты! А огненный столб — ответная передача со дна океана. Теперь я знаю это точно... Я был там, у них... Я их видел!..

Инженер судорожно скомкал в руках хрустящую ткань простыни и бессильно упал на подушки. С полураскрытых, иссушенных жаром губ теперь слетал лишь невнятный горячий шепот:

— Глубине... пятьдесят три года... осталось двое...

Грузная фигура Ивана Ивановича встревоженно склонилась над французом.

— Потерял сознание, бредит.

— М-да, странная история, — негромко промолвил Бодягин, с сочувствием глядя на мечущегося в бреду инженера. Француз производил на него впечатление сильного и волевого человека.

Доктор порывлся в медикаментах, набрал полный шприц какой-то маслянистой жидкости и сделал больному укол. Вскоре Деказ перестал метаться, дыхание

его сделалось ровнее. С полчаса он пролежал спокойно и наконец снова открыл глаза.

— Полежите молча, инженер,— сердито приказал Иван Иванович, сдвигая рыжеватые кустики бровей, — отдохните.

— Благодарю вас, док.. — с усмешкой прошептал француз.— Отдыхать буду немного погодя... на том свете... Я, кажется, бредил? Не помню, на чем тогда остановился...

Маленький низкобортный пароход со звучным названием «Тореадор» лежал в дрейфе, мягко покачиваясь на упругой океанской зыби. Рядом с ним, у спущенного трапа, на воде горбился причудливый аппарат, похожий на гигантскую черепаху. В верхней части его бронированного панциря темнело круглое отверстие люка, через который двое рабочих грузили тяжелые баллоны с кислородом. Матросы под руководством боцмана отсоединяли стальной буксирный трос, закрепленный за толстое кольцо впереди аппарата. Заканчивались последние приготовления к спуску батискафа под воду.

Спустя четверть часа к Шарлю Деказу, уже облаченному в специальный костюм, подошли совсем юный капитан — сын владельца парохода — и высокий белокурый Виктор Нуаро, друг Шарля.

— Все готово, начальник,— небрежно тронув двумя пальцами козырек щегольской фуражки, доложил молодой моряк.

— Можно начинать, Шарль. Я все проверил. — Виктор положил тонкую руку на плечо Шарля и пытливо заглянул ему в глаза:

— Как самочувствие?

— Нормально, — сдержанно усмехнулся Деказ. — Ну, пожалуй, пора. Значит, смотрите, следуйте, как до-

говорились, до точки встречи. В случае чего выброшу аварийный буй.

Он крепко пожал обоим руки и направился к трапу.

— Ни пуха, ни пера! — напутствовал его Виктор.

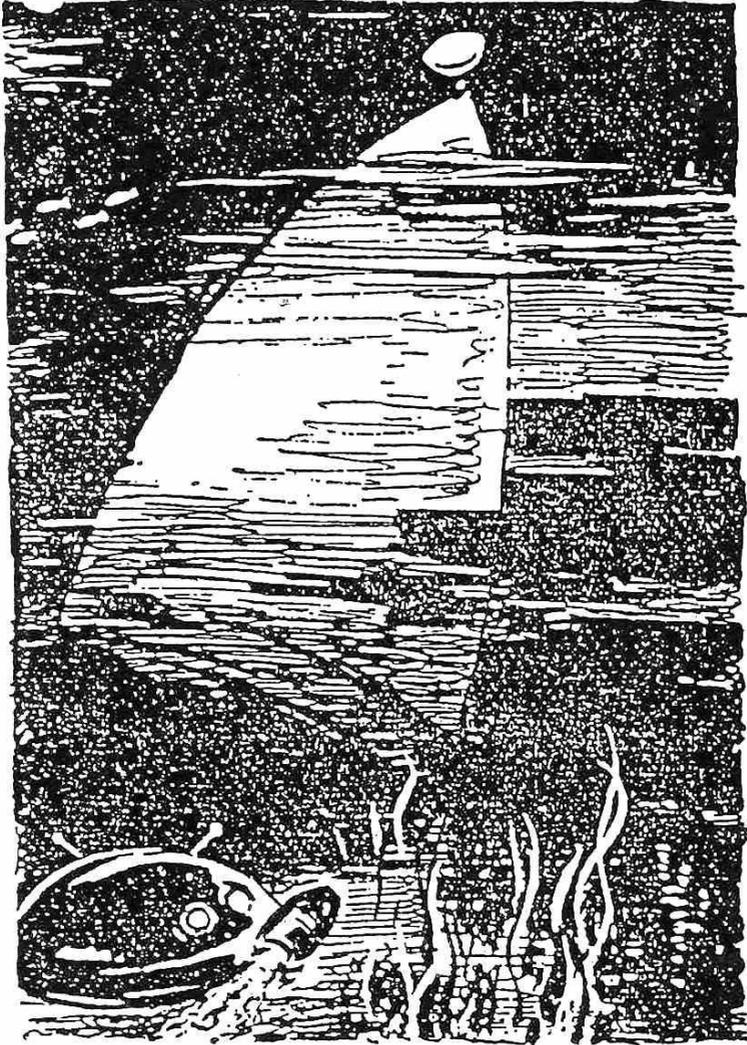
— К черту, — бросил через плечо инженер.

Деказ перебрался на покатую палубу батискафа, помахал рукой и скрылся в люке. С глухим лязгом автоматически захлопнулась массивная крышка, Понеслось приглушенное урчание, стальная черепаха дрогнула и плавно двинулась к видневшемуся в полумиле бую глубинного пеленгаторного излучателя.

Низкое монотонное гудение трансформатора, тонкоголосое пение приборов и размеренное пощелкивание эхолота сплетались в назойливо-привычную, усыпляющую мелодию. Голова наливалась чугушной тяжестью, непослушно клонила на грудь. Уставшие глаза тупо смотрели на мерцающий экран телелокатора, по которому с ленивой медлительностью проплывало изображение ровного, уныло однообразного рельефа океанского дна. Деказ почувствовал, что начинает снова проваливаться в блаженное небытие и, стряхивая тяжелую дремоту, повернул ручку ультразвукового преобразователя — замечательной выдумки Виктора, с детства увлекавшегося радиоэлектроникой. В кабину батискафа ворвалась гремящая лавина звуков. В черных глубинах океана бурлила такая же жизнь, как и на его поверхности. Кто-то из исследователей — инженер не помнил, кто именно — назвал подводный мир «Миром безмолвия». Но это было неверно. Просто человеческий слуховой аппарат воспринимает довольно ограниченный диапазон звуковых частот и потому не может слышать звуков, выходящих за его пределы. Сконструированный Виктором Нуаро ультразвуковой преобразователь позволял трансформировать неуло-

вимые для человеческого уха звуки в слышимые, практически беспредельно раздвигал слуховые возможности человека. И казавшийся безмолвным подводный мир теперь расцвел всплесками голосов многочисленных обитателей океанских глубин, ожил, задышал, зашумел, и Шарль Деказ, слушая эту могучую симфонию жизни, ощущал, как наливается теплом усталое тело, исчезает тяжесть в голове, стягиваются в тугой узел нервы, и мысли быстрее бегут по незримым проводам мозга.

Шли третьи сутки с того момента, как батискаф пробил пятикилометровую толщу воды и достиг океанского дна в точке, откуда, по расчетам инженера, выплеснулся загадочный огненный столб. Третьи сутки Шарль Деказ с упрямством одержимого продолжал необычные подводные поиски, двигаясь по раскручивающейся спирали вокруг исходной точки. Третьи сутки батискаф, словно сказочный «Летучий голландец», бродил в холодных потемках неизведанных океанских глубин, опускался на таинственное океанское дно, которого еще ни разу не касалась нога человека, горбатой тенью скользил над мохнатыми зарослями подводных джунглей, обитатели которых с изумлением взирали на стальную черепаху, столь бесцеремонно вторгшуюся в их владения. Отдельные из них даже пытались познакомиться поближе с непрошеным пришельцем, и инженер не раз слышал скрежет острых зубов по бронированной обшивке батискафа. Нередко попадавшие в поле зрения телелокатора глубоководные рыбы поражали своим фантастическим видом либо размерами. Тогда он включал кинокамеру, чтобы запечатлеть их на пленку. Дважды на экране возникали темные остовы погибших кораблей, и Деказ, как инженер-кораблестроитель,

испытывал понятное волнение при виде этих печальных останков. Один из них был старинным парусником, врезавшимся тяжелой кормой в расселину между скал, которые торчали, словно гнилые зубы. Другой, судя по очертаниям эсминец, затонул, видимо, в годы второй мировой войны и лежал на боку, зияя развороченным днищем. В голове крутнулась шальная мысль, что, быть может, и он найдет пристанище где-нибудь неподалеку от этих мрачных памятников. Но Деказ тут же отогнал щемящие мысли и повел батискаф дальше, с каждым новым витком спирали испытывая жгучую горечь неудачи и вновь загораясь тревожной надеждой на чудо. Но чуда не было. Шевельнулось сомнение: а что, если он ошибся в своих расчетах? Если все факты, на которых построена его гипотеза, — цепь случайных совпадений? Если это действительно был обыкновенный мираж?

Шарль Деказ живо перемотал в памяти ленту событий, связанных с его гипотезой, вспомнил, с какой разгромной критикой обрушились на его статью известные ученые Франции и ряда других стран и какие ожесточенные дискуссии среди мировой общественности вызвала его неожиданная догадка. Деказ горько усмехнулся: писали и шумели много, а помощи никакой. В министерстве, где он пытался найти поддержку, ему недвусмысленно ответили, что на миражи деньги во Франции не отпускаются.

И тогда он решился на отчаянное до безрассудства предприятие: организовать подводную экспедицию для проверки гипотезы на свои скудные средства. Деказ продал доставшийся ему по наследству дом, земельный участок и имущество, присоединил к вырученным деньгам все свои сбережения, с головой залез в колоссальные долги, и вместе с другом Виктором Ну-

аро, также до последнего гроша опустошившим карманы, начал на одном из судоремонтных заводов постройку батискафа по собственным чертежам. «Малютка» — так называли они глубоководный аппарат — принципиально отличалась от своих многочисленных предшественников. Ее девятиметровый, приплюснутый, как у черепахи, корпус-панцирь из ультрасплава титанита с хромом обладал исключительной прочностью, позволяя погружаться на глубину до восьми километров. Батискаф приводился в движение мощным гидрореактивным двигателем и, при помощи двух вращающихся сопел, расположенных по бортам в специальных обтекателях, мог перемещаться под водой в любом направлении со скоростью до шести узлов в час. Для питания электромотора гидронасоса Деказ впервые применил урано-кадмиевые бескислотные аккумуляторы, способные работать без подзарядки сто сорок часов. В изолированной кабине батискафа размещались необходимые приборы управления, навигационная аппаратура, портативная радиостанция, установка для очистки воздуха, запас кислорода на пять суток и откидное кресло для одного человека, устроенное, как на самолетах таким образом, что, в случае аварии, оно за несколько секунд превращалось в герметически закрытый металлический баллон, и исследователь мог катапультироваться в нем с любой глубины. Прямо перед креслом находился большой овальный экран телелокатора, позволяющего отчетливо, как днем, видеть все впереди и внизу на расстоянии до полутора километров.

На постройку и ходовые испытания «Малютки» ушли два года времени и большая часть средств. Оставшихся денег едва хватило, чтобы на две недели зафрахтовать пароход и нанять четырех рабочих для

экспедиции. В случае неудачи все полетит к черту, и они с Виктором останутся нищими.

Деказ ожесточенно взъерошил пальцами шевелюру, чувствуя, как в измученной голове устало ворочаются тревожные мысли. До притупившегося сознания не сразу дошли какие-то хрупкие и прозрачные звуки, внезапно пробившиеся сквозь переливчатый гомон, плещущий из динамика.

Деказ вздрогнул, прислушался. Его слуха коснулось нежное дыхание робких и чистых, как родниковая вода, звуков, явственно прозвучавших в кабине батискафа. Звуки повторились. Они крепили, наливались певучей силой, звонко дробились на хрустальные осколки, постепенно образуя изумительно тонкий рисунок мелодии. Инженер сердито мотнул лобастой головой, думая, что галлюцинирует. Но мелодия не исчезла. Прозрачные волны граненных аккордов росли все выше, рассыпались искрами тончайших оттенков, настойчиво и призывно плескались в ушах, захлестывая и волнуя душу, высекая из глаз непрошенные слезы.

Движимый смутной догадкой, Шарль Деказ рывком остановил «Малютку» и заставил ее медленно поворачиваться вокруг своей оси. Когда батискаф развернулся почти на семьдесят градусов влево, мелодия достигла наибольшей силы звучания, а из мерцающей синевы экрана телелокатора вырезались очертания грузного матово-белого сооружения, при виде которого у инженера мгновенно перехватило дыхание, и сердце, словно сорвавшись с привязи, пудовым кулаком загрохотало в грудную клетку.

Сооружение напоминало массивный обрубок толстой сигары, косо стоящей срезанным концом на склоне небольшого холма. Посредине его опоясывало широкое округлое кольцо, нижняя часть имела при-

ливное утолщение. А на заостренной верхушке — Деказ чуть не вскрикнул, — как цветок на тонком стебельке, плавно вращалась ребристая вогнутая чаша, наподобие антенны радиотелескопа.

Чем ближе подходила «Малютка» к странному сооружению, тем сильнее волновался инженер. Гигантские размеры сооружения вызывали изумление. Высота его была около двухсот метров, нижняя утолщенная часть тоже имела в диаметре метров сто пятьдесят. Закраина кольца, с силой врезавшаяся в грунт, была изрядно покорежена и оплавлена. У Деказа исчезли последние сомнения. Перед ним — космический корабль, вернее, его огромный обломок!

При одной мысли жаром обдало все тело: «Антенна! Антенна вращается... Значит, огненный столб возник здесь! Неужели... неужели ОНИ живы?!» Деказу казалось, что еще немного, и он сойдет с ума.

«Малютка» делала один круг за другим вокруг искаленного звездолета, а инженер все еще не мог прийти в себя и совладать с охватившим его волнением, когда, оборвавшись на полутоне, внезапно замерли гремящие аккорды мелодии. И в следующий миг инженер увидел, как на гладкой поверхности кольца, опоясывающего корпус звездолета, появилась черная щель, которая быстро расширялась, открывая пугающий неизвестностью вход. Кто-то гостеприимно распахивал перед Деказом двери космического корабля, приглашая войти! И, плохо соображая, что он делает, подчиняясь одному страстному желанию, Шарль Деказ направил батискаф в темнеющий проем.

«Малютка» свободно вошла в просторную камеру, развернулась носом к выходу и... уткнулась в зеркально-гладкую белую стену. Вслед за тем инженер почувствовал, что батискаф плавно опускается. Вскоре он

легко стукнулся днищем обо что-то твердое. Захлебнувшийся звук гидронасоса подтвердил его мысль — из камеры откачали воду, и «Малютка» легла на металлический пол.

Инженер машинально бросил взгляд на барометр заборного давления — и не поверил своим глазам: оно равнялось давлению внутри батискафа! Это было неожиданно и в то же время успокаивало: разумная последовательность действий говорила за то, что на потерпевшем аварию звездолете действительно остался кто-то в живых. Очевидно, они каким-то образом сумели определить жизненные условия внутри батискафа и стремятся создать такие же условия в своей «гостиной», как мысленно окрестил инженер огромную камеру, в которой находилась «Малютка». Придя к таким выводам и недолго поколебавшись, Шарль Деказ с внутренней дрожью облачился в легкий резиновый скафандр, укрепил за спиной баллоны с кислородом, защелкнул шлем и, решившись, — будь что будет! — повернул рычаг крышки люка. Люк распахнулся, и его ослепил сверкающий синевато-белый свет, хлынувший в кабину батискафа.

Инженер подождал, пока привыкнут глаза, выбрался на палубу «Малютки» и огляделся. Длинный высокий зал со сводчатым потолком и холодным блеском матовых стен без единого выступа. Такой же ровный блестящий пол. Деказ подождал. Никого. Пустынно и холодно. Он сбросил веревочный трап, спустился вниз, осторожно попробовал кончиком ноги скользкий пол. Ничего, нормально. Сделал несколько шагов. По спине еще ползли мурашки противного озноба, тревожно выстукивало сердце, но уже пришла спокойная уверенность. И когда справа от него в стене бесшумно вырубилась дверь, овальная и массивная, он неторопливо и

твердо перешагнул высокий комингс и очутился в низкой круглой комнате. В стенах, потолке и полу ее, тотчас пришедшем во вращательное движение, чернели точки каких-то отверстий. Не успел он осмотреться и опомниться, как на него со всех сторон обрушились потоки прозрачной теплой жидкости. Мгновенно сжавшиеся пружины мышц едва не отбросили инженера назад, но тут же в мозгу сверкнула догадка: «Дезинфекция». Деказ облегченно перевел дыхание и усмехнулся — нервы...

После недолгих «водных процедур» помещение наполнилось горячим зеленоватым туманом, быстро высушившим скафандр, и инженер с удивлением обнаружил что покрыт тончайшей прозрачной пленкой поверх скафандра. Затем глухо заработали невидимые вентиляторы, очищая комнату, и туман исчез. Деказ прошел дальше через отворившуюся дверь, попал в какой-то подъемник, мягко взлетел вверх, н... над его головой раскинулся звездный шатер ночного неба.

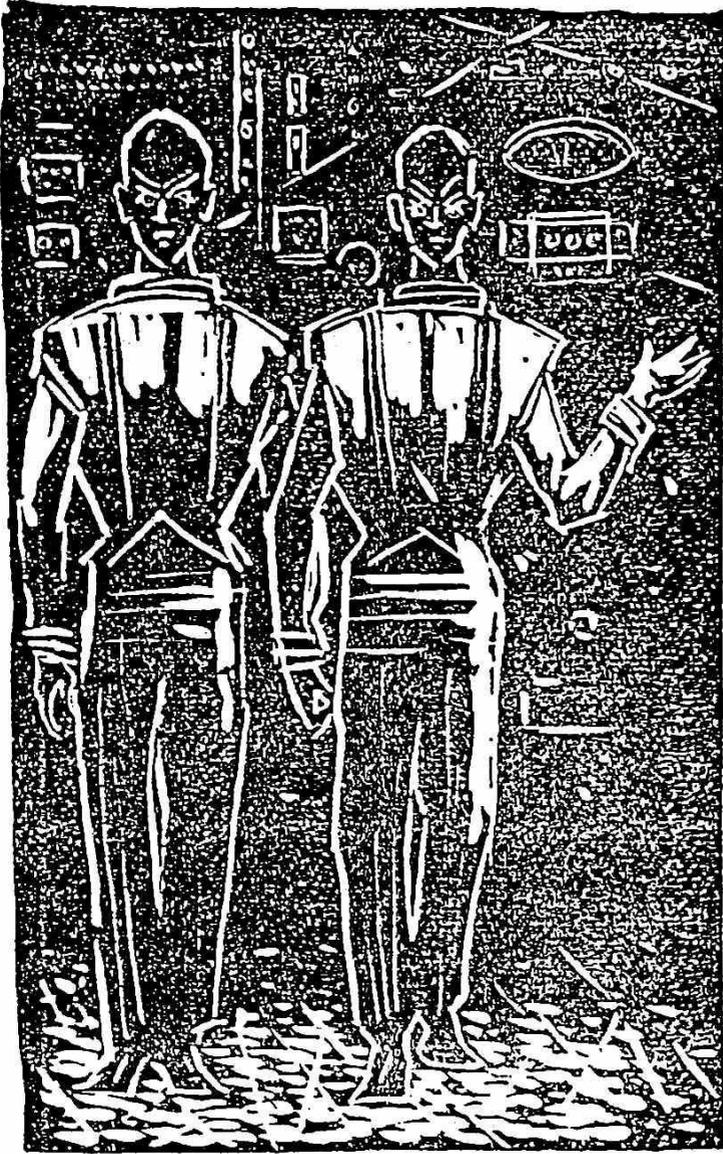
От неожиданности инженер даже зажмурился. Звездное небо на дне океана?! Вон по темному бархату небесного ковра рассыпалась проседь Млечного Пути. Очертания знакомых созвездий... Что за чертовщина!

Инженер внимательно осмотрелся по сторонам и лишь тогда понял, в чем дело. Он находился в обширном круглом зале, стены и пол которого ласкали глаз солнечными тонами отделки. По стенам, как драгоценные камни в золотой оправе, лепились разноцветные грозди всевозможных приборов, от великого множества которых рябило в глазах. Большие и маленькие, круглые, квадратные, ромбические, зеленые и красные, желтые и голубые... Одни из них работали, пульсировали, нервно и таинственно покачивали тонкими усиками стрелок; другие холодно смотрели по-

гасшими зрачками, безжизненные и равнодушные. Вдоль изогнутых стен стояли какие-то тумбообразные аппараты, поблескивая полированной поверхностью цвета слоновой кости, со сложной системой кнопок, переключателей и рукояток на черном квадратном пульте. Посреди зала возвышалась просторная круглая площадка, огражденная легкими перилами, на которой, задрав вверх конусообразный хобот, помещалось приземистое сооружение, чем-то напоминающее артиллерийское орудие. А высокий сводчатый потолок представлял собой громадный полусферический экран, на котором действительно отражалось ночное небо Земли. Невидимые волны света падали таким образом, что освещали только нижнюю часть помещения, верхняя же терялась в полумраке, создавая полную иллюзию ночи.

Очевидно, это был штурманский зал космического корабля, место, где священнодействовали астрономы звездолета, прокладывая курс через беспредельные просторы Космоса, производя наблюдения и составляя звездные карты.

Забывая об осторожности, Шарль Деказ настолько увлекся осмотром, что не сразу почувствовал, как его мягко тронул чей-то пристальный изучающий взгляд. Вздрогнув, словно от физического прикосновения, инженер стремительно повернулся и увидел их. ОНИ стояли вдвоем у входа в зал, плечом к плечу, рослые и могучие, в тонких прозрачных скафандрах, плотно облегавших крепкие широкогрудые фигуры астронавтов, по сравнению с которыми даже атлетически сложенный Деказ казался щуплым подростком. Первое, что бросилось в глаза Шарлю, были их лица: черные, блестящие, человеческие лица! Человеческие! Правда, массивный угловатый череп с сильно выступающими

надбровными дугами был совершенно лишен волос, широкий приплюснутый нос, казалось, сросся с верхней губой, а маленький острый подбородок не соответствовал крупным чертам лица, но большие выпуклые глаза сияли умом и дружелюбием.

С минуту инженер и хозяева корабля стояли, рассматривая друг друга, затем один из астронавтов, по видимому, старший, грузно шагнул вперед, широким свободным жестом вскинул тяжелую руку и что-то произнес на неведомом языке. Конечно, Шарль Деказ не понял слов звездного пришельца, да почти и не слышал их через шлем, но он хорошо понял гостеприимный жест и, повинувшись бушевавшему в груди чувству, в свою очередь шагнул им навстречу и порывисто протянул обе руки, произнеся земное: «Здравствуйте!» Астронавт склонил голову набок, что-то соображая, — и мускулистые пальцы инженера скрылись в широких его ладонях, ответивших дружелюбным рукопожатием. Подошел второй астронавт, приветственно вскинул руку. Как много значило это дружеское приветствие людей с разных планет, разных миров! Деказ понимал, что для звездных пришельцев он является посланцем Земли, что по нему будут они судить о землянах, и первый миролюбивый шаг с обеих сторон был решающим в установлении межпланетных отношений.

Астронавты оживленно заговорили между собой, поглядывая на инженера, потом более молодой легонько притронулся к его плечу и кивком пригласил следовать за собой.

— Они с планетной системы Дельты Гидры. Возвращались из разведывательного полета к границе Галактики... забарахлила система управления главными двигателями, — лежа с закрытыми глазами, устало продолжал рассказывать инженер. С каждым часом

ему становилось все хуже, и он торопился говорить, растрчивая последние силы, чтобы не унести в могилу тайну величайшего открытия. Капитан Бодягин придвинул стул к изголовью больного, напряженно вслушиваясь в хриплый шепот и в полголоса повторяя отдельные слова доктору, который, примостившись на тумбочке, торопливо записывал рассказ инженера.

— Предстоял сложный ремонт, требовавший полной остановки двигателя, и они решили совершить посадку на одной из планет нашей солнечной системы. Выбрали Землю. В момент приземления произошла катастрофа. Из-за неисправности аппаратуры управления самопроизвольно включились главные двигатели звездолёта, рассчитанные для движения в космическом пространстве с субсветовыми скоростями. В результате соприкосновения чудовищной силы излучения с нижними плотными слоями земной атмосферы возникла многомиллионноградусная температура, вызвавшая воспламенение и взрыв рабочего запаса топлива в энергетическом отсеке корабля. Уцелевшую половину звездолета силой взрыва и слабеющей тягой поврежденных планетарных моторов отбросило от земной поверхности, и, описав траекторию в несколько тысяч километров, искалеченный звездолет рухнул в Атлантический океан у берегов Африки. Это случилось пятьдесят три года назад по земному летоисчислению. Тогда это явление привлекло всеобщее внимание, но осталось загадкой.

Из одиннадцати членов экипажа в живых осталось четверо. В том числе одна женщина. Отремонтировать корабль своими силами они не могли. У звездолета вдребезги разнесло всю корму вместе с главными энергетическими установками, безнадежно повредило

два из трех планетарных моторов, затопило мастерские и склад с материалами. Вышли из строя многие автоматы и имевшийся на борту планетный вездеход. К счастью астронавтов, уцелели два робота, аварийный запас топливного сырья и, главное, центральный пост космической связи.

Они настоящие люди. С могучей волей и светлым умом. Они не растерялись и не согнулись в беде. С помощью роботов им удалось достать из затопленных мастерских несколько станков. Начали восстанавливать и ремонтировать все, что было под силу. Из топливного сырья наладили добычу драгоценного горючего. Заработали вспомогательные силовые установки, полным ходом шли монтажные работы на энергетическом узле центрального поста космической связи. Восстановили освещение и теплообогревательные магистрали. Звездолет постепенно оживал. А потом случилось новое несчастье. На отремонтированном планетном вездеходе решили попытаться достигнуть африканского побережья, которое прощупывалось локаторами корабля. Отправились двое: женщина-энергетик и один из астрономов. Обратного звездолета они не вернулись.

Оставшиеся астронавты, старший штурман и третий пилот, продолжали ремонтные работы, сосредоточив свои силы на завершении монтажа энергоузла поста связи. И настал день, когда затеплилась жизнь в мощных космоприемниках, и через бездну пространства до них долетел слабый, но такой желанный, тревожный зов родной планеты. О них не забыли, их разыскивали! Однако прошло немало времени, прежде чем они смогли ответить и, наконец, установить связь со своей планетной системой. Направленные излучатели потребляли огромное количество энергии. Астро-

навтам приходи лось жестко экономить топливо. Как я и предполагал, загадочные миражи были напряженной космопередачей... А светящийся столб... Гипотеза...

Инженер снова начал бредить. Его несвязный быстрый шепот невозможно было разобрать, и Бодягин отодвинулся, уступая свое место доктору. Прошел почти час, прежде чем Шарль Деказ опять пришел в себя.

Три часа, проведенные Шарлем Деказом на звездолете, пролетели слишком быстро. От физического и нравственного напряжения по телу расплзалась хмельная усталость. Голова тонко звенела. Хотелось пить.

За это время он успел лишь бегло ознакомиться с космическим кораблем, выяснить подробности бедственного положения астронавтов, растолковать им на международном языке жестов, что на Земле живут почти такие же, как они, люди, которые не оставят их в беде.

В свою очередь астронавты показали ему несколько записанных космопередач с их далекой планеты. Впервые в истории человечества Шарль Деказ увидел жизнь другой планеты, другого мира, неизвестного и прекрасного. Как могли — с помощью жестов, составленных карт и специально заснятых фильмов — астронавты рассказали инженеру о своем полете к границе Галактики.

А когда Деказ покидал звездолет, объяснив, что скоро вернется снова и не один, старший из астронавтов протянул ему подарок — маленькую, величиной с грецкий орех, модель их родной планеты, с замечательным мастерством вырезанную из какого-то светлоголубого камня.

Инженер возвратился на «Малютку», задраил люк.

Спустя некоторое время камера, где находился батискаф, заполнилась водой. Сдвинулась в сторону наружная массивная дверь, открывая выход в океан. Заработал гидронасос. «Малютка» легко тронулась с места и выскользнула из камеры. Шарль Деказ сделал прощальный круг возле звездолета и круто повел батискаф вверх на всплытие. В груди у него плескалась радость. Он был счастлив.

Батискаф всплывал почти вертикально, вспарывая острой грудью упругую толщу. Достигнув поверхности океана, он стремительно, как дельфин, выпрыгнул из воды и закачался, заплясал в свирепом шторме.

Сразу посерьезнев, Деказ потянулся к включателю обзорного локатора, и в этот миг страшный удар снаружи по корпусу батискафа сорвал его с кресла и швырнул на экран локатора. Зазвенело разбитое стекло. «Малютка» несколько раз перевернулась вокруг своей оси. Сквозь скрежет металла инженер услышал, как внутри кабины звеняще цвиркнула тугая струя воды из образовавшейся трещины. Погас свет, но тут же автоматически включилось аварийное освещение.

Одного взгляда Деказу было достаточно, чтобы понять, что батискаф обречен на гибель и продержится на плаву не более трех — четырех минут. Рассуждать было некогда. В отчаянии он торопливо нащупал в углу шлем. Добрался до кресла, застегнулся ремнями, дрогнувшей рукой — «Вдруг не сработает?» — рванул рычаг на ручке кресла. Механизм сработал. Створки кресла сомкнулись, образуя водонепроницаемый цилиндр. И как только «Малютка» начала проваливаться в пучину, Деказ нажал кнопку выбрасывателя. Последовал взрыв заряда. Через распахнувшийся аварийный

люк цилиндр выскользнул из батискафа и всплыл на поверхность океана.

Болтаться в стальном цилиндре на рокочущих волнах было небезопасно, и инженер решил покинуть его. Поворот рукоятки — и вокруг него взгорбились тяжелые валы, а над самой головой нависла темная крыша ночного неба. Когда водяной холм взметнул Деказа вверх, он успел разглядеть удаляющиеся огни какого-то большого военного судна...

— Помогите им... Они ждут... Я обещал вернуться... Вы слышите... они ждут нас,— почти беззвучно шептали обугленные губы Шарля Деказа. Худые черты его лица заострились, принимая восковой оттенок.

— Инженер! Инженер, вы слышите меня? — поддерживая голову француза, взволнованно спрашивал Бодягин. Он с тревогой смотрел, как уходит из жизни этот мужественный, сильный человек и, сам того не сознавая, уносит величайшую тайну, которую открыл ценой собственной жизни. — Инженер! Место... Вы не назвали координаты звездолета! Вы слышите меня, инженер?

— Место?..— Невероятным напряжением воли, искажившим его лицо, Деказ приоткрыл глаза.— Широта северная... двадцать восемь градусов... Долгота... — Глаза инженера быстро начали мутнеть, губы шевельнулись в последний раз, так и не произнеся нужного слова, и тело, затрепетав, вытянулось во всю длину, словно хотело стать по стойке «смирно».

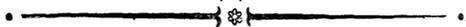
— Все! — Бодягин бережно опустил голову инженера на подушку, закрыл ему глаза, повторил: — Все.

—Он не назвал главного,— негромко обронил доктор.

— Главное он сделал, — глухо произнес капитан, сцепив за спиной худощавые руки и подходя к иллю-

минатору, за которым ярко искрилась узорами созвездий южная ночь.— Сделал в одиночку. Нас будет больше... Широта северная, двадцать восемь градусов, долгота неизвестна. Но мы найдем эту долготу, черт побери, хотя бы для этого пришлось обшарить весь Атлантический океан. Я говорю, найдем,— повторил Бодягин с такой настойчивостью, словно кто-то пытался ему возражать.

АЛЕКСАНДР ВОЛКОВ

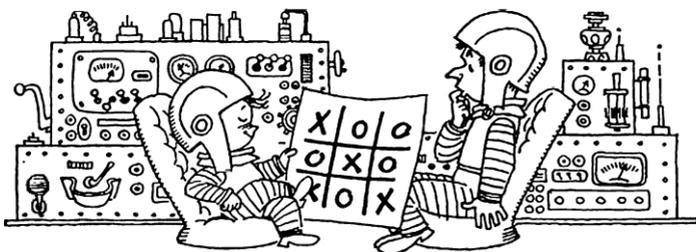

КАК МИША РОГАТКИН СПАС АЛФЕЮ

Фантастический рассказ

Рисунки Г. Валька.

Альманах «Круглый год», 1967. – М.: ДЛ, 1966 г.

КАК МИША РОГАТКИН СПАС АЛФЕЮ

(Фантастический рассказ)

Миша Рогаткин, ученик 3-го класса, был вне себя от счастья. Подумать только: именно его, Мишу, из всех московских ребят, более того — из всех ребят Советского Союза, пригласили участвовать в первой межзвёздной экспедиции!

Для этого надо иметь немалые заслуги, и такие заслуги у Миши были. Он проглотил множество научно-фантастических романов о путешествиях в дальние миры и знал о космических кораблях всё, что о них можно знать, начиная с их внешнего вида и кончая внутренним устройством. Он только не умел ещё управлять звездолётом, но был уверен, что при небольшой практике у него получится и это.

Но пора открыть читателю секрет. Не за то пригласили Мишу Рогаткина в полёт, что он был знатоком научной фантастики: таких мальчиков в Москве было сколько угодно. Мишу избрали потому, что он был всесоюзным чемпионом игры в крестики-нолики, а командир корабля, товарищ Лебедев, был страстным любителем этой игры, и ему был нужен партнёр на время полёта.

Лебедев сам явился к Мишиным родителям и начал уговаривать их отпустить с ним мальчика. Папа возражал:

— Я слышал, что космические путешествия длятся годами и десятками лет. Глядишь, Миша вернётся дряхлым стариком, а ведь ему надо ходить в школу.

Лебедев рассмеялся:

— Вы, товарищи, не знаете новых достижений науки и техники. Сейчас всё это необыкновенно упростилось. Мы полетим в десять раз быстрее света и вернёмся с Сириуса через две недели.

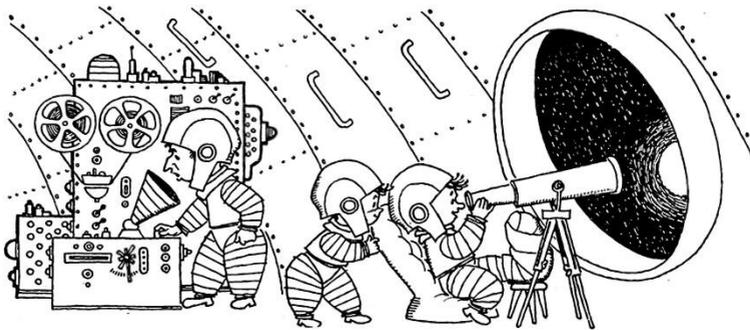
А в это время как раз наступали зимние каникулы, и потому родители согласились, чтобы Миша полетел.

— Брать тебе с собой ничего не нужно, — сказал Мише командир. — Всё у тебя будет.

— И межпланетный скафандр? — спросил Миша.

— И скафандр, — заверил Лебедев. — Как раз на твой рост.

И вот всё осталось позади. Дюзы с могучим рёвом умчали звездолёт с ракетодома. Миша пережил столь знакомое ему по книгам ощущение невыносимой тяжести, а потом взмыл к потолку в состоянии блаженной невесомости. Далеко внизу остался бледно-голубой шар Земли, а возле него совсем крошечный

шарик Луны. Миша рассматривал их сквозь толстое стекло иллюминатора и думал о том, как яростно завидуют ему все ребята на Земле.

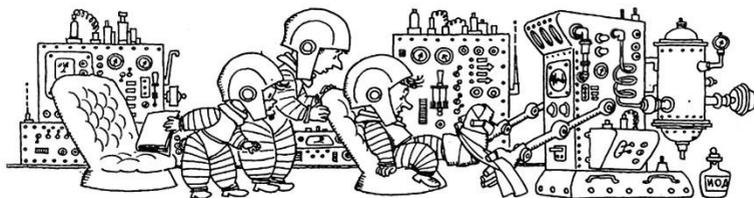
Быстро потекли дни полёта, отмечаемые по земным часам.

Экипаж «Циолковского» был невелик: командир корабля Лебедев, штурман Громов, юнга Миша Рогаткин.

— Понимаешь, Миша, — объяснял Лебедев, — наш полёт разведывательный. Учёные предполагают, что возле Сириуса есть обитаемая планета, и наша цель установить, так это или нет. Если мы такую планету найдём, в следующий рейс полетят специалисты.

В первом рейсе было мало людей, зато корабль был весь набит приборами. Вдоль стенок главной каюты выстроились электронный переводчик, электронный математик, электронный врач... Да, да, не удивляйтесь, самый настоящий врач, который металлическими руками выстукивал больного, мерял температуру, ставил диагноз болезни и даже в своих недрах приготавливал лекарство.

К счастью, никому из членов экипажа за время полёта не понадобились услуги электронного врача. Зато электронному переводчику работы хватало. Чтобы он практиковался в своём деле, Миша закладывал в него французские и немецкие книжки, и автомат приятным голосом с металлическим оттенком читал ему на русском языке сказки Перро и братьев Гримм.

Космонавты не скучали. Штурман возился с приборами, рассчитывая путь корабля. Лебедев в свободное от вахты время сражался с Мишей в крестики-нолики. Миша поддерживал свою славу чемпиона, и победа редко доставалась командиру. Но мальчик сразу оказался побит, как только вступил в соревнование с электронным математиком: с этим шутки были плохи.

Дни пролетали с невероятной быстротой: вахта, еда, слушание сказок, игра в крестики-нолики, сон и снова вахта... Миша научился управлять звездолетом и нёс дежурство наравне со взрослыми, чем очень гордился.

Через пять дней полёта в стекло иллюминатора нестерпимым голубым блеском засветился Сириус.

— Мы близки к цели, — сказал Лебедев.

Штурман Громов провёл астрономические наблюдения и установил, что возле Сириуса обращаются девять планет. Электронный математик рассчитал, что наиболее благоприятной для жизни является пятая планета, по величине равная Земле. Туда и направил свой путь «Циолковский».

Чтобы с разбегу не проскочить через всю систему Сириуса, звездолёт начал сильно тормозить. На корабле появилась тяжесть. И тут с Громовым случилась большая неприятность. Отвыкнув от тяжести, он сделал неловкое движение и вывихнул ногу. Электронный врач вправил вывих, смазал ногу вазелином и забинтовал. Сидеть возле приборной доски штурман мог, но по кораблю двигался с трудом.

А избранная звездолётчиками планета приближалась с каждым часом. Она удивительно походила на Землю: материки и океаны, хотя и непривычных очертаний, горы, атмосфера... И, наконец, в телескоп стали

видны города, пароходы на морях, поезда на железных дорогах.

— Ура, ура, она обитаема! — в восторге заорал Миша.

Корабль перешёл на круговую орбиту и стал самым обычным спутником планеты, с периодом обращения в два земных часа.

Миша пустил в ход фотографические автоматы, снимавшие планету, а командир сидел у передатчика и подавал сигналы. Громов, наблюдавший в телескоп, заметил, что появление «Циолковского» произвело внизу огромное впечатление. На высоких башнях городов появились флаги, а пароходы и паровозы стали давать гудки: это было видно потому, что их окутывали облачка пара.

Скоро на ленте автоматического приёмника появились буквы незнакомых очертаний. Эту ленту заправили в электронный переводчик. Но «Циолковский» сделал не меньше двух оборотов вокруг планеты, прежде чем аппарат расшифровал знаки странной азбуки.

Космонавты вздрогнули, когда переводчик вдруг заговорил металлическим голосом:

— Говорит Алфея! Говорит Алфея! Работают все радиостанции Союза Алфейских Социалистических Республик! Отвечайте, кто вы такие! С какой звезды прилетели к нам? Отвечайте, отвечайте!!

Лебедев начал говорить в рупор аппарата, а тот за это время так хорошо изучил язык чужой планеты, что прямо передавал на радиоприёмник знаки алфейской азбуки: там, внизу, они превращались в алфейскую речь.

— Мы с Земли! — говорил Лебедев. — Эта планета вращается вокруг Солнца, так мы называем нашу родную звезду. Солнце находится от вашего Сириуса на

расстоянии двенадцати световых лет, и мы — одни из ваших ближайших соседей в космосе. Мы явились сюда в предположении, что ваша планета обитаема, и очень рады познакомиться с вами, люди Алфеи!

Алфейцы ответили быстро. Всего через несколько минут электронный переводчик снова заговорил:

— Говорит Алфея! Люди Земли, мы очень рады вашему приезду, так как надеемся, что вы нас спасёте. Нам угрожает страшная опасность! Наш единственный спутник Форамен сорвался со своей орбиты и теперь вот-вот упадёт на Алфею и разобьёт её вдребезги! Наша техника не в состоянии этому воспрепятствовать: мы ещё не научились строить космические корабли. Люди Земли, спасите нас!

— Люди Алфеи, ждите и надейтесь! — ответил Лебедев. — Мы сделаем для вас всё возможное. Объявляю перерыв связи. Мы должны провести необходимые расчёты и приготовления.

Лебедев открыл совещание. Первым получил слово Миша, как младший член экипажа. Задыхаясь от волнения, он предложил:

— Мы должны спуститься на Форамен, заложить в него динамит и взорвать спутник! Если отдельные куски упадут на Алфею, они не наделают большого вреда.

— У нас нет взрывчатки, — возразил командир. — Мы, конечно, могли бы спуститься за ней на Алфею, но, боюсь, у нас не хватит времени... Смотрите, вот он, Форамен!

В ночном небе показался огромный кроваво-красный шар. Он летел с ужасающей быстротой. Штурман навёл на него телескоп, сделал наблюдения и вложил данные в электронный вычислитель. Тот вскоре дал ответ:

«Спутник врежется в планету через шесть земных часов».

— Видите... — горестно сказал Лебедев. — Разве успеешь взорвать его?

Тут внёс своё предложение Громов:

— Мы должны взять Форамен на буксир и оттащить его на прежнюю орбиту. Нашей мощности хватит, когда мы запустим двигатели на полную силу. Но для этого надо выйти из «Циолковского»... К сожалению, я не могу этого сделать...

— Я выйду, я! — закричал Миша. — Товарищ капитан должен управлять звездолетом — значит, взять спутник на буксир могу только я!

— Да, на тебя вся надежда! — вздохнул Лебедев.

На Алфею была передана радиограмма:

«Люди Алфеи, мужайтесь и ждите! Сейчас мы возьмём ваш взбесившийся спутник на буксир и выведем на прежнюю орбиту. Это опасное дело берёт на себя наш юнга, пионер Миша Рогаткин».

Ответ пришёл моментально:

«Ждём и надеемся! Желаем пионеру Мише Рогаткину удачи и заранее благословляем его имя!»

Электронный математик за три минуты высчитал, какую скорость и направление надо дать «Циолковскому», чтобы он догнал Форамен и мог на него спуститься. А Лебедев и Миша вели приготовления. Миша облачился в пустотный скафандр, Лебедев обвязал его шнуром. Он вручил мальчику моток капроновой верёвки, которая могла выдержать чудовищное натяжение. Порывшись в кладовой звездолёта, командир нашёл огромный гвоздь с широкой шляпкой и молоток.

— Ты понимаешь свою задачу? — внушал Лебедев Мише. — Найди в спутнике дырку либо щель и вбей

туда гвоздь как можно крепче, привяжи к нему верёвку, предварительно размотав её. Остальное сделают двигатели корабля.

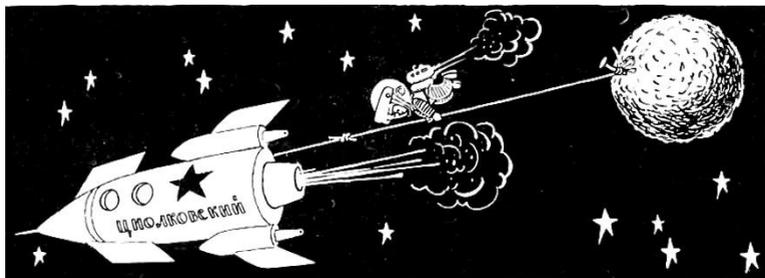
— Есть, капитан, будет выполнено! — лихо отчеканил юнга.

Сердце его ликовало. Вот он, подвиг, который прославит Мишу Рогаткина на века!

Тем временем «Циолковский» приближался к спутнику. Можно было ясно различить его бугристую поверхность. А вдали виднелась орбита, которую по неизвестной причине покинул Форамен. Она рисовалась в пространстве в виде четкого красного пунктира...

— Внимание, садимся! — раздался возглас Громова.

Мягкий толчок. Корабль спустился на Форамен. Миша проверил своё снаряжение и вышел в пустоту через безвоздушную камеру, таща верёвку, молоток и гвоздь. Он лихорадочно смотрел вокруг. Ага, вот хорошая, глубокая и узкая щель. Но вбить в неё гвоздь оказалось не так-то легко. При каждом ударе Миша от отдачи подскакивал на три метра. Хорошо ещё, что его держала верёвка, а то бы он совсем улетел в пространство: на спутнике почти не было тяжести. И ведь всё это происходило в темноте; хорошо ещё, что светили фары «Циолковского». Но вот дело сделано, гвоздь вбит глубоко и прочно. Верёвка привязана. Где-то в

корпусе звездолета ровно и мощно заработали двигатели. Миша не покинул спутник: ему приходилось следить, чтобы всё было в порядке. Капрон натянулся, гвоздь в расщелине держится, моторы грохочут вовсю, а спутник ни с места — он ничуть не продвигается к старой орбите, ярко светящейся в ночном небе.

На сердце у Миши похолодело.

«Мощности не хватает!» — подумал он. Но тут же вспомнил сказку о последней соломинке, переломившей спину тяжело нагруженного верблюда. — Я сам подключусь! — крикнул он.

Запустив маленький ракетный двигатель, находившийся у него за спиной, Миша обеими руками вцепился в верёвку.

И — о чудо! — Форамен сначала нехотя, медленно, а потом всё быстрее и быстрее начал скользить к своей орбите!

— Браво, мой мальчик! — послышался голос Лебедева в наушниках.

Восторг командира разделили все жители Алфеи, следившие за Мишиными действиями в телескопы и бинокли.

Скоро Форамен был прочно усажен на свою орбиту. Миша привязал его к ней скользящей петлёй и усталый, но счастливый вернулся в корабль, где с него сняли скафандр.

Лебедев и Громов горячо поздравили отважного юнгу. Но что творилось внизу! Поздравления оттуда неслись лавиной, и электронный переводчик, захламляясь, едва успевал передавать их.

Миша был совершенно ошеломлён. Двое суток летели радиogramмы. 365 тысяч пионерских отрядов спорили за честь присвоить себе его имя. 15 тысяч комсомольских организаций предлагали досрочно принять его в члены комсомола. Все школы Алфеи обещали ему выдать аттестат зрелости...

Радиogramмы шли одна за другой потоком, и наконец электронный переводчик возмутился.

— Да что вы, ребята, очумели?! — гневно закричал он. — Думаете, я электронный, так мне и отдыхать не надо? Вот лопнут лампы, тогда наплачетесь!

Переводчику дали трёхчасовой отдых. Тем временем Миша смотрел в телескоп. Как видно, алфейцы уже выучили русскую азбуку, потому что везде на улицах и площадях сияли лозунги:

«Да здравствует Миша Рогаткин!»

«Слава отважному Мише Рогаткину!»

«Герою-пионеру пламенный привет!»

Переводчик снова заговорил, и снова посыпались хвала, восторги, предложения. Из всех предложений

Мише больше всего по душе пришлось два. Государственная публичная библиотека Алфеи подобрала для него все сочинения алфейских фантастов. Но, услышав об этом, электронный переводчик снова взбунтовался и заявил:

— Не буду переводить! Этого мне хватит до конца дней!

Второе предложение было от Всеалфейского общества охотников. Охотники решили подарить Мише усыпительное ружье для охоты на крупных хищников. Ружьё стреляло специальными ампулами. Вонзаясь в шкуру зверя, ампула усыпляла его, а проснувшись, он становился кротким, как овечка, и можно было вести его домой на веревочке.

«Циолковский» уже начал спускаться на Алфею, как вдруг Миша повернулся в своей постели в Москве, в Большом Гнездиновском переулке, и... проснулся.

Космический сон приснился ему потому, что накануне папе звонили, поздравляя с Новым годом, знакомые лётчики, о которых Мише было достоверно известно, что они готовятся в космонавты. Миша сам принял участие в телефонном разговоре, и один из них шутливо пригласил мальчика принять участие в его первом космическом рейсе...

Сильнее всего Миша жалел о том, что не успел получить чудесное ружье.

К. МАЗОВСКИЙ

**ЭКСПЕДИЦИЯ
ВОЗВРАЩАЕТСЯ
С МАРСА**

Фантастический рассказ

К. МАЗОВСКИЙ

Фантастический рассказ

Акселерация

Журнал «Юный натуралист», № 1, 1957 г.

~~Возвращается~~

НАШ межпланетный летательный снаряд «Москва» приближался к Земле. Все отчетливее вырисовывались перед нами какие-то темные впадины и светлые блики. Нас было трое — первая экспедиция, отправившаяся на Марс несколько лет назад. Связь с Землей мы потеряли давно, и восстановить ее нам так и не удалось. Что произошло за эти годы на Земле, мы не знали. Очевидно, там считали нас погибшими. Нас осталось трое: климатолог, умевший отпустить шутку даже в минуты смертельной опасности, водолаз, могучий, словно чемпион-тяжеловес, и я, самый молодой из них.

Мы возвращались на Землю, но никто из нас не был уверен, что достигнет ее живым. Как произойдет приземление космического снаряда? Удастся ли нам в пути наладить связь и передать на Землю те научные сведения, которые мы собрали на Марсе? Нас не заботила мысль, как спасти свою жизнь, — мы старались сохранить ценный научный материал, который мог погибнуть вместе с нами, если мы не передадим его на Землю во время своего возвращения. Поэтому климатолог не сводил с меня глаз: он ждал, что вот-вот на моем лице вспыхнет радостная улыбка, и я крикну: «Земля! Земля отвечает!» Но я сидел с наушниками и молчал. С первого дня экспедиции мы вели нечто вроде корабельного журнала, куда записывалось все, что представляло ценность для науки. В нем было так много нового, еще никому не известного, что исчезновение этого журнала было бы большой потерей для всего человечества.

— Нам следует подумать, как поступить, если связь с Землей не будет восстановлена, — нарушил молчание

климатолог. — Что предпринять, чтобы наш журнал не погиб вместе с нами?

— А вы уверены в том, что мы летим к Земле? — спросил водолаз. У него была привычка задавать самые неожиданные вопросы, и мы давно привыкли к этому, но последний вопрос ошеломил даже такого невозмутимого человека, каким был климатолог.

— Вы полагаете, что мы движемся к какой-то другой планете? — спросил он.

— Я не уверен, что перед нами Земля, — ответил водолаз. — Почему вы думаете, что приборы точно выполняют нашу волю и ведут нас по намеченному маршруту? На таком расстоянии малейшая ошибка может стать роковой.

Я вопрошающе посмотрел на климатолога: улыбаясь, он покачивал головой.

— Это Земля, — решительно сказал он. — Сомнений нет, мы летим домой. Что касается аппаратуры, то, не скрою, она меня смущает. Нет уверенности, что все обстоит благополучно, а раз так, могут быть всякие неожиданности, и самая опасная из них — превратиться в спутника Земли. Как только мы достигнем верхних слоев земной атмосферы, наш летательный снаряд, лишенный управления, станет двигаться около Земли, стенки его начнут нагреваться, и мы превратимся в метеор, то есть сгорим прежде, чем достигнем земной поверхности. А может быть, мы все погибнем от недостатка кислорода и пищи, а наш корабль будет все мчаться и мчаться вокруг земного шара.

— Однако!.. А на что тогда эти специальные установки? — указал на приборы водолаз. — Вы предполагаете, что мы можем сгореть, но в данный момент, когда мы пересекаем пространство вечного холода, наша обогревательная установка работает полным ходом,

обогревая весь корпус летательного снаряда, и защищает нас от замерзания. С таким же успехом наша холодильная установка охранит нас от опасности сгореть, когда стенки летательного снаряда начнут накаляться.

— Земля исчезла! — крикнул я с наблюдательного пункта.

Климатолог и водолаз бросились к головному иллюминатору: в самом деле, Земли не было, Земля исчезла. Вместо нее перед нашими глазами гроздилось сплошное облако, к которому мы приближались.

— Облака закрыли Землю, — констатировал климатолог. — Интересно, какова плотность этих облаков?

Этого никто из нас не знал. Мы летели к облаку; оно становилось все больше и больше. Вот мы достигли его, и наш космический снаряд окутался густым туманом.

Казалось, космический снаряд врезался в облако и замер в нем.

— Странно! — пожал плечами водолаз, — Этому облаку нет конца. Неужели такая толщина?

— Вы уверены, что мы пересекаем облачность? — сказал климатолог. — Чтобы выбраться из нее, достаточно было и половины времени, которое мы уже затратили.

— Чем же объяснить все это? — спросил я.

— Случилось то, чего следовало ожидать: мы летим не к Земле, а по окружности, рассекая облачность, окутавшую земной шар.

Я бросился к приборам.

Вдруг корпус космического снаряда дрогнул с такой силой, что удар сшиб всех нас с ног; раздался всплеск воды, окатившей стенки нашего снаряда, и мы погрузились в полную темноту.

— Вода! — крикнул климатолог. — Мы врезались в воду!

— Вот так облачность! — проговорил я.

— Включить свет! — приказал климатолог.

Я повернул рубильник: к счастью, осветительная аппаратура не вышла из строя.

— Выключить холодильную установку! — распорядился климатолог.

Это было разумно: раз мы погрузились в воду, опасность перегрева миновала. Утонуть мы не боялись, так как наш водонепроницаемый снаряд должен всплыть на поверхность, но тут произошло что-то странное: находясь на глубине и продолжая погружаться по инерции, мы почувствовали резкое повышение температуры. Вода, окружавшая стенки нашего снаряда, не охлаждала их, как мы ожидали, а, наоборот, нагревала. Стало душно, трудно было дышать. Тело покрылось потом. Задыхаясь в этой жаре, мы попробовали включить холодильную установку, но ничего не получилось: или аппаратура была повреждена, или вода оказалась чрезмерно горячей. Понизить температуру внутри снаряда не удалось. Но вот темнота, окутывавшая иллюминаторы, начала рассеиваться, стало светлее.

— Мы всплываем, — сказал водолаз.

Темнота убывала с каждой секундой. Послышался всплеск воды, скатившейся с наружных стенок, и наш космический снаряд замер на месте.

— Мы на поверхности, — заключил водолаз.

Нас окружала густая мгла. По-прежнему было душно. Температура упала, но не намного.

— Что происходит с нами? — спросил я. — Где мы находимся?

— Очевидно, не на Земле, — сказал климатолог,

утирая мокрый лоб. — Мы врезались в какой-то горячий бассейн.

— Если так, — сказал я, — то мы рискуем свариться.

— Такая участь меня не устраивает! — возразил водолаз.

— Попробуйте открыть верхний люк, — предложил климатолог, — Может быть, этот туман внесет прохладу. Но сначала наденем противогазы! Мы не знаем, из чего он состоит.

Когда противогазы были надеть, водолаз полез по ступенькам наверх, отвинтил крышку люка, высунул руку, подержал ее немного и решительным жестом сорвал с себя противогаз. — Обыкновенный пар, — заявил он. — Мы в самом деле плаваем в каком-то горячем озере.

Климатолог ощупал пол космического снаряда, а затем и потолок.

— Пол гораздо теплее, чем стены, — сказал он. — Мы находимся на поверхности горячей воды. Впрочем, это нетрудно проверить. Откройте боковой иллюминатор и попытайтесь попробовать воду.

Водолаз высунул руку.

— Вода горячая! — крикнул он. — В самом деле, мы рискуем превратиться в банку консервов, если будем торчать на месте.

— Включите гребной винт! — приказал мне климатолог.

Я повернул рычаг, и наш снаряд двинулся вперед, рассекая воду.

— У этого горячего озера должен быть берег, — продолжал климатолог.

— До берега может быть очень далеко, — сказал водолаз. — Неизвестно, какие здесь водоемы.

— Сейчас узнаем... — Климатолог повернулся ко мне и приказал: — Измерьте глубину.

Я исполнил приказание.

— Тысяча семьсот метров, — объявил я.

— Это глубина океана! — воскликнул водолаз.

Климатолог задумался.

— Но это еще не значит, что берег от нас далеко, — сказал он. — Высокая температура воды доказывает, что это озеро не очень широкое. Измерьте еще раз глубину! — кивнул он мне.

— Тысяча пятьсот метров, — сообщил я.

— Вот видите! Глубина понизилась на двести метров. Мы идем к берегу.

Дальнейшие промеры показали, что это действительно так, и вскоре нос нашего снаряда уткнулся в сушу. Мы вышли на берег. Теплые волны сплошного тумана окутали нас, но мы были довольны тем, что под ногами у нас твердая почва. Водолаз взял горсть земли и размял ее.

— Такая почва может быть на любой планете, — сказал он. — В самом деле, где мы?

— Прислушаемся, — предложил климатолог.

Мы долго стояли в безмолвии. Полная тишина окружала нас — ни шороха, ни крика птицы.

— Мертвая планета, — заключил водолаз: — Здесь нет никакой жизни.

— На самом берегу, может быть, и нет; но что там дальше — неизвестно, — сказал климатолог — Мы умрем от жажды и голода, если будем стоять на месте. Где-то кончится этот теплый туман. Не может же он окутывать всю планету!

Мы тронулись в путь, следуя друг за другом, как на горной тропе. Сплошная стена тумана стояла перед нами. Ничего не было видно, кроме белесой мглы. Мы

двигались точно в молоко. Голоса наши доносились глухо, как через вату. Фигура климатолога, шагавшего впереди, едва обрисовывалась перед нами. Звук наших шагов почти не был слышен.

— Обратите внимание, — сказал климатолог, — туман стал холоднее. Мы удаляемся от горячего озера.

Это было верно: волны тумана постепенно теряли свою температуру. Так мы прошли около часа. Внезапно из тумана выступили темные силуэты, — были это какие-то существа или что-то другое, не разобрать. Мы остановились. Темные силуэты стояли в ряд, точно рассыпавшиеся в цепь солдаты.

Рис. В. АЛЕКСЕЕВА

— Что это может быть? — задумался климатолог.

— Может, это обитатели планеты? — сказал водолаз. — Они услышали наши голоса и решили окружить нас.

Такое предположение не понравилось нам.

— Посмотрим, что они будут делать, — решил климатолог. — Не следует очень спешить к ним в объятия.

Мы долго стояли, не шевелясь и не разговаривая между собой. Загадочные силуэты продолжали оставаться на месте

— Попробуем подойти к ним, — предложил климатолог.

Мы снова двинулись вперед. Силуэты находились в том же положении, и расстояние между ними не изменялось.

— Это столбы, — догадался климатолог. — Просто столбы, Если бы это были живые существа, они бы не стояли так неподвижно, Идем смелее!

Пройдя сотню шагов, мы увидели, что над каждым силуэтом начало вырисовываться нечто округлое, похожее на голову, а справа и слева выступили какие-то длинные тени.

— Кажется, у этих столбов есть руки, — сказал водолаз.

Мы остановились. Вдруг климатолог сорвался с места и быстрыми шагами направился к «столбам». Мы не успели окликнуть его, как он уже скрылся в густом тумане.

— Идите сюда! — раздался через минуту голос климатолога.

Я и водолаз пошли к нему, Чем ближе мы подходили к силуэтам, тем яснее выступали перед нами контуры деревьев.

— Сюда, сюда!— звал нас климатолог.

Он протянул нам обе руки, — в каждой находилось по яблоку.

— Первый завтрак на планете! — поздравил нас климатолог.

Яблоки оказались очень вкусными, напоминающими нашу антоновку. А темные силуэты были не что иное, как ряды яблонь.

— Совершенно ясно, что планету населяют разумные существа, иначе яблоки не росли бы здесь рядами, — вывел заключение климатолог.

— Хорошо, если они питаются только яблоками...

— Ну, нас не так-то легко проглотить! — заметил я.

— Не подлежит сомнению, — кивнул климатолог. — Отправимся дальше и постараемся выбраться из этого тумана.

Хотя туман служил нам защитой, скрывая нас и делая невидимыми, однако оставаться в этом «молоке» все время не имело смысла. Мы долго шли среди яблонь — казалось, им нет конца. Это была яблоневая тайга. Туман оставался таким же плотным.

— Туман этот вечный, — решил водолаз.

— Да, вечный. Он никогда не рассеивается, и в этих местах обитатели никогда не видят солнца.

— Непонятное явление! Тут никогда не бывает солнца, а между тем созревают яблоки.

— В природе случаются еще более удивительные вещи, — сказал климатолог.

— Грустная картина! — оглянулся кругом водолаз. Никогда не бывает солнца...

— Нам необходимо сделать запас продуктов, — сказал я.

Мы набили все свои карманы и рюкзаки спелыми яблоками.

Но с первых же шагов, едва мы двинулись в этот сплошной туман, наши ноги стали путаться в какой-то высокой траве, сильно мешавшей нам идти.

— Погодите-ка! — остановился климатолог.

Он нагнулся, сорвал стебель травы и, размяв ее пальцами, поднес к носу.

— Помидоры! — воскликнул он. — Это помидоры!

Мы присели на корточки и увидели у своих ног оранжевые помидоры. Водолаз сорвал самый крупный из них и попробовал.

— Совсем спелый, — заключил он.

— Берите те, которые уже упали, — посоветовал климатолог. — Это самые спелые. Смотрите, сколько их лежит на земле!

В самом деле, масса темно-красных помидоров лежала вокруг нас.

— Безобразие! — возмутился водолаз. — Зачем только они их сажают? Ведь помидоры гниют без всякой пользы.

— Это изобилие! — воскликнул климатолог. — Я вижу торжество науки. Какое счастье добиться такого на Земле! Пусть какая-то часть урожая погибнет, пойдет на удобрение почвы — неважно! Самое главное, чтобы всего было много, очень много, что называется — де-вать некуда. Облом, как говорят у нас на Украине в годы буйного урожая фруктов. Облом, ветки трещат. И кто знает, нет ли тут смысла оставлять спелые плоды на земле? На таких огромных площадях очень трудно удобрять землю, и, может быть, это самый легкий, простой и самый дешевый способ удобрения.

— А вы уверены, что на этой планете существуют обитатели? — спросил водолаз.

Он оставался верным себе своей привычкой зада-

вать самые неожиданные вопросы. Климатолог изумленно взглянул на него.

— После всего, что мы здесь видели и видим, вы сомневаетесь в существовании разумных существ?

— Мы прошли уже несколько километров и не встретили ни одной живой души, — ответил водолаз, — не слышали ни одного звука. И мне кажется, тут дело гораздо проще: яблоки и помидоры никто не собирает потому, что некому их собирать. Некому! — повторил он. — На планете никого нет.

Климатолог пожал плечами.

— Пойдемте, — сказал он. — Там будет виднее!

Мы продолжали идти. Полю не было конца. Водолаз сердито бурчал что-то про себя. Он сильно отставал от нас. Несколько раз мы останавливались, поджидали его.

— Куда торопиться? — ворчал водолаз. — Уж не в гости ли к обитателям этой планеты? Неизвестно, как они отнесутся к нам.

— Думаю, что они существа культурные. Не съедят же они нас! — заключил климатолог.

Неожиданно мы набрали на асфальтированное шоссе и двинулись по нему. Идти стало легко. Вдруг впереди что-то засветилось. Необыкновенный свет этот как бы повис среди тумана, оттеснив его в стороны.

— Что это? — спросил я.

— Это? Законсервированный солнечный луч! — ответил климатолог.

Он любил отшучиваться в тех случаях, когда не знал еще, что сказать.

Золотистый свет становился все яснее, и вот уже начали проступать сквозь туман контуры чего-то прозрачного, грандиозного. Мы подошли вплотную и уви-

дели, что золотистый свет струится сквозь стеклянную стену, возвышающуюся перед нами. Сквозь прозрачную стену виделась березовая аллея, уходящая вглубь.

Я взялся за ручку двери — дверь была не заперта. Мы очутились в тенистом парке.

Здесь не было никакого тумана. Над нашими головами простиралось голубое небо. Без сомнений, там, вверху, тоже стекло, но небо такое голубое, ясное, что невольно веришь — там настоящее небо. И свет, золотистый свет, точно весь парк залит лучами солнца. Нигде не было видно никаких прожекторов, ламп, световых дуг. Неизвестно, откуда лился этот золотистый свет.

— Каким образом удалось так осветить? — допытывался я.

— Думаю, что это сделал атом, — сказал климатолог.

— Тс-с! — поднял палец водолаз. — Слышите?

Из глубины парка доносился голос кукушки. Над нашими головами бойко посвистывал скворец. Чуть подалее выводил свою короткую песенку зяблик. Парк был полон птиц.

— Точь-в-точь как у нас под Москвой! — воскликнул водолаз.

— Но как же они улетают отсюда осенью? — проговорил я.

— Перелет обыкновенный: с березы на рябину, с рябины на осину, — иронически перечислил климатолог.

— На юг как они улетают, на юг! — крикнул я.

— Они никуда не улетают, — решил климатолог. — Зачем им улетать? Здесь круглый год лето.

— Но ведь наступает осень, потом зима...

— А деревья?

— Что же деревья... Они тоже не улетают.

— Но листья-то осыпаются!

— И пусть осыпаются. В январе здесь так же тепло,

как сейчас, и птицы прекрасно зимуют в этом парке. Корма для них достаточно.

— И всегда этот золотистый свет?

— Думаю, что всегда. Возможно, что ночью его сменит лунное сияние. Небо потемнеет, на нем зажгутся звезды... Теперь ясно, обитатели этой планеты умеют создавать природу с помощью науки и искусства.

Мы вышли из аллеи, и перед нашими глазами открылось сплошное поле цветов. Цветы простирались бесконечным ковром. Воздух был напоен тонкими ароматами. Кругом был все тот же золотистый свет, но еще более яркий, чем там, в роще. Цветник привел нас к пляжу. Широкая река омывала песчаный берег.

— Песок, конечно, холодный, — решил я. — Солнца-то все-таки нет! — Я опустил ладонь на песок, но он оказался горячим, точно его нагрели солнечные лучи.

— Как же так?

— Солнце помещается под песком, — ответил климатолог. — Тут все предусмотрено.

— Не сомневаюсь. Здесь купаются круглый год.

Я приблизился к воде: действительно, вода была совершенно теплая. Каким образом это достигается?

— Догадаться не так уж трудно, — проговорил климатолог. — Должно быть, вода из реки поступает в обогревательный лабиринт, ни на секунду не останавливаясь в своем течении, и, утепленная, приходит к этим берегам, а затем снова уходит в реку.

Мы разделись и прыгнули в воду. Приятно было поплавать в чистой воде. Дно песчаное, плотное, как в море. Освежившись, мы растянулись на горячем песке.

— Хорошо! — воскликнул водолаз. — И в воде тепло, и в воздухе. У нас под Москвой не всегда так. То в воздухе тепло, а вода холодная, то вода теплая, а в воздухе холодно.

— Понятно! — кивнул климатолог. — Утром, на заре, когда идешь с удочками, над озером стелется пар, вода как бы дымится — это она отдает тепло, скопившееся за день, а земля уже успела остыть за ночь.

— Неужели это вечное лето создано энергией атома? — сказал я.

— Несомненно! — ответил климатолог.

— Но кто же поддерживает этот режим, эту температуру, кто руководит энергией: Ведь не может же все происходить само собой!

— Почему не может? — переспросил климатолог. — Мы еще не знаем всех свойств той энергии, которая нас окружает, еще не изучили ее.

Водолаз покачал головой.

— Планета необитаема, а это, — повел он рукой во круг, — это остатки той жизни, которая здесь была и которая скоро исчезнет. Некому ее здесь поддерживать.

— Пока она продолжается, нам следует ее изучить! — вскочил климатолог. — Не будем нежиться на этом песке, двинемся дальше.

Мы покинули парк и пошли вдоль наружной стены, полагая, что она приведет нас в город или к какому-нибудь шоссе, по которому обитатели планеты приезжали сюда отдыхать. Но стеклянная стена тянулась бесконечно. Уже по этому можно было судить о размерах парка. В нем легко разместилось бы несколько десятков тысяч гуляющих.

Наконец стена кончилась, и мы очутились на шоссе.

Средняя его часть была асфальтирована, а обе боковые стороны представляли широкий тротуар, покрытый какой-то плотной эластичной массой. Водолаз нагнулся и ощупал ее.

— Это резина, — определил он. — Резиновые тротуары. Любопытно, для какой цели построен резиновый тротуар? Чтобы легче его мыть?

— Похоже, что так. Вот и отверстия по краям для стока воды, — указал я на промежуток между резиной и асфальтом шоссе.

Промежуток в палец шириной тянулся по всей линии тротуара, который нигде не примыкал к шоссе вплотную. Климатолог внимательно разглядывал тротуар, потом запустил пальцы в щель между резиновой покрывкой и асфальтом шоссе.

— Сойдите-ка с тротуара! — попросил он нас.

Мы подчинились.

— Просуньте свои пальцы с той стороны покрывки, — предложил он.

Мы исполнили и это.

— Теперь тяните к себе! — скомандовал он. — Сильней, сильней!

Мы потянули, и тротуар плавно сдвинулся с места.

— Так и есть! — воскликнул климатолог. — Движущийся тротуар, новый вид транспорта! Понимаете? Из центра города по всем направлениям движутся к парку тротуары. Широкая каучуковая лента тротуара находится в непрерывном движении: одна сторона по направлению к парку, другая в город. Вы выходите из дому, ступаете на подвижной тротуар и едете в парк. Можете читать газету или беседовать со своим спутником — тротуар везет вас по улице, над головой у вас голубое небо, — не душно, не тесно.

На другой стороне шоссе стояло какое-то здание. Вероятно, оно было высокое: верхняя часть его тонула в тумане. Нигде не было видно окон. Без сомнений, оно так же пустовало, как и чудесный парк.

Мы вошли внутрь.

Мягкий свет, напоминающий лампы дневного света, озарял стены. Но опять было неизвестно, откуда струился этот свет. Первая комната, очень просторная, напоминала приемную. В глубине ее помещалась дверь со стеклом в верхней половине, зашторенной занавеской с внутренней стороны. Мы направились к этой двери.

И вот сквозь щелку в шторах увидели девушку, совсем такую, какие бывают на Земле. Это так поразило нас, что мы молча смотрели на нее, как на какое-то чудо. Встретить на этой неведомой планете живое существо, ничем не отличающееся от обитателей Земли! Климатолог обернулся к нам и предостерегающе поднял палец. Девушка писала, сидя у стола. Она была обыкновенная, и только платье у нее было удивительным: каждую минуту платье меняло свой цвет, а также рисунок ткани.

Это было замечательно! Казалось, девушка поминутно меняет платья. Такой ткани на Земле не было, и это служило бесспорным доказательством того, что мы находились на какой-то неведомой планете. Но вот девушка встала, подошла к маленькому столику, откинула крышку, и мы увидели аппарат телеграфа. Девушка положила палец на ключ.

Я насторожился. Что она собирается телеграфировать, на каком языке? Мы все хорошо знали телеграфный код. Застучал ключ аппарата, и, к своему крайнему изумлению, я прочел: «Температура тридцать шесть и шесть давление сто двадцать пять дробь шестьдесят пять».

— Русская! — громко вскрикнул я. — Она русская!

— Земля! — топнул ногой водолаз. — Это наша Земля. Мы на Земле!

— Дома! — подхватил климатолог. — Мы дома, черт возьми, дома!

Мы начали смеяться от радости, обнимать друг друга, а водолаз пустился в пляс. Распахнув двери, мы шумно вошли, направляясь к девушке. Она вскочила, поспешно повернула рычаг на стене, и мы почувствовали, что какой-то ток пробежал по всему телу и сковал наши руки и ноги. Мы не могли ни двинуться с места, ни даже шевельнуть пальцем.

А девушка удивленно разглядывала нас, и платье на ней становилось то оранжевым, то синим, то зеленым.

— Кто вы? — недоверчиво спросила девушка.

— Участники первого межпланетного перелета, отправившиеся с экспедицией на Марс, — ответил климатолог.

Девушка усмехнулась.

— Все участники этой экспедиции давно погибли.

— Нет, — возразил климатолог. — Мы живы.

Девушка продолжала критически разглядывать нас.

— Каким же образом вы вернулись оттуда?

— Мы возвратились на своем космическом снаряде «Москва».

— И вы можете доказать это? — спросила девушка.

— Очень легко! — воскликнул водолаз. — Космический снаряд «Москва» находится сейчас на приколе у берегов горячего озера.

— Посмотрим! — покосилась на нас девушка и направилась в дальний угол комнаты, где стоял какой-то странный прибор.

— Но, прежде всего, освободите нас от этого противного тока, который сковал наши руки и ноги! — взмолился климатолог.

— Не могу сделать этого до тех пор, пока не выясню, что вы за люди, — сказала девушка. — Придется вам немного потерпеть. Не пугайтесь, этот ток не причинит вам никакого вреда, — улыбнулась она. — Ток лишит вас возможности действовать, и только.

— Но мы не собираемся действовать против вас! — заметил я.

— Вы находитесь в запретной зоне, сказала девушка. — На расстоянии ста километров сейчас нет ни одного человека. Только я одна могу быть здесь.

— Вам известно, каким образом мы попали сюда? Или вы еще продолжаете сомневаться?

— Увидим! — уклончиво — ответила девушка. — Проверим, действительно ли «Москва» стоит у берега.

— Как? — воскликнул климатолог. — Вы отправитесь на поиски нашего космического снаряда, а в это время мы будем скованы здесь током?

— Вижу, что вы совсем отстали, — усмехнулась девушка. — Вы не имеете понятия даже о том, что известно у нас каждому школьнику.

— Вполне возможно. Мы не были на Земле целых пятнадцать лет.

— Это заметно, — кивнула девушка. — Я сразу обратила внимание на то, с каким удивлением вы смотрели на мое платье.

— Платье совершенно необыкновенное! Каждую минуту оно меняет свою окраску.

— Ну так что ж? — пожала плечами девушка. — Эта ткань состоит из тончайшего стеклянного волокна, каждая нить которого составляет трубочку, наполненную красителем, обладающим свойством менять свой цвет под воздействием света. В любом универмаге вы найдете такую ткань.

— Мы видим это впервые, — признался я.

— Поэтому вы и решили, что я отправлюсь на поиски вашего космического снаряда, — улыбнулась девушка.

— Но каким же образом вы обнаружите его?

— Найдем отсюда, — уверенно сказала девушка. — Осмотрим весь берег и найдем. Сейчас мы погрузимся в полную темноту.

Девушка погасила свет и включила какой-то прибор. Перед нами на стене засветился экран, на котором замелькали, как в кино, какие-то очертания.

— Берег озера, — пояснила девушка.— Обследуем его западную часть.

Сквозь туман на экране поплыли очертания берега, и мы увидели нос нашего космического снаряда.

— Вот он! — воскликнул я. — Смотрите, ясно видна надпись на борту: «Москва».

— Вижу, — сказала девушка и, выключив экран, зажгла свет.

— Надеюсь, теперь у вас уже нет сомнений, что перед вами находятся участники первого межпланетного перелета?

И климатолог назвал наши имена, но девушка все еще продолжала колебаться. Ей казалось невероятным, чтобы после столь продолжительного срока мы могли вернуться на Землю.

— Наконец хоть освободите нас от действия этого

противного тока! — крикнул климатолог. — Мы приросли к полу.

Девушка повернула рычаг, и мы получили возможность расправить свои руки и ноги. Затем она направилась к телеграфу и начала отстукивать депешу — это было сообщение о нас.

— Подойдите ближе, — позвала девушка. — Сейчас я передам в Москву ваше изображение, и там сверят с фотокарточками, хранящимися в архиве участников первой межпланетной экспедиции.

— Кажется, нас встречают, как подобает встречать участников космического перелета, — вздохнул климатолог.

— Не хватает только букетов и музыки, — заметил водолаз.

— А главное, нет толпы, которая бы шумно приветствовала нас! — сказал я.

— В самом деле! — подхватил климатолог. — Ни одной живой души!

— А я?— спросила девушка.

— Извините, но вы...

Климатолог замялся.

— Я не собираюсь приписывать вам отвращение к космическим путешествиям, но ваша крайняя недоверчивость...

Девушка погрозила пальцем:

— Смотрите, я снова включу ток!

— Отчего нигде не видно людей? Мы прошли столько километров и не встретили ни одного человека.

— Так и должно быть, — сказала девушка. — Вы даже не подозреваете, что можете погибнуть все, находясь в этой зоне.

— А вы не погибнете?

— Я тоже, — спокойно ответила девушка.

— Почему же вы остаетесь здесь?

Девушка усмехнулась.

— Скажите, когда вы садились в космический снаряд, готовясь в первый межпланетный перелет, была у вас мысль, что вы можете погибнуть?

— Конечно, была, — ответил климатолог. — Мы знали, что это опасное путешествие.

— Так отчего же вы не отказались от него?

— Мы шли добровольно, чтобы добиться новой победы в нашей науке, — пояснил я.

— И я здесь добровольно, — сказала девушка. — И тоже ради победы нашей науки.

— Позвольте, позвольте, — вспомнил я. — Когда мы подошли к этой двери, вы передавали депешу:

«Температура тридцать шесть и шесть, давление сто двадцать пять дробь шестьдесят пять».

— Правильно, — кивнула девушка. — Это я передавала очередное донесение о своей температуре и кровяном давлении.

— Значит, есть опасение, что и температура и кровяное давление могут выйти из нормы?

— Могут.

— И что тогда?

— Тогда... — сказала девушка. — Тогда может быть очень плохо...

Мы с уважением смотрели на девушку. Она говорила спокойно, точно дело шло о какой-то маленькой неприятности.

— Раз уж нам грозит опасность, объясните нам, в чем дело, — сказал климатолог.

— Объяснить? — задумалась девушка и сразу оживилась. — Знаете что? Здесь рядом находится музей. Я покажу его вам, и тогда вы узнаете, в чем дело.

Мы охотно согласились и последовали за ней. Она привела нас в просторный зал, посередине которого помещался макет.

— Байкал, — кивнула девушка на макет. — В длину Байкал протянулся на шестьсот с лишком километров. Если бы это озеро расположить под Москвой, оно доходило бы до самого Курска. Посмотрите, как оно расположено. Гигантская чаша из гранитных утесов, наполненная прозрачной водой, глубокая, как океан, и вознесенная на полукилометровую высоту среди бескрайних просторов Земли. Неужели этот исключительный в своем роде водоем создан только для того, чтобы поверхность его бороздило несколько сотен рыболовецких судов? Люди не могли примириться с такой скромной участью этого озера. Очень давно наши первые исследователи обратили внимание, что в некоторых местах на берегу Байкала наблюдается местное усиление облачности. Объясняется это явление резким контрастом в направлении суши и воды. Разница в температурах способствовала обильному образованию тумана и низких облаков. Известно, что зимой, например, повышение облачности на десять процентов поднимало температуру воздуха в среднем на один градус. Значит, если бы каким-то образом способствовать образованию таких туманов и облаков над всей поверхностью Байкала, то климат всего края сильно изменился бы. Чтобы насытить воздух водяными парами, требовалось применить мощную энергию, способную нагревать глубокие воды Байкала, вызывать усиленное испарение, образование туманов и облаков. Энергия атома превратила Байкал в горячее озеро, в источник бесконечных туманов. Туман поднял температуру воздуха над сушей, отгеснил в глубь земли вечную мерзлоту, изгнал заморозки, которые прежде бывали во все

летние месяцы, кроме одного июля. Край покрылся фруктовыми рощами и плантациями овощей.

— Но вы не сказали, почему здесь нам угрожает опасность, — напомнил климатолог.

— Вот теперь мы подошли к этому вопросу, — сказала девушка. — Наши ученые заметили, что с того времени, как Байкал превратился в фабрику туманов, увеличилась облачность в засушливых краях, лежащих далеко от Байкала. Это понятно: туман не остается на месте, он подымается вверх и превращается в облака, а ветер уносит их за тысячи километров, а там они орошают землю дождем. Таким образом, чем сильнее туман в зоне Байкала, тем больше дождей в краях, страдающих от засухи. А раз это так, то необходимо дать максимальную нагрузку атомной энергии, чтобы Байкал стал не только фабрикой туманов, но настоящей фабрикой облаков. Байкал, орошающий приволжские степи или поля Украины, — дерзновенная мысль! Но тут запротестовала медицина. Возникло опасение, что в зоне туманов атом вызовет резкое изменение в составе крови как у человека, так и у животных. Тогда и было решено произвести эксперимент: временно из зоны тумана выехало все население, а на местах остались лишь наблюдатели, которые добровольно согласились подвергнуть себя испытанию. Так я очутилась здесь и вот живу, — закончила девушка.

Через час из Москвы пришло распоряжение доставить нас на аэродром, и девушка отвезла нас на своей служебной машине. Здесь уже не было тумана. Поднявшись на самолете, мы увидели внизу гигантское облако, лежавшее на земле, — там остался Байкал, окутанный непроницаемым туманом.

На горизонте громоздилась сплошная стена кучевых облаков — очередной транспорт с фабрики туманов.

нов. К ночи, может быть, они упадут дождем на пшеничные поля Украины. Может быть, уйдут дальше и польют виноградники Кавказа. А может быть, обрушатся шумным ливнем на сады Казахстана.

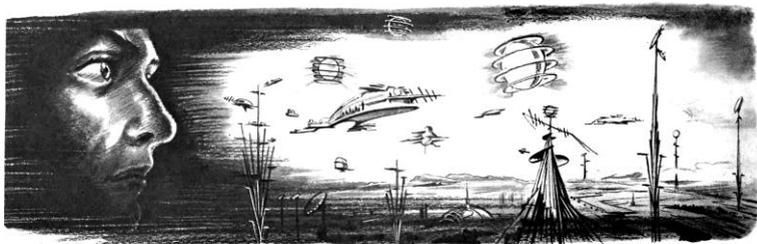

Л. ПОПИЛОВ

**2500 год.
ВСЕМИРНАЯ
ВЫСТАВКА**

Фантастический очерк

Журнал «Техника-молодежи», №№ 7 - 8, 1956 г.

2500 год. ВСЕМИРНАЯ ВЫСТАВКА

Рис. Л. СМЕХОВА

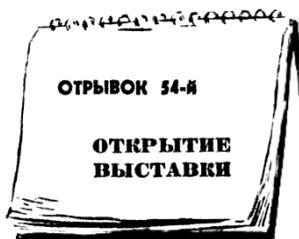

Уважаемый товарищ редактор!
 В нашем распоряжении случайно оказалось несколько катушек магнитной записи репортажа с Международной выставки 2500 года. Трудно объяснить, как они попали в наши руки, и я не берусь это сделать. К сожалению, далеко не все катушки удалось расшифровать настолько, чтобы, снабдив их примечаниями, можно было предложить вниманию ваших читателей. За пять с половиной веков, отделяющих наше время от времени, в котором была произведена запись, в обиходную речь вошло огромное количество разных новых научных и технических тер-

минов, догадаться о значении которых невозможно. Отдельные куски записи состоят почти сплошь из таких непонятных слов и воспринимаются как речь на иностранном языке. Конечно, весь текст не имеет смысла представлять вниманию читателя.

Поэтому я предлагаю опубликовать в журнале только отдельные отрывки из этих записей. Думаю, что ознакомление с ними будет полезно и интересно для молодых читателей.

С глубоким уважением инженер Л. ПОПИЛОВ
 Ленинград

Год 2500-й.

Обычное земное утро,

Темно-коричневые цифры часов и минут Единого Мирового Времени¹⁾, трепещущие на голубом шатре небосвода, показали восемь.

Начали медленно поворачиваться и приоткрываться поляроидные, словно чешуйчатые, крыши²⁾ зданий.

Непрерывно струящийся из тропосферы свет гелионов³⁾ — искусственных солнц — проник внутрь затемненных до того зданий.

Миллионы землян, окончив утренний туалет и завтрак, расположились у своих ВЭЭСов⁴⁾ и повернули ручки настроек на одно и то же деление — «Всеобщий прием». Этим самым они включились в качестве собеседников в предстоящее этим утром открытие Всеземной юбилейной выставки.

Заполняя всю глубину экранов ВЭЭСов, перед ними предстала гигантская панорама тысячекилометрового плато, служившего уже несколько столетий местом общеземных выставок.

На сей раз даже зрителям, привыкшим к грандиозности предыдущих выставок, зрелище показалось необычайным.

Еле заметные ажурные вышки погоды, пятисотметровые стрелы из титано-бериллиевого сплава, ионизирующие воздух и регулирующие конденсацию водяных паров, окаймляющие горизонт Большой равнины, убрали над ее огромной площадью все мелкие облака, иногда случайно возникавшие.

Залитые ровным гелионовым светом на необозримом пространстве, протянулись прямые аллеи выставочных стендов, заполненных бесчисленным количеством всевозможных предметов, от мелких, неразличимых издали, до огромных, намного превышающих рост человека.

Увеличивая до любого размера поворотом масштабной ручки изображение отдельных точек этой панорамы на экране, зрители с интересом рассматривали разнообразные экспонаты.

Серебристой трелью колокольчиков, прерываемой басовыми звуками органов, прозвучал сигнал «Всеобщее внимание».

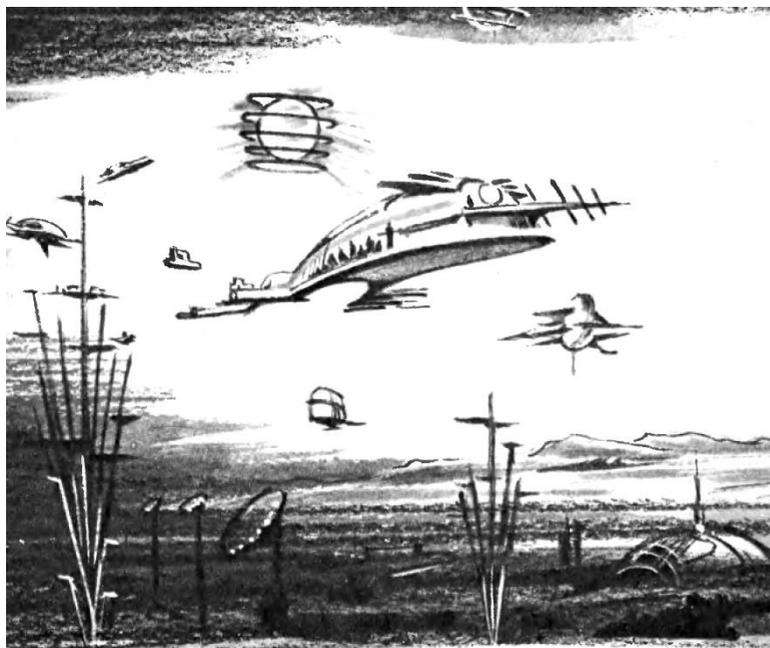
Началась церемония открытия выставки.

— ..Дорогие мои собеседники! Мы привыкли с вами к ежегодным Всеземным выставкам — традиционному показу всего нового, созданного за истекший год.

Выставка этого года особая: она открывается ровно через 500 лет после Первой Всемирной промышленной выставки, состоявшейся в 2000 году в Париже.

К сожалению, среди нас не осталось ни одного очевидца Парижской выставки, так как «ДЛ» — препарат долголетия, — который в сочетании с выполнением правил гигиены умственного и физического труда позволяет увеличить продолжительность человеческой

жизни до нескольких сот лет, был изобретен только в 2207 году. Однако сохранились удовлетворительные, хотя еще не объемные, кинофильмы. Мы покажем их вам сегодня для сравнения с тем, что будет проходить перед вашими глазами при осмотре экспонатов выставки. Вот я включаю первые кадры ленты...

Перед зрителями на месте необозримого пространства Большой равнины появилось изображение, напоминающее наглядные пособия, широко используемые для учебных целей.

— Перед вами отдел энергетики Первой Всемирной выставки, — раздался голос поясняющего. — Это экспонаты периода блестящего расцвета социалистической техники, когда все достижения науки конца XX века были обращены только на мирные цели и на благо свободных тружеников.

...Вот действующие макеты первых ядерных установок «САП-1», начавших обогрев пространств вблизи Северного и Южного полюсов для исправления земных климатов.

Обратите внимание, насколько они сложны и громоздки по сравнению с аппаратами «КРК» — «Космическими регуляторами климата», — новые модели которых вы увидите на сегодняшней выставке...

Шорох, сопровождавший показ кинофильма, прекратился, и снова появилась залитая ярким дневным светом и наполненная легким шумом Большая равнина — выставка 2500 года.

Перед глазами зрителей, быстро увеличиваясь в размерах и заполняя все пространство экрана, возник неподвижно парящий в воздухе, сливающийся с цветом неба серебристо-голубой шар, опоясанный несколькими овальными — напоминающими перила — обручами.

Изображение переместилось по экрану, и тогда стало видно, что неподвижность его кажущаяся, а в действительности шар с большой скоростью вращается внутри опоясывающих его овалов.

— Новые «КРК», модели которых показаны здесь, — продолжал поясняющий, — несравненно совершеннее ядерных установок времени Первой Всемирной Парижской выставки.

Вместо трудноуправляемых ядерных реакций в них использована открытая два столетия тому назад способность нескольких новых элементов периодической системы аккумулировать при температуре, близкой к абсолютному нулю, энергию космических лучей и освобождать ее в форме сверхвысокочастотного электрического тока при повышении температуры.

Незаряженные шары со стержнями из этих элементов, вставленными в ячейки из титано-бериллиевого сплава, для зарядки энергией космических лучей автоматически поднимаются за пределы атмосферы. Зарядившись, они спускаются в верхние слои атмосферы, где, нагреваясь, начинают излучать энергию, которая передается по ионным дорожкам в электрические моря⁵⁾...

В конструкции «КРК» нашло яркое выражение оформившееся у человечества уже несколько столетий назад стремление к созданию таких устройств, которые, наряду с простотой принципов и конструкции и полной автоматизацией, обладали бы важнейшими качествами — хорошо известными вам «тремя Н»: незаметностью, неслышимостью, надежностью.

...Снова исчезла Большая равнина, и на экране появился сверкающий белозной океанский лайнер, за кормой которого вздымался крутой водяной бурн.

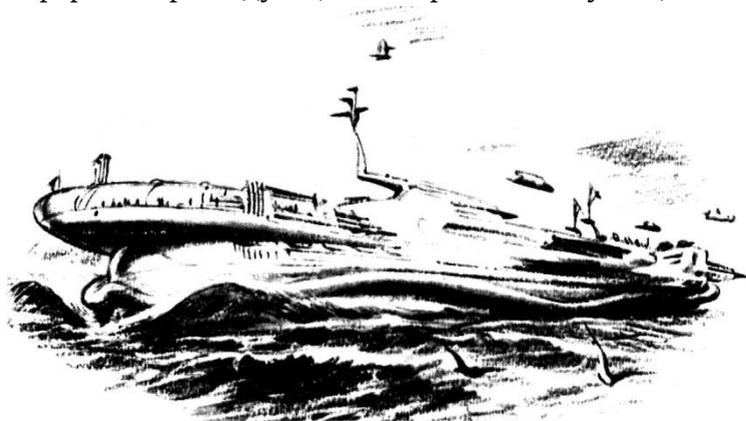
И снова вступил в разговор поясняющий.

— Перед нами один из первых трансокеанских кораблей, восторженным описаниям которого во время Парижской выставки 2000 года были посвящены сотни статей на всех языках планеты...

Созданный виднейшими конструкторами, этот корабль и сейчас вызывает симпатию простотой и изяществом линий и обилием удобств, предусмотренных для пассажиров.

Но посмотрите на его силовые установки. (На экранах возникло машинное отделение судна.) Один лишь атомный реактор и гелиевая газовая турбина занимают почти треть всего объема корабля.

И этот колосс, поглотивший при сооружении и непрерывно расходующий во время эксплуатации ги-

гантское количество человеческого труда, развивал скорость, не превышающую 150 километров в час, причем не обеспечивал полной безопасности пассажиров...

Сравните с ним представленную здесь модель (на экране опять выставка) современного судна «Отдых», недавно спущенного на воду. Судно предназначено для прогулок по морям и океанам. Ведь вам всем известно, что прогулки на расстояния в тысячи километров — обычное средство отдыха и освежения впечатлений — входят в комплекс обязательных для каждого землянина гигиенических правил.

Внешне наше судно еще сохраняет небольшое сходство с судном XX века — это сходство определяется законами гидродинамики. Но насколько различно внутреннее устройство и принципы движения этих двух судов!

Корпус «Отдыха» вместе с палубой, надстройками и всеми внутренними переборками отлит из титанового пенометалла с каркасом из металлоорганической пластмассы. На его бортах установлены гравитационные успокоители волн — устройства, усиливающие земное тяготение вокруг судна и препятствующие ударам или падению волн на палубу при штормах. Машинных установок на этом судне вы не найдете. Их заменяют расположенные вдоль нижней части корпуса упругие полосы резонита — одного из интереснейших современных материалов. Резонит, созданный в 2350 году, представляет особый вид синтетического белка, имеющего особую ориентацию молекулярных цепей и обладающего способностью под влиянием поляризованных электромагнитных колебаний, звуковой или ультразвуковой частоты изменять свои размеры в такт с частотой этих колебаний. Он похож в этом отноше-

нии на пьезоэлектрические материалы, но отличается необычно большой амплитудой удлинений и сжатий, достигающей нескольких сантиметров на метр.

Когда корабль попадает в зону одной из бесчисленных электромагнитных дорожек, опоясывающих земной шар во всех направлениях, резонитовые полосы начинают вибрировать, и перемещают корабль в требуемом направлении. Эти дорожки — узкие лучевые пучки электромагнитных колебаний фиксированной частоты — пересекают все надземное пространство, служат для ориентировки транспортных средств и передачи им энергии. Расстояние одной электромагнитной дорожки от другой, как вам известно, не превышает 2—3 километров,

С экранов ВЭЭСов в лица зрителей ударила волна необычайных звуков. Тонкий, пронзительный свист, звонкие трели, басовитое гудение, скрежет, шипящие, потрескивающие и журчащие звуки переплелись между собой.

Это перед зрителями появились кадры зала металлорежущего оборудования Парижской выставки.

— Перед вами гордость техники XX века, — начал поясняющий, — станки для обработки металлов. Имея представление об этих станках лишь по картинам из истории техники, вы, естественно, не можете испытать тех радостных ощущений и того восхищения, которыми сопровождался осмотр этого зала крупнейшими инженерами и учеными в 2000 году.

Действительно, для того времени установленные в нем экспонаты были высочайшими достижениями техники. С их помощью создавался фундамент культуры сегодняшнего дня. Но вам должна показаться неразумной сама задача, которая ставилась создателями этих станков, — как можно быстрее переводить возможно больше металла в стружку.

Не следует, однако, полагать, что передовые техники того времени не осознавали принципиальной порочности подобных технологических методов.

Но законы технического прогресса не допускают преждевременных скачков с одного уровня развития на другой, если предпосылки для этого скачка еще отсутствуют. Поэтому, несмотря на достаточно ясное представление о путях дальнейшего развития технологии, время прощания с металлорежущим оборудованием 500 лет тому назад еще не наступило. Более того, наряду со станками чисто механическими, появились в большом количестве станки ультразвуковые, электроэрозионные, электрогидравлические. В станках первого типа — ультразвуковых — инструмент вибрировал с частотой свыше 20 тысяч колебаний в секунду. Разрушение материала изделия происходило в резуль-

«...Мы являемся свидетелями стремительного старения машины. Особенно это заметно в авиации — за 40 лет неуклюжие «легкомысленные этажерки» сменились мощными сигарообразными реактивными самолетами. Очень хочется пометать о будущем и представить себе, какого развития достигнет техника через 200—300 лет».

**Моторист И. КЛИМЕНКО,
г. Киев**

тате кавитационных ударов жидкости и ударов о поверхность изделия абразивных частиц, приобретших большие скорости. У электроэрозионных станков для обработки токопроводящих материалов использовалось явление электрической эрозии — разрушение материала электрическим разрядом. Наконец, электрогидравлические станки служили для обработки сверхтвердых металлических и неметаллических материалов. В них использовался эффект электрогидравлического удара.

Станки научились «видеть» — читать чертежи и схемы. У них появилась «память», позволяющая запоминать и затем выполнять любые команды, Они обросли электрическим и электронно-счетным оборудованием, привлекли в помощь себе сжатые и разреженные газы и жидкости, Они принимали различные формы, объединялись в узлы, автоматические линии и заводы, облегчая физический труд, автоматизируя и механизуя производство, помогая увеличить выпуск продукции.

Но основа этих станков оставалась неизменной: механическая энергия, сконцентрированная на ничтожно малых рабочих площадях инструмента, рвала, дробила, крошила, сжимала обрабатываемые материалы, превращая огромные количества их в малопригодные отходы.

Бесполезно искать на сегодняшней выставке, да и вообще в современной технике что-либо похожее, сравнимое

Уже три века прошло с того дня, когда повсеместно отказались от использования металлорезания для промышленных целей.

Немногим больший срок отделяет нас от времени, когда появились первые машины молекулярного прес-

сования, «ММП», — предки тех, которые теперь являются основным оборудованием наших автоматических предприятий.

На сегодняшней выставке показано несколько новых моделей этих машин.

Посмотрим одну из них в действии...

...Крохотная черная точка из левого угла панорамы передвинулась в центр и стремительно выросла, заполнив почти все поле экрана. Поясняющий нажал кнопку. Полупрозрачный купол машины, сделав пол оборота, открыл находящиеся внутри поблескивающие цилиндры и сеть трубок между ними.

— Вот как работает «ММП».

В левом сферическом сосуде находится селенитовый⁶⁾ порошок нужного номера. Этот порошок по широкой трубе через автоматический дозатор вдувается по мере надобности в рабочую камеру. Стенки камеры составлены из нескольких миллионов тонких подвижных стержней, могущих, вдвигаясь или выдвигаясь, изменять очертания полости, придавая ей любой необходимый размер и форму.

После того, как стержни камеры установлены в точном соответствии с формой будущего изделия (что выполняется автоматически по координатам размеров изделия, заданным вставляемой в станок таблицей), камера заполняется селенитом. Затем, через металлические вставки подается кратковременный мощный электрический импульс. Необычайно высокая удельная мощность и столь же необычайная кратковременность импульса приводят к мгновенному холодному срачиванию всех бесчисленных зерен селенита в монолитную массу изделия.

Выпавшее из машины изделие попадает на магнитостатический конвейер. Бегущие магнитные и элек-

тростатические поля увлекают предметы, попавшие в зону их действия, и направляют в подвижные склады.

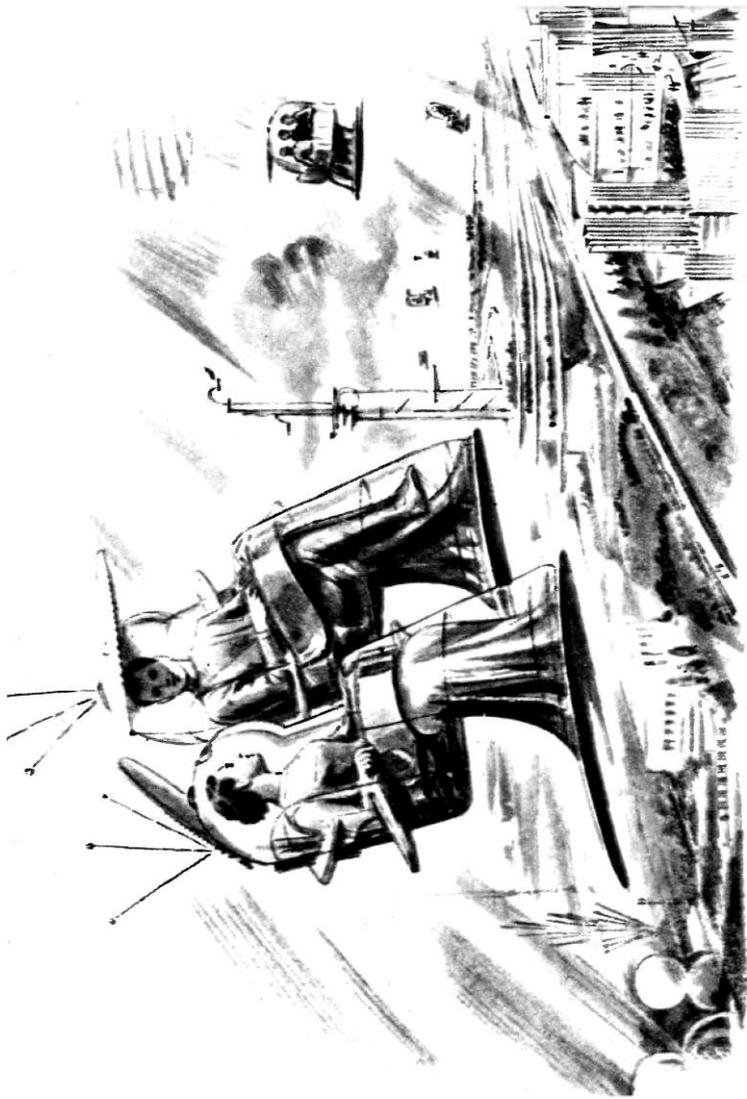
— Не только металлорежущие станки полностью исчезли из обихода нашей техники. Исчезло и многое другое, составлявшее предмет неустанных забот техников XX века.

Статистика того времени установила, что когда каждый третий житель города приобрел автомобиль, средняя скорость движения их по улицам стала меньше скорости пешехода, а по загородным трассам превышала скорость пешехода лишь в три раза.

Взгляните на представленные здесь, — на экранах ВЭЭСов снова выставка, — новые модели наших летательных аппаратов — известных каждому «КЧ». «КЧ» — «Крыло Человека» — стало основным средством передвижения на близкие расстояния еще два века назад. Вы все с детства привыкли к этим легким скафандрам из особой прозрачной пластмассы с вставками из неорезонита, поворотом которых под разными углами достигается изменение подъемной силы и направления движения в электромагнитном и гравитационном поле Земли, не говоря уже о том, что они совсем не похожи на автомобили XX века, и заметно отличаются даже от «КЧ», выпущенных в прошлом году.

Вместо несколько неудобного для пользования кнопочного ступенчатого переключения скорости введено плавное, осуществляющееся поворотом ладони. Антенны предохранителей столкновения (работающих на принципе радиолокации), имевшие форму выступающих усиков, заменены круглыми колпачками,

утопленными в скафандре. Но самое главное — новые «КЧ» снабжены новейшим искателем, автоматически управляющим полетом.

— Отдел жилищного строительства представлен на этой выставке еще меньшим числом образцов, чем на предыдущей. Это естественно, так как жилищные проблемы давным-давно перестали беспокоить человечество.

Напомню, что исчезновение городов-гигантов и равномерное заселение всей поверхности нашей планеты стало возможно только после ряда серьезнейших открытий. Вот они:

Во-первых, создание таких надежных и удобных средств сообщения, как «КЧ», для близких расстояний и круголетов «КР»⁷⁾ — для дальних.

Во-вторых, переход на зеленый антигравитационный конвейер⁸⁾ и синтетическое производство большинства пищевых веществ, позволившие превратить огромные территории в сады и парки для размещения жилых малоэтажных зданий.

Вот как выглядели лучшие кварталы Москвы, Пекина и Варшавы в XX веке.

Не правда ли, эти высокие светлые здания с обилием стекла и металла, окруженные зелеными газонами, выглядят привлекательно и в наше время?

Но сопоставьте их с теми зданиями, в которых мы живем сейчас, и разница окажется необычайно ощутительной...

Тогда еще не был известен наш основной строительный материал — поляроидное пеностекло, позво-

ляющее сооружать стены, свободно пропускающие свет, но при незначительном перемещении фильтровых пластин полностью затемняющиеся.

Не изготавливали еще в XX веке и температурных щитов из полупроводниковых элементов, которые могут быть в зависимости от направления проходящего сквозь них тока как нагревателями, так и холодильниками, хотя принципы получения тепла и холода этим путем уже были известны.

Сейчас, когда вы поворотом рукоятки устанавливаете температурные щитки на любую температуру, которую вы хотите иметь внутри дома, вам трудно представить, сколь сложна была система отопления и кондиционирования воздуха в зданиях XX века!

То же можно сказать и об осветительной технике.

Миллионы метров проводов опутывали жилые дома, подходя к каждой лампочке, люстре, фонарю!

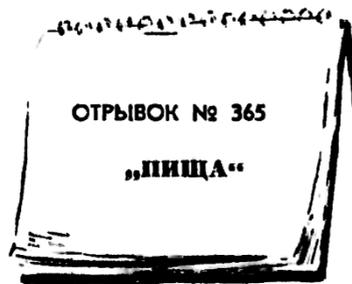
Ничего в этом отношении не изменилось и после замен ламп накаливания более экономичными и здоровыми для глаз газосветными лампочками, а затем световыми конденсаторами⁹⁾ из полупроводниковых материалов.

Исчезла паутина проводов лишь три столетия тому назад, когда гелионовые шары своим непрерывно излучаемым ровным, слегка розоватым светом залили всю поверхность планеты, а поляроидное стекло стало нашим основным строительным материалом.

Не менее разительно и отличие внутреннего убранства наших жилищ от принятого в XX веке, хотя многое из обычного сейчас для нас было известно и тогда.

Электростатические бордюры вдоль стен, улавливающие мельчайшие пылинки и ионизирующие комнатный воздух, магнитные вешалки для платьев, вода и воздух любой желаемой температуры, упругая ме-

бель, принимающая наиболее удобные для сидящего формы, абсолютная звукоизоляция помещений для отдыха — разве перечислить все удобства наших домов!

— Как и обычно, обширен на нашей выставке раздел пищевых продуктов... Усыпанные зернами золотисто-оранжевые стволы пшеничных деревьев, желтовато-зеленые и рубиновые гроздья виноградных шаров, горки овальных кремовых плодов, разнообразие сортов фруктов и овощей — все это вызывает аппетит у зрителей.

Посмотрите для сравнения, как выглядел пятьсот лет тому назад такой же отдел на Всемирной выставке...

На экране запестрели гигантские колосья пшеницы, стебли кукурузы, горы томатов, зеленые, желтые и красные россыпи фруктов, виноградные гроздья и сотни видов овощей, злаков...

— Вглядитесь внимательно в эти картины, друзья, — продолжал поясняющий. — Вам, конечно, покажется, что они ничем не отличаются от того, что сегодня представлено на Большой равнине...

А ведь, на самом деле, отличия велики.

Из истории вам известно, какое сопротивление пришлось преодолеть два века тому назад инициаторам перехода от выращивания зерен в почве к зеленому конвейеру,

О возможности выращивания злаков на синтетических почвах и в питательных растворах знали еще в XX

веке. Но все попытки широкого внедрения такой агротехники длительное время не давали успеха.

И лишь в 2207 году, когда Ковалевский исследовал такие важнейшие факторы развития растений, как гравитационное поле Земли, препятствующее их росту, и электрическое поле атмосферного происхождения, удалось добиться небывалых урожаев на зеленом конвейере, заложить фундамент современной агротехники.

Все последующие достижения, включая и успешно осуществленное в 2300 году получение муки непосредственно в зерне, электрическим способом, при котором жидкость внутри зерна служит средой для высоковольтного микрозаряда, бледнеют перед революцией, совершенной переходом на конвейерное выращивание злаков в искусственных ионитовых средах, насыщенных питательными веществами.

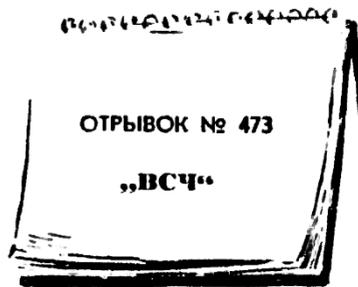
Осматривая этот раздел выставки, следует вспомнить о том, как в прошлом авторы фантастических романов изображали питание человека через пятьсот лет. В их замысловатых творениях фигурировали таблетки, заменяющие человеку все виды пищи, питательные растворы, электрически вводимые через кожу, съедобный газ, вдыхаемый вместе с воздухом, и множество других не менее сложных и негуманных способов питания.

Наивно звучат сейчас эти вымыслы, и как далеки они от действительности, которая оказалась много проще!

Непрерывно развиваясь интеллектуально и физически, человек и спустя тысячелетие сохранил все свои природные потребности, в том числе необходимость в питательной, вкусной и разнообразной пище. Даже при современном гигантском размахе синтетической

химии, создавшей все существующие и многие неизвестные природе соединения, создавшей живой белок, естественные продукты продолжают оставаться основным и ценнейшим пищевым источником.

Подходим к одному из наиболее обширных разделов нашей выставки, всегда привлекающему всеобщее внимание — разделу «ВСЧ» — Верных слуг человека. Этот раздел был наиболее обширным и на выставке XX века. Вот перед вами стенды приборов и аппаратов, демонстрировавшихся в качестве новинок на Парижской выставке.

Ультразвуковой локатор, обнаруживающий дефекты в стальных конструкциях на расстоянии в четыре-пять метров и предназначенный для контроля в недоступных местах.

Электронная вычислительная машина, производящая за несколько минут серию вычислений, требующих работы большой группы квалифицированных математиков в течение долгих лет.

Квантовый микроскоп, дающий цветное изображение непрозрачных объектов при увеличении в миллион раз.

Вирусометр, определяющий характер и концентрацию вирусов в любой среде и указывающий смертельную для них дозировку бактериофага или гамма-облучения.

Автоматический навигатор, обеспечивающий безопасное и точное вождение самолета и корабля в любых условиях.

Аппарат для скоростной киносъемки в инфракрасном освещении, дающий двести пятьдесят тысяч снимков в секунду в полной темноте; и сотни аналогичных более или менее сложных приборов различного назначения.

А теперь облетим восьмикилометровую площадку, занятую новыми образцами «ВСЧ», изготовленными за последнее десятилетие. Обратим внимание на этот прибор, похожий на старинные настенные часы. Я отрываю полоску бумаги от своего блокнота и кладу в углубление на верхней площадке, затем нажимаю левую кнопку. На большом циферблате закружились то светящиеся, то гаснущие кружки; затем они быстро остановились,

Буквы С, Н, О и Са и стоящие рядом с ними цифры в кружках, оставшихся освещенными, — это полный химический состав той бумажной полоски, которую мы только что опустили в «Составометр-21». Тонкое переплетение линий, напоминающее пчелиные соты, появившееся на экране составометра, — это точная структурная формула целлюлозы — вещества, из которого в основном состоит бумага.

Пропустив несколько соседних экспонатов, взглядом на стоящий возле статуи человека металлический ящик, от которого идут гибкие шланги к руке статуи.

Это новая модель самого распространенного в нашем быту «СУ» — «Сторожа усталости», внимательно следящего за состоянием мускулатуры человека и сигнализирующего о необходимости отдыха при утомлении или физической тренировки, при расслаблении ниже допустимой нормы.

С тех пор как в 2130 году был отменен указ Всемирного Совета об ответственности за несоблюдение правил умственной и физической гигиены, так как вы-

полнение их стало естественной потребностью человека, приборы «СУ» для контроля мускулатуры, мозговой и сердечной деятельности, функций железисто-сосудистой и нервной системы получили широчайшее распространение как незаменимые помощники Службы здоровья и долголетия.

Подойдем к стендам счетных устройств, большое разнообразие новых моделей которых представлено здесь. Это не только электросчетчики, водомеры, газомеры и тому подобные приборы, занимавшие немалое место на Парижской выставке. Мы давно уже забыли о необходимости контроля индивидуального потребления энергии, воды, света, воздуха, — каждый расходует их по своим потребностям. Однако необходимость строгого учета сохраняется для нужд планирования, для наблюдения за исправной работой всей обслуживающей человека и скрытой от него армии механизмов, аппаратов и устройств.

— Дорогие друзья! Идет четвертый час нашего путешествия по выставке, а осмотрена лишь небольшая ее часть. Отправимся же на площадку промышленности. Перед этим, как и в прежних разделах, взглянем, как выглядела промышленность времен Парижской выставки.

...Перед нами фотографии одного из сооруженных в XX веке больших металлургических комбинатов. Этот комбинат лишь немногим меньше крупнейших по тому времени Кустанайского и Череповецкого комбинатов. Высокие башни на переднем плане — это электродоменные печи, в которых из руды выплавлялся

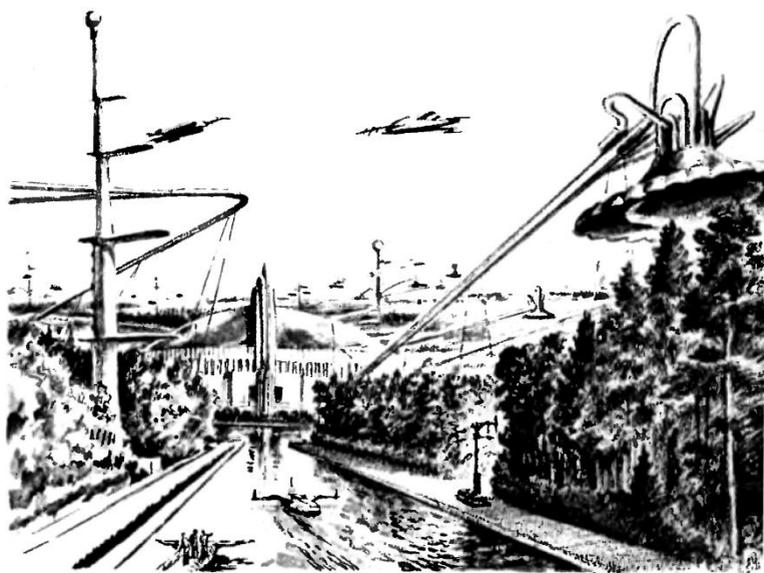
чугун, слева от них кауперы, уходящие под землю, конвейеры непрерывной разливки металла и разрезки его на слитки.

Вот гигантский блуминг, мощность всех двигателей которого дошла до четырехсот тысяч киловатт, а скорость движения стального бруса метровой толщины превысила пятьсот километров в час...

Вот печи прямого восстановления железа из руды, прессы со стеклянной смазкой для горячего выдавливания сложных профилей из титановых сплавов, мощнейшие кислородные станции¹⁰⁾, занимающие площадь в несколько тысяч квадратных метров, и другая техника, которой по праву гордились в XX веке ее создатели.

Эту технику вы могли встретить с небольшим отличием на любом металлургическом комбинате XX века.

Вернемся в наше время и, смотря на представленный макет, перенесемся на необозримые пространства

Металлических Островов в южной части Тихого океана. Здесь, как известно, находится один из основных питомников бактерий, извлекающих из океанской воды растворенные в ней вещества.

На представленном здесь макете вы можете видеть, как миллионы кубометров воды перекачиваются из океана сначала через ионитовые, а затем через бактериальные фильтры, в которых последовательно улавливаются все элементы, находящиеся в воде. По мере насыщения фильтров металлами, они заменяются в своих ячейках свежими, и пневматическим трубопроводом переносятся в индукционные вакуумные печи непрерывного действия, расплавленный металл из которых через систему труб попадает в профилирующие формы, где кристаллизуется в ультразвуковом поле и затвердевает...

Расположенные во всех океанах земного шара такие же Металлические Острова обеспечивают почти всю потребность человечества в черных и цветных металлах.

Здесь же мы видим действующую модель одного из недавно пущенных в эксплуатацию в районе Антарктики полиминеральных комбинатов — ПМК.

Эта установка свидетельствует, что даже при необычайном развитии современных технических средств иногда выгодно использовать технику прошлого.

Вот как работает ПМК. По одному из парных, соединенных между собой каналов, пробуренных электрогидравлическим буром на глубину до двадцати километров, и входящих в обширные камеры, вымытые струей фтористого хлора, вводятся плутониевые чашки, развивающие в камерах температуру до 40000° . Испаряющиеся в огромных массах металлы и руды

давлением расширяющихся газов выбрасываются наружу и поступают в гравитационные ловушки¹¹⁾, где конденсируются, разделяются по удельному весу и застывают в непрерывно движущихся формах. Наряду с металлами, эти установки дают ежегодно миллионы тонн оливиновых, шпинелевых, форстеритовых и других высокопрочных, жаростойких материалов, широко используемых для строительных надобностей.

И, наконец, еще один источник получения новых материалов, о котором во времена Парижской выставки еще лишь смутно мечтали...

Со скоростью урагана электростатическими насосами¹²⁾ в 1044 трубы — метрового диаметра каждая — засасывается воздух из богатых зелеными насаждениями районов, находящихся в радиусе до 100 километров от самого комбината. Попадая в интенсивно ионизируемые и облучаемые мощной радиацией камеры из *чудинита-170*, водяные пары, углекислота, азот и кислород из засасываемого воздуха подвергаются ускоренному фотосинтезу, образуя несколько десятков газообразных и

жидких соединений, являющихся исходным сырьем для продукции комбината. Дальше идет обычная, знакомая вам всем из учебников химии, переработка этого сырья, в результате которой получается свыше 14 тысяч разнообразнейших продуктов и изделий, среди которых вы найдете пищевые продукты и стекло, ткань для межпланетных скафандров и строительные материалы, сложнейшие химические продукты и корм для животных, бактериофаг против вредных насекомых и смазочные масла.

Каждый такой комбинат, — а их на нашей планете свыше 80, — питается энергией из своего электрического моря.

...Дорогие друзья! Настают часы дневного отдыха. Прервав наш осмотр, мы вернемся к нему через три часа, а пока желаю вам хорошо провести время, отдохнуть и рассеяться от обилия сегодняшних впечатлений.

От редакции: Мы кончаем печатать случайно попавшие в редакцию отрывки репортажа из далекого будущего. Стоило ли знакомить с ними читателей? Да, стоило. Даже те фантастические идеи, которые были высказаны здесь, могут всколыхнуть живую творческую мысль на решение проблем, уже сегодня встающих перед нами.

ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ ИНЖЕНЕРА Л. ПОПИЛОВА

1) **Единое Мировое Время.** В 2150 году, после запуска искусственных солнц — гелионов, уничтоживших деление суток на день и ночь, по всей планете было установлено единое исчисление времени. Отсчеты его в виде гигантских, ежесекундно сменяющихся цифр проецировались на верхние слои атмосферы и были видны с любой точки земной поверхности невооруженным глазом.

2) Крыши зданий, а нередко и их стены, изготовлены из тонких прозрачных пластинок оптически поляризованной пластмассы. Поворачивая или сдвигая эти пластинки, можно регулировать прохождение света и создавать внутри помещений освещенность любой интенсивности.

3) **Гелионы** — искусственные, сферической формы спутники Земли небольших размеров, запускавшиеся ежемесячно со специальных станций. После того как они ложились на свою орбиту, в них автоматически возбуждался термоядерный процесс. Продолжительность существования гелиона = 25-30 дней, яркость на поверхности Земли больше яркости, создаваемой Солнцем,

4) **ВЭЭС («Всеобщая Связь»)** — радиоаппараты, позволяющие устанавливать прямую связь с любым обитателем земного шара, вызывая его при помощи несложного кодового устройства. Позволяют участвовать в любых собраниях, принимать любую радио- и телепередачу, хранить неограниченное число записей звука и изображений. К 2500 году ВЭЭС имелся буквально в каждой семье.

5) Последний абзац приведен в отредактированном виде, так как из текста пришлось исключить ряд не поддающихся расшифровке слов и целых выражений. Не совсем ясно и значение слов «ионные дорожки» и «электрические моря». Видимо, речь идет о каких-то всемирных складах энергии, из которых каждый черпает энергию по мере надобности.

6) **Селенитовым** называется тонко измельченный порошок любого металла, получаемый в результате ускоренного радиоактивного распада более сложных элементов, Предприятия, производящие в больших количествах эти порошки, из-за вредности и опасности технологического процесса были вынесены за пределы Земли на один из искусственных спутников — Селен; отсюда и название порошков. Для отличия разнообразных металлов, изготавливаемых таким образом, им присвоены порядковые номера.

7) «**КР**» («**Круголет**») — многоместные летательные судна, движущиеся в ионосфере по кругосветным траекториям, опоясывающим в разных плоскостях весь земной шар. Посадка и высадка на них с помощью «КЧ» осуществляется на ходу.

8) Впервые разработанная в XXII веке, а сейчас единственная форма ускоренного выращивания злаков, Зерно, входящее на конвейер, облучается несколькими видами излучений и помещается в питательную ионитовую среду, где оно в условиях уменьшенного тяготения Земли прорастает и созревает за 18—20 минут. Километровой длины и метровой ширины конвейер при скорости 20 метров в минуту заменяет 100 гектаров обычных посевов. Значительное ослабление силы земного тяготения на конвейере также способствует резкому ускорению роста.

- 9) Полупроводниковые диски, аккумулирующие световую энергию и выделяющие ее при тепловом или радиоактивном облучении.
- 10) Введение в пламенные печи обогащенного кислородом воздуха длительное время являлось одним из прогрессивных технических методов.
- 11) **Гравитационная ловушка** — устройство, основанное на принципе разделения конденсирующихся паров по удельному весу.
- 12) Насосы с электростатическим полем, увлекающим за собой перемещаемые диэлектрические жидкости или газы.

ПАЮ КИЙ

ГОЛУБОЙ ЛУЧ

Фантастический очерк

Журнал «Наука и жизнь», № 3, 1957 г.

ОКНО
БУДУЩЕЕ

(Заметки журналиста)
ПАЮ КИП

Рис. Каплана.

В этом очерке мы расскажем о двигателе, использующем энергию атомарных газов земной атмосферы. Такого двигателя нет, и полета, описанного в очерке, конечно, не было. Однако во многих странах ведутся экспериментальные и научные изыскания, которые показывают, что подобное использование энергии атомарных газов принципиально возможно. Создать такие двигатели еще нельзя: слишком мал опыт и недостаточны данные теоретических изысканий. Но нет сомнения, что пытливый разум человека решит все проблемы, связанные с использованием атомарных газов атмосферы для осуществления космических полетов.

КОГДА после более чем месячного отсутствия я возвратился из необычной командировки, мои домашние, зная о цели этой поездки из сообщений по радио о полете космической ракеты, уже с порога буквально забросали меня вопросами. Отвечать мне, однако, не пришлось.

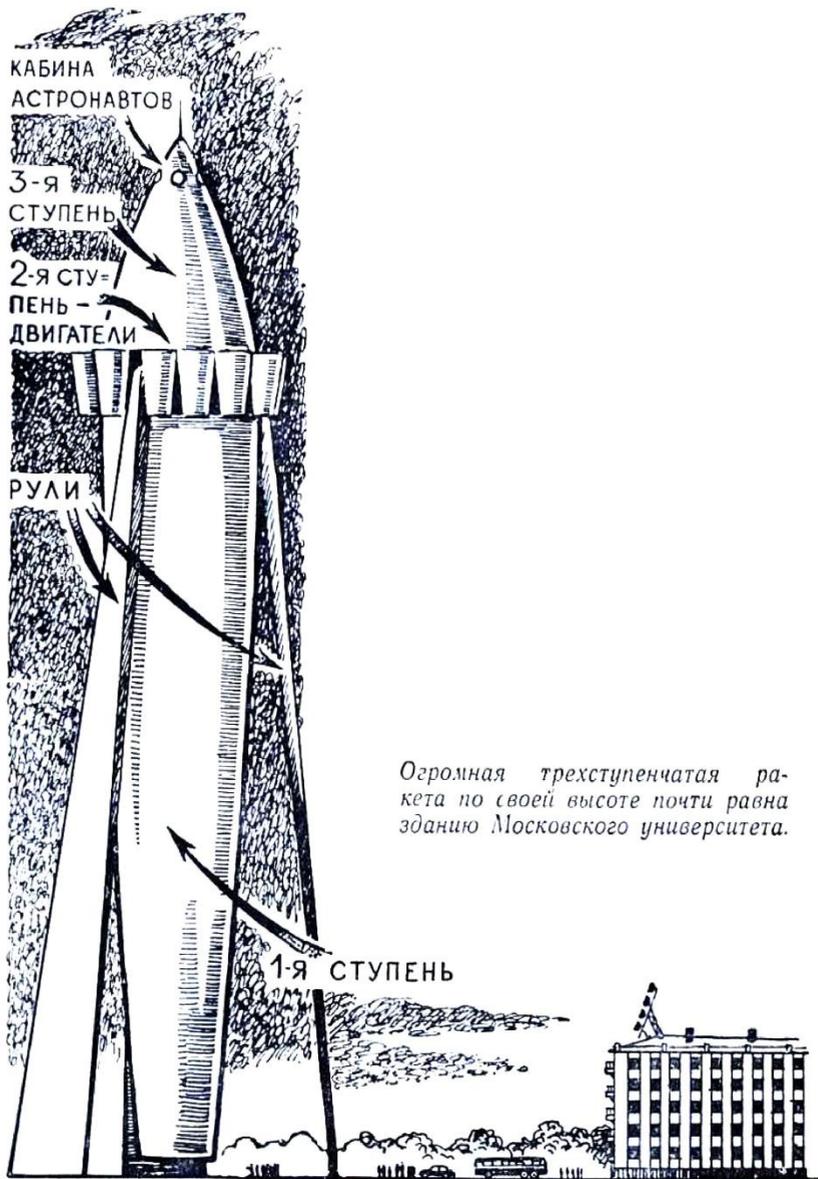
Раздался телефонный звонок из редакции газеты. Там уже знали о возвращении группы журналистов и

просили срочно сделать очерк о виденном. Пришлось садиться за работу. Вот когда я по-настоящему оценил своего верного помощник — магнитофон: ведь у него уже почти все было готово. К вечеру очерк был закончен, но раньше, чем отправить в редакцию я дал прочесть его своим домашним, ибо знал, что от рассказов мне не уйти.

ГЛАВНОЕ — ЭТО ПАРД

Сопровождать нашу группу журналистов, направляющуюся из Москвы, чтобы осмотреть самолет для космических путешествий, поручили молодому инженеру-конструктору, принимавшему участие в создании этой чудо-машины. За полтора часа полета реактивного самолета я ни разу не включал магнитофон, так как наш гид, предупредивший, что все пояснения мы получим на испытательной площадке научно-экспериментального института, предпочел играть в шахматы, а не беседовать с нами.

Когда самолет пошел на посадку, мы заметили слева от бетонных дорожек аэродрома видневшееся за не убранными еще лесами огромное стальное тело, узкое, точно гигантская торпеда, Вокруг него крошечными букашками копошились люди, стояли автомашины с кузовами-баллонами, на кольцевой железнодорожной ветке высилось несколько подъемных кранов. Именно к этому месту и доставил нас автобус, приехавший за нами на аэродром. Потом мы долго шагали по деревянным дорожкам и мосткам, пока не подошли вплотную к массивной, наверное, в метр толщиной, высокой стальной опоре, одной из тех, которые поддерживали эту стальную сигару ракеты.

Огромная трехступенчатая ракета по своей высоте почти равна зданию Московского университета.

Здесь я включил магнитофон, ибо инженер-конструктор начал давать пояснения:

— Главное отличие нашего аппарата от всех других не в его размерах, а в принципе полета. Он дает возможность получить любые, даже космические скорости при относительно небольшом весе ракеты. Об этих принципах я расскажу вам потом, а сейчас мы рассмотрим двигатели второй ступени ракеты — прямоточные атомарные реактивные двигатели, или, как мы, конструкторы, сокращенно называем их, ПАРДы.

Лифт, на котором нас подняли, был грузовой, открытый: металлическая площадка, окруженная тоненькими перильцами. Многие из нас явно робели, особенно, когда засвистел ветер и лифт стало раскачивать. Инженер, однако, чувствовал себя в этой шаткой коробке, словно дома. Он стоял у самых перил, и, когда лифт остановился, начал спокойно объяснять:

— Обратите внимание на эти выступы: видны только два, остальные четыре скрыты от нас телом ракеты, Эти шесть конусообразных выпуклостей и есть ПАРДы. Узкая полоска между ними — это тоже один из ПАРДов.

Я с недоумением рассматривал громадные перевернутые конусы. Они были сделаны из какого-то красноватого материала и, может быть, поэтому напоминали гигантские цветочные горшки.

— Эти выступы получились потому, — продолжал инженер, — что все двенадцать ПАРДов скрыть в теле ракеты невозможно. Полностью скрыто из них лишь шесть, а другие шесть — частично. Как видите, выступающие ПАРДы накрыты сверху металлическими колпаками — так называемыми обтекателями. Эти обтекатели и сложный механизм перемещения двигателей нужны, чтобы уменьшить сопротивление воздуха при

МЕСТА ВПРЫСКА
КАТАЛИЗАТОРА

КАНАЛ ДЛЯ ОХЛАЖДАЮЩЕЙ ЖИДКОСТИ

РУЛИ

ДВИГАТЕЛИ

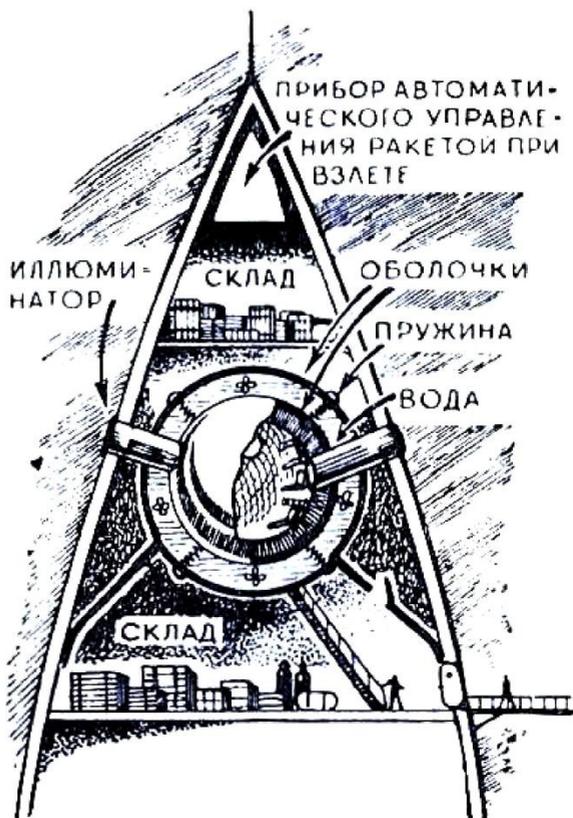
Вторая ступень космической ракеты — прямоточные атомарные реактивные двигатели. Они расположены вокруг ракеты с тремя небольшими промежутками, в которых укреплены рули; все промежутки закрыты сверху обтекателями. В середине двигателя имеется стержень, регулирующий количество проходящих газов.

движении ракеты в тропосфере и стратосфере. Когда ракета поднимется в ионосферу, то есть выше 80 километров над Землей, все двенадцать ПАРДов выдвинутся и образуют вокруг ракеты сплошной пояс прямоточных двигателей.

Устройство двигателей весьма простое. Если представить себе продольный разрез двигателя, то проточная часть его будет напоминать две воронки, обращенные узкими местами одна к другой — так называемое сопло Лавала. Передняя воронка, находящаяся в широкой части двигателя, соответственно больше, чем задняя. В самой узкой части воронок, где они соприкасаются одна с другой, находится центральное тело — конический стержень, который может передвигаться вперед или назад по потоку. С помощью центрального тела можно изменять величину самого узкого сечения или даже закрывать

его совсем. В это узкое сечение, в горлышко воронок, будет впрыскиваться распыленный газообразный катализатор.

Вас, конечно, прежде всего интересует, каким образом ракета сможет развивать космическую скорость? Это я объясню позже, а сейчас рассмотрим кабину...

Разрез носовой части космической ракеты; в центре видна шарообразная кабина астронавтов.

Лифт побежал выше и остановился около длинных металлических мостков с перильцами, которые тянулись через пропасть к узкому прямоугольному отверстию в теле ракеты. Отсюда, с лифта, метрах в двадцати над нами была видна самая высокая точка ракеты — острый, точно иголка, кончик длинного шпиля. Инженер откинул перильца лифта, скрепил их с перильцами мостков и повел нас к отверстию люка. Пройдя мостки, мы очутились в странном стальном помещении с вогнутым потолком.

— Мы находимся в багажной части,— пояснил инженер.— Над нами, за этой стальной оболочкой (он указал на потолок), находится кабина пассажиров, или, если хотите, астронавтов, так как эта ракета предназначена для полета вокруг Луны без посадки. Вот по этой лесенке поднимемся в кабину. Только всем сразу туда заглянуть не удастся, прошу по пять человек...

В числе первых пяти я поднялся по узенькой легкой лесенке и оказался внутри шара. Высоко над нами светились четыре иллюминатора. Прикрепленные к стене, здесь стояли три широких мягких кресла. Около одного из иллюминаторов я увидел менисковый телескоп, тоже прочно прикрепленный к потолку. Стены шара, за исключением того места, где мы стояли, были обтянуты каким-то красным блестящим материалом.

— Пористая резина, — указал на нее инженер — Оборудование кабины еще не закончено. Все же приблизительное представление вы можете получить, прошу посмотреть с лестницы и обратить внимание, что между кабиной и внешней оболочкой находится еще одна оболочка, так называемая несущая. На ней имеются приливы, то есть утолщения; на этих приливах девять пружин, на которых свободно подвешена

кабина. Кроме того, между несущей оболочкой и кабиной будет налита вода, которую могут приводить в движение специальные вентиляторы. Таким образом, астронавты отделены от безвоздушного пространства тремя металлическими оболочками и одной водяной. Все они герметически отделены одна от другой. Наконец, между наружной и несущей оболочками будет, как я уже сказал, склад астронавтов. В случае, если какой-нибудь небольшой астероид пробьет оболочку, отверстия можно будет заварить, не выходя из ракеты, из склада. Как видите, астронавты максимально защищены и от толчков и от встреч с мелкими астероидами, а также от вредных излучений Солнца...

Потом нас сменила следующая пятерка, а мы стояли внизу, осматривали складское помещение, и каждый из нас старался как можно лучше воспользоваться этим перерывом, чтобы сделать нужные записи.

Конечно, главное оставалось непонятным. Что это за новые принципы полета? Каким образом будут работать эти громадные двигатели, которые мы все уже называли ПАРДами?

НОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ПОЛЕТА

Не буду рассказывать о том, как инженер «пропустил» через кабину всех нас, как спустились мы на лифте на землю и как автобус доставил нас в гостиницу.

На другой день нас привезли в главный корпус научно-экспериментального института. Здесь нам предстояло прослушать пояснения, после чего должна была состояться беседа с главным конструктором. Когда все заняли места в очень уютном демонстрационном зале, на кафедру поднялся инженер. Погас свет.

На экране появился большой чертеж, и инженер начал рассказ:

— Вот здесь вы видите схему ракеты. Она трехступенчатая. Первая ступень — это обычные жидкостно-реактивные двигатели вместе с баками для горючего и окислителя. В заполненном состоянии вес ее топлива составляет три четверти веса всей ракеты. Эта ступень нужна для того, чтобы поднять наш межпланетный корабль на высоту 85 километров и разогнать его там до скорости 2,5 — 3 километра в секунду. Когда это будет выполнено, опустевшая оболочка и двигатели первой ступени отделятся от ракеты и опустятся на землю на парашютах, а в действие вступят ПАРДы, которые представляют собой вторую ступень ракеты.

Чтобы объяснить принцип их действия, придется сделать небольшое отступление.

Энергия солнечных лучей на значительной высоте почти в десять раз больше, чем на уровне моря. До поверхности Земли энергия Солнца доходит значительно ослабленной, во-первых, из-за того, что она отражается обратно в мировое пространство, во-вторых, из-за той работы, которую приходится проделать солнечному лучу на своем пути сквозь атмосферу. Работа эта огромна. Например, ультрафиолетовые лучи на большой высоте превращают почти все газы в атомарное состояние, диссоциируют их. Это значит, что под влиянием ультрафиолетовой части спектра молекулы газов, например, кислорода, распадаются на атомы. Такой диссоциированный газ таит в себе энергию, равную той, которую потратило Солнце, чтобы привести его в атомарное состояние. Образно говоря, газ представляет собой как бы природный аккумулятор, хранящий в себе энергию Солнца. Вот эту-то энергию и будут использовать для разгона

ракеты прямоточные атомарные реактивные двигатели.

Каждый килограмм кислорода, соединившегося в молекулы из атомарного состояния, выделяет около 3700 больших калорий тепла. Так как примерно одна пятая часть воздуха — это кислород, то весь воздух, если произойдет быстрое превращение его атомарного кислорода в молекулярный, нагреется до 3 000°C. Однако, в природе такое превращение происходит медленно. После того, как заходит Солнце, небо над неосвещенной частью Земли светится слабо, но почти всю ночь. Этот медленный процесс воссоединения в молекулы можно значительно ускорить, если ввести в атомарный газ различные катализаторы. Для этой цели можно, например, использовать различные соединения азота — окись или двуокись, а еще лучше азотистый ангидрид. Эта синяя жидкость хороша как катализатор тем, что она затвердевает при температуре минус 101°C, а при температуре минус 2°C начинает разлагаться на окись азота и двуокись азота.

Катализатор сам не участвует в процессе, и долей грамма его достаточно, чтобы атомарный кислород во всех двенадцати ПАРДах соединился в молекулы. Это очень важно, так как для разгона нужны совсем небольшие количества катализатора. Межпланетный перелет до сих пор не был осуществлен только потому, что для разгона ракеты нужны были громадные запасы топлива, в сотни раз превышающие вес самой ракеты. Теперь таких больших запасов топлива не нужно: примерно семисот килограммов катализатора хватит и на разгон ракеты, и на ее торможение.

Как же будут работать ПАРДы?

Когда ракета будет мчаться в ионосфере параллельно поверхности Земли со скоростью 2,5—3 кило-

метра в секунду, воздух будет скапливаться перед ней и уплотняться. Потом он пройдет сквозь двигатели, где произойдет соединение атомарного кислорода в молекулярный с выделением тепла.

Двигатели дадут ракете ускорение в 25 метров в секунду. Это означает, что уже через шесть минут после включения ПАРДов ракета приобретет скорость в 11,6 километра в секунду, передвигаясь в верхних, наиболее разреженных слоях атмосферы. Когда ракета получит такое ускорение, специальный автомат повернет рули, и она вылетит за пределы атмосферы; направится к Луне, облетит вокруг нее и вернется обратно на Землю.

После этого краткого сообщения мы буквально засыпали вопросами нашего немногословного рассказчика. Кто полетит? Когда полетит? Как вернуться астронавты на Землю?

— В полет вокруг Луны, — ответил инженер, — отправятся три астронавта. Один из них — командир звездолета, второй — астроном-физик, третий — помощник водителя корабля, он же радист. Для полета на Луну день взлета не имеет решающего значения. Но взлетать лучше всего вечером, когда содержание атомарного кислорода в верхних слоях атмосферы наибольшее. По этой же причине взлет назначен на день Нового года, так как в эти дни Земля находится ближе всего к Солнцу и получает наибольшее количество ультрафиолетовых лучей. В это время Земля встречается с четырьмя потоками астероидов, из которых наиболее известны Квадрантиды и Урсиды. Эти потоки налетают на Землю из созвездий Дракона, Стрельца, Малой Медведицы и Паруса. Однако астрономы нашли такой путь ракеты, при котором она минует эти потоки.

Вокруг Луны полетят обе ступени ракеты. Вторая из них вместе с рулями будет сброшена на Землю только при посадке.

Произойдет посадка так. Влетев в атмосферу Земли, ракета встретится с разреженными слоями воздуха, содержащими атомарный кислород. Центральное тело ПАРДов закроет отверстие между двумя воронками, и катализатор будет впрыскиваться в переднюю из них. Тогда сила взрывов будет направлена вперед. Ракета будет снижаться по спирали, то есть обращаясь вокруг Земли с запада на восток, и спускаясь постепенно все ниже. В промежутки между взрывами атомарного кислорода ПАРДы будут гасить скорость простым сопротивлением о воздух.

Когда будут пройдены слои, содержащие атомарный кислород, и скорость ракеты будет уже отчасти погашена, вступит в действие двигатель третьей ступени, представляющий собой обыкновенный жидкостно-реактивный двигатель. Перед этим вторая ступень будет сброшена на Землю, что должно произойти над океаном. Израсходовав все горючее и полностью погасив скорость, третья ступень опустится на поверхность океана или моря. Так как все горючее ступени будет израсходовано, сопло закрыто, то третья ступень будет плавать, пока ее не подберет пароход, высланный на радиосигналы ракеты.

Во время путешествия астронавты будут иметь связь с Землей по радио, за исключением тех минут, когда они будут находиться за Луной. Советские ученые и инженеры предусмотрели все необходимое для полной гарантии безопасности астронавтов.

В заключение хочу сказать о форме ракеты. Это очень важный вопрос. Дело в том, что ракета, которую мы осматривали, слишком длинна и неустойчива, осо-

бенно с первой ступенью. Из-за этого требуются специальные приспособления, которые бы удерживали ее в вертикальном положении перед взлетом и в начале взлета, когда скорость движения ракеты еще невелика. Поэтому в наших лабораториях идет большая работа по созданию модели, свободной от этих недостатков. Эта модель будет напоминать хорошо известные египетские пирамиды. По самому нижнему краю такой ракеты расположатся шестнадцать ПАРДов, которые при взлете убираются и выдвигаются лишь на большой высоте. Проектируемая ракета (на экране появилась ее общий вид) монолитная, единая, несоставная. Ее горючее и окислитель будут заменены атомарным водородом в первых двигателях, помещающихся в центре пирамиды, а вторые двигатели будут уже знакомые вам ПАРДы. Вот, собственно, и все, что я должен был вам рассказать. Теперь прошу пройти к главному конструктору. Там будут решены все вопросы, связанные с вашим дальнейшим пребыванием здесь до момента вылета космического корабля.

Ракета будущего — это огромная пирамида с шестнадцатью атомарными двигателями, расположенными у ее основания.

Встреча с главным конструктором — известным всей стране ученым — длилась очень недолго. Нам были сообщены все дополнительные сведения, необходимые представителям прессы, а также расписание нашей жизни в этом городке чудес. Нам разрешалось посещать площадку, где собиралась космическая ракета, но только до начала подготовительных к вылету работ. Оставшиеся до вылета дни нам предстояло использовать для поездки по различным объектам, интересующим пославшие нас газеты.

В гостинице мы прожили в общей сложности свыше месяца. Каждый день кто-либо из нас ездил на строительство, и мы собрали богатейший материал о трудовых подвигах советских людей, создавших межпланетную ракету.

Начиная с 19 декабря, доступ к ракете был прекращен. Сборка ее была закончена, и начались подготовительные работы: проверка качества отдельных секций и приборов, погрузка продовольствия и одежды, специальных аппаратов и всего того, что потребуется астронавтам в пути. 31 декабря, когда приступили к наполнению баков первой и третьей ступени горючим и окислителем, вся наша группа была в сборе. К вечеру этого дня началось заполнение баков катализатором.

В автобусе, который доставил нас к одному из зданий института, мы узнали, что астронавты уже заняли свои места и ждут указаний правительственной комиссии начать запуск ракеты. Нам выдали бинокли и пригласили пройти в специально оборудованный наблюдательный пункт, расположенный на крыше здания.

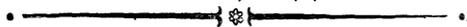
Мы поднялись. Был вечер, ясный и морозный. Среди общего напряженного молчания вдруг кто-то крикнул:

— Смотрите!

Из-за домов далеко на горизонте поплыла в небо крошечная, ослепительно сверкающая точка. Она летела все быстрее и быстрее, сперва вертикально вверх, потом по дуге невидимого лука, пока не пошла параллельно горизонту. И тут — это было удивительно прекрасное зрелище! — за звездочкой начало ярко, изумительно красивым голубым цветом светиться небо. Ясный огонек, словно рассекая тьму тонким голубым лучом, мчался все дальше и дальше на восток, пока не исчез за горизонтом. А голубой луч виден был на небе еще долго. Он постепенно расширялся и бледнел, словно таял в коричневатой мгле неба. И мы думали о трех отважных советских людях, первыми улетевших в космос.

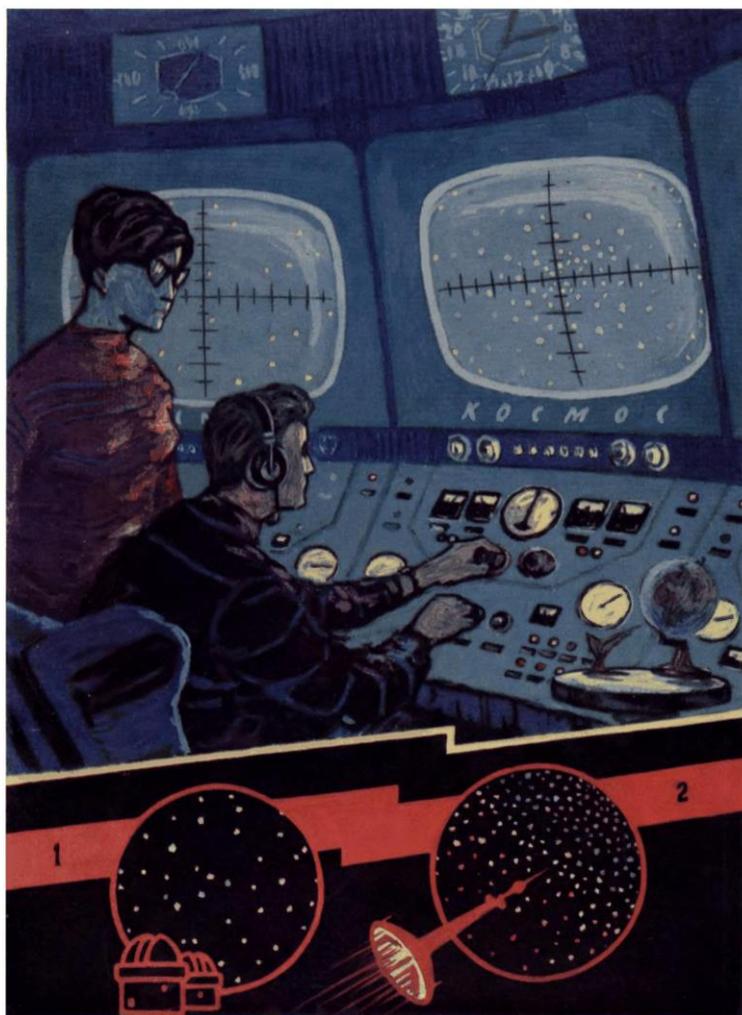
В. А. БРОНШТЭН, И. Д. НОВИКОВ

ПОЛЕТ К ЗВЕЗДАМ

Фантастический очерк

Журнал «Наука и жизнь», № 4, 1960 г.

В. А. БРОНШТЭН,
И. Д. НОВИКОВ —
члены совета Московского
отделения Всесоюзного
астрономо - геодезического
общества.

ПОЛЕТ «ЗВЕЗДАМ»

*Рис. А. Листкова
и С. Тардасова.*

ДАН СТАРТ первому звездолету, направляющемуся за пределы солнечной системы — к планетной системе звезды Проксимы Центавра. Медленно набирая скорость, звездолет переходит с околосолнечной орбиты на гиперболическую траекторию. Проходит две недели, и он покидает пределы солнечной системы. Скорость звездолета все растет, она уже достигла 250 тысяч километров в секунду ($\frac{5}{6}$ скорости света). Моторы выключены. Космический корабль летит по инерции.

Перед астронавтами возникают совершенно необычные картины: все звезды как бы сбежались в одну сторону — туда, куда движется звездолет. Причудливо изменился их цвет, а многие и вовсе перестали быть видны. Вот навели сверхмощный телескоп на одну из ближайших звезд. И что же! Она кажется не шарообразной, а сплюснутой в направлении полета!

Так выглядят и другие звезды.

И вот достигнута система Проксимы Центавра, проведены ценнейшие научные исследования, звездолет летит обратно. Приближается Солнце, становится различимой простым глазом родная планета.

Наконец путешественники на Земле! Их встречают родные, друзья, знакомые.

— Как долго мы не видели Земли! — восклицает командир корабля. — Прошло более девяти лет!

— А мы вас не видели на четыре с лишним года больше, чем вы не видели нас, — говорят встречающие.

И никто не удивляется этим словам. Все знают, в чем дело. А знаете ли это вы, читатель?

В КОСМОС — НА ЛУЧАХ СВЕТА

Если бы люди захотели отправиться на Проксиму Центавра на «обычной» межпланетной ракете, для этого потребовались бы сотни тысяч лет. Чтобы совершить межзвездный перелет туда и обратно даже за несколько десятков лет, нужна скорость, близкая к скорости света. Можно

ли придать летательному аппарату такую скорость? Да, это возможно с помощью так называемой фотонной ракеты.

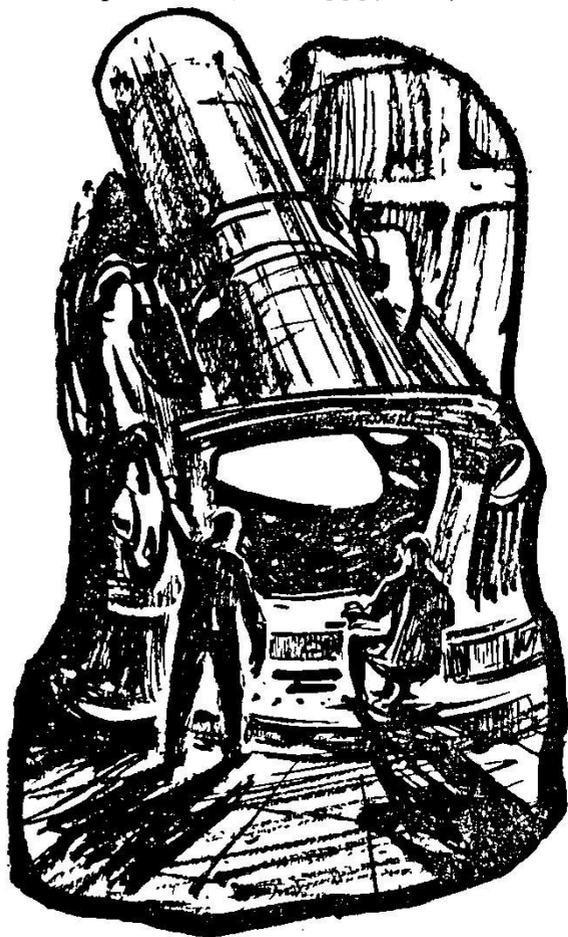
В ней вместо газа реактивное ускорение создает поток фотонов — частиц света, которые обладают определенной массой. Они образуются в результате превращения различных элементарных частиц материи. Кроме протонов и электронов, современная физика открыла и другие, редко встречающиеся в природе частицы: позитрон, имеющий массу протона, но заряженный положительно, и антипротон, имеющий массу протона, но заряженный отрицательно. Их называют античастицами. При соединении частиц с такими же античастицами и образуются фотоны. Технические проблемы, связанные с созданием фотонных ракет, еще не решены. Но предположим, что фотонный двигатель построен и может сообщить ракете скорость, близкую к скорости света. Почему же космонавты, вернувшись из многолетнего путешествия к Проксиме Центавра, в счете времени разойдутся с жителями Земли на несколько лет? Причину этого явления раскрывает нам теория относительности.

МОЖНО ЛИ ЛЕТЕТЬ БЫСТРЕЕ СВЕТА?

Известно, что механическое движение относительно. Люди, например, никак не ощущают прямолинейного и равномерного движения парохода, находясь в его каюте. Более того, никакими механическими опытами нельзя обнаружить это движение. Такие тела, движущиеся прямолинейно и равномерно, принято называть инерциальными системами.

Но казалось, что дело обстоит иначе, когда мы от механики переходим к электродинамике. И теоретиче-

ски и экспериментально было доказано, что свет, который представляет собой электромагнитные волны, распространяется в пустоте со скоростью 300 000 километров в секунду (км/сек.). Казалось, что если наблюдатель будет двигаться навстречу световым лучам со скоростью 30 км/сек., то скорость света относительно него будет 300 030 км/сек, а если он движется в обратном направлении, — то 299970 км/сек.

Но самые тщательные опыты не подтвердили этого. Установлено, что скорость света совершенно не зависит от прямолинейного и равномерного движения наблюдателей. По отношению к каждому из них она будет равна 300 000 км/сек. Следовательно, ни измерением скорости света, ни каким-либо другим путем нельзя обнаружить прямолинейного и равномерного перемещения тела в пространстве. Можно говорить только об относительном движении тел.

Обобщая все эти результаты, знаменитый физик Альберт Эйнштейн пришел к выводу, что равномерное и прямолинейное движение материальной системы как целого никак не влияет на процессы, протекающие внутри нее. Скорость света в пустоте во всякой инерциальной системе постоянная и является предельной скоростью. Никакое материальное тело не может двигаться быстрее скорости света. Построенная Эйнштейном на основе этих законов специальная теория относительности значительно углубила наши знания о природе пространства и времени и открыла их взаимную связь.

ЧТО ПОКАЗАЛА ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Прежде всего эта теория показала, что понятие одновременности, которое казалось столь простым и очевидным, не имеет абсолютного характера, который ему приписывала классическая физика.

Представим себе ракету, которая движется относительно Земли прямолинейно и равномерно.

Астронавт, находящийся в середине ракеты, будет считать, что вспышки света в ее хвостовой и носовой частях произошли в один момент, поскольку он их увидел одновременно. Наблюдатель на Земле, нахо-

дясь рядом с пронсящимся мимо астронавтом, увидит вспышки также одновременно. Но он сочтет, что в хвостовой части вспышка произошла раньше, так как ракета движется, а во время вспышек хвостовая часть была дальше от земного наблюдателя, чем носовая. Такой же результат получил бы астронавт, если бы вспышки делались не на ракете, а на Земле.

Более того, оказывается, что и длина не абсолютна; она зависит от относительного движения. Пусть по измерениям нашего астронавта длина ракеты будет равна, скажем, 100 метрам. Но земной наблюдатель, попытавшись одновременно отметить положение ее концов, получит меньшую величину, например 99 метров. Ведь положение носовой части он определит, с точки зрения астронавта, раньше, а хвостовой — позже, когда ракета сдвинется на 1 метр. Сам же наблюдатель считает обе отметки одновременными, поэтому длина летящей ракеты для него окажется меньше.

Таковыми же относительными являются и интервалы времени. Сравнивая ход часов на Земле и

летающей ракете, земной наблюдатель обнаружит, что время на космическом корабле течет медленнее, чем на нашей планете.

Таким образом, длина тела, движущегося с большой скоростью, сокращается в направлении движения. Это сокращение быстро растет с приближением скорости движения к скорости света. В таком же отношении уменьшаются промежутки времени в движущейся системе.

ПУТЕШЕСТВИЕ В БУДУЩЕЕ

Как мы только что убедились, в ракете, летающей с субсветовой скоростью, течение времени, по законам теории относительности, должно замедлиться. Любые часы (пружинные или кварцевые), радиоактивный эталон времени и даже человеческое сердце покажут нам, что за время перелета к Проксиме Центавра и обратно в ракете протекло на 4 года меньше, чем на Земле.

Таково одно из интереснейших следствий теории относительности. Но это не только чисто теоретический вывод. Имеются и практические подтверждения этого невероятного, на первый взгляд, обстоятельства.

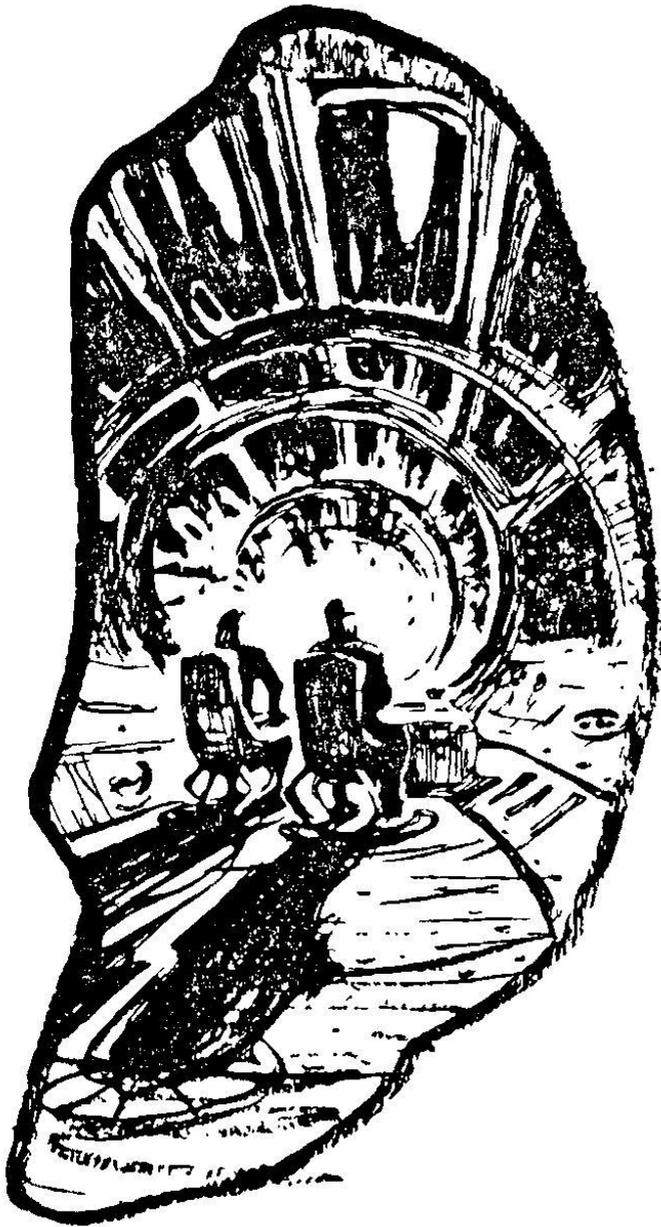
Известно явление распада мезонов — элементарных частиц с массой в 300 раз больше электрона. Наблюдения показали, что у мезонов, образующихся в космических лучах и обладающих большими скоростями, продолжительность существования возрастает именно так, как предсказывает теория относительности.

Почему же мы не замечаем замедления времени в жизни? Потому что при малых скоростях (сравнительно со скоростью света) разница во времени будет ничтожно мала. Даже на ракете, которая совершит полет

по солнечной системе в течение года со средней скоростью 15 км/сек., часы разойдутся с земными лишь на 0,015 секунды. Но если скорость увеличить до 299900 км/сек., то когда на Земле пройдет 38 лет, на ракете пройдет год. Путешественники, вернувшись из своего недолгого, как им казалось, путешествия, застанут на Земле своих детей пожилыми людьми, а внуков — взрослыми. Сами же они состарятся только на год. Правда, чем ближе скорость движения к скорости света, тем труднее ее достигнуть. Но, в принципе, такие скорости достижимы. Значит, «путешествие в будущее» действительно возможно.

ВСЕЛЕННАЯ ИЗ ОКНА ЗВЕЗДОЛЕТА

После того, как будет выключен двигатель фотонной ракеты, ее пассажиры не смогут ощутить той огромной скорости, с которой ракета несет их в межзвездном пространстве. Вероятнее всего, астронавты будут наблюдать космическое пространство на экранах телевизоров, заменяющих окна ракеты. На первый взгляд кажется, что астронавты сразу заметят по смещению звезд, как быстро они мчатся в пространстве. Ведь ракета летит с такой скоростью, что за десять минут покрывает расстояние, отделяющее Землю от Солнца. На самом деле, даже близкая звезда, находящаяся на расстоянии в один световой год, за три часа полета сместится всего на одну угловую минуту, то есть на величину, едва различимую человеческим глазом. И все же у астронавтов будет возможность убедиться в своем стремительном полете, не просиживая долгих часов за наблюдениями и не делая кропотливых измерений, а сразу — по виду окружающего ракету звездного неба.

Хорошо известно, что капли дождя, падающие вертикально, при движении поезда будут оставлять на окнах вагонов косые следы. Это происходит потому, что скорость падения капель и скорость движения поезда складываются. Наклон следов от капель будет в сторону движения поезда.

Точно так же лучи света от звезды, падающие на движущуюся Землю, испытывают некоторый наклон, и мы видим звезду смещенной в сторону движения нашей планеты; Это явление называется аберрацией света.

Скорость Земли (30 км/сек.) невелика по сравнению со скоростью света, поэтому и аберрационное смещение звезд незначительно: оно достигает, самое большее, 20 секунд дуги.

Если ракета движется со скоростью, близкой к скорости света, то астронавты увидят необычную картину. Звезды, которые кажутся нам более или менее равномерно рассыпанными по всему небосводу, «сбегутся» в ту часть неба, куда движется ракета, и в этом направлении небо будет усеяно ими значительно гуще, чем в противоположном.

Но еще больше повлияет на вид звездного неба другое явление — эффект Доплера. При движении навстречу световым волнам частота их становится больше, то есть свет делается более фиолетовым, а при движении в противоположную сторону свет краснеет. Если лучи падают не вдоль направления движения, а под некоторым углом, то изменение частоты световых волн будет тем меньше, чем ближе этот угол к прямому. Эффект Доплера хорошо изучен астрономами, которые с его помощью определяют скорость удаления или приближения далеких небесных тел.

Если скорость близка к скорости света, на этот эффект накладывается еще следующее явление. Относительно ракеты все звезды движутся практически со скоростью 250 000 км/сек., и, значит, для наших путешественников время на этих звездах течет медленнее. Медленнее колеблются электроны в атомах, а значит, с меньшей частотой излучаются световые волны. Отсюда следует, что даже свет звезд, расположенных в перпендикулярном направлении по отношению к трассе ракеты, окажется покрасневшим.

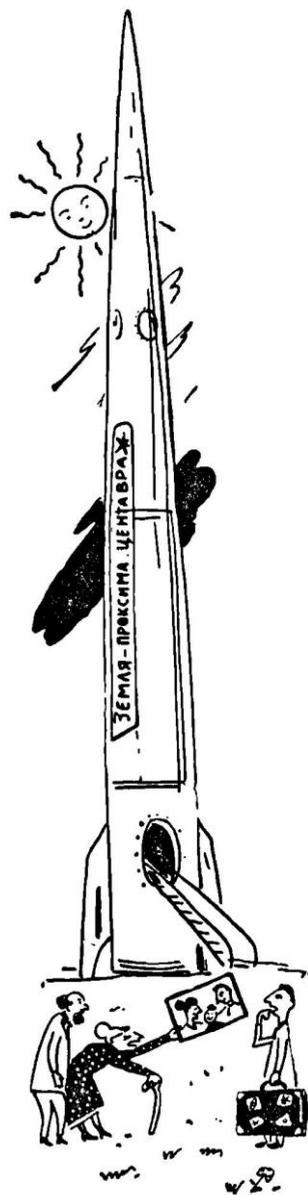
Общая картина необычного звездного неба, которая откроется перед космическими путешественниками, будет следующая. Сначала они увидят густо усеянную фиолетовыми звездами область вокруг точки, в направлении которой летит ракета. Затем, по мере удаления от этой точки, звезды встречаются на небе более редко. Цвет их меняется от синего до красного, затем их яркость резко уменьшается, и почти на половине неба позади ракеты совсем не видно звезд, за исключением, может быть, самых ярких, которые будут видны в виде слабых красных искорок.

Но еще более удивительные картины откроются перед астронавтами, если они смогут наблюдать в

сверхмощные телескопы процессы, происходящие на отдаленных небесных телах.

Поскольку звезды движутся относительно ракеты со — скоростью 250 000 км/сек., они сократятся в направлении движения ракеты в 1,8 раза и будут выглядеть не шарами, а эллипсоидами. Если ось вращения звезды не совпадает с направлением движения ракеты, то, поворачиваясь вокруг оси, звезда будет менять свою форму, как бы «подставляя» под сплющивание разные точки своей поверхности. Если ракета будет пролетать над плоскостью какой-либо планетной системы, то круговые пути планет для астронавта будут сплюснутыми, эллиптическими. Планеты тоже превратятся в эллипсоиды, вращаясь так же странно, как звезды. Все процессы, текущие на небесных телах, замедлятся в 1,8 раза.

Как мы уже знаем, события, одновременные для наблюдателя на Земле, могут оказаться неодновременными для астронавта, летящего на ракете. Возможны даже такие случаи, как перестановка порядка событий во времени. Допустим, что на

противоположных друг другу точках поверхности Солнца происходят два извержения протуберанцев, причем земные астрономы видят одно из них на две секунды раньше, чем другое. Но наблюдатель на ракете сочтет, наоборот, что второе извержение произошло раньше первого на две секунды, а вся картина явления для него будет происходить в 1,8 раза медленнее, чем для наблюдателя на Земле. Вспомнив при этом, что изменяется также яркость и цвет этих образований, легко понять, насколько необычные картины смогут увидеть будущие астронавты.

ПАРАДОКС ВРЕМЕНИ

Если астронавт будет изучать события, происходящие на покинутой им Земле, то он убедится, что и там все процессы, в том числе и жизнь людей, текут в 1,8 раза медленнее. Как же так? Казалось бы, что для наблюдателя на ракете процессы на Земле должны течь быстрее по отношению к процессам, текущим на ракете.

Но этого не происходит. Если ракета летит равномерно и прямолинейно относительно Земли, тогда относительно ракеты Земля будет двигаться с той же скоростью в противоположную сторону. Следовательно, наблюдатели на Земле и на ракете полностью равноправны. И хотя для земного наблюдателя время на ракете течет медленнее, для астронавта медленнее будет течь земное время. Может показаться, что тогда нельзя избежать противоречия. Когда ракета вернется на Землю, кто окажется прожившим меньше времени: космический путешественник или житель Земли?

На самом деле никакого противоречия нет. Просто в наших рассуждениях упущено одно важное обстоя-

тельство. Чтобы вернуться на Землю, астронавты непременно должны включить двигатели ракеты, развернуть ее и направить к Земле. Во время действия двигателей ракета движется ускоренно и не является инерциальной системой. Законы специальной теории относительности в это время для нее неприменимы.

Земной наблюдатель не испытывал никаких ускорений, его система инерциальна все время, и законы специальной теории относительности в ней справедливы, поэтому его вывод о том, что по возвращении межзвездные путешественники окажутся моложе своих сверстников на Земле, правилен.

На ракете же, когда она движется ус-

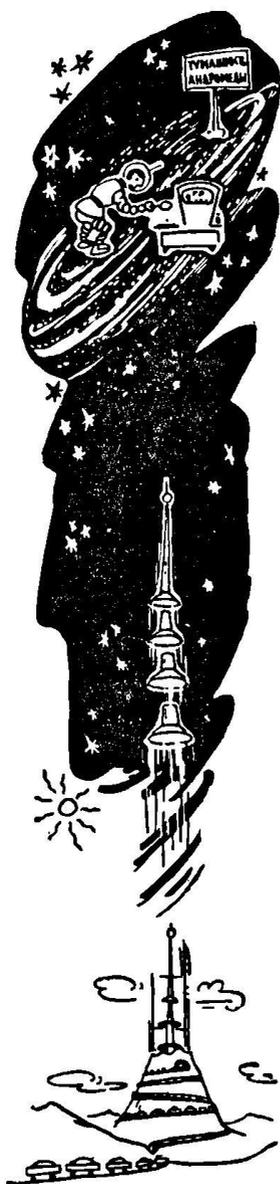
коренно, будут действовать законы общей теории относительности, которая позволяет рассматривать не только прямолинейное и равномерное движение, но и ускоренное.

Оказывается, на течение времени влияет не только движение тел, но и близость тяготеющих масс. В сильном поле тяготения, то есть там, где потенциал тяготения велик (например, на Солнце), время течет медленнее, чем на Земле.

ЛЕТИМ К ПРОКСИМЕ ЦЕНТАВРА

Рассмотрим конкретный пример полета фотонной ракеты к Проксиме Центавра, с которого мы начали наш рассказ. Предположим, что на ракете есть точные часы и мощный передатчик, посылающий сигналы времени на Землю. Наблюдатели на Земле, учтя время распространения радиосигналов от ракеты до Земли, могут следить за течением времени на ракете.

Пусть ракета набирает скорость и тормозится так, что ускорение, которое будет действовать на все предметы внутри ракеты, будет равно ускорению силы тяжести на поверхности Земли. Это наиболее целесообразно с точки зрения удобства экипажа.

Попробуем проследить вместе с наблюдателями на Земле за ходом часов на ракете. Пока ракета наберет скорость, часы на ней будут идти все медленнее, и к моменту выключения двигателей на ракете отсчитают на 0,3 года меньше, чем земные часы. Дальше ракета летит по инерции; часы на ней идут для земного наблюдателя в 1,8 раза медленнее, чем его собственные. На участке торможения ракеты ход ее часов для земного наблюдателя будет постепенно ускоряться. Астронавты высаживаются на планете системы Проксимы Центавра. Пока они исследуют эту систему, их часы идут синхронно с земными часами. Затем астронавты

отправляются в обратный путь, и картина изменения хода часов на ракете повторяется в обратном порядке. После возвращения космических путешественников по часам на Земле пройдет 13,5 года, а по часам ракеты — 9,3 года, то есть астронавты отсчитают на 4 с лишним года меньше.

Отправимся теперь вместе с астронавтами в космическое путешествие и по радиосигналам с Земли будем следить из ракеты за ходом земных часов. Когда ракета движется ускоренно, в ее системе будет действовать сила, вызванная ускорением и эквивалентная силе тяготения. Но там, где потенциал тяготения больше, часы идут медленнее. Разность потенциалов зависит от величины силы и расстояния между точками, причем потенциал увеличивается в ту сторону, куда направлена сила. Сила, действующая на предметы в ракете, противоположна направлению ее ускорения (вспомните, что при отправлении поезда эта сила толкает нас назад). При разгоне ракеты во время вылета эта сила направлена от ракеты к Земле. Следовательно, потенциал этой силы больше в точке расположения земных часов, и часы замедляют свой ход по сравнению с часами на ракете. Но этот эффект незначителен, так как расстояние между отлетающей ракетой и Землей еще невелико. Незначительны поэтому и разность потенциалов, и замедление хода часов.

При полете с выключенными двигателями часы на Земле для астронавтов идут медленнее ракетных и к концу этого участка отстанут от них на 1,25 года. Наконец, при торможении у Проксимы Центавра сила, вызванная ускорением, имеет направление от Земли к ракете. Потенциал теперь больше в точке, занимаемой ракетными часами, и земные часы идут быстрее ракетных. При этом хотя сила, вызванная ускорением,

героев романа И. Ефремова «Туманность Андромеды» и добраться до других галактик? Немецкий физик Э. Зенгер дает на этот вопрос положительный ответ. До туманности Андромеды, находящейся в 1,5 миллиона световых лет от нас, можно, оказывается, долететь за 27 собственных лет.

Для этого нужно, чтобы ракета полпути летела с ускорением, а полпути — с торможением. Наибольшая скорость будет тогда достигнута, конечно, на середине пути. И чем больше расстояние до цели путешествия, тем ближе будет скорость ракеты к скорости света, а значит, тем больше будет замедление времени на ракете. Собственное время полета будет зависеть в этом случае только от расстояния. И вот оказывается, что полет до центра нашей Галактики займет при таком режиме 19,8 собственных года, что соответствует 30000 земных лет, а полет до туманности Андромеды — 27,2 собственных года, или 1,5 миллиона земных лет. Столько же потребуется и на обратный путь.

Конечно, герои Ефремова не отказались бы за 27 собственных или «зависимых» лет добраться до туманности Андромеды. Но мы не учли расхода «горючего» — запасов элементарных частиц. Отношение начальной и конечной массы ракеты составит в этом

случае 2,5 триллиона ($2,5 \cdot 10^{12}$)! Из 2,5 миллиона тонн начальной массы до туманности Андромеды долетит... 1 грамм! А если предусмотреть и обратное возвращение, то это число (2,5 триллиона) надо еще возвести в квадрат. К тому, же на Земле за это время пройдет 3 миллиона лет...

Есть ли смысл отправляться в такой полет? На это ответит будущее.

КОГДА ЖЕ ЭТО БУДЕТ?

Вернемся из наших воображаемых путешествий на реальную, сегодняшнюю Землю и попытаемся ответить на самый трудный вопрос: когда человек сможет полететь к звездам?

Ответить на этот вопрос нелегко. Ведь трудности предстоит преодолеть немалые. Фотонная ракета — это пока только принцип двигателя. Кроме того, не надо забывать о межзвездном газе, который при движении ракеты с субсветовой скоростью превратится в поток частиц высоких энергий, подобный самым жестким космическим лучам. Придется считаться и с сопротивлением межзвездного газа.

Конечно, вряд ли можно ожидать, что уже в текущем столетии люди полетят к другим звездам: нам хватит работы и в солнечной системе. Но мы верим, что Люди коммунистического общества успешно решат и эту задачу.

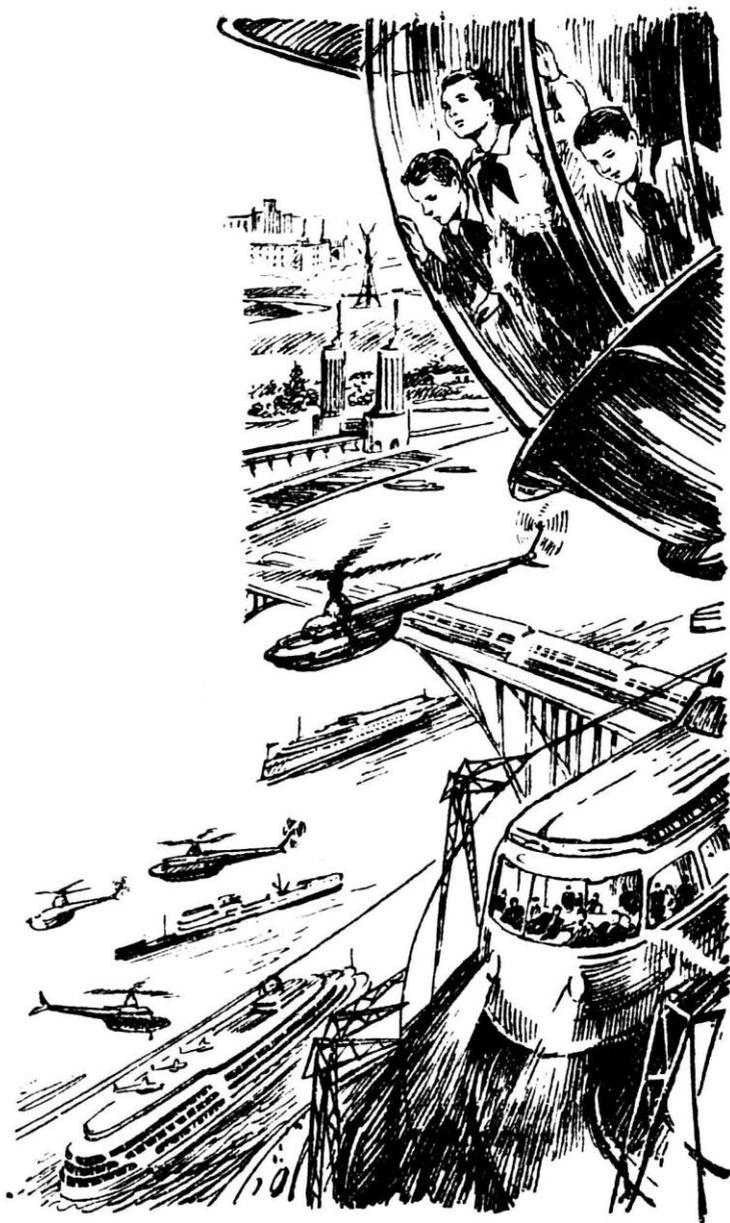

В. В. ЗВОНКОВ

ТРАНСПОРТ БУДУЩЕГО

Фантастический очерк

Газета «Пионерская правда», № 20 от 11 марта 1955 г.

ЗАГЛЯНЕМ В ЗАВТРА

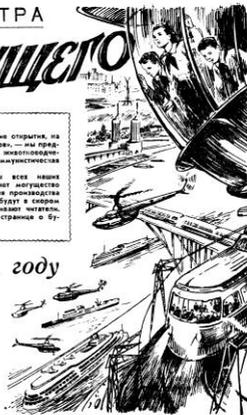
Транспорт будущего

Завтра! Как кончается завтрашний день!
Говорят: «Завтра наша наука...» — мы мечтаем и вступаем в великие открытия, на пороге которых находится учёный. Говорят: «Завтра будет общество...» — мы представляем себе высокоуровневые поля личности. Богатые интеллектуальными формами. В светлом завтра — в научном мире нас. Коммунистическая партия.

Партия постоянно работает о всесторонней развитии основы всех новых богатств — темновой промышленности. Именно поэтому крепнет могущество науки. Создаются большие возможности для творческого производства всего того, что необходимо для советского человека. Жизнь будет в светлом завтраше. Завтра, фабрики, миллиарды дорогих — страшною человеку. Ответы на один из этих вопросов, мы рассказываем на этой странице о будущем нашего транспорта.

Путешествие в 19.. году

В. В. ЗВОНКО,
член-корреспондент Академии наук СССР,
заслуженный деятель науки и техники

Многие из вас, мои дорогие юные друзья, — страстные путешественники. И я думаю, что пройдут многие годы, и вас станут называть уже, например, не Сережами, а Сергеями Николаевичами, не Женями, а Евгениями Петровичами, не Надями, а Надеждами Васильевнами, но не пройдёт ваш юношеский задор, не пропадёт страсть к познанию, желание всё видеть своими глазами.

И, возможно, верные дружбе, через десять — пятнадцать лет вы снова соберётесь, чтобы поговорить о том, как исполнились ваши юношеские мечты, или чтобы вместе провести отпуск, и уже умудрёнными жизнью глазами взглянуть на нашу чудесную Родину. Возможно, уже сейчас у кого-нибудь из вас есть пригласительный билет, написанный заранее советом вашего пионерского отряда:

«Дорогой друг! Совет пионерского отряда 6-го класса «А» приглашает тебя на сбор, который состоится в школе в первое воскресенье июня 1970 года. После сбора мы отправимся в путешествия по родному краю. Не забудь взять всё необходимое в дорогу и явиться точно к 10 часам утра. Совет отряда».

Увлекательное путешествие предстоит вам! Одним захочется побывать на Дальнем Востоке, других привлечёт поездка на юг, третьи пожелают отправиться по Волге.

Итак, в путь! Сначала проводим «волжан». Подходим к троллейбусу. Он скорее похож на поезд. В нём удобные мягкие места для лежания, и, как поезд, он состоит из нескольких вагонов. На его вагонах таблички: «Москва — Горький».

Поезд-троллейбус трогается. Он мчится по улицах столицы и, наконец, вырывается на широкое асфальтированное шоссе. Ни одного светофора, ни одного перекрёстка. Местами шоссе проложено высоко над землёй. Внизу, под мостами и эстакадами, лежат другие шоссе, железнодорожные линии, озёра.

А навстречу мчатся такие же электропоезда на шинах — большущие автобусы-поезда, с дизельными моторами.

Справа и слева от шоссе богатырской поступью шагают стальные мачты высоковольтных линий электропередач. Они идут с берегов Волги, от гидроэлектростанций. Они идут от просторных светлых зданий, где электрический ток рождается от бурно расщепляющихся атомов урана.

Путешественники в Горьком, в речном пассажирском порту. Им предлагают сесть на электроход-троллейбус, на этот раз водный. Над водой протянуты провода.

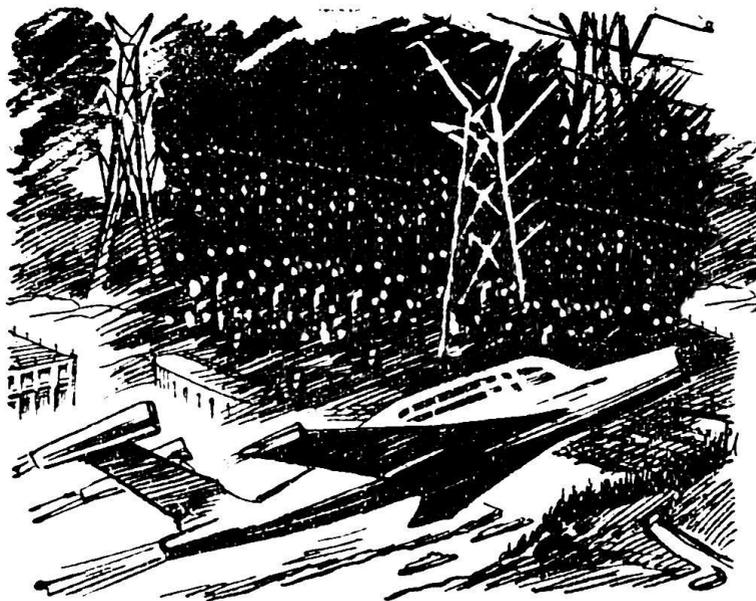
— Учтите, что ради экономии времени электроход к причалам порта не подходит, — напоминают пассажирам. — Посадка производится с вертолётов.

Стайка вертолётов поднимается в воздух и ожидает там появления электрохода. Он показывается на горизонте и, стремительно разрезая волны, приближается

к порту. Вертолёты опускаются на его палубу. Электроход продолжает двигаться с прежней скоростью.

А те, кто отправился на Дальний Восток, уже давно на берегу Тихого океана. Всего за несколько часов доставил их туда реактивный самолёт. Он тоже не такой, какие мы привыкли видеть сейчас, — он скорее напоминает ракету.

Поднявшись с московского аэродрома, этот летательный аппарат набрал высоту в несколько сот километров и летит с огромной скоростью, почти не встречая сопротивления воздуха. Вооружившись оптическими приборами, путешественники смотрели на Землю. Вся Сибирь лежала перед ними, как на ладони... Здесь ходит электричка. А с наступлением сумерек над Сибирью вспыхивает электрическое зарево.

Фантастические картины предстали и перед друзьями, отправившимися на юг. До самого Кавказа их мчал электрический поезд. И, хотя поезд идёт без остановок, пассажиры на станциях входят в вагоны. Они входят на ходу, с движущихся платформ. Такая

платформа набирает скорость и догоняет поезд. Пассажиры спокойно выходят на эту платформу. С неё происходит и посадка.

Сидя в вагоне, пассажиры разговаривают по междугородному телефону, смотрят телевизионные передачи...

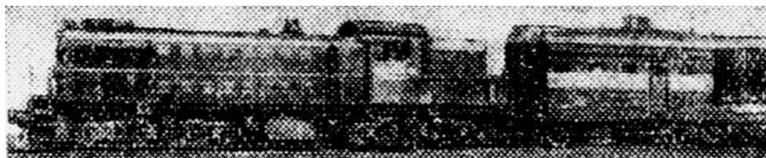
Мимо окон то и дело с огромной скоростью проносятся встречные поезда, мелькают станции, составы из самых разнообразных вагонов... Не может ли произойти крушение?

Но пассажиры спокойны. Безаварийную работу транспорта обеспечивает диспетчер. Он сидит перед большим пультом, на котором видно всё, что происходит на железнодорожных путях. Да, видно. И не только по огонькам сигнальных лампочек, но и на экране телевизора. Поворот рукоятки — и перед глазами диспетчера проплывают грузовые составы, ещё поворот — проходят бригады осматривщиков вагонов, потом появляется изображение пассажирской платформы. С помощью кнопок дежурный осуществляет диспетчерскую централизацию: переводит стрелки, по радио даёт указания машинистам, прикосновением к рубильнику регулирует расход электрического тока на отдельных участках пути.

А вот конечный пункт путешествия — вечно цветущий и зеленеющий город Сочи. Бескрайнее море манит отправиться в плавание. Путешественники приходят в порт. Здесь не видно ни баков с жидким горючим, ни груд угля. Горючее на судно погружают не подъёмные краны и не транспортёры. Его под силу поднять одному человеку, потому что на целый месяц плавания необходима всего горстка уранового «топлива». Горстка, которая свободно помещается в папиросной коробке!

Атомный корабль отправляется в плавание...

Так будет. Эти путешествия — не заоблачная мечта, не пустая фантазия. Всё, о чём мы сегодня мечтаем, осуществят советские люди.

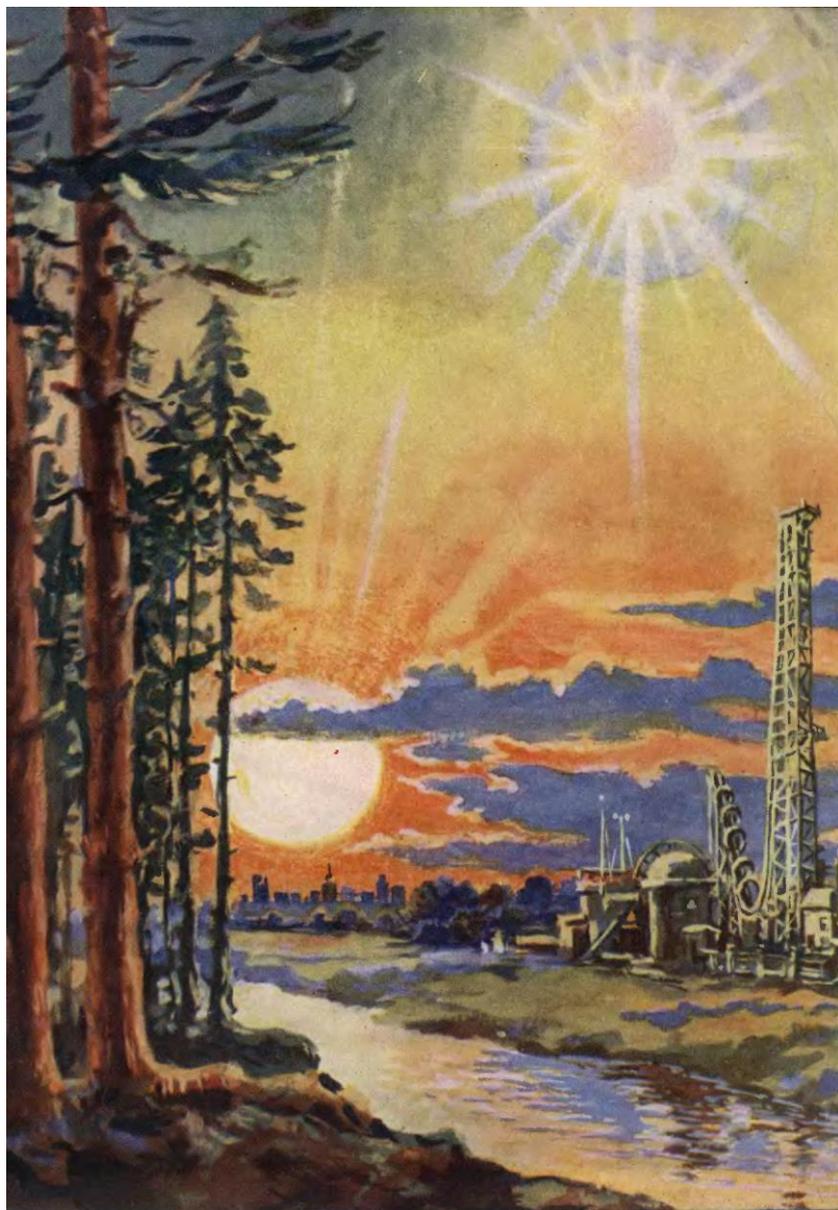

Нил ГРИШИН

ДВОЙНИК СОЛНЦА

Фантастический очерк

Журнал «Наука и жизнь», № 7, 1957 г.

ДВОЙНИК СОЛНЦА

Нил ГРИШИН.

Рис. А. Сысоева.

СУЕТА, обычно сопровождающая посадку и отплытие, наконец затихла, и судно, набирая скорость, все дальше и дальше уходило от пристани, усеянной провожающими. Вскоре берег совершенно растворился в сероватом облаке на горизонте.

Матрос на баке, неторопливо чистивший какую-то медяшку, внезапно прекратил работу. Сначала с недоумением, а потом с испугом он уставился себе под ноги — четкие контуры тени, повторявшей его движения на залитой солнцем палубе, вдруг размылись, раздвоились. Матрос ясно увидел, что отбрасывает... вторую тень.

Резко, словно от удара, вздернув подбородок, он взглянул на небо и, на мгновение оцепенев, опрометью кинулся к капитанской каюте.

Пурпурные лучи заходящего солнца, смешиваясь с потоками света «восходящего» спутника, заставляли реку, облака и искрящиеся неофановые переплетения стартового устройства играть всеми цветами радуги.

Капитан и его гость — случайно оказавшийся среди пассажиров знакомый журналист — вздрогнули от грохота неожиданно распахнувшейся двери.

— В чем дело? — недовольно обернулся капитан.

— Т..там..— Матрос прислонился спиной к косяку. — Там... — никак не удавалось ему кончить.

Обеспокоенный странным поведением матроса, капитан выскочил на палубу.

То, что он увидел в небе, потрясло его до глубины души...

Выбежавший вслед за капитаном журналист сначала тоже было удивленно поднял брови, но тут же восторженно зааплодировал.

Недоумевающее выражение лиц членов команды и пассажиров, собравшихся на палубе, вызвало у журналиста улыбку, и он поднял руку, привлекая к себе внимание.

— Спокойствие, друзья! Оснований для волнений нет! — Все обернулись к нему. — Если желаете, могу вам сообщить кое-какие подробности об этом...— И легким кивком головы он указал на то, что всех так взволновало. — Я журналист. Примерно четыре месяца тому назад, как только стало известно, что в районе Синей Долины начато строительство гигантского ракетодрома, меня немедленно командировали туда. Что это за ракетодром? Для чего он? В редакции, где я работаю, никто об этом ничего не знал. Вечером в Синюю Долину вылетел специальный самолет, и с этой машиной я отправился на строительство.

Кроме меня, в кабине самолета находился еще один пассажир — высокий молодой человек. Мы еще не успели взлететь, как он уже углубился в какой-то технический журнал. Я оказался вынужден в одиночестве ломать голову над вопросами: что это за строитель-

ство? Какие ракеты должны стартовать с ракетодрома? Куда? На Марс? На Луну?

Предположив, что мой необщительный попутчик имеет какое-то отношение к интересовавшему меня строительству, я обратился к нему.

Вежливо выслушав меня, он чуть улыбнулся:

— На Марс? Нет... Пока нет... Мы просто готовим запуск искусственного спутника... — Очевидно, прочитав на моем лице разочарование, он добавил с той же улыбкой: — Я понимаю, что после запуска целой серии спутников в 1957 году этим трудно удивить, но наш спутник весьма необычный. Впрочем, вы в этом сможете убедиться сами.

Он оказался прав. В этом я начал убеждаться с первых же минут после посадки нашего самолета.

Повсюду, равняя площади, ползали бульдозеры, возводились насыпи железнодорожных путей; росли стены каких-то колоссальных строений. Бетонные заводы выплескивали тысячи кубометров раствора в контейнеры электропоездов, торопливо разбегавшихся в разные стороны.

В день моего прибытия электрики закончили монтаж генераторов для высокочастотной плавки грунта. Загнанные вибрационными машинами на многометровую глубину, металлические стержни были соединены к высокочастотной магистрали. В точно назначенное время атомные теплоэлектроцентрали бросили сотни тысяч киловатт энергии в высокочастотные установки. Между опущенными на глубину стержнями в мощнейших полях почти мгновенно расплавилась земля. Через сутки после снятия напряжения фундамент был готов к установке основных звеньев конструкции полувитков пусковой спирали, как мне сообщил один из электриков.

К этому времени закончилось возведение монтажных цехов и начал работать химический завод для синтеза неофана. Дело в том, что на основном строительстве взамен тяжелых и дорогостоящих легированных сталей впервые в широких масштабах нашел применение созданный химиками новый синтетический материал — неофан. Он обладал удивительными качествами: во много раз превосходил по механическим свойствам лучшие из известных сплавов и был легче их почти в полтора раза.

Впервые попав в монтажный цех, я сразу же обратил внимание на странное сооружение. Внешне оно напоминало гигантскую чашу диаметром в несколько сот метров и высотой метров в сто пятьдесят. Люди, казавшиеся муравьями по сравнению с этой махиной, с помощью тельферов устанавливали внутри полусферы по радиусам тонкие блестящие стержни. Сходясь в центре, эти стержни образовывали ложе для какого-то, по-видимому, сферического тела диаметром около 30 метров.

Инженер, руководивший сборкой, заметив интерес, с каким я рассматривал это сооружение, с гордостью сказал:

— Еще пара суток, и мы закончим контрольную сборку параболоида спутника. Ювелиры! — с ноткой восхищения закончил он, движением головы указывая на сборщиков.

«Параболоид спутника? — подумал я. — А для чего он нужен? И как они его втащат на орбиту?» Мне многое еще было неясно: строится ракетодром, а ракет нигде нет, да и сам спутник... Но я по-прежнему старался не докучать вопросами, надеясь сам разобраться во всем.

Несколько дней я провел на строительстве основного сооружения — стартового устройства.

Впервые в мировой практике здесь применили знаменитую «руку» — так называли строители придуманный ими оригинальный подъемный кран. Это гигантское сооружение конструктивно как бы повторяло костные сочленения человеческой руки. Для управления механизмами на руку оператора надевалось специальное устройство из целого ряда шарнирно соединенных стержней из легкой пластмассы, которые посредством особых электрических устройств — сельсинов — управляли «мышцами» механической руки — тросами от гигантских сервомоторов. Повторяя все нюансы движений руки оператора, этот кран захватывал покрытыми специальным фрикционным материалом «пальцами» многотонные сварные пролеты и блоки, и с умной, почти человеческой аккуратностью устанавливал их в нужное место.

Когда ажурная конструкция стартовой башни достигла высоты около пятидесяти метров, «рука» уступила место монтажным квадраторам — четырехвинтовым геликоптерам с двигателями и винтами, расположенными на концах крыльев. Обладая колоссальной грузоподъемностью, эти гигантские стрекозы, чем-то напоминавшие жюль-верновского «Альбатроса», снижались сквозь раскрывающуюся крышу прямо в цеха, где цепляли специальными захватами уже собранные отдельные блоки и взлетали, унося в «когтях» очередной элемент конструкции. Поблескивающие в лучах солнца прозрачные неофановые фермы под «брюхом» квадраторов казались гигантскими драгоценными камнями. Деловито урча двигателями и сосредоточенно маневрируя, геликоптеры тщательно устанавлива-

ли на место свой груз, после чего сборщики со своих «летающих площадок» коричневыми струями смеси полиамидных смол намертво склеивали — да, именно склеивали — очередную секцию растущей не по дням, а по часам конструкции.

Пока заканчивалось строительство, я опять зашел в монтажный цех и увидел, что от огромной чаши почти ничего не осталось. Вместо нее порталные краны переносили в ту часть цеха, над которой была сделана открывающаяся крыша, огромные сигарообразные тела. «Ракеты! — подумал я. — Но почему же они разобрали чашу, которая должна была сделаться спутником?» На это мне ответил тот же инженер, с которым я уже однажды здесь разговаривал:

— Вместо того, чтобы «втаскивать» спутник на орбиту, мы предусмотрели такую конструкцию ракет, которая позволит после того, как они взлетят и выйдут на орбиту, разобрать их внешние оболочки и собрать из них параболоид, который вы уже видели во время контрольной сборки. Этот параболоид и будет являться рефлектором.

Внезапно инженер, взглянув на часы, поспешно ушел.

Рефлектором? Но для чего этот рефлектор? Пока я думал, у кого бы мне спросить об этом, неожиданно рядом раздался голос, показавшийся мне знакомым.

Я обернулся, рядом со мной стоял тот самый молодой пассажир, с которым я летел сюда.

— Ну как, удалось вам разобраться, обычный это спутник или нет?

Обрадованный его появлением, я поделился своими наблюдениями, однако сознался, что так и не понял назначения спутника.

Инженер весело улыбнулся:

В тысячах километров над Землей происходила сборка гигантской чаши параболоида.

— Ну, если вы знаете, что будущий спутник будет представлять собой рефлектор, об остальном уже нетрудно догадаться.

— Для чего же используется рефлектор?

— Чтобы отражать свет и тепло.

— Значит?..

— Совершенно верно,— кивнул он, видя, что я начал догадываться. — По орбите с перигелием около 15 тысяч километров будет перемещаться искусственный спутник Земли — рефлектор-параболоид. В его фокусе будет помещен шар диаметром около 30 метров из двух веществ, доведенных до плотности 8,0. Найденный нами способ замедления термоядерной реакции, основанный на идеях, высказанных еще в 1950 году Сахаровым и Таммом, позволяет осуществить процесс синтеза этих веществ и растянуть его приблизительно на 20 лет.

— То есть вы хотите сказать, что в течение двадцати лет этот необычный спутник будет изливать на землю потоки света и тепла из тридцатиметрового... «шарика»?

— Да, тридцатиметровый «шарик», как вы говорите — это не так уж мало. Согласно известной формуле Эйнштейна об эквивалентности массы и энергии, 1 килограмм массы, будучи полностью преобразован в энергию, эквивалентен 25 миллиардам киловатт-часов. Следовательно, наш спутник, несмотря на то, что мы пока можем осуществить лишь двадцатипятипроцентные превращения, в процессе синтеза будет давать каждому квадратному километру земной поверхности за счет лучеиспускания количество энергии, эквивалентное 250 миллионам киловатт-часов.

Эта цифра потрясла меня: новый спутник будет давать четверть того, что дает Солнце!

Я уже видел Землю освобожденной от ледяных шапок-полюсов и получившей за счет этого дополнительные площади, больше чем в два раза превышающие территорию Европы; благодаря исчезновению

арктических и антарктических холодильников стабилизируется погода; повсюду снимают по два — три урожая в год; чудесные пляжи на побережье Северного Ледовитого океана, банановые рощи в Якутии и виноградники в Гренландии. Значительное повышение температуры и общее смягчение климата порождают новые архитектурные решения, и люди вместо современных толстостенных домов повсюду возводят легкие, изящные сооружения, пронизываемые сиянием двух солнц.

Холода больше нет, и человечество вместо толстых, тяжелых тканей одевается в легкие, красивые одежды...

Однако множество вопросов еще оставались неясными: какова будет температура в точках пересечения двух экваторов? Какие последствия принесет поднятие уровня мирового океана вследствие таяния гигантских масс льда? Нельзя ли использовать второе солнце в качестве отражающего объекта для целей дальнего телевидения?

Спустившись по лесенке туда, где собирались ракеты, я обратился к инженеру, руководившему здесь работами:

— Неужели может существовать такой материал, который в состоянии выдержать те колоссальные температуры, которые будут иметь место при термоядерной реакции? Ведь параболоид обратится в пар?

Он улыбнулся.

— На внутренней поверхности параболоида нанесено специальное покрытие с коэффициентом отражения по всему спектру, равным единице, что исключает даже малейшее нагревание конструкции.

Так же уверенно инженер ответил и на остальные интересовавшие меня вопросы.

Наконец, наступил день, когда у подножия уходящих ввысь ажурных опор пускового сооружения собрался весь штаб строительства во главе с автором проекта Беловым — так звали моего молодого попутчика, о котором я уже говорил. Пассажирский лифт в несколько секунд домчал всех нас до стартовой площадки на трехсотметровой высоте.

Все сооружение несколько напоминало лыжный трамплин, только было во много раз больше, и не обрывалось в том месте, где лыжник начинал свой прыжок, а переходя в низшей своей точке как бы в ряд туннелей, опять устремлялось ввысь. Эти туннели — я уже знал — были не что иное, как гигантские соленоиды, автоматически включавшиеся самими ракетами. Добавочное ускорение, которое приобретут ракеты в этих соленоидах-туннелях, должно позволить им более плавно перейти к режиму полета за счет действия реактивных двигателей.

— Ну, что же, новоявленный Прометей, все в порядке, зажигайте свое солнце, — за шуткой попытался скрыть волнение кто-то из приехавшей комиссии.

Белов подошел к стартовому щиту, взглянул на часы, помедлил мгновение и четко бросил в микрофон:

— Внимание!.. Включаю пусковые автоматы! — И положил руку на рубильник.

...Одна за другой срывались ракеты с вершины стартовой площадки и, набирая скорость, все быстрее и быстрее заскользили по наклонным желобам, влетали в туннели соленоидов, и в самом конце пути, опережая рев реактивных двигателей, огненными стрелами уносились вверх.

— Вот что я могу вам рассказать об одном из этапов работы, как видите, теперь уже завершенной,— закончил свой удивительный рассказ журналист, обводя глазами людей, столпившихся на палубе, залитой светом двух солнц.

Павел МАЛИНИН

• ————— ❁ ————— •

КАТАСТРОФА
«АВТОЛИДЕРА
СЭЛЛИНДЖЕРА»

Фантастический рассказ

*Сборник сатиры и юмора «Лучи, которые горячи»;
Симферополь. Крымиздат, 1963 г.*

**КАТАСТРОФА «АВТОЛИДЕРА
СЭЛЛИНДЖЕРА»**

(Фантастический рассказ)

Во всех крупнейших газетах некой западной страны одновременно появилось такое объявление:

«Ведь вам все это надоело, не правда ли? Почему вы должны раздумывать над тем, как себя вести или что говорить незнакомой даже на коктейле? Если у вас плохое настроение и шеф подошел к вам перекинуться парой слов, а хочется послать его к черту, что делать тогда? Вам нужно идти на заседание акционеров, а хочется спать, что делать тогда? Все проблемы разрешены всемирно известным профессором доктором Сэллинджером (Даунинг-Хауз, 23 улица). Его универсальный электронный автолидер снимает с вас все заботы. Проспекты и подробнейшее описание по получению 2 долларов на вышеуказанный адрес. Вам обеспечено процветание!! Какой характер хотелось бы вам заказать у мистера Сэллинджера? Раскошесьте на пару долларов, и вы узнаете все».

Это не совсем ясное, странное объявление неожиданным образом всколыхнуло страну. На страницах газет замелькали подробности. Профессор Сэллинджер, по его словам, изобрел необычайнейший кибернетический прибор. Будучи, путем продуманной операции, вмонтирован в человеческое тело, он давал возможность его владельцу отключиться от мира.

Прибор совмещал в себе контактный микрофон с приемо-передатчиком. Основная система, довольно

громоздкая, стояла на дому. Каждому прибору была присвоена зарегистрированная в специальном учреждении ультракороткая волна. Все сигналы из внешнего мира, поступающие к человеку, посылались на этой волне в электронную машину, и там срабатывало логическое устройство. Решение автоматически посылалось в автолидер. Человек мог преспокойно спать, но окружающие и не подозревали об этом, так непринужденно и ловко вело себя его тело, отвечало на заданные вопросы, острило и даже ухаживало за женщинами.

На пресс-конференции демонстрировался некий мистер Разман, рискнувший на операцию одним из первых. Пресс-конференция доказала: газеты не лгали, сообщая о чудесных возможностях нового прибора (и это тоже было удивительно для описываемой нами страны: газеты — и не лгут).

Автолидер завоевал себе успех и признание. Скептицизм был полностью рассеян. А рекламные объявления сообщали о все более и более совершенных образцах. В конце концов, отпала необходимость переносить громоздкие логические устройства непосредственно на квартиры. Для них были построены громадные корпуса в одном месте, за городом. Удивительное зрелище представляли эти бесконечные ряды электронных машин, в которых с чуть слышным гудением определялись поступки и слова их хозяев.

Газеты описали несколько случаев, когда владельцы автолидеров, будучи в сонном состоянии, удачно вступили в брак. Автолидеры превосходно играли в бридж и шахматы, и на шахматных турнирах стал проводиться обязательный предварительный осмотр, дабы исключить возможность участия «механизированных» игроков.

Компания «Автолидеры Сэллинджера» процветала и купалась в сияющих лучах благополучия.

А в это время в стране происходили важные политические события. Некие деятельные генералы и военные промышленники усиленно толкали страну к весьма опасному рубежу. В их руках были деньги, власть и печать. В их руках фактически находился президент страны, тесно связанный с военной промышленностью. Как раз в этот момент президент должен был выступить с речью в конгрессе, дабы вопреки протестам общественного мнения вновь подтвердить курс страны на дальнейшее вооружение, теоретически обосновать политику с «позиции силы», объявить всех сопротивляющихся такой политике «антипатриотами» и «подрывными элементами».

..Зал конгресса, оформленный сверхмодернистскими серыми панно, был набит битком. В ложах прессы дело доходило до драки. Почтенные сенаторы в черных костюмах были похожи на стаю степенных сытых грачей с белыми грудками.

На трибуне появился президент. Его лицо выглядело торжественно и строго, дышало сознанием важности и ответственности момента.

— Господа! — внушительно сказал он. — Все мы отлично знаем, что наша цивилизация находится на грани катастрофы. Увеличивающиеся с ужасной быстротой запасы ядерного оружия страшной разрушительной мощи уже превосходят количество его, необходимое для полного уничтожения человечества. Такое положение совершенно нетерпимо...

— Красиво говорит, — с восхищением сказал кто-то из журналистов. — Интересно, как он выкрутится и повернет все дело к тому, что все-таки необходимо вооружаться еще быстрее?

— Этот выкрутится! — успокоил его приятель. — Мастер...

— Господа! — продолжал президент. — Наше правительство серьезно обеспокоено сложившимся положением. В этой связи я как президент этой великой державы от имени ее правительства и народа заявляю, что наша страна готова идти на безоговорочное полное и всеобщее разоружение хоть сегодня же. В этом я вижу единственный разумный выход из страшного тупика, в который мы зашли. Благодарю за внимание, леди и джентльмены...

Конгресс ошалел. Гробовая тишина воцарилась в зале. Три престарелых конгрессмена с деревянным стуком хлопнулись в обморок. Кто-то истерически засмеялся. «Коммунист!» — завопил борцовского вида мужчина в сером нейлоновом костюме. От волнения у него выпала вставная челюсть.

Дальнейшее уже не поддается описанию. Самым глупым было то, что никто из «сильных мира сего» не знал, как себя нужно вести в подобном неожиданном случае. Это было похоже на то, как если бы человек вдруг проснулся без головы. Еще вечером он пил кофе, жевал хрустящие сухарики, надевал на голову ночной колпак, а утром у него уже не было головы. Не было и все тут! Трясущимися руками он ощупывает совершенно гладкие плечи и не знает, как быть...

Померкли экраны телевизоров, радиостанции спешно переключались на излишне бодрый джаз.

И только утром все разъяснилось. Оказывается, незадолго до выступления президент вдруг почувствовал сильное недомогание. Не желая откладывать свою речь, президент решил обратиться к помощи автолидера самой новейшей конструкции. Но по ошибке электронная машина была включена не на заранее за-

программированное поведение, а на свободное логическое решение возникающих вопросов. Она должна была определить единственно разумные действия своего объекта, дать единственно правильный ответ.

И она с блеском выполнила свою задачу.

В тот же день правительство наложило арест на компанию «Автолидеры Сэллинджера».

Ангара

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ОРГАН ПРИНУТНОЙ И ЧИТАННОЙ ПИСАТЕЛЬСКИХ
ОРГАНИЗАЦИЙ РСФСР

ГОД ИЗДАНИЯ ТРИЦАТЬ ВОСЬМОЙ

ИЮЛЬ - АВГУСТ

Лев МОГИЛЕВ

ОКНО В ПРОШЛОЕ

Научно-фантастическая повесть

Журнал «Ангара», № 4, 1968 г.

Л. МОГИЛЕВ

ОКНО В ПРОШЛОЕ

Научно-фантастическая повесть

*В тебе - всему начало и предел,
Само же ты - и вечность, и мгновенье!
Ты - лира малых и великих дел,
Истории миров и поколений!
Три сущности в тебе одном слились.
Все сущее ты воплотило разом.
И лишь одно тебя быстрее - мысль.
И лишь одно могущественней - разум.*

В газете «Вечерний Ленинград» от 17 августа сего года появилась статья, которая надолго взволновала читателей. В ней сообщалось о смерти профессора Воробьева, случившейся при загадочных обстоятельствах. Газету эту мне прислал по почте мой давний товарищ Николай Шаров.

«Виктор, — писал он, — не сомневаюсь, что мое письмо и статья огорчат тебя. Да, старик уже не сможет прислать тебе отзыв на автореферат. У нас тут столько разговоров, догадок, предположений... Идет судебное следствие. Впрочем, я в этом деле понимаю меньше кого-либо. Почитай сам...»

Прочтя статью, я надолго задумался. «Как далеки они все от истины! — размышлял я. Он стал жертвой собственного гения. Неведомое надвинулось на него. Из каких глубин оно вышло? Какими путями?»

Николай угадал: печальное известие меня очень огорчило, и на то были свои причины. Профессора Воробьева я знал давно. Мне довелось слушать его лекции по философии, когда я учился на биологическом факультете Н-ского университета. Специальное образование Воробьев имел в области физики. Это был изумительный лектор и, несомненно, светлый ум в науке. Профессор был далек от стереотипного изложения материала. Каждая мысль его являлась нам, как откровение.

И вот через пятнадцать лет я вновь встретился с этим человеком. С этой встречи и началось наше близкое знакомство. Я получил командировку в Ленинград для ознакомления со специальными фондами зоологического музея. Должен оговориться, что меня интересовали некоторые ископаемые формы панцирных; материал рассматривался в одном из разделов моей диссертации.

Палеонтология всегда увлекала меня. Еще в детстве, затаив дыхание, рассматривал я великолепную книгу Аугусты и Буриана, со страниц которой на меня глядели страшные доисторические чудовища. Открыв эту книгу, я мысленно переносился в бесконечно далекие времена. Я опускался в загадочные глубины кембрийского моря, где медленно-медленно ползали по дну неуклюжие трилобиты, колыхались скудные водоросли и плыли студенистые медузы. Я видел дно силурийского моря, похожее на сказочный луг, где пламенили тысячи морских лилий. Я видел бурые болотистые равнины и красные скалы девона, непроходимые мрачные дебри каменноугольного периода.

В окне голубело приветливое июньское небо, а мне казалось, что оно закрыто туманом. Сквозь туман выступают силуэты огромных древовидных папоротни-

ков, а над ними - багровый шар солнца. Издавая громкий треск прозрачными полуметровыми крыльями, пролетает гигантская меганевра.

Но вот картина меняется... Широко разлилась первобытная река. Тихо несет она свои прозрачные зеленовато-голубые воды. Вокруг — глухие юрские леса, уходящие вдаль до самого горизонта. Стройные силуэты пальм, гинкго, араукарий легко обозначены на теплом фоне утреннего неба. Ближе - обширная поляна, обильно поросшая папоротниками, плаунами, хвощами. Сочные стебли хвощей местами поднимаются из воды у берега. Над лесом встает солнце — не наше, знакомое, приветливое, а жгучее солнце юры. И над сырыми лесными тущобами, над болотами, над топкими берегами колышется розовое марево. Запах прели, неведомых трав и листьев...

Из воды на болотистый берег вылезли бронтозавры. Хвост одного из чудовищ, подобный толстому бревну, наполовину погружен в воду. Змеиная шея с маленькой плоской головкой вытянута ввысь. Капли тумана скользят по крутым мускулистым бокам. На

спине играет золотистый отблеск. А высоко в небе, раскинув перепончатые крылья, парят птеродактили.

А с каким увлечением проникал я в тайники доисторического мира, склонившись над книгами Конан-Дойля, Рони-старшего, Обручева и Ефремова!

И вот после долгих лет учебы, мне пришлось профессионально заняться палеонтологией. Мне довелось не раз бывать в экспедициях под жгучим солнцем Средней Азии и Монголии, под холодным ветром Забайкалья Тяжелый изнурительный труд. Бесконечные переходы, короткие привалы у костра, свинцовая тяжесть в ногах... И всему этому награда — маленькие осколки костей, замаскированные породой, камни с едва заметными отпечатками древних насекомых и растений. Да, тот, кто мало знаком с этой областью исследований, едва ли знает цену подобного рода находкам!

Какой страстностью, каким умением, какой смелой научной фантазией нужно обладать, чтобы создать, как это делал Кювье, из маленьких обломков костей чудовищные образы ископаемых животных! Умение в малом видеть многое...

Я собрал интересный научный материал, обобщением которого был занят последнее время. Я просиживал в музее целыми днями. Вооружившись лупой и терпением, я внимательно просматривал образцы. Работа увлекала. Вечером, усталый, но удовлетворенный, я шел прогуляться по набережной прекрасного города. Легкая свежесть, поднимающаяся от Невы, строгие очертания одетой в гранит набережной и дворцов, выстроившихся на берегу — все это благотворно действовало на меня. Город жил своей сложной жизнью. Облокотившись на каменный парапет, я подолгу смотрел на движение темной воды, а надо мной, как символ

вечности, возвышались огромные молчаливые сфинксы.

Во время одной из таких прогулок мы и встретились с профессором. Он не узнал меня и в ответ на мое приветствие механически приподнял шляпу. Но мне очень захотелось напомнить ему о себе. Я заговорил.

— Виктор Григорьевич, вы, конечно, забыли меня... Я ваш бывший ученик...

Профессор оживился, глаза его весело блеснули из-под пенсне.

— Мой ученик? Очень приятно! А, позвольте, когда вы у меня учились?

— Давно... Пятнадцать лет назад!

— Да, порядочно-таки...

— Слушал ваши лекции по философии... На втором курсе...

— Так-так... А сейчас где работаете?

— Аспирант того же университета; на кафедре исторической геологии.

— Так... Простите, как ваша фамилия?

— Петров... Виктор...

— Помню, помню... А по батюшке?

— Григорьевич.

— Тезка?! Как же. помню, помню!

— Я - биолог. А вот сейчас специализируюсь в области палеонтологии.

— Прекрасно! Очень рад за вас.

Я, конечно, понимал, что профессор поддакивает мне из вежливости. Мог ли он запомнить меня из тысяч студентов, что прошли перед его глазами? В то время я. помнится, ничем не привлек его внимания... И все же слова профессора были мне очень приятны. Разговорились. Воробьев предложил прогуляться по набережной. Я охотно согласился. Вечер был прекрас-

ный. На далеких шпилях плавилось закатное солнце. От воды тянуло свежестью. Рыбаки-любители, пристроившись на гранитном парапете, терпеливо караулили свою добычу.

Теперь я хорошо разглядел профессора. Да, он постарел! Его красивые, когда-то волнистые волосы стали жиденькими и седыми. Вокруг глаз бесчисленными лучами разбежались морщинки. Лицо заострилось, стало маленьким. Кожа отливала старческой желтизной. И все же это был он! Все в нем изменилось и осталось прежним: и неровная беспокойная походка, и быстрый внимательный взгляд, и манера говорить четко и отрывисто.

Многое рассказал я ему о своей работе, о своих планах на будущее. Воробьев слушал с живым интересом. Задал ряд вопросов, которые показали мне, что он отнюдь не безразличен к моей научной теме.

— Да, завидую я вам, молодым! — с сожалением сказал он, — эх, старость, старость!

— Виктор Григорьевич! Вы еще такой бодрый!

— Бодрый-то бодрый, а вот здоровье...

Мне стало неловко, что я так много говорил о себе. Видя мое смущение, профессор дал понять, что насколько не обижен.

— Пустое! Это — закон, и нечего пенять на время. Я вот уже десять лет на пенсии. Ну и что ж! Опускать поводья? Нет! Я еще кое на что гожусь! Да что там... Поговорим-ка лучше о палеонтологии... Вот вы сказали, что не только факты, но и смелая научная фантазия позволили воссоздать облик далекого прошлого... Согласен. Но...

— Да, вот фантазия... Это много... Очень много! Но бывает, что бессильны и факты, и фантазия. Живое

мироощущение — вот что нужно человеку. Живое мироощущение! Вы много раз бывали в Ленинграде?

— Всего два раза.

— Вспомните о ваших первых впечатлениях. Вы, конечно, имели возможность ознакомиться с достопримечательностями этого города по книгам, картинам, фотографиям, киножурналам. Но разве они могли передать то, что вы увидели своими глазами? Нет! Никогда! Когда стоишь около этих колонн, ощущаешь шероховатость их камня, их тяжесть, их вышину... О, это совсем другое! Мне довелось побывать в Греции, в Афинах, на берегах Эгейского моря... Видел акрополь... Древние камни, в которых живет человеческая душа! Стоишь, смотришь, чувствуешь саму вечность. Нет узких рамок времени — вечность! Попробуй — опиши! А представьте себе, что вы внезапно перенеслись в доисторическую эпоху... скажем, в меловой период... Идете по древнему лесу... Что вы видите? Что обоняете? Что слышите? Что ощущает ваша кожа?

— Да-а, Виктор Григорьевич...

— Вот то-то и «да»!

Профессор оживился. Я с необычайной четкостью представил его за кафедрой таким, каким он был пятнадцать лет тому назад. Вот он протянул к аудитории свою маленькую сухую Руку, и нам кажется, что в этой руке зажаты тысячи нитей, ведущих к чудесным тайникам.

Смеркалось. За рекой зажглись огни, отражаясь в ней длинными неровными полосами. Пора было расходиться. Подавая мне руку, профессор пригласил меня к себе.

— Нет, нет! — воскликнул он, видя, что я принимаю его приглашение, как дань вежливости, — я хочу, чтобы вы обязательно зашли ко мне. Живу один... бирю-

ком... Дочка с мужем в дальних краях. Адрес мой: К-ский проспект, 18. квартира 7, второй этаж, вход со двора. Время для визита лучше вечернее. Так часов с семи... Всего хорошего!

Он сел в подошедший как раз автобус, я же продолжал свой путь пешком.

За работой незаметно прошла неделя, но я помнил приглашение профессора Воробьева и решил навестить его. В условленный час я без труда отыскал его дом. Это было красивое трехэтажное здание старинной постройки с лепными украшениями по фасаду. На лестничных окнах еще сохранились богатые витражи, местами замененные простыми стеклами. На мой звонок дверь открыла пожилая полная женщина с простым добродушным лицом.

— Дома ли Виктор Григорьевич? — осведомился я.

Она утвердительно кивнула.

— Виктор Григорьевич, к вам!

— Да, да! Иду!

Профессор вышел ко мне в простом домашнем костюме, но, как всегда, подтянутый.

— Пришли! Очень рад! — весело проговорил он, протягивая руку.

— Марья Семеновна, вы уж будьте любезны чайку нам...

Я осмотрелся. Помещение было мрачноватое, с высокими потолками.

— Проходите же! — сказал профессор. Он провел меня прямо в свой кабинет. Это была длинная, узкая, довольно темная комната с одним окном, выходящим во двор. Вдоль стен на черных полированных стеллажах рядами выстроились книги. У окна — большой письменный стол черного дерева, рядом — два кресла, обитые кожей, уже потертой; на стене — в узкой рамке

великолепный карандашный набросок со скульптуры Антокольского «Умиравший Сократ»; на тумбочке в углу — гипсовый бюст Льва Толстого.

— Садитесь, — профессор указал на одно из кресел, — располагайтесь!

Он заметил, что я с интересом присматриваюсь к бесчисленным рядам книг.

— Мое сокровище, — не без гордости сообщил он, — много интересного, мудрого... Естествознание, искусство, философия...

В могучем строю книг я видел красные корешки ленинских томов.

— Немало, немало собрано... Годы ушли на это, — пояснил профессор, — а вот посмотрите: Эмпедокл, Кант, Спиноза... Даже Беркли и Шопенгауэр!

— А как же, без них нельзя! — продолжал он, заметив мое удивление, — вот Беркли, например... Читали вы его?

— Н-нет...

— Какой же вы материалист! Философию нужно знать всесторонне. Такая, знаете, наука... Ладно, не буду вас смущать. Есть у меня и Библия, и учение йогов и... Да что там, — многое! Вон там — беллетристика: Толстой, Салтыков, Достоевский, Франс... Есть кое-что и по физике, и по биологии... Последнее вам конечно, наиболее интересно!

Он порылся на одной из полок и извлек оттуда довольно объемистый том.

— Это — по вашей части...

Передо мною было великолепное издание основ палеонтологии.

— Оно, конечно, устарело, — пояснил профессор, — но дело не в этом... Обратите внимание на иллюстрации. Каково, а? Великолепно! Какая четкость рисунка!

А краски? Мы вот говорили о научной фантазии... Ну и как, есть у художника фантазия?

— Изумительно!

— И все же не то... Вот я вам покажу...

Профессор вновь углубился в поиски, которые на сей раз были весьма продолжительными. Наконец, он положил передо мной большой альбом в тисненном кожаном переплете.

Я видел, что профессор с нетерпением ждет, когда я открою первую страницу. Видимо, в альбоме было что-то необычное. И действительно, открыв альбом, я увидел великолепные цветные фотографии. Не буду говорить о их технических достоинствах. Меня заинтересовало другое. На фотографиях были какие-то довольно странные пейзажи. Приглядевшись, я не мог сдержать восклицания:

— Так ведь это же переснято с книги!

— С рисунка, вы хотели сказать? — хитро прищурился профессор.

— Ну, конечно, с рисунка! Не мог же фотограф снять доисторический пейзаж с натуры!

— Не мог, не спорю... Но и не с рисунка. Между прочим, этот фотограф — я.

— Вы?!

— Я.

Глядя на мою недоверчивую улыбку, профессор сам улыбнулся.

— Удивлены? Но я пока не буду рассеивать ваши сомнения. Давайте-ка лучше посмотрим дальше.

Листая этот странный альбом, я все больше удивлялся. Один пейзаж сменял другой, и все они были необычными. Вот древний лес. Несомненно, это — древовидные папоротники. На другом снимке — желтые утесы. Синее, ядовито-синее море. Пустынный берег. А

вдали на воде вырисовывается какой-то неясный силуэт. То ли лодка, то ли обломок дерева. Нет, ни то и ни другое. Животное! Ну конечно! Дельфин? Но где же спинной плавник? А! Вот — знакомое: из густой зелени подымается длинная шея с маленькой головкой. Диплодок!

Профессор молча наблюдает за мной. В глазах — хитринка. Просмотрев альбом, я вопросительно уставился на него. Я ждал пояснений, но он, видимо, не торопился или даже не собирался их давать.

— Пожалуйте чай пить, — раздался голос Марии Семеновны.

Профессор провел меня в столовую. За чаем он говорил на безразличные темы, явно избегая интересующего меня вопроса. Он расспрашивал меня о работе, об университетской жизни, о прежних своих сослуживцах, о моих семейных делах. Шутил, каламбурил, ну, словом, всячески испытывал мое терпение.

— Курите? Нет? Хорошо! А я вот грешу! всю жизнь собираюсь бросить — не получается!

Я томился, я страдал от жгучего любопытства, я не мог думать ни о чем другом, кроме загадочного альбома.

— Виктор Григорьевич!

— Э, батенька, постойте, постойте! Всеу свое время.

Я убедился, что сегодня никакого разъяснения не получу. Время позднее. Пора домой. Да и хозяин, хоть и не показывал вида, конечно, утомился. Все-таки возраст! Я стал прощаться. Воробьев не удерживал меня, но, провожая до дверей, настойчиво приглашал меня к себе.

Идя домой, я был весь во власти сегодняшних впечатлений. Альбом не давал мне покоя. Что за альбом?

Что за странные снимки? Не пойму! Быть может, профессор побывал на Коморских островах? Там ведь сохранился реликтовый лес. Чепуха! Как я мог подумать такое! Рельеф местности ведь совсем не тот. Можно, конечно, порасспросить его о путешествиях, в которых довелось ему побывать. А, быть может, это увеличенный микромир? Трава, например, при большом увеличении напоминает тропический лес... Нет — не подходит. Профессор сказал, что снято не с рисунка и не с природы. Да и к чему профессору мистификация. Я достаточно хорошо знал Виктора Григорьевича, чтобы заподозрить его в этом.

Признаюсь честно: два дня я не мог сосредоточиться на работе. Я ловил себя на одной и той же навязчивой мысли: что за альбом? И чем дальше, тем больше меня охватывало предчувствие тайны, которой владел профессор. Мною овладело беспокойство. Захочет ли он поделиться со мной? Неужели загадка останется загадкой? Но тогда зачем же было искушать меня? Я ловил себя на том, что прежде времени упрекаю профессора. Оставалось только ждать, и я с нетерпением дожидался вечера. Сегодня мне предстояло вновь побывать у Воробьева.

И вот я нажимаю кнопку звонка. Марья Семеновна улыбается мне, как старому знакомому. Виктор Григорьевич приветливо встречает меня.

— Точен. Люблю это. Между прочим, нашей молодежи не хватает именно этого. Человек всегда должен быть обязательным. Обещал — умри, но сделай! Золотая черта. Ее надо укоренять... Проходите, прошу!

Когда я погрузился в знакомое кресло, мне стало необычайно хорошо и уютно. Воробьев прогуливался по кабинету, дымя папироской.

— Как дела? Что нового?

— Работаю, Виктор Григорьевич... Дел много...

— А я вас отвлекаю...

— Что вы!

— Сегодня мне хотелось бы поговорить на далекие темы. Вы знаете, что я по образованию физик. Мне пришлось работать в области теоретической физики, но в последние годы мне хотелось все более и более обратиться к эксперименту. Он был необходимой проверкой некоторых моих предположений. Ученым часто не хватает философских посылок в работе. Это, конечно, не узкий эмпиризм, но известного рода ограниченность. В каком смысле? А в том смысле, что иногда полезно забежать далеко вперед, так сказать, обгоняя факты.

Профессор на минуту замолчал, я же тщетно старался предугадать ход его мысли.

— Как же мне яснее рассказать вам, а? — он вопросительно посмотрел на меня. — Трудно перейти от общих теоретических посылок к конкретным фактам... Век энциклопедистов канул в прошлое... Нужно сказать и о том, что каждому поколению ученых присущ определенный способ мыслить, вернее, способ мыслить определенными категориями. И, к сожалению, все, выходящее за рамки этого способа мыслить, часто воспринимается отрицательно. Замечу: вовсе не потому, что нет соответствующих доказательств, а потому, что и доказательства не могут быть как надо восприняты. Вот так-то... Согласны?

— Боюсь соглашаться и не соглашаться...

— А вы не бойтесь! Боязнь часто мешает нам ухватить истину, как Иванушка ухватил жар-птицу за хвост. То, о чем я вам буду говорить, покажется, быть может, странным. Но не торопитесь сомневаться! Так вот, возьмем время, как физическую и философскую

категорию. Не буду давать общеизвестные определения... Применяя в нашей повседневной практике время, как систему отсчета, мы не сомневаемся в объективности наших показателей. Час, минута, секунда, любой другой промежуток времени объективны, поскольку определяют как протекание наблюдаемых материальных процессов, так и протекание физиологических процессов восприятия. В то же время само восприятие субъективно. Практика определяет истинность наших знаний... Но я скажу о другом... Дело в том, что субъективное ограничено физиологическими возможностями. И вот человек, используя точные приборы, значительно расширил эти возможности. Он может судить о движении элементарных частиц, что находится далеко за рамками его восприятия. Он может говорить о расстояниях до звезд и галактик, о скорости света... Но какой бы совершенный прибор человек ни использовал, какой бы косвенный показатель ни применял, все равно конечным этапом восприятия является субъективное. В чем же гарантия истинности наших знаний? — В нашей способности сопоставлять. Но вернусь к понятию «время». Мы ведь делим время на прошлое, настоящее и будущее... А что такое — «настоящее»?

— Настоящее... Ну... это все, что мы ощущаем в данный момент. Мне кажется, любому ясно...

— Вот именно «кажется». А на самом деле все не так уж ясно и просто. Очень уж мы привыкли мыслить привычно, не затрудняя себя. Настоящее... А какой эталон времени принять для него? Час? Минуту? Секунду? В этом понятии — условность. Мы говорим: «сегодня». Но ведь день — довольно большой промежуток времени. Он может восприниматься, как настоящее, лишь по отношению к большим промежуткам

времени, например, неделе, месяцу, году... Возьмем час... Как быть в этом случае? Ведь различные часы дня для нас субъективно неравноценны! По отношению к текущему часу одни будут составлять прошлое, другие — будущее. То же рассуждение применимо к минуте, секунде, терции... И выходит, мы можем охарактеризовать настоящее любим, ничтожно малым промежутком времени! Для возникновения ощущения требуется определенное время, зависимое от скорости протекания физиологических процессов: прохождения импульса по нервному волокну, клетке, синапсу... Отсюда я делаю, может быть, странный для вас вывод: область нашего ощущения распространяется на настоящее, прошлое и будущее, то есть охватывает некоторый интервал времени, следовательно, и существуем, простите за тавтологию, одновременно на этом отрезке времени.

— Но ведь «ощущать» и «существовать» — различные понятия!

— Кто же спорит с этим! А еще что скажете? Нечто вроде апории Зенона, правда?

— Да, мудрено...

— Постараюсь пояснить на примерах. Представьте племя пигмеев, жизнь которых — одно мгновение. Для нас это мгновение — настоящее, а у них в этом мгновении сосредоточено прошлое, настоящее, будущее. Следовательно, сфера нашего ощущения времени значительно шире, чем у этих пигмеев. Другой пример... Вы, конечно, помните оригинальный рассказ Герберта Уэллса «Новейший ускоритель». Допустим, можно ускорить физиологические процессы в тысячи раз. Тогда и ощущения наши соответственно ускорятся. Если бы это случилось, мы за одну секунду успели бы пережить много приключений и увидеть много удивительного.

— Но ведь это немыслимо!

— В том плане, как представил автор, — да, а вообще... Вспомним о теории относительности Эйнштейна. Наука говорит, что длительность процессов зависит от скорости движения тела. Давайте же полетим в фотонной ракете к туманности Андромеды... Первую половину пути мы будем лететь с ускорением, вторую — с замедлением, а в середине пути наша скорость достигнет субсветовых величин. На такой полет потребуется, как говорят ученые, 27 собственных лет или полтора миллиона лет по земному летоисчислению. И вот представьте, хотя это трудно представить, что мы с огромной, все возрастающей скоростью движемся в космос. Далекие точки звезд сбегаются в сторону нашего движения. Их цвет и форма причудливо изменяются: в центре скопления они фиолетовые, ближе к краю — синие и красные. А мы несемся сквозь мрак, сквозь вечность...

Профессор увлекся. Он то расхаживал по кабинету, то останавливался передо мной. Папироска у него в руке давно потухла.

— Как же мы будем ощущать себя во времени,— продолжал он, — что будет для нас настоящим? Сфера нашего ощущения во времени неизмеримо расширится. Мгновение будет заключать в себе годы земной жизни, в нем будут спрессованы судьбы земных поколений, их надежды, мечты, свершения... Не правда ли, удивительно?

— И удивительно, и даже страшно!

— В своем романе «Машина времени». Герберт Уэллс высказал очень интересные мысли... Но когда читаешь эту книгу, невольно встает вопрос: может ли человек целым и невредимым перенестись из одного времени в другое? — Едва ли! Ведь человек, как мате-

риальная система, может существовать только в определенных рамках времени... Но есть явления, которые, как я считаю, существуют в бесконечно широких рамках времени — это электромагнитные и гравитационные явления. Скорость их распространения — предел скорости. А можно ли создать такую электронную систему, которая, взаимодействуя с нашим мозгом, бесконечно расширила бы во времени границы нашего восприятия?

— У меня создалось впечатление, Виктор Григорьевич, что свои философские построения вы делаете, исходя из субъективной оценки времени...

— Э, дорогой мой, вы совершенно неправильно меня поняли! Речь идет о соотношении субъективного и объективного. Чае, минута, секунда в нашей системе отсчета строго объективны. Но можем ли мы во сне или в беспмятстве судить о времени? Человек может при определенных физиологических состояниях переживать чрезвычайно емкие мгновения. Так, например, за одну минуту он может испытать массу сновидений... Эти примеры, на мой взгляд, еще раз заставляют задуматься над такими субъективными характеристиками времени, как «настоящее», «прошлое», «будущее». Какой показатель избрать для настоящего? Как установить границу между прошлым и настоящим, настоящим и будущим? В этих понятиях условность...

Вот, например, яркая вспышка света... Для того, чтобы свет достиг сетчатки, требуется ничтожно малый промежуток времени, а чтобы зрительный импульс достиг по

нерву мозга, нужен значительно больший промежуток времени. Следовательно, процесс ощущения и вызвавший его фактор разобщены во времени. Настоящим для нас в этом случае будет сам физиологический процесс, а не то, что он отражает. Но давайте отбросим это небольшое расхождение во времени... Что же получается? Единственным мериллом настоящего является совпадение во времени окружающего с физиологическими процессами нашего ощущения. А ведь мы связываем настоящее и сущее! И выходит: существует лишь то, что совпадает во времени с физиологическими процессами нашего ощущения. Вот и поставили мы себя в центр Вселенной...

Воробьев загадочно улыбнулся.

— А, быть может, существует и то, что не совпадает во времени с нашими ощущениями, а? — обратился он ко мне.

Я лишь пожал плечами.

— Время представляется мне, — продолжал он, — как нечто великое, объемное, как пространство... Мы, люди, в меру своих ограниченных физиологических возможностей ощущаем лишь маленький «кусочек» этого великого, именуя его «настоящим».

— Это трудно постижимо, Виктор Григорьевич! Как палеонтолог, я привык довольно просто оперировать со временем, отсчитывая его миллионами и даже сотнями миллионов лет...

— Согласен. Но ведь в этом и суть научного познания!

Профессор закурил папироску.

— Утомил я вас, наверно...

— Что вы! Так интересно!

— Ладно уж... Вот я вам покажу... — Он взглянул на

часы. — Ох-хо-хо, заговорились! Давайте-ка сменим кабинет на столовую.

Выпив чашку кофе, я поспешил откланяться. Разумеется, я получил очередное приглашение.

После этого я побывал у профессора несколько раз. Мы много беседовали. Признаюсь, рассуждения профессора смущали меня. Они были так необычны, так не согласовывались с привычными представлениями о действительности, что рождали естественное чувство недоверия. Я не раз ловил себя на мысли, что передо мной человек, одержимый маниакальной идеей, воспоминание о загадочном альбоме рождало тревожное ожидание.

Скажите, разве у вас не появлялось желание отрешиться от неумолимой логики вещей? Разве мир не являл вам в часы размышлений свою загадочную романтическую сторону? Да, в сущности, и не плохая вещь — романтика... В ней — свое очарование. Она не только противоречит науке, но и во многом помогает ей.

И вот настал, наконец, один из самых замечательных вечеров моей жизни. Мы сидели в столовой у открытого окна. Теплый августовский ветерок чуть-чуть шевелил шторы. С улицы доносился неумолчный шум большого города. Сгущались сумерки, но Воробьев предложил не зажигать огня.

— Люблю я, знаете, сумерки. В них что-то благотворно действующее на нервы.

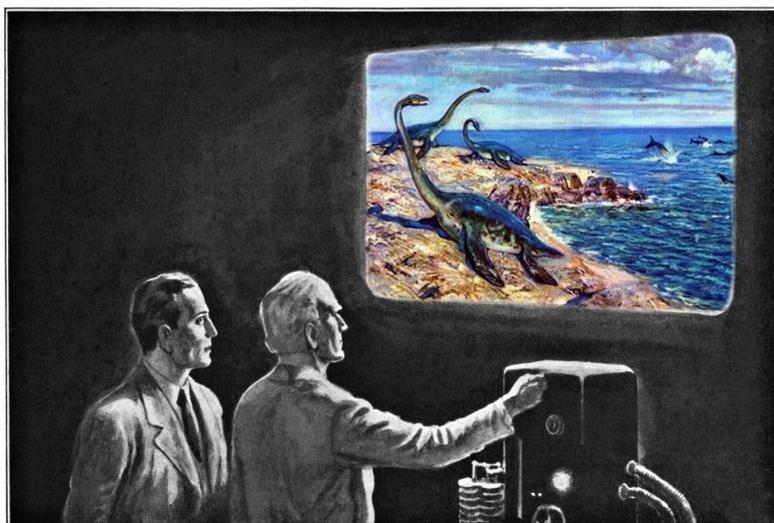
Он встал и, облокотившись на подоконник, загляделся в окно. Я видел его узкую, чуть сутулую спину с выступающими лопатками. Его небольшая сухая фигура силуэтом рисовалась на фоне окна. Только прядь волос на виске блестела в слабом свете.

— Ну вот, уважаемый тезка, — заговорил он через

минуту, — сегодня я решил показать вам свое сокровенное. Я достаточно надоел вам за последние дни рассуждениями. Боюсь, что у вас сложилось обо мне нелестное мнение. Вот и спешу оправдать свою философию.

Он провел меня в смежную с кабинетом комнату, единственное окно которой было плотно закрыто тяжелой шторой. Комната скупо освещалась электролампочкой, подвешенной у самого потолка под розовым абажуром. В ней не было другой обстановки, кроме двух кресел и низкого полированного шкафчика, над которым к стене был прикреплен большой матовый экран в красивой овальной раме. Профессор усадил меня в кресло напротив экрана, а сам подошел к шкафчику.

— Поскольку вы не физик, — заговорил он, — я не буду утруждать вас техническими пояснениями, а сразу перейду к демонстрации своего изобретения.

Он открыл дверцы шкафчика, и я увидел два отделения — верхнее и нижнее, — облицованные материалом, напоминающим фарфор. Оба отделения освещались электролампочками. В нижнем находилось какое-то электронное устройство. Я видел радиосхемы, блоки печатных схем и множество других совершенно непонятных для меня деталей. В верхнем отделении было нечто совершенно для меня непонятное: на бесчисленных, пересекающихся под разными углами трюсиках были укреплены тысячи прозрачных, сверкающих всеми цветами радуги кристаллов. Отделение напоминало ларец с драгоценными камнями. Там находились также тончайшие спирально закрученные проволочки, какие-то ампулы, наполненные цветной люминесцирующей жидкостью, и многое другое, что я не сумел запомнить. Я подозревал, что профессиональный секрет профессора заключен именно в верхнем отделении.

Так и оказалось.

— То, что вы видите, — результат моей многолетней работы. Вот здесь, — профессор указал на верхнее отделение, — находится основная часть прибора. Ну а сейчас без лишних рассуждений начнем.

Он закрыл дверцы шкафа и склонился над небольшим пультом, расположенным под экраном. Долго настраивал какие-то рычажки, переводил стрелки, нажимал кнопки. Наконец экран засветился бледно-голубым светом.

— Виктор Григорьевич! — воскликнул я, — а ведь мне ясно! Догадываюсь... Это — новая, и, конечно, наиболее совершенная модель телевизора.

— Не торопитесь! Прошу вас, не торопитесь с заключениями, — обернулся ко мне профессор, — вы, ба-
тенька, еще ни о чем не догадались!

Он выключил в комнате свет и, пользуясь освещением от экрана, продолжал настраивать прибор. Я же сидел, озадаченный его словами и, затаив дыхание, следил за каждым его движением.

И вот в — центре появилось яркое желтое пятно. Оно быстро увеличивалось. Оно охватило всю площадь экрана, залив комнату солнечным светом. И вдруг... Я привстал от неожиданности. Экран исчез. В раме открылась широкая перспектива.

Передо мной берег моря. Оно густо-синее. Белые гребешки волн. Ослепительно-голубое небо дышит полуденным жаром, но его, кажется, смягчает влажный морской ветерок. Совсем близко, на песке, большой ноздреватый камень, нагретый солнцем.

Видение было настолько отчетливым, что создавалась полная иллюзия открытого окна. Я различал каждую песчинку, каждую шероховатость, каждую трещинку на камне. Я видел комки зеленых водорослей, присохших к нему, маленькие раковины, попавшие в углубления... Я с изумительной ясностью видел, как отступающая волна оставляла на песке влажный след. Я был настолько поглощен всем этим, что голос профессора заставил меня вздрогнуть.

— Нравится?

— Это... это...

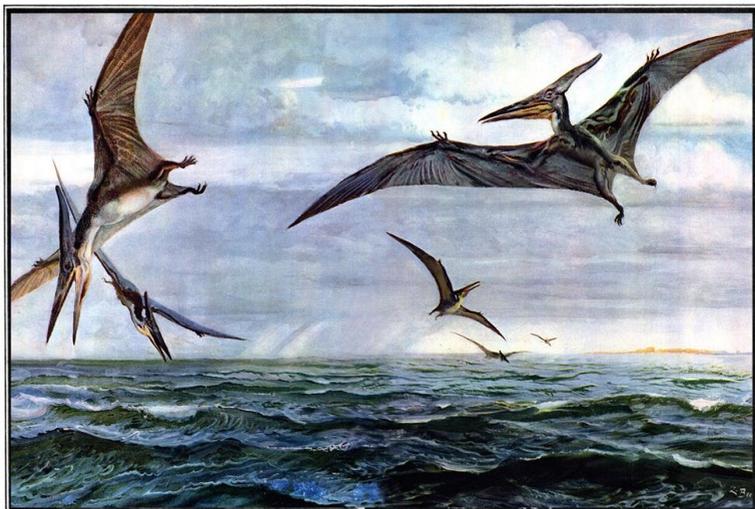
— Ладно уж! Давайте-ка лучше смотреть...

Вдали над морем появилась темная точка. Она быстро приближалась. Вот уже это не точка, а, видимо, птица. Она неуклюже машет большими крыльями.

Странная птица!

— Смотрите! — Воробьев схватил меня за рукав, — он летит прямо на нас. Сейчас мы его...

В это время загадочный летун круто повернул и стал удаляться.

— Уходит! — воскликнул Воробьев и начал быстро настраивать прибор.

И вот море наступает на нас. Кажется, я смотрю из рубки стремительно идущего парохода. Быстрее... быстрее... Гривастые волны уходят глубоко под меня. Берег позади, за спиной. Мы нагоняем летуна. Вот уже можно различить его длинную шею, перепончатые крылья. Вот... Но что это?! Четкая видимость внезапно пропала. Экран подернулся голубым туманом. Огромная тень косо скользнула по нему и исчезла.

— Ах ты, сорвалось! — искренне огорчился профессор.

Экран стал меркнуть и наконец, совсем погас. Воробьев зажег свет. Он вновь колдовал над пультом. Временами из шкафа доносилось легкое жужжанье, затем оно умолкало. Экран не зажигался.

— Вот ведь, подумайте, досада какая! — с виноватой улыбкой оглядывался на меня профессор.

Я молчал, боясь помешать ему разговором. Долго настраивал он свой удивительный аппарат. Долго ждал я, затаив дыхание. И вот труд профессора и мое терпение были вознаграждены: на экране вновь появилось слабое голубое сияние.

— Наконец-то! — воскликнул Воробьев, удовлетворенно потирая руки. Он прошелся по комнате и закурил папиросу.

— Пожалуй, возьмем другой квадрат... Несколько правее... — рассуждал он сам с собой, словно забыв обо мне.

Я, конечно, не понимал, о чем он говорит, и сидел тихо, как школьник. И вот он снова погасил свет, и вновь передо мной открылось удивительное окно.

На сей раз картина была несколько иной, море сместилось влево, прямо перед нами уходила вдаль береговая коса, ярко сверкающая под солнцем, а вправо, у самого горизонта, едва заметной полоской виднелся лес.

— Да, далековато, — рассуждал Воробьев, — ну что ж, попробуем.

Он перевел несколько стрелок на пульте, и лес начал приближаться. Я различал вершины деревьев. Пальмы?... Огромные перистые листья, прямые, как колонны, стволы. Лес выросстал причудливой зеленой стеной.

Верхушки ближних деревьев скрылись из поля зрения.

Толстые чешуйчатые стволы уходили ввысь. Между ними — темные густые заросли. Огромный, как кружево изрезанный лист наплыл на экран. Мы прошли сквозь него, и вновь открылось причудливое переплетение стеблей и листьев. Я хорошо различал их матово-зеленую поверхность, покрытую бурыми пятнышками. Широкие синие тени легли на землю от стволов. Почва была топкая, болотистая. Многочисленные полузаросшие, подернутые зеленью озерки виднелись тут и там. Мы медленно двигались вперед сквозь стволы, сквозь густые заросли папоротников и хвощей. Я видел легкое колебание воздуха, насыщенного теплыми испарениями. Я ощущал эти испарения в своих легких и на своей коже. Чем глубже проникали мы в лесную чащу, тем темнее становилось вокруг. Солнечный свет не мог пробить вершины. Лес напоминал сумрачный готический храм. Исполинские стволы лепидодендронов и каламитов были густо обвиты плетями лианоподобных папоротников. Их тонко изрезанные листья напоминали кружева.

Зловещая тишина первобытного мира. Нет конца этому удивительному лесу. Нет конца нашему необычайному путешествию! Сколько прошло времени — не знаю! Но вот вдали показался солнечный просвет. Непроходимая чаща раздвинулась, и перед нами блесну-

ла гладь большого озера. Лес темной стеной обступил его по берегам. Султаны огромных мечевидных листьев отчетливо выделялись на фоне неба. Ветерок поднимал на воде легкую рябь.

— Смотрите! — профессор тронул меня за рукав и указал на противоположный берег. Густая стена низкорослых растений расступилась. Среди ветвей мелькнуло большое животное.

— Только бы не упустить! — заволновался Воробьев. Его руки механически бегали по пульта, а взгляд не отрывался от экрана. Мы пересекли озеро наискось, как раз по направлению к тому месту, где заметили загадочное существо. А оно словно чувствовало наше присутствие и все более углублялось в заросли. Щелкнул переключатель. Лес стал поворачиваться по кругу до тех пор, пока угол нашего зрения не изменился приблизительно на сто восемьдесят градусов.

— Теперь мы будем двигаться ему навстречу, — шепнул Воробьев.

Мы приближались к зарослям с другой стороны. Вновь наплывали на экран большие узорчатые листья, вновь наш взгляд упирался в сплошную зеленую стену. Мне стало не по себе. Ощущение, что я действительно пробираюсь по этому страшному лесу навстречу неведомой опасности, было настолько сильным, что я невольно огляделся по сторонам. Но вокруг — только стены маленькой комнаты, освещенной экраном. И вновь взглянул я на неведомый мир. Мы внезапно увидели его обитателя: из-за расступившихся ветвей и листьев появилась голова чудовища. Она быстро надвинулась, заполнив все поле зрения. Профессор едва успел повернуть рычажок, и наше движение прекратилось.

Я видел ржаво-бурую складчатую кожу, покрытую наростами и бородавками, тусклые широко расставленные глаза. Казалось, это сам первобытный мир смотрит на нас. Огромная широко разрезанная пасть усажена многочисленными коническими зубами. Я инстинктивно откинулся на спинку кресла. Одно движение — и чудовище бросится на меня!

А профессор был вне себя от восторга.

— Красавец! Черт возьми, какой красавец! — приговаривал он. — А где же фотоаппарат? Тьфу! Забыл... Вы посидите...

Он бросился вон из комнаты, а я остался с глазу на глаз с ужасным соседом. Но его, видимо, не удовлетворяло мое общество. Он внезапно двинулся на меня и... расплылся по экрану.

— Виктор Григорьевич! — закричал я, — сюда, скорей! Он исчез!

— Что?! Что случилось?!

Воробьев вбежал с фотоаппаратом, но было уже поздно. От зверя не осталось и следа. Воробьев скло-

нился над пультом. Нервничая, переключал он один рычажок за другим. Напрасно... Лес на экране метнулся косо вниз, затем все заполнило яркое синее небо и погасло. Воробьев зажег свет и бессильно опустил в кресло.

— Прозевал, — сокрушенно произнес он, — такой редкий случай, подумайте! Эх...

Я сочувственно молчал. Так мы сидели несколько минут. Наконец профессор заговорил.

— Давайте, дорогой мой, кончим на сегодня. Я что-то устал. Переволновался лишнее, видимо,... Теперь не засну.

Я взглянул на часы: был первый час ночи. Пора собираться! Все еще не спуская глаз с экрана, я поднялся с кресла. От долгого сиденья затекли ноги. Профессор проводил меня до дверей и, устало улыбнувшись, пригласил зайти в ближайшие дни. По дороге домой я был во власти необычайных впечатлений этого неповторимого вечера.

Эти впечатления не оставили меня и дома. Лежа в постели, я живо вспоминал их мельчайшие подробности. Яркие картины неведомого мира проплывали перед закрытыми глазами. Да видел ли я все это? Может быть, приснилось... Нет!

В течение недели я никак не мог выбрать время, чтобы посетить профессора Воробьева, и тем больше мечтал об этом. Близился срок окончания командировки. Через десять дней нужно уезжать. Уезжать!

Наконец, я вновь посетил профессора. Старик, как и прежде, был искренне рад моему приходу. Он не стал испытывать мое терпение и сразу пригласил меня в свою удивительную комнату.

— Разрешите на сей раз без лишних комментариев, — сказал он, когда я занял свою наблюдательную по-

зицию, — интереснее будет, не теряя времени, возобновить наше путешествие.

— Конечно, Виктор Григорьевич!

Воробьев настраивал аппарат, а я ждал с нетерпением. И вновь засиял экран. Свет погашен. Окно в неведомое открыто перед нами.

Желтая песчаная долина залита лучами палящего солнца. Вдали, как башни полуразрушенного замка, поднимаются покрытые трещинами, сильно выветренные утесы. Барханы, как волны, бороздят песок. Там и тут голубеют маленькие, наполовину высохшие озера. На их берегах — скудная растительность — низкорослые хвои и папоротники. Как свечи, поднимаются двухметровые плеуромеи, увенчанные красными шишками, дальше, у скал, видны небольшие хвойные деревья, напоминающие ели. Унылая безотрадная картина! Мы тихо скользим над песчаными волнами.

Неожиданно мое внимание привлекли следы на песке. Они напоминали отпечатки человеческих рук.

— Виктор Григорьевич, взгляните!

— Вижу, — отозвался Воробьев.

— Неужели хиротерий?!

— Возможно. Очень даже возможно!

Мы устремились по следу. Он прихотливо петлял между барханами, то опускаясь к водоему, то огибая скалы. Наконец мы приблизились к большой скалистой возвышенности. У отвесных невысоких каменных стен были осыпи. След затерялся среди камней. Нужно сказать, что профессор при помощи своего пульта очень ловко управлял движением: мы изменили направление и стали медленно двигаться вдоль подножия скал, внимательно высматривая след. И вот на песке мы вновь заметили его. Он вел к глубокой рас-

щелине. Мы углубились в расщелину. Справа и слева подымались высокие каменные стены. Между ними узкой полоской сияло небо. Проход был завален острыми камнями. Я мысленно порадовался, что избавлен от необходимости ступать по ним. Миновав расщелину, мы вновь увидели знакомую пустынную местность.

— Где же след? — удивился профессор, — исчез! Давайте-ка, вернемся...

Мы движемся в обратном направлении. Ничего нового!

— Странно... А все же попробуем...

Воробьев поколдовал над пультом. И вот мы стали быстро подниматься. Глазу открылась широкая панорама: бесчисленные озера, каменистые возвышенности, песчаные поля, на которых разбросаны островки скудной растительности. Набрав высоту метров пятьдесят, мы стали двигаться над местностью, внимательно обозревая ее.

— Ничего такого не видите? — спросил Воробьев.

— Нет.

— Где же он? Недаром этот ящер всегда был загадкой для ученых. И остатков не найдено... А! Смотрите! Да вон же, у скалы!

Я увидел животное, быстро перебегающее от камня к камню. Оно было необычайно подвижно. Оно передвигалось легкими прыжками, поминутно меняя направление.

— Теперь-то не уйдет! — радостно воскликнул Воробьев и перевел рычажки. Мы помчались вниз прямо к нашей «добыче». Вот уже совсем близко, вот уже рядом! Мы резко застопорили. Наконец-то можно было хорошо разглядеть загадочного обитателя этих пустынных мест! Он, словно специально для нас, задержался у большого камня, около которого была скудная растительность. С величайшим интересом наблюдал я за ящером. Собственно говоря, его даже трудно было назвать ящером. Большая необычайно подвижная голова, крупные глаза, тонкое мускулистое туловище, заканчивающееся длинным хвостом; лапы длинные, сильные с широко расставленными пальцами, напоминали человеческие руки. При ходьбе животное выгибало спину. Хвост оно не волочило по земле, а приподнимало. Хиротерий, а мы считали, что это именно он, присев на задние лапы, бойко обрывал передними молодые папоротниковые листья. При этом он забавно вращал головой.

— Как обезьяна! — удивился я.

— Вот именно! Правда, ведь занятный, а?

— Удивительный!

— Вот мы его сейчас... Ну посиди, посиди минутку, дорогой!

Щелчок фотоаппарата, второй, третий... Ящер, казалось, насторожился.

— Спугнете, Виктор Григорьевич!

— А ведь и правда спугнул, — засмеялся Воробьев, когда ящер отбежал метров на десять, — ничего, пусть бежит!

Он щелкнул аппаратом вдогонку беглецу и отошел от пульта.

— Думаю, здесь нам больше делать нечего...

Выключив экран, он тщательно, минут десять, настраивал аппарат.

— Продолжим?

— Конечно! — с энтузиазмом воскликнул я.

И вновь перед нами горящие под солнцем пески. Колючие кустарники, одинокие пальмы. Далеко у горизонта — красноватая цепь скал. Жаркое, подернутое туманом испарений небо. Не на чем остановиться глазу. Неожиданно по песку скользнула большая тень, и в тот же миг мы увидели огромное животное, напоминающее треножник. Оно стремительно передвигалось по пустынной местности. Мы помчались вдогонку. Я видел, как эта многотонная живая масса взвивалась вверх от пружинистого толчка хвоста и ног. Земля неслась нам навстречу, а гигантские прыжки уносили, чудовище все дальше и дальше. Мы прибавили скорости. Казалось, горячий ветер бьет нам в лицо. В этой бешеной гонке мы пересекли песчаную равнину и приблизились к скалам. Ящер на минуту задержался, припав носом к земле. При этом он широко расставил задние ноги, опираясь на них и на свой мощный хвост.

Передние конечности были у него очень слабо развиты. Я мог довольно хорошо рассмотреть его: толстая бурая морщинистая кожа, огромная несколько сдавленная с боков голова с пастью, вооруженной множеством зубов. Это была настоящая боевая машина. Тиранозавр рекс! Владыка динозавров! Вот он напряг свои мощные когтистые ноги. Толчок, и страшная

сила подняла чудовище вверх и обрушила его на десять метров дальше. И вновь бешеная гонка. Вдали на фоне песчаного холма мелькнули тени. Несколько траходонов замешкались у холма. При виде врага они неуклюжими прыжками пытались скрыться, но поздно: грозный ящер всей своей тяжестью обрушился на одного из них. Что произошло дальше, трудно рассказать. Я видел великую драму первобытного мира. Много необычайного увидел я сегодня. Картины сменялись одна за другой. Профессор был очень доволен: он сделал много удачных снимков.

— Вы только представьте, дорогой тезка, — сказал он мне, — какие широкие перспективы открывает перед наукой мой аппарат. Он дает нам целостность впечатления о доисторическом мире. И это не заменишь никаким описанием, никаким рисунком. Я предлагаю вам сейчас совершить полет, а потом... потом... видно будет.

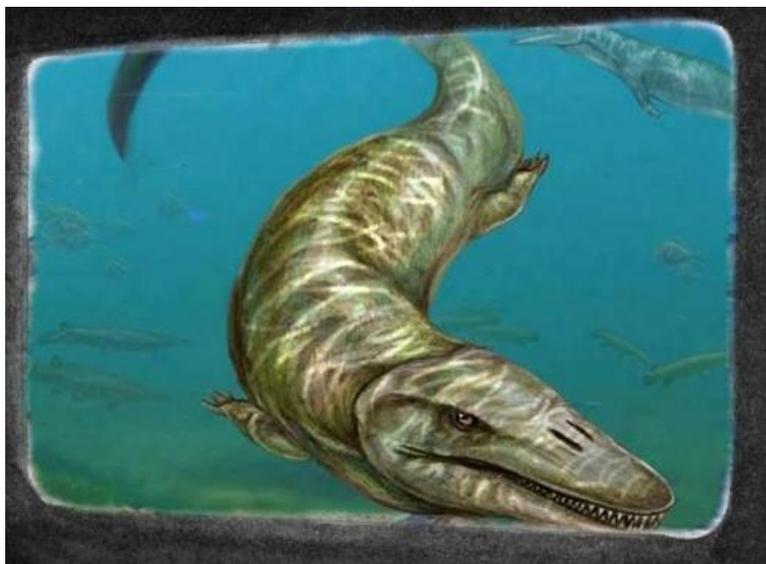

И вот начался головокружительный подъем. Все выше и выше... Мы поднялись на высоту не менее трехсот метров. Необозримая панорама. Крутой наклон изображения создавал впечатление, что мы смотрим в люк. По мановению руки профессора мы полетели со скоростью самолета. Пересеченная местность, темные массивы леса, желто-бурые пятна открытых пространств. Бесчисленные озера с причудливо изрезанными берегами отражали синие клочки неба. Овраги, нагромождения камней, одиноко вздымающиеся выветренные скалы.

Мы приближались к морю. Вот оно раскинулось насколько видит глаз. Белая каемка прибоя, за нею — ржаво-коричневая полоса взмученной воды, переходящая в малахитовую зелень, а затем в темную синеву. Легкая морщинистость морской поверхности говорила о том, что на море немалое волнение. Мы летели над морем. Под нами, широко развернув огромные крылья, как сказочный ковер-самолет, проплыл птеранодон. Ниже его — еще несколько ящеров, как тени, скользили над водой, выслеживая добычу. В волнах на мгновение показывалась спина какого-то морского чудовища и исчезала.

— Приготовьтесь, — сказал профессор, — и мы стремительно полетели вниз. Ощущение падения было настолько сильным, что я на секунду закрыл глаза. Море мчалось на нас темной колышущейся массой. У самой поверхности мы резко затормозили. Отсутствие физической инерции создало неприятное противоречивое чувство. Голова кружилась. Волны своими гребнями почти доставали экран. Ближе... Ближе... Вот одна расплылась по экрану. Зеленая бездна открылась перед глазами. Вода сомкнулась. Она была прозрачна. Взгляд беспрепятственно проникал на десятки метров

в глубину. Мы опускались. В верхние слои воды обильно проникал солнечный свет, разливая вокруг зеленое сияние, но, по мере спуска, он быстро слабел. Зеленоватые тона сменялись голубовато-синими. Я исключительно живо чувствовал плотную массу воды. Надвигались сине-лиловые сумерки. В стороне сквозь легко колеблющуюся толщу угадывались подводные скалы. Вот они приблизились темной стеной. На них густо лепились анемоны.

Их длинные щупальца колыхались, как бороды. Скалы ушли в сторону, а мы опускались все глубже и глубже. В густой призрачной синеве проносились огромные тени. Одна из них стремительно надвинулась на нас. Я увидел длинную голову, большую зубастую пасть... Чудовище круто развернулось. Мелькнул

гладкий широкий бок; черный серп плавника, длинный, наподобие пилы, гребень вдоль спины. Оно так же стремительно исчезло.

— Что за зверь? Неужели ихтиозавр?

— Скорее тилозавр... А вообще, трудно судить! Быстро исчез...

Внезапно я увидел нечто, заставившее меня содрогнуться... В темной призрачной дали тихо двигались белые человеческие фигуры. Они двигались длинной цепочкой. Белые саваны окутывали их, длинные белые полосы колыхались в воде. Легкое голубое свечение исходило от этих призраков.

— Горгоны! — воскликнул я, в суеверном ужасе отшатнувшись от экрана.

— Да, горгоны, — тихо повторил профессор.

Только вблизи иллюзии рассеялись. Это были странные, неизвестные нам морские существа, плавающие в вертикальном положении и по форме отдаленно напоминающие человеческую фигуру. Их тонкие очень длинные щупальца усиливали впечатление. Мы стали жертвами панголии. Не знаю, были ли это медузы, или плавающие формы полипов, сифонофор... Мне они были неизвестны. Воробьеву также. Они тихо погружались, мы — за ними. Глубина надвигалась. Невыразимый, страшный мрак. Он поглощал нас. Он поглощал все вокруг. А бледная голубая цепочка тонула все глубже и глубже, мне казалось, что не будет конца этому спуску. Нет предела этой раздвигающейся чернильной бездне. Я чувствовал огромное давление и мертвящий холод воды. Мне было трудно дышать.

— Довольно! — взмолился я наконец.

— Ну что ж, довольно, так довольно! — откликнулся Воробьев.

Мы стали подниматься.

«Вот так же, — размышлял я, — из бездны, из вечного мрака первобытных морей навверх, к солнцу, стремилась жизнь. В жизни — вечный импульс движения к свету, и ничто не остановит ее в этом движении!»

Эти мысли не оставляли меня и по дороге домой. Я тихо шел по проспекту. Выйдя на набережную, я подошел к парапету. Внизу блеснула вода. При виде ее черной с маслянистым блеском поверхности по спине невольно пробежал холодок. Я вспомнил наше путешествие в бездну моря. Да, такое не забудешь и через много лет! Сколько интересного, нет — потрясающего, таит в себе этот экран! И тут мне с горечью вспомнилось, что послезавтра я должен уехать. Уехать! Остановиться на пороге неведомого мира, только краем глаза заглянув в него! Завтра меня ожидали многочисленные дорожные хлопоты. Но предвкушение последнего вечера у профессора, на который я имел приглашение, радовало меня. Да, не все еще кончено! Еще раз загляну я в чудесное окно и, может быть, увижу самое удивительное...

День выдался беспокойный. Нужно было сходить в институт Геологии отметить командировочное удостоверение. Нужно было сходить на билетную станцию. Совершенно необходимо было пройтись по магазинам, сделать по поручению домашних и друзей кое-какие покупки. Я вспомнил, что не приобрел всего намеченного из научной литературы. Кстати, мне еще нужно было отправить почтой посылку с литературой. Ох, сколько разных дел! Я без конца колесил по огромному городу, помногу раз пересаживался с трамвая на автобус, с автобуса — на троллейбус, с троллейбуса — на метро.

К полудню я уже крепко устал. А сколько еще беготни впереди!

Наспех пообедав в маленькой уютной столовой, я вновь с головой окунулся в шумный уличный поток. В одном из магазинов, когда я безуспешно пытался разобраться в шарфиках (поручение моей дражайшей половины — вещь для меня совершенно непосильная!), меня окликнули по имени. Обернувшись, я увидел товарища с женой — оба мои бывшие однокурсники.

— Виктор! Ты здесь! — говорил он, тряся мою руку. — Давно? Больше месяца? Ну и подлец! Сколько времени живет и ни разу не заглянул к нам! Залез в свою науку по самые уши...

— Понимаешь, Коля...

— Ха-ха-ха! Витя, как всегда, оправдывается, — засмеялась его жена Верочка.

— Не знаю я его, что ли! Ты, дружище, поди, кроме института нигде и не был? Про наши музеи, поди, и слыхом не слыхал?

— Каюсь...

— Ты и в кино-то наверно ни разу не был?

— Каюсь, каюсь...

— Тьфу! Даже слушать противно! И как это Лена с тобой до сих пор живет? Ума не приложу! Вот, погоди, сегодня же напишу ей, чтоб разводилась, пока не поздно.

— А знаешь, Витя, какие у нас сейчас картины хорошие идут! — бойко заговорила Верочка, — вот, например, в панораме... «Голубые просторы»... Неужели не видел? Чудо! Мы три раза ходили...

— Что он видел!...

«Эх, — думал я, — знали бы вы, что я видел! Вы даже представить не можете!»

Мне очень хотелось сделать хотя бы маленький намек, но, разумеется, без ведома профессора я не мог и помышлять об этом.

— Когда едешь-то?

— Завтра, в одиннадцать...

— Ну так вот что, давай-ка сегодня вечером к нам. Адрес не забыл?

— Конечно, нет. Но, понимаешь ли...

— Отговорки? Ну и человеке...

Видя мое непонятное упорство, супруги, наконец, отступились.

— Шут с тобой, — махнул рукой Николай, — известное дело — ученый сухарь! Значит, с одиннадцатичасовым? Ладно. Провожать придем.

Я не без облегчения простился с ними. И вновь бегодня. Время приближалось к пяти, а дела еще оставались. На мое несчастье, я встретил еще одного знакомого. Сослуживец отца, человек почтенный, но, увы, предрасположенный к многословию. Он буквально прилип ко мне, закидывая меня вопросами о том, что его касалось и не касалось. Уговорил меня посидеть на скамейке бульвара. Я с тоской выполнил его просьбу. Машинально отвечая на его многочисленные вопросы, я тревожно поглядывал на часы. Неумолимые стрелки! Как же быть? Ах ты... Я решился.

— Извините меня, я должен поспеть в одно место...

— Что вы! — воскликнул собеседник, — это я прошу прощения! Задержал вас. Да ведь так давно не виделись. Счастливо вам! Привет Григорию Ивановичу. Надеюсь, помнит еще меня.

Он пожал руку, и мы, наконец, расстались.

«Хороший старик», — подумал я с облегчением и как ветер помчался и трамвайной остановке. Через десять минут я был дома. Половина седьмого! Выпив на

ходу стакан холодного чая, я отправился к профессору. Точно в семь я был у него.

— Значит, едете?... — сказал Воробьев, когда я занял свое привычное место.

— Еду...

— Счастливого пути. А жаль... Я бы вам еще многое показал...

— Эх, Виктор Григорьевич, как бы продлить командировку! Ну хоть на неделю!

— Служба!

— Так ведь неделя, всего одна недели!

— Не будем бесполезно сокрушаться... Я вот отрегулировал одну систему... Система смещения изображения во времени... Хочу попробовать. Не возражаете?

— Конечно, нет!

— Тогда начнем.

Пока он настраивал прибор, я осматривался вокруг. Хотелось запомнить каждую мелочь этой маленькой комнаты. На стенах — темно-красные обои с рисунком дубовых листьев, на окне — тяжелая темно-красная бархатная штора, под потолком — маленький розовый абажур, посередине комнаты — два уютных старых кожаных кресла, у стены — аппарат. Вот и все. Нет, не все!

Я рассматривал красивую овальную раму экрана. Она была из черного дерева и украшена резьбой. Раньше в ней, очевидно, было зеркало, а потом уж профессор приспособил ее для экрана. Экран отливал серебристой муаровой поверхностью. Как он устроен? Бесполезно гадать.

«Последний вечер, — думал я с сожалением, — последний... Что откроет он мне?»

Если б знал я, что он будет самым последним, неповторимым!

— Начнем?

— Да, да, пожалуйста!

Свет погас, вспыхнул экран.

— Признаюсь, сам не знаю, что мы сейчас увидим, — сказал Воробьев, — может быть, ничего не увидим!

Действительно, в течение нескольких минут по экрану пробегали лишь темные волнистые линии, да вспыхивали желтые искры. Никакого изображения не было. Я уже по-настоящему начал опасаться, что мы ничего не увидим. Но, к счастью, опасения были напрасны. Все яснее и яснее сквозь беспорядочную игру теней и света стала проступать какая-то перспектива. И вот она неожиданно ясно развернулась перед нами.

— Что это?! — воскликнул я с изумлением.

— Не знаю, — растерянно сказал Воробьев.

Странный пейзаж! Огромная равнина, освещенная багровым закатным светом. Ржаво-красная потрескавшаяся почва. Вдали, у горизонта, черные зубцы скал. Небо местами затянуто тяжелыми тучами. Но что самое удивительное — растительность. Повсюду, прямо из земли, как языки пламени, поднимались ярко—красные двухметровые ножевидные листья. Они придавали местности зловещий вид. Казалось, это картина художника, задавшегося целью поразить воображение зрителя мрачным мотивом. Мы тихо двигались по равнине к скалам. Листья одно за другим наплывали на экран. Я видел, как с них на землю, искрясь, падают капли сока. Края листьев острые, как лезвие ножа. Скалы выросли темными громадами. Вот они надвинулись на нас. Черные базальтовые глыбы, между ними — нагромождение острых камней. Местами проглядывает почва. И все те же листья... Чем дальше

продвигались мы, тем угрюмей становилась картина. Дикий каменный хаос. Все безжизненно. Я недоумевал.

— Виктор Григорьевич, поясните...

— Увы...

— Ведь это не земной вид!

— Наберемся терпения, посмотрим...

— Быть может, это Марс?

— Не знаю... Едва ли!

— Но тогда...

— Не спешите, не спешите с заключениями!

За скалами блеснула гладь большого озера. На его берегах росли невысокие деревья. Но что за деревья! От низких толстых стволов, одетых словно войлоком, как щупальца, расходились в разные стороны длинные перекрученные ветви. Они, извиваясь, ползли по земле и походили на огромных змей. Вместо листьев на них виднелись многочисленные наросты бурого цвета, напоминающие присоски спрута.

— Может быть, это животные, как вы думаете? — не удержался я от вопроса.

— Едва ли. А впрочем... Смотрите!

Я увидел, что ветви тихо, но заметно движутся. Вот одна из них стала изгибаться, закручиваться, за ней — другая, третья...

Неожиданно наше внимание привлекло другое интересное явление. По земле пробиралось огромное насекомое, правильнее сказать, членистоногое, так как в его систематической принадлежности я не был уверен. Величиной оно было с ладонь. Толстое мясистое членистое брюшко грязно-зеленого цвета. Относительно маленькая голова, вооруженная сильными челюстями. На ней — длинные перистые, необычайно нежного строения усики. Шесть сильных, но коротких, членистых ног. Чтобы лучше рассмотреть, профес-

сор приблизил его вплотную к экрану. Дальше произошло нечто совершенно невероятное. Настолько невероятное, что, я не выдержав, схватил профессора за руку.

— Виктор Григорьевич! — почти закричал я, — смотрите, смотрите же, оно ползет по внутренней стороне рамы!

Профессор не отвечал. Он впился глазами в загадочную тварь, которая, неторопливо перебирая лапками, двигалась по овалу. Своими усиками это существо почти касалось экрана. Воробьев протянул к нему руку. И тут... Конечно, никто не поверит моему рассказу, ведь я и сам не верил собственным глазам! И когда зрительно между рукой и этим существом оказалось сантиметров десять, оно внезапно остановилось и приняло оборонительную позу: крепкие челюсти раскрылись, брюшко загнулось кверху. Профессор отодвинул руку, насекомое приняло обычную позу. Он вновь придвинул руку — тот же эффект!

— Тыфу ты... Наваждение какое-то! — не выдержал Воробьев, — совершенно ничего не понимаю!

— Может быть...

— Тсс... Смотрите-ка!

Насекомое как будто пыталось переползти на нашу сторону рамы. Мы напряженно следили за каждым его движением. Вот оно, неуклюже перебирая лапками, повернулось к нам. Вот оно коснулось экрана и в тот же миг расплылось по нему и исчезло. Мы вопросительно глядели друг на друга. Мы абсолютно ничего не понимали!

— Как же это, Виктор Григорьевич...

Профессор словно очнулся ото сна.

— Что мы делаем, — воскликнул он, — оно же уползет!

Он быстро протянул руку к пульту, и мы в тот же момент отодвинулись приблизительно на метр. Насекомое беспомощно барахталось на спине. Оно сильно выгибало брюшко, стараясь перевернуться. Наконец это ему удалось, и оно поползло в сторону. Профессор осторожно уменьшал расстояние. Тридцать, двадцать, десять, пять, один сантиметр... Опять расплылось! Опять ничего нет!

— Что за черт! — в первый раз за все время выругался Воробьев; он был необычайно взволнован.— Может быть, нам показалось... Может быть... Нет, нет, артефакт! Придумал! Протрепашим опыт...

Он выбежал из комнаты и через несколько секунд снова был в ней с маленьким электрическим фонариком в руке. Фонарик давал тонкий направленный луч света. Вновь поймав в поле зрения насекомое, он направил луч на экран, и я увидел, как маленький желтый зайчик побежал по земле. Вот он коснулся насекомого и скользнул по нему. Оно остановилось, двигая усиками, затем попятилось, явно стараясь избежать яркого света.

— Смотрите внимательней: есть ли тень?

Я придвинулся к экрану. Зайчик ловко нагнал насекомое, и я совершенно ясно увидел на земле тень.

— Вот она, Виктор Григорьевич!

— Вижу! Но ничего не понимаю! Постойте... Если электромагнитные и гравитационные явления существуют в чрезвычайно широких рамках времени, то вот вам и иллюстрация к моим словам!

— Выходит, оно ощущает направленный свет!

— Да.

— Оно видит нас?!

— Да, да! Видит!

— Невероятно!

- Согласен, но факты неопровержимы.
- А те чудовища... Неужели и они?...
- Возможно...

Я вспомнил, как на меня из глубины экрана глядел динозавр, и мысль, что он видел меня, заставила содрогнуться. Наше открытие наводило на мысль, что мы можем быть не только наблюдателями, но и невольными участниками удивительных событий. В этом нам вскоре и пришлось убедиться.

Наше путешествие продолжалось. Одна картина сменяла другую. Мрачная местность позади. Высокой темной стеной надвигался лес.

Когда мы приблизились к нему, я был поражен размерами деревьев. Нет, это были не секвойи. Огромные гладкие полированные стволы темно-красного цвета лишь у самой верхушки были украшены пучком стреловидных листьев. Толщина стволов, как я определил на глаз, достигала метров пяти — шести. На пальмы эти деревья тоже не походили. Между ними росла густая трава, достигавшая в высоту двух — трех метров. Это была совершенно непроходимая зеленая стена. Но наш аппарат, как известно, позволял беспрепятственно проникать сквозь каменную толщу, сквозь толщу воды. Один за другим наплывали на экран огромные двухметровые листья. Одни из них напоминали листья банана, другие — папоротника, третьи — лопуха. Под ними — сырой зеленый полумрак. Почва поросла высоким бурым мхом. Из него местами, как шапки, торчали большие ноздреватые грибы. Кое-где блестело зеленоватое зеркало воды. Казалось, мы никогда выберемся из этого зеленого лабиринта.

— Посмотрите, — тихо сказал профессор, — вон там, видите?

Густая трава колебалась: в ней двигалось что-то большое. Мы осторожно нагоняли его. Ближе... Ближе... Вот показалось — длинное извивающееся чешуйчатое тело огромной змеи. Плоская голова, а у самой головы — маленькие слабо развитые ноги! Пресмыкающееся, извиваясь, ползло по земле. Профессор достал фонарик и направил на эту гадину яркий тонкий луч. Чудовище остановилось. Медленно—медленно поворачивало оно голову в нашу сторону. Вот оно уставилось на нас тупым невидящим взглядом. Тонкий лучик скользнул по его голове и яркой искрой вспыхнул в его глазах, глубоко посаженных под квадратными щитками. Чудовище резко отдернуло голову. Из рта высунулся длинный раздвоенный язык. И вдруг оно стремительно бросилось в нашу сторону. Это было так неожиданно, что я вскрикнул и откинувшись на спинку кресла, выбросил вперед руки. Но страшный враг исчез. На экране была лишь трава.

— Уф, — вырвалось у меня с облегчением, — что если бы оно проскочило сюда!

— Да, не очень приятно, — сказал Воробьев, — но, к счастью, между нами стоит непреодолимая преграда времени. Миллионы и миллионы лет!

— Как это интересно! — продолжал он, спустя минуту, — подумайте только, мы можем вести активное наблюдение! Мы можем ставить смелый эксперимент, не подвергаясь опасности!

— Но, Виктор Григорьевич, кто знает, какие неожиданности готовит ваш аппарат. Я что-то не очень уверен, что все это совершенно безопасно! Я бы гораздо спокойнее чувствовал себя, если б между нами и экраном была толстая решетка.

— Нет, нет! Уверю, опасности тут никакой! Помните, я говорил, что такая материальная система, как

животный организм, может существовать лишь в очень узких рамках времени. А вот свет — другое дело! Мы видим свет, отраженный миллионы лет назад. Стало быть и обитатели того времени видят свет отраженный нами!

— Непонятно! В нашем распоряжении прибор. А у них?...

— Совершенно верно, — улыбнулся профессор, — они до этого еще не додумались. Но дело, видимо, не в приборе... Он — принадлежность нашего времени. Дело не в конкретно-материальной части прибора, а в той сложной системе явлений, которую он порождает. Вот она-то, очевидно, и имеет место на границе разных, весьма далеких времен.

— Как это трудно постижимо!

— Согласен. И, знаете, особенно потому, что это ломает наши привычные представления о природе вещей и явлений, выходит за рамки нашего способа мыслить.

Воробьев взглянул на часы.

— Э, дорогой мой, скоро десять, а мы еще не испробовали систему смещения изображения во времени!

Он выключил экран и минут пять перестраивал что-то на пульте. Прибор тихо жужжал. Вновь зажегся экран, и на нем возникли очертания тех же листьев и стволов; но теперь они гляделись нечетко, условно. Они поминутно менялись, смещались в сторону, становились прозрачными, сквозь них вырисовывалось что-то совсем другое, незнакомое. Это была холмистая местность, покрытая изумрудной зеленью. Она была туманной, как мираж. Сквозь нее, в свою очередь, проступали едва различимые силуэты гор. И все это колебалось, струилось, менялось. Мы двигались сквозь этот мир видений, и я чувствовал, что теряю ощущение реального. Временами картины становились яснее, но и они сохранялись на экране недолго, уступая место другим призрачным картинам; вот смутно обрисовалась горная долина. Профессор протянул руку к пульту. Другие изображения стали отслаиваться, растворяться. Долина проступала все более и более четко. Она была окружена высокими горами. Вершины сверкали вечными снегами на голубом фоне неба. Склоны долин покрыты темно-зеленой растительностью. По верхнему краю они были освещены солнцем, внизу же легла темно-фиолетовая тень. И из самой глубины к свету, к солнцу поднимались диковинные цветы гигантских размеров. Они напоминали лилии. Их белые, словно восковые, венчики красовались на длинных зеленых стрелах. Я на глаз определил, что длина такой стрелы равнялась двадцати пяти — тридцати метрам! Диаметр цветка достигал, очевидно, метров пяти — шести. Удивительное зрелище! Казалось, мы попали в страну великанов. Цветы-гиганты виднелись по всей

долине. Земля густо поросла высокой травой. Мы двигались вниз по склону. Я увидел, что от цветка к цветку перелетает крылатое существо, напоминающее огромную, соответствующую размерам цветов, бабочку. Но это не бабочка и не птица, не рукокрылое и не летающий ящер! Неизвестно что! Оно легко скользило по воздуху, лишь изредка взмахивая широкими, отороченными пушистой белой бахромой, серыми крыльями.

Подлетев к цветку, оно садилось на него и складывало крылья вдоль спины. В таком положении и в полете профессор сумел его сфотографировать. Но только издали. Как ни стремились мы приблизиться к нему, это нам не удавалось. Профессор нервничал. Мы гонялись за загадочным летуном от цветка к цветку, но каждый раз, когда оставалось метров десять, он стремительно взмывал вверх и исчезал из поля зрения.

— Не могу больше, — совсем измучил! — сказал наконец Воробьев, — это, наверное, сам сатана!

Мы решили прекратить бесплодную погоню и двигаться дальше. Углубились в горы. Вокруг возвышались каменные громады. Дикое безотрадное зрелище! Ничего живого! Все мертво! Камень. Камень, а выше — снег! Профессор вновь включил свою систему времени. Прибор загудел, каменные стены стали прозрачными, и сквозь них блеснула водная гладь. Но и за ней угадывалось что-то. Мы вновь вступили в страну призраков.

И вот наше внимание привлек один предмет. Это был гладкий полированный металлический конус. Он четко рисовался на фоне непрерывно сменяющихся туманных картин, ярко отражая солнечный свет.

— Это еще что такое?! — воскликнул профессор. Он быстро включил систему смещения во времени. На

экране возник красивый лесной пейзаж. Конус исчез бесследно!

— Фу ты! Одно другого лучше! — Воробьев вопросительно посмотрел на меня. — Вы понимаете что-нибудь?

— Увы, ничего!

— Вот и я тоже! Здесь, видите ли, какая-то очень интересная загадка! Вот мы сейчас...

Вновь гудит аппарат, вновь сменяются призрачные картины, и вновь с удивительной четкостью возникает на экране блестящий металлический конус.

— Виктор Григорьевич, возможно, на экран проектируется какая-нибудь деталь самого аппарата?

— Уверен, что нет.

— Но тогда что же это?

— Не знаю...

От частого переключения прибор разрегулировался, и Воробьеву пришлось его выключить. Экран померк. Профессор включил свет и закурил. Синие колечки дыма поднимались к потолку. Мы сидели молча.

— Виктор Григорьевич, — заговорил наконец я, — все, что я видел — поразительно! И вот поэтому меня удивляет, что о вашем изобретении нигде не написано. Люди не знают... А ведь оно имеет колоссальное значение... Так ведь?

Воробьев грустно улыбнулся и пожал плечами.

— Может быть, и имеет... — сказал он. — А насчет того, что не написано, ошибаетесь.

Он прошел в кабинет и вернулся оттуда с газетой в руках.

— Вот прочтите-ка, — он указал на статью с броским заголовком: «Чудо профессора Воробьева». В ней общалось:

«Мы обратились к видному специалисту в области радиоэлектроники профессору Демину с просьбой поделиться своими мыслями по поводу изобретения профессора В. Г. Воробьева. Уже давно в неосведомленных кругах ходят слухи, что профессор Воробьев сконструировал аппарат, позволяющий якобы заглянуть в далекое прошлое нашей планеты. Вот что ответил нам профессор Н. П. Демин:

«Профессора Воробьева я знаю много лет. Человек, несомненно, талантливый, эрудированный в области философских и естественных наук. На лекциях и учебных собраниях он являл аудитории ум, живой и увлекающийся. Последнее и сослужило ему плохую службу. Мы были свидетелями его метафизических высказываний по поводу общеизвестных философских категорий. Так, Воробьев стремился по-новому истолковать физическое и философское понятие времени. В результате голых умозаключений он пришел к абсурдному выводу, отрицающему время, как объективную реальность. Он пытался доказать возможность одновременного существования разновременных систем. Даже неискушенному человеку ясно, что такая формулировка не выдерживает никакой критики. Она и звучит-то нелепо! Произвольно дробя время на отрезки, Воробьев прямым путем шел к махистскому выводу об исчезновении времени.

Мы не раз указывали Воробьеву на его заблуждения, но он упорствовал в них. Он даже хотел запланировать соответствующую научную тему, но ученый совет, разумеется, ее не утвердил. После ухода Воробьева на пенсию, я мало слышал о нем. Он переехал в Ленинград и почти прекратил связь с нашим университетом. Лишь совсем недавно до меня дошли слухи, что он сконструировал необычайный аппарат, который и

продемонстрировал ряду лиц. Слухи повторялись все чаще и чаще. Сейчас я имею довольно ясное представление о «чуде» профессора Воробьева, хотя и не видел этого «чуда».

Аппарат якобы дает доказательства теоретическим положениям профессора Воробьева. Что же он собой представляет? Неискушенные зрители видят на экране события давно минувших геологических эпох. Не вставая со стула, они воочию знакомятся с каменноугольным и юрским периодами. Они с удивительной легкостью переносятся на полтораста, двести, пятьсот миллионов лет назад! Зрители потрясены. Действительно, кто видел такое?

Я не собираюсь давать эмоционально насыщенного описания этого «чуда», а выскажу лишь свое мнение. Можно простить профессору Воробьеву его заблуждения и сомнения. Не сомневается тот, кто не мыслит. Можно простить ему желание убедить других в своей правоте. Но нельзя простить, что в своих «доказательствах» он стал на путь фальсификации фактов.

Неужели действительно при помощи этого аппарата можно увидеть далекую жизнь сквозь многовековую толщу времени? Конечно, нет! Аппарат, очевидно, представляет остроумное сочетание телевизора и кинопроектора. Нет сомнения, что Воробьев успешно использовал мультипликацию. Ему нельзя отказать в изобретательности и работоспособности. Прибор его интересен с технической стороны, так как дает очень эффектное цветное и объемное изображение...»

— Но ведь это же возмутительно! — воскликнул я, отбросив газету.

— Почему? — улыбнулся Воробьев. — Какие у вас основания верить мне, а не ему? Ведь вам я тоже не

дал никаких доказательств, не объяснил принципа устройства прибора...

— А то, что я видел, — горячо запротестовал я, — а то, что сегодня видел? Ведь это же... Нет, нет! Я верю вам!

— Спасибо, — сказал Воробьев и, взглянув на часы, забеспокоился. — Вам же ехать завтра!

Был первый час ночи. Я встал с кресла и подошел к этому чудесному старику.

— Виктор Григорьевич! Я обязан вам незабываемыми впечатлениями.

— Ох, пожалуйста, без патетики! Вот приезжайте на будущий год.

— Обязательно! А, быть может, мы и сами сможем пропутешествовать в прошлое?

— Нет, нет! Не найдем мы дороги в прошлое никогда!

Мне послышалась грусть в его голосе. Он заметил мое легкое удивление и продолжал:

— Не удивляйтесь моим словам... Вы, молодежь, в своем юношеском эгоизме всегда стремитесь вперед, в будущее. И стремитесь, стремитесь! Это — прекрасно!

— Ну мне-то уж тридцать шесть! — перебил его я. — Какая уж там молодежь...

— Э, мне бы столько! — сказал Воробьев. — Так вот, поверьте нам, немолодым... Разве не простительно мне любить прошлое хотя бы потому, что с ним связана моя молодость? Хотя бы потому, что в нем начало сегодняшних свершений? И все же думаю, что если бы смог перенестись в прошлое своей жизни, то, может быть, сумел бы прийти в настоящее лучшей, более плодотворной дорогой.

— И это говорите вы!

— Да, я. Но довольно об этом... Так вот, дорогой тезка, пишите. Адрес известен. Приедете — не обойдите.

Я старался запечатлеть все, до самой мелочи. Воробьев стоял передо мной, маленький и сухой, и близоруко щурился из-под пенсне. Я сердечно простился с профессором и Марьей Семеновной и вышел на лестничную площадку. Дверь в удивительный мир закрылась за мной. И навсегда...

Перед отъездом, конечно, следовало бы отдохнуть, но этою не получилось. Вернувшись к себе в гостиницу, я быстро прошел в свой номер, разделся и лег в постель. Но спать не хотелось. Вновь нахлынули на меня впечатления сегодняшнего вечера... Но к этим впечатлениям примешивалось что-то неприятное... Ах, да! Эта статья Демина... Первоначально она вызвала во мне искреннее возмущение. Но сейчас, в тишине и темноте, она, как ядовитая капля, медленно растворялась в душе. А может быть, я — один из тех легковверных, о которых писал Демин? А может быть, я наивно глядел на ловко устроенный фокус? Ведь Воробьев не раскрыл мне своей тайны... — Нет! Как только подумалось такое! Я всегда с удовольствием бывал в цирке, смотрел на выступления иллюзионистов. Мне нравилось их остроумие, нравилась их ловкость. Но я не мог избавиться от насмешливо-снисходительного отношения к их мастерству. «Как все просто и узко, — думал я, — по сравнению с теми загадками, которые ставит перед человеком научное познание! Какими сложными путями идет наука! Какие необычайные тайны открывает она человеку!»

Так неужели то, что я видел, чем восхищался, не имеет никакого отношения к науке? Я живо представил себя в маленькой темной комнате перед волшеб-

ным экраном. Я вновь ощутил священный трепет перед лицом неведомого. И вновь слышится рядом взволнованный голос профессора: «Посмотрите, посмотрите... Вот он! Приближается... Ушел! Ах досада!»

Он брал меня за руку, он наклонялся к экрану, он быстро настраивал что-то на своем пульте. Так неужели все это было ловко разыгранной сценой? Где же ответ?

Я представил себе профессора Демина. Вот он, высокий, плечистый. Голос звучит громко, уверенно. Чем возразить ему?

И внезапно мне вспомнилось сказанное профессором Воробьевым в одну из наших первых встреч: — «Каждому поколению ученых присущ определенный способ мыслить. И, к сожалению, все выходящее за рамки этого способа мыслить, часто воспринимается отрицательно».

А может быть, это и правда так? — думал я. — Найду ли ответ? Пойму ли все? Не знаю...

С утра начал сборы в дорогу. Не буду утомлять читателя скучными описаниями предотъездной суеты. Вздыхнул с облегчением, когда занял свое место в купе. Поезд тронулся. Из окна вагона я видел высокую нескладную фигуру Николая, который стоял под руку с Верочкой, размахивая шляпой. Они скрылись в вокзальной суете. Замелькали столбы, застучали колеса. Поезд миновал границу станции.

Прошел год. Все мое время было отдано диссертации. Близился срок защиты. О поездке в Ленинград нечего было и думать! Тот, кто побывал в моем положении, конечно, поймет меня. Целыми сутками, до боли в глазах, я правил машинописный текст, проверял таблицы, схемы, графики, подчищал рисунки, подклеивал фотографии. И, казалось, чем больше я трудился,

тем больше оставалось несделанного. Несмотря на это, я улучил время и написал профессору Воробьеву письмо, в котором известил его о полной невозможности приехать. Вскоре получил ответ.

«Очень сожалею, — писал он, — что не встретимся в этом году. Что поделаешь! Желаю вам успешно защитить. Пришлите автореферат. Я сижу все время дома. Прогулки пришлось отменить: слабоват стал. Но дела не оставляю! Кое-что пронаблюдал. Много раздумывал. Сделал некоторые выводы... Не пугайтесь! Длинной философии не будет. Помните ли вы последние наши наблюдения? Странные виды, еще более странные животные... Помните самое удивительное — наш контакт с обитателями этого загадочного мира? Быть может, мы наблюдали не прошлое, а настоящее. Быть может, мы видели жизнь другой планеты? Тогда все просто и понятно! Но ученый не должен гнаться за легкими объяснениями. Я, как вы помните, применил систему смещения изображения во времени, исключаящую единственность наблюдаемых событий. Мне стало очевидно, что нужно искать другое объяснение.

Трудно передать вам, как волновала меня эта загадка, сколько дней и ночей провел я над бесплодными, казалось, размышлениями. Я уже почти потерял надежду разгадать тайну. И вдруг возник вопрос: мы наблюдали прошлое, но какое? Я вспомнил поэтическое слово «Лета», символ вечного течения и вечного изменения. Река... Вдумайтесь, сколько мудрого в этом сравнении! Бесконечно далекий исток и бесконечно далекое устье. Мы плывем по этой реке, мы изменяемся, изменяется все вокруг. А если б человек поплыл против течения к истоку? Что нашел бы он там? Впрочем, бесполезно пытаться в письме высказать эти мысли.

Надеюсь, что в будущем году, а возможно и в этом, поговорим с вами на эту тему, поспорим... Вот и все... Хотя, нет еще! Не могу скрыть: задумал один опыт. Какой — пока не скажу. Жду его с некоторым страхом. Мне думается, он не безопасен. Всего вам доброго!

Ваш В. Г. Воробьев».

Профессор вложил в конверт цветную фотографию: белая линия; на ней, сложив крылья, сидит насекомое, напоминающее ручейника; фон — далекие снежные горы. Кажется, ничего особенного! Да, ничего особенного для всех, кроме меня.

Я немедленно послал профессору ответное письмо, а через три месяца — автореферат. Однако ответа не получил. После защиты диссертации, которая прошла довольно успешно, я вновь написал профессору. И опять молчание! Обеспокоенный этим молчанием, я написал Николаю. Просил зайти к Воробьеву и узнать о его здоровье. Николай не заставил долго ждать. И вот сейчас передо мною лежит его письмо и газета «Вечерний Ленинград», в которой напечатано о смерти профессора Воробьева, случившейся при загадочных обстоятельствах. Я еще раз перечитал статью, стараясь увидеть за ее строками подлинный смысл происшедшего. Вот они эти строки:

«Это случилось 10 августа, в 8 часов утра. Гражданка М. С. Котова, домработница профессора В. Г. Воробьева, обнаружила труп профессора в небольшой комнате рядом с его кабинетом. Испугавшись, Котова вызвала одновременно и скорую помощь, и милицию. Скорой помощи, естественно, не потребовалось, зато нашлось дело для следователя и врача-эксперта.

Профессор, уже окоченевший (умер он, очевидно, часа в два-три ночи), сидел в кресле перед экраном

прибора, похожего на телевизор. Голова его была естественно откинута на спинку кресла. На побелевшем лице застыла гримаса ужаса. Остекленевший взгляд был обращен на экран. На лбу и шее Воробьева было несколько маленьких темных пятен.

После тщательного осмотра врач-эксперт пришел к заключению о насильственной смерти, но на месте происшествия установить причину ее не смог.

Осмотр помещения не дал ничего определенного. Правда, на письменном столе найден листок бумаги, на котором бегло, почерком Воробьева было написано:

*«Кажется, нащупываю контакт. Они меня видят...
Эх, будь, что будет! Попробую еще раз...»*

Текст этой записи совершенно непонятен. Ведется следствие. Решено создать специальную комиссию по изучению прибора».

Вот и все, о чем сообщалось в этой статье.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ЯНКА МАВР

ФАНТОМОБИЛЬ ПРОФЕССОРА ЦИЛЯКОВСКОГО

Фантастическая повесть

5

ВАЛЕНТИН МАКРУШИН

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ НА МАРСЕ

Фантастическая повесть

145

Е. М. ЮГАНОВ, В. И. ЯЗДОВСКИЙ

ЧЕЛОВЕК НАД СТРАТОСФЕРОЙ

Фантастический очерк

191

В. В. ЛАРИН

ЧЕЛОВЕК ПОЛЕТИТ К ЗВЕЗДАМ

Фантастический очерк

207

О. БОГАЕВСКИЙ

ПОКРЫВАЛО ВЕНЕРЫ

Фантастический рассказ-памфлет

219

Г. ТРАВИН

ПОДЖОГИ В НЬЮ-БЕКЕРВИЛЕ

Фантастический рассказ

269

ВИЛЬ АНДРЕЕВ

ПОСЛЕДНИЙ РАССВЕТ

Космический рассказ

293

МИХАИЛ РОГОВОЙ

В ПОЛНОЧЬ НА ВИЛЛЕ «ЛИНДА»

Научно-фантастический рассказ

301

АШОТ ШАЙБОН

НОЧНАЯ РАДУГА

Отрывок из научно-фантастического романа

331

В. ПЕРЦЕВ (А. КОЛПАКОВ)

СПОНТАННАЯ ТЕЛЕПАТИЯ

Фантастический рассказ

345

В. КАЛАЧЕВ

ШИРОТА СЕВЕРНАЯ 28°

Фантастический рассказ

371

АЛЕКСАНДР ВОЛКОВ

КАК МИША РОГАТКИН СПАС АЛФЕЮ

Фантастический рассказ

399

К. МАЗОВСКИЙ

ЭКСПЕДИЦИЯ ВОЗВРАЩАЕТСЯ С МАРСА

Фантастический рассказ

413

Л. ПОПИЛОВ

2500 год. ВСЕМИРНАЯ ВЫСТАВКА

Фантастический очерк

443

ПАЮ КИЙ

ГОЛУБОЙ ЛУЧ

Фантастический очерк

473

В. А. БРОНШТЭН, И. Д. НОВИКОВ

ПОЛЕТ К ЗВЕЗДАМ

Фантастический очерк

491

В. В. ЗВОНКОВ

ТРАНСПОРТ БУДУЩЕГО

Фантастический очерк

513

Нил ГРИШИН

ДВОЙНИК СОЛНЦА

Фантастический очерк

521

Павел МАЛИНИН

КАТАСТРОФА «АВТОЛИДЕРА СЭЛЛИНДЖЕРА»

Фантастический рассказ

535

ЛЕВ МОГИЛЕВ

ОКНО В ПРОШЛОЕ

Научно-фантастическая повесть

543

